P.O. germ. ~~1285~~ h
1274

Schiller

ШИЛЛЕРЪ

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

—

IX

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1861

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 26 ноября 1860 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Переводъ *Исторіи тридцатилѣтней войны*, составляющій содержаніе девятаго, нынѣ вышедшаго тома «Сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей», сдѣланъ мною, и потому о достоинствѣ его предоставляю судить критикѣ и публикѣ; но считаю нелишнимъ замѣтить, что переводъ этотъ дѣйствительно *полный*, то-есть, въ немъ не опущено ни *одной* строки и не измѣнено ни *одного* слова.

Русская читающая публика уже давно знакома съ названнымъ мною историческимъ сочиненіемъ Шиллера по старинному переводу, изданному въ 1815 году. Переводъ этотъ, несмотря на устарѣлость, нѣкоторую шероховатость слога и значительные пропуски, замѣчателенъ по своей вѣрно-

сти, и въ этомъ отношеніи составляетъ совершенную противоположность съ большею частью шиллеровскихъ переводовъ того времени, отличавшихся крайнею игривостью. Карамзинъ и Жуковскій не составляли въ этомъ отношеніи исключенія (*). Кстати помѣщаю здѣсь полный титулъ этого перевода:

1. Исторія тридцатилѣтней войны. *Сочиненіе Фридриха Шиллера. Переводъ съ нѣмецкаго.* Четыре части. *Санктпетербургъ. 1815.*

Кромѣ этого полнаго перевода, есть еще два отрывка, принадлежащіе баронессѣ Икскуль. Вотъ они:

2. Покореніе Магдебурга. *Отрывокъ изъ «Тридцатилѣтней войны въ Германіи». Сочиненіе Шиллера. Переводъ баронессы Юліи фонъ-Икскуль. Санктпетербургъ. 1859.* (Переводъ этотъ соотвѣтствуетъ 198 — 205 страницамъ моего изданія).

3. Характеристическіе очерки Валленштейна. *Шиллера. Переводъ съ нѣмецкаго баронессы Юліи фонъ-Икскуль.*

(*) См. *Игра судьбы. Отрывокъ истинной исторіи. Изъ Шиллера.* Переводъ Н. Карамзина. («Переводы Карамзина», т. VI, стр. 75). *Ожесточенный.* Переводъ В. Жуковскаго. («Вѣстникъ Европы», 1808, ч. 38, №№ 6 и 7, стр. 119 и 173).

Санктпетербургъ. 1860. (Переводъ этотъ соотвѣтствуетъ страницамъ 165—167 моего изданія).

Девятый нынѣ вышедшій томъ открываетъ собою рядъ историческихъ сочиненій Шиллера. Въ слѣдующемъ, десятомъ, томѣ будетъ напечатана: ***Исторія освобожденія Нидерландовъ изъ-подъ испанскаго владычества***. Въ одиннадцатый и двѣнадцатый томы войдутъ остальныя историческія сочиненія Шиллера, а также его философскія и критическія статьи. Многія изъ нихъ уже переведены; остальныя переводятся.

Н. Гербель.

20-го ноября 1860 года.
С.-Петербургъ.

Санктпетербургъ. 1869. (Переводъ этотъ соотвѣтствуетъ страницамъ 155—167 моего изданія).

Девятый нынѣ выходящій томъ открываетъ собою рядъ историческихъ сочиненій Шиллера. Въ слѣдующемъ, десятомъ, томѣ будетъ напечатана *Исторія освобожденія Нидерландовъ изъ-подъ испанскаго владычества.* Въ одиннадцатый и двѣнадцатый томы войдутъ остальныя историческія сочиненія Шиллера, а также его философскія и критическія статьи. Многія изъ нихъ уже переведены; остальныя переводятся.

Н. Гербель.

20-го ноября 1869 года.
С.-Петербургъ.

ИСТОРІЯ

ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ

Переводъ Николая Гербеля

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

КНИГА ПЕРВАЯ.

Съ начала религіозной войны въ Германіи до самаго минстерскаго мира, въ политическомъ мірѣ Европы едва ли произошло что-нибудь важное и достойное примѣчанія безъ главнѣйшаго въ томъ участія реформаціи. Всѣ главныя событія этого времени въ тѣсной связи съ обновленіемъ вѣры, если не прямо проистекаютъ изъ него, и каждое большое и малое государство, болѣе или менѣе, посредственно или непосредственно, испытало на себѣ вліяніе реформаціи.

Испанскій домъ употребилъ почти всѣ свои страшныя политическія силы на преслѣдованіе новыхъ мнѣній и ихъ послѣдователей. Вслѣдствіе реформаціи вспыхнула междоусобная война, которая поколебала въ продолженіе четырехъ бурныхъ правленій самыя основанія *Франціи*, привлекла въ сердце этого государства чужеземное оружіе и превратила его на цѣлое полустолѣтіе въ печальное зрѣлище неустройства. Вслѣдствіе реформаціи

иго испанское сдѣлалось невыносимымъ для *нидерландцевъ*, пробудило въ этомъ народѣ желаніе и мужество свергнуть его и большею частью придало ему силы на это. *Филиппъ Второй* рѣшился отмстить королевѣ *Елизаветѣ Англійской* за то, что она приняла подъ свое покровительство его протестантскихъ подданныхъ и стала во главѣ религіозной партіи, которую онъ старался истребить. Слѣдствіемъ распаденія церкви въ *Германіи* былъ продолжительный политическій разрывъ, который хотя и подвергъ страну эту неустройству, продолжавшемуся болѣе ста лѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ твердый оплотъ политическому угнетенію. Реформація была главною причиною, включившею сѣверныя державы, *Данію* и *Швецію*, въ государственную систему Европы, потому-что присоединеніе ихъ подкрѣпляло протестантскій союзъ, и потому-что союзъ этотъ самимъ имъ былъ необходимъ. Государства, прежде едва существовавшія другъ для друга, вслѣдствіе реформаціи начали входить въ важныя и тѣсныя сношенія и соединились новою политическою дружбою. Какъ граждане къ гражданамъ и государи къ государямъ стали, вслѣдствіе реформаціи, въ другія отношенія, такъ и цѣлыя государства, вслѣдствіе ея, приняли обоюдно новыя положенія. И такъ страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ *раздѣленіе церкви* привело къ тѣсному *соединенію* государствъ. Правда, первое дѣйствіе, возвѣстившее эту всеобщую политическую связь, было ужасно и гибельно: тридцатилѣтняя разорительная война опустошала государства, начиная съ среды Чехіи (Богеміи) до устьевъ Шельды, съ береговъ По до Балтійскаго моря, истребляла жатвы, обращала въ пепелъ города и села; въ этой войнѣ пали многіе

тысячи воиновъ; она погасила на цѣлое полустолѣтіе вспыхнувшую искру просвѣщенія въ Германіи и обратила едва возникавшую лучшую нравственность въ прежнюю варварскую дикость. Но Европа вышла неугнетенною и свободною изъ этой страшной войны, въ которой она впервые узнала, что составляетъ одну неразрывную государственную общину; этого взаимнаго участія государствъ, образовавшагося собственно только въ эту войну, довольно было бы для примиренія космополитовъ съ ужасами войны. Рука трудолюбія незамѣтно изгладила всѣ пагубные слѣды этой войны; но остались сопровождавшія ее благодѣтельныя послѣдствія. Именно: это всеобщее взаимное участіе государствъ, сообщившее первое движеніе въ Чехіи половинѣ Европы, охраняетъ теперь миръ, положившій конецъ этой войнѣ. Какъ пламя опустошенія проложило себѣ дорогу изъ среды Чехіи, Моравіи и Австріи, чтобы *воспламенить* Германію, Францію и половину Европы, такъ и свѣтильникъ просвѣщенія откроетъ себѣ дорогу изъ этихъ государствъ, чтобы *освѣтить* эти страны.

Все это произвела вѣра. Вслѣдствіе ея одной сдѣлалось возможнымъ случившееся, но далеко не *для* нея одной все это было предпринято. Если бы частная и государственная польза вскорѣ не соединилась съ нею, никогда не встрѣтилъ бы голосъ богослововъ и народовъ такихъ готовыхъ государей и новое ученіе никогда не нашло бы такихъ многочисленныхъ, такихъ храбрыхъ и твердыхъ поборниковъ. Безъ сомнѣнія, перемѣною церкви большею частью обязаны побѣждающей силѣ истины, или тому, что̀ смѣшивали съ истиной. Злоупотребленія древней церкви, нелѣпость нѣкоторыхъ ея догматовъ, неумѣренность ея требованій, непремѣнно должны

были взволновать умы, уже приготовленные къ свѣту истины, и побудить ихъ принять очищенную религію. Привлекательность независимости, богатое достояніе монастырей, должны были возбудить въ государяхъ желаніе перемѣнить вѣру и увеличить силу внутренняго убѣжденія; но *понудить* ихъ къ тому могли только причины государственныя. Если бы *Карлъ Пятый*, убѣжденный въ своемъ счастіи, не вздумалъ посягать на законную свободу нѣмецкихъ сословій, едва ли бы вооружился протестантскій союзъ за свободу вѣроисповѣданія. Безъ властолюбія Гизовъ кальвинисты во Франціи никогда не видѣли бы во главѣ своей *Конде* или *Колиньи;* безъ налога десятаго или двадцатаго фенига папскій престолъ никогда не лишился бы Соединенныхъ Нидерландовъ. Правители боролись ради своихъ выгодъ и распространенія владѣній; религіозный энтузіазмъ доставлялъ имъ войска и открывалъ имъ народныя богатства. Большая часть сражающихся, которыхъ привлекло подъ знамена ихъ не корыстолюбіе, думала, что проливаетъ кровь за истину, тогда какъ проливала ее для выгодъ своего государя.

Еще хорошо для народовъ, что на этотъ разъ польза государей шла рука объ руку съ ихъ собственною! Единственно этому стеченію обстоятельствъ обязаны они своимъ освобожденіемъ отъ папства. Счастье для государей, что подданный, сражаясь за ихъ дѣло, въ то же время боролся и за свое собственное! Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ Европѣ не было государей съ такою неограниченною властью, чтобы не соображаться съ доброй волей своихъ подданныхъ, приводя въ исполненіе свои политическіе планы. Но какъ трудно преклонить добрую волю народовъ на сторону

политическихъ своихъ плановъ и заставить ее дѣйствовать! Самыя сильныя государственныя причины не трогаютъ подданнаго, и онъ рѣдко замѣчаетъ ихъ, а еще рѣже интересуется ими. Въ такомъ случаѣ государю-политику остается только присоединить пользу кабинета къ какой-нибудь пользѣ болѣе близкой народу, если она существуетъ; а если нѣтъ, то изобрѣсти ее.

Въ такомъ положеніи находились большею частью государи, дѣйствовавшіе въ пользу реформаціи. По странному стеченію событій раздѣленіе церкви случилось вмѣстѣ съ двумя политическими обстоятельствами, безъ которыхъ развязка его, вѣроятно, была бы совершенно иною. Эти обстоятельства были: внезапно-возникшее могущество австрійскаго дома, угрожавшее европейской свободѣ, и дѣятельная ревность этого дома къ старой вѣрѣ. Первое пробудило государей, второе вооружило ихъ народы.

Уничтоженіе чужой власти въ своихъ государствахъ, верховное управленіе духовными дѣлами, прекращеніе вывоза денегъ въ Римъ, богатое достояніе монастырей — были выгодами равно заманчивыми для каждаго государя. Рождается вопросъ: отчего онѣ неодинаково дѣйствовали на принцевъ австрійскаго дома? что̀ препятствовало этому дому, въ особенности же его нѣмецкой линіи, исполнить убѣдительныя требованія своихъ подданныхъ и, по примѣру другихъ, поправиться на счетъ беззащитнаго духовенства? Трудно повѣрить, чтобы увѣренность въ непогрѣшительности римской церкви дѣйствовала болѣе на благочестивую твердость этого дома, чѣмъ увѣренность въ противномъ — на отпаденіе протестантскихъ принцевъ. Австрійскіе принцы по многимъ причинамъ сдѣлались защитниками папизма.

Испанія и Италія, откуда австрійскій домъ извлекъ бóльшую часть силъ своихъ, были сильно преданы папскому престолу; испанцы въ особенности еще во время ига готскаго отличались своею преданностью къ папамъ. Малѣйшая наклонность къ ненавистному ученію *Лютера* и *Кальвина* могла навсегда лишить испанскаго государя любви его подданныхъ; отпаденіе же отъ папскаго престола стоило бы ему королевства. Испанскому королю слѣдовало быть правовѣрнымъ принцемъ или сойти съ престола. Онъ точно также былъ связанъ своими итальянскими владѣніями, съ которыми долженъ былъ быть еще осторожнѣе, чѣмъ со своими испанцами, потому-что они нетерпѣливо несли иностранное иго и легко могли его свергнуть. Къ тому же, съ этой стороны Франція была его соперникомъ, а папа сосѣдомъ; этихъ причинъ было довольно, чтобы не допустить императора присоединиться къ партіи, уничтожавшей власть папы, и услужить послѣднему самою дѣятельною ревностью къ старой вѣрѣ.

Эти общія причины, которымъ слѣдовало быть равносильными для всякаго испанскаго короля, еще болѣе поддерживались каждымъ изъ нихъ по особеннымъ причинамъ. Въ Италіи у *Карла Пятаго* былъ опасный соперникъ въ лицѣ короля французскаго, которому страна эта покорилась бы въ ту же самую минуту, какъ *Карла* стали бы подозрѣвать въ ереси. Недовѣріе католиковъ и споръ съ церковью помѣшали бы *Карлу* исполнить именно тѣ предпріятія, которыя онъ преслѣдовалъ съ большимъ жаромъ. Когда *Карлу Пятому* пришлось выбирать между обѣими религіозными партіями, онъ еще не могъ почувствовать уваженія къ новой вѣрѣ, и къ тому же, тогда, по всему вѣ-

роятію, можно было ожидать примиренія церквей. Въ сынѣ его и наслѣдникѣ *Филиппѣ Второмъ* соединялось монашеское воспитаніе съ деспотическимъ, мрачнымъ характеромъ, и непримиримая ненависть ко всѣмъ нововведеніямъ въ дѣлахъ вѣры не могла уменьшиться тѣмъ болѣе, что главнѣйшіе враги этого принца въ то же время были врагами его вѣры. Такъ какъ его европейскія владѣнія, разсѣянныя по многимъ другимъ государствамъ, всюду были открыты вліянію чужихъ мнѣній, то онъ и не могъ равнодушно смотрѣть на успѣхи реформаціи въ другихъ странахъ, и его собственная ближайшая польза принуждала его въ особенности защищать старую церковь, чтобы преградить путь еретической заразѣ. Такимъ образомъ по самому естественному ходу дѣлъ государь этотъ стоялъ во главѣ католической вѣры и союза, заключеннаго папистами противъ защитниковъ нововведеній. Что̀ соблюдалось въ продолженіе долгихъ и дѣятельныхъ царствій *Карла Пятаго* и *Филиппа Втораго*, то для послѣдующихъ сдѣлалось закономъ; и чѣмъ болѣе увеличивался разрывъ церкви, тѣмъ сильнѣе должна была Испанія держаться католицизма.

Нѣмецкая линія австрійскаго дома казалась свободнѣе; но если она и избавилась отъ многихъ этихъ препятствій, то была связана другими отношеніями. Императорская корона, о которой протестанту нельзя было и думать (ибо могъ ли отступникъ отъ римской церкви носить римскую императорскую корону?) привязывала наслѣдниковъ *Фердинанда Перваго* къ папскому престолу; самъ *Фердинандъ* былъ дѣйствительно и по убѣжденію преданъ папамъ. Кромѣ того, нѣмецко-австрійскіе принцы не довольно были сильны, чтобы

обойтись безъ поддержки Испаніи, которой бы они непремѣнно лишились, благопріятствуя новой вѣрѣ. Да и санъ императорскій принуждалъ ихъ защищать германскую имперскую систему, которой они держались какъ императоры и которую протестантская партія старалась низвергнуть. Присоединимъ къ этому равнодушіе протестантовъ къ бѣдствіямъ императора и къ общимъ опасностямъ государства, ихъ сильное посягательство на церковныя имѣнія и ихъ непріязненные поступки въ случаяхъ, гдѣ они чувствовали себя сильнѣе — и намъ будетъ понятно, какъ всѣ эти соединенныя причины удерживали императора на сторонѣ папизма и какъ его собственная польза тѣсно соединялась съ пользою католической церкви. Такъ какъ, можетъ быть, вся судьба католической вѣры зависѣла отъ рѣшенія, принятаго австрійскимъ домомъ, то и принцы австрійскіе должны были всей Европой считаться опорою папизма. Поэтому ненависть протестантовъ къ папизму единогласно обратилась противъ Австріи и смѣшала мало-по-малу защитниковъ съ дѣломъ, ими защищаемымъ.

Но этотъ же самый австрійскій домъ, непримиримый врагъ реформаціи, честолюбивыми своими замыслами, поддерживаемыми превосходствомъ силъ, подвергнулъ немалой опасности политическую свободу европейскихъ государствъ, и въ особенности нѣмецкихъ чиновъ. Это обстоятельство должно было пробудить послѣднихъ отъ безпечности и обратить ихъ вниманіе на защиту самихъ себя. Обыкновенныя ихъ средства были бы недостаточны, чтобы сопротивляться такой грозной силѣ. Они принуждены были требовать отъ подданныхъ своихъ необыкновенныхъ усилій; а какъ наконецъ и этого не достало бы — просить помощи у сосѣдей и

союзами между собой стараться противостать силѣ, съ какою поодиночкѣ они не могли бы сравниться.

Но у подданныхъ не было этихъ важныхъ политическихъ побужденій, заставлявшихъ государей противиться успѣхамъ Австріи. Только настоящія выгоды или настоящія бѣдствія дѣйствуютъ на народъ, а благоразумная политика не должна выжидать ихъ. Плохо было бы государямъ, еслибъ, къ ихъ счастію, не представилось другой побудительной причины къ воодушевленію народа и къ возбужденію въ немъ энтузіазма, который бы можно было направить противъ политической опасности, соединяясь съ нимъ въ одномъ и томъ же предметѣ. Причиною этого была отъявленная ненависть къ религіи, защищаемой австрійскимъ домомъ, и фанатическая привязанность къ ученію, которое домъ этотъ старался истребить. Это была горячая привязанность и ненависть неодолимая; религіозный фанатизмъ боится отдаленнаго; мечтательность никогда не разсчитываетъ свои пожертвованія. Къ чему не могла возбудить гражданъ рѣшительная опасность, грозившая государству, то возбудила привязанность къ вѣрѣ. Для государства, для пользы государя немногіе бы добровольно вооружились; для вѣры же съ радостью брались за оружіе и купецъ, и художникъ, и крестьянинъ. Для государства или государя старались бы избѣгать и самыхъ незначительныхъ чрезвычайныхъ налоговъ; ради же вѣры каждый жертвовалъ добромъ, кровью и всѣми суетными надеждами. Суммы втрое больше прежнихъ стекались въ казну государей; войска втрое сильнѣйшія выступали въ поле, и при сильномъ волненіи, вслѣдствіе опасности, угрожавшей вѣрѣ, подданный не чувствовалъ напряженія, отъ котораго въ спокойномъ состояніи духа

онъ истощился бы и изнемогъ. Боязнь испанской инквизиціи и новыхъ варѳоломеевскихъ ночей, открываетъ *Принцу Оранскому*, адмиралу *Колиньи*, британской королевѣ *Елизаветѣ* и протестантскимъ нѣмецкимъ принцамъ въ ихъ народахъ источники, до сихъ поръ непостижимые.

Но и съ большими усиліями ничего бы не могли сдѣлать противъ силы, съ какою самый сильнѣйшій государь не могъ сравниться. Въ то время политика была еще мало развита, и только случайныя причины могли соединять государства для взаимной помощи. Различіе въ образѣ правленія, въ законахъ, въ языкѣ, въ обычаяхъ, въ народномъ характерѣ, раздѣлявшее народы и земли на столько же отдѣльныхъ государствъ и образовавшее между ними прочную преграду, было причиною, что одно государство оставалось равнодушнымъ къ бѣдствіямъ другаго, или даже изъ зависти радовалось этому несчастію. Реформація разрушила эту преграду. Участіе болѣе живое и болѣе близкое, народной пользы и любви къ отечеству, нисколько независѣвшее отъ гражданскихъ отношеній, начало одушевлять каждаго гражданина и цѣлыя государства. Это участіе могло соединить многія и самыя отдаленныя государства, а у подданныхъ одного и того же государства связь эта могла распасться. Такимъ образомъ французскій кальвинистъ былъ тѣснѣе связанъ съ реформаторомъ женевцемъ, англичаниномъ, нѣмцемъ или голландцемъ, чѣмъ со своимъ соотечественникомъ католикомъ. Итакъ въ одномъ весьма важномъ отношеніи онъ переставалъ быть гражданиномъ одного государства и ограничивать свое вниманіе и участіе на немъ одномъ. Кругъ его расширяется; онъ начинаетъ

изъ судьбы государствъ одной съ нимъ вѣры предугадывать свою собственную и дѣло ихъ считать своимъ дѣломъ. Только теперь государи осмѣлились доводить до свѣдѣнія государственныхъ чиновъ иностранныя дѣла и стали надѣяться на ихъ добровольную скорую помощь. На этотъ разъ эти иностранныя дѣла сдѣлались своими домашними, и единовѣрцу охотно протягивается рука помощи, въ которой отказали бы простому сосѣду, а тѣмъ болѣе далекому иностранцу. Тутъ палатинецъ оставляетъ свою родину и идетъ бороться за своего единовѣрца француза противъ общаго врага вѣры. Французскій подданный обнажаетъ мечъ противъ отечества, оскорбившаго его, и идетъ проливать кровь за свободу Голландіи. Швейцарецъ вооружается противъ швейцарца, нѣмецъ противъ нѣмца, чтобы на берегахъ Луары или Сены рѣшить право наслѣдія французскаго престола. Датчанинъ переходитъ Эйдеръ, шведъ переплываетъ Бельтъ, чтобы разорвать цѣпи, скованныя для Германіи.

Трудно сказать, что̀ сдѣлалось бы съ реформаціей и со свободою Германіи, если бы страшный австрійскій домъ не вооружился противъ нея. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что австрійскихъ принцевъ всего болѣе остановила на пути къ всемірной монархіи ожесточенная война противъ новыхъ мнѣній. Ни въ какомъ другомъ случаѣ слабѣйшіе государи не могли бы принудить гражданъ своихъ къ чрезвычайнымъ усиліямъ, чтобы противиться австрійской силѣ; ни въ какомъ другомъ случаѣ государства не могли бы соединиться противъ общаго врага.

Австрійское могущество никогда не стояло выше, какъ послѣ побѣды *Карла Пятаго* при Мюльбергѣ,

одержанной надъ нѣмцами. Казалось, что съ шмалькальденскимъ союзомъ навсегда погибла свобода Германіи; но она снова воскресла въ *Морицѣ Саксонскомъ*, своемъ опаснѣйшемъ врагѣ. Всѣ плоды побѣды при Мюльбергѣ исчезаютъ на пассаускомъ конгрессѣ и на аугсбургскомъ сеймѣ, и всѣ мѣры, принятыя къ свѣтскому и духовному угнетенію, оканчиваются уступчивымъ миромъ.

На этомъ сеймѣ въ Аугсбургѣ Германія раздѣлилась на двѣ вѣры и на двѣ политическія партіи; теперь только она раздѣлилась, потому что только теперь разрывъ этотъ сталъ законнымъ. До сихъ поръ на протестантовъ смотрѣли какъ на бунтовщиковъ; теперь же положили считать ихъ братьями не потому, чтобъ ихъ признавали братьями, а по неволѣ. Аугсбургское вѣроисповѣданіе могло теперь стать рядомъ съ католическою вѣрой, но только подобно терпимой сосѣдкѣ, съ временными правами. Каждому владѣтелю дано было право ввести во владѣніяхъ своихъ вѣру, имъ самимъ исповѣдываемую, сдѣлать ее господствующей и единственной и лишить свободы исповѣданія противную. Каждому подданному позволено было оставить страну, гдѣ вѣра его угнеталась. Тутъ только въ первый разъ положительно было утверждено ученіе *Лютера;* а хотя оно и было въ пренебреженіи въ Баваріи и Австріи, но могло утѣшиться тѣмъ, что *царствовало* въ Саксоніи и Тюрингенѣ. Но все-таки *однимъ* только *государямъ* было предоставлено, какую вѣру выбрать и какую уничтожить въ своихъ владѣніяхъ; о подданномъ же, у котораго не было представителей на этомъ сеймѣ, мало заботились при этомъ мирѣ. Только въ однихъ духовныхъ владѣніяхъ, гдѣ католическая вѣра оставалась господствовав-

шею, исходатайствована была протестантскимъ подданнымъ свобода вѣроисповѣданія; но за нея ручался лично римскій король *Фердинандъ*, заключившій этотъ миръ; это ручательство оспоривали католическіе владѣтели; такимъ образомъ и внесли его въ мирный договоръ, и потому оно не получило никакой законной силы.

Если бы причиною разрыва были только мнѣнія — какъ равнодушно смотрѣли бы на него! Но съ этими мнѣніями сопряжены были *имущества*, *почести* и *права*— обстоятельство, чрезвычайно затруднившее разрывъ этотъ. Изъ двухъ братьевъ, до сихъ поръ вмѣстѣ пользовавшихся отцовскимъ имѣніемъ, одинъ покинулъ отцовскій кровъ, и необходимость заставила *раздѣлиться* съ остающимся въ домѣ братомъ. Отецъ ничего не завѣщалъ на случай раздѣла, да и не могъ предвидѣть его. Изъ благотворительныхъ учрежденій предковъ въ теченіе тысячелѣтія составилось достояніе церкви, а предки эти были равно близки какъ отходящему, такъ и остающемуся. Принадлежало ли наслѣдственное право только дому отцевъ, или принадлежало также и крови? Всѣ учрежденія были сдѣланы въ пользу *католической* церкви, такъ какъ тогда другой не предполагалось; въ пользу старшаго брата, такъ какъ тогда онъ былъ единственнымъ сыномъ. Могло ли право первородства почитаться дѣйствительнымъ въ отношеніи къ церкви, какъ въ дворянскихъ родахъ? Могло ли почитаться дѣйствительнымъ право, благопріятствовавшее одной сторонѣ, когда другой еще не существовало? Могли ли лютеране быть лишены права владѣнія имуществомъ, въ пріобрѣтеніи котораго участвовали ихъ предки, по той единственной причинѣ, что въ то время еще не существовало никакой разницы между лютеранами и ка-

толиками? Обѣ религіозныя партіи спорили объ этомъ предметѣ, и спорятъ до сихъ поръ, приводя въ подтвержденіе своихъ правъ разныя благовидныя причины; но, должно быть, и той и другой сторонѣ было трудно *доказать свое право*. Право можетъ рѣшать только случаи *предвидимые мыслью*, а духовныя учрежденія, быть можетъ, не изъ числа ихъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда требованія ихъ основателей распространимъ на догматическія положенія. Можно ли укрѣплять на вѣчныя времена мнѣнія, подверженныя измѣненію?

Когда право не можетъ рѣшить — рѣшаетъ сила, какъ это и случилось на этотъ разъ. Одна сторона удержала за собою то, чего уже нельзя было у нея отнять, а другая защищала то, что у ней еще оставалось. Всѣ епископства и аббатства, ставшія свѣтскими *до* заключенія мира, остались за протестантами; но паписты выговорили себѣ, особымъ условіемъ, чтобы впредь подобныхъ переходовъ не было. Каждый владѣлецъ духовнаго учрежденія, непосредственно подвластнаго имперіи, курфирстъ, епископъ или аббатъ, съ переходомъ къ протестантской церкви лишается своихъ доходовъ и сана. Онъ долженъ немедленно оставить свои владѣнія — и капитулъ приступаетъ къ новому избранію, все равно, какъ бы онъ умеръ и мѣсто его осталось вакантнымъ. На этомъ священномъ якорѣ *духовнаго договора*, который ставитъ всю судьбу духовнаго владѣтеля въ зависимость отъ исповѣдываемой имъ религіи, основывается до сихъ поръ существованіе католической церкви въ Германіи — и что бы съ нею сталось, если бы она сорвалась съ этого якоря? Это духовное условіе встрѣтило упорное сопротивленіе со стороны протестантскихъ

чиновъ, и если помѣщено въ мирномъ договорѣ, то съ многозначащею оговоркою, что касательно этого пункта обѣ стороны не могли согласиться. И могло ли оно быть болѣе обязательнымъ для протестантовъ, чѣмъ было для католиковъ поручительство *Фердинанда* въ пользу протестантскихъ подданныхъ въ духовныхъ владеніяхъ? Такимъ образомъ два спорные пункта въ мирномъ договорѣ остались нерѣшенными и изъ-за нихъ-то вспыхнула война.

Въ такомъ положеніи находились религіозная свобода и духовныя имущества; то же было съ *правами* и *заслугами*. Все въ германской государственной системѣ было разсчитано на одну церковь, потому-что всего и была *одна* во время ея образованія. Церковь разъединилась, имперскій сеймъ раздѣлился на двѣ религіозныя партіи, — и при всемъ томъ государственная система должна была исключительно слѣдовать одной церкви? До сихъ поръ всѣ императоры были дѣтьми римской церкви, потому-что до того времени римская церковь въ Германіи не имѣла совмѣстницы. Но въ отношеніяхъ ли къ Риму заключалось достоинство императора германцевъ, или — не Германія ли представлялась въ своемъ императорѣ? Вѣдь и протестантская часть принадлежитъ къ цѣлой Германіи: какимъ же образомъ она представляется теперь непрерывнымъ рядомъ *католическихъ* императоровъ? Въ верховномъ имперскомъ судѣ германскіе чины сами себя судятъ, потому-что сами избираютъ судей. Цѣль этого учрежденія: чтобы каждый, подвергаясь суду, могъ воспользоваться равнымъ правосудіемъ. Какъ же можетъ быть достигнута эта цѣль, если не будутъ засѣдать въ немъ члены обоихъ исповѣданій? Что во вре-

мя учрежденія верховнаго суда въ Германіи господствовала всего одна религія — было случаемъ. Настоящая цѣль этого учрежденія заключалась въ томъ, чтобы одинъ владѣтель не могъ въ правомъ дѣлѣ притѣснять другаго. Но цѣль эта не была бы достигнута, если бы сторона, исповѣдующая одну религію, имѣла исключительное право судить другую. Должно ли жертвовать *цѣлью*, когда измѣняются одни *обстоятельства?* Наконецъ, и то съ трудомъ, протестанты завоевали своей вѣрѣ мѣсто въ верховномъ судилищѣ, но все-таки еще не совершенно равное число голосовъ. Еще ни одинъ протестантскій государь не возвысился до императорской короны.

Что̀ бы ни говорили о *равенствѣ*, признанномъ религіознымъ миромъ въ Аугсбургѣ между обѣими нѣмецкими церквами, католическая все-таки, безспорно, вышла изъ него побѣдительницей. Все, что пріобрѣли лютеране — это терпимость для своей вѣры; все, въ чемъ уступили католики — было съ ихъ стороны жертвою необходимости, а не правосудіемъ. Это былъ не миръ между двумя равносильными противниками, а только договоръ между властелиномъ и непобѣжденными мятежниками. Вотъ начало всѣхъ продѣлокъ католической церкви съ протестантской. Все еще переходъ къ протестантской церкви почитался преступленіемъ, потому-что наказывался такимъ тяжкимъ лишеніемъ, какъ, напримѣръ, положеннымъ духовнымъ миромъ противъ духовныхъ владѣтелей-отступниковъ. Да и впослѣдствіи католическая церковь охотнѣе подвергалась опасности лишиться всего въ слѣдствіе насилія, чѣмъ добровольно и законно уступить малѣйшее преимущество; потому-что еще оставалась надежда возвратить

отнятое; къ тому же это было потерею случайною, тогда какъ всякое отреченіе отъ требованій или уступка какого-либо права протестантамъ потрясали самое основаніе католической церкви. При самомъ заключеніи духовнаго мира не теряли изъ виду этого кореннаго правила. Чтó по этому миру уступлено было протестантамъ, было уступлено не безусловно. Въ актѣ значилось ясно что все это признается дѣйствительнымъ только до перваго вселенскаго собора, который займется примиреніемъ обѣихъ церквей. Тогда только, когда этотъ послѣдній опытъ не удастся, духовный миръ получитъ надлежащую силу. Какъ ни мало было надежды на подобное примиреніе; какъ ни мало думали о томъ сами католики, но для нихъ уже было и того довольно, что миръ былъ ограниченъ этимъ условіемъ.

Итакъ этотъ духовный миръ, долженствовавшій погасить навсегда пламя междоусобной войны, былъ, на самомъ дѣлѣ, только временною мѣрою, дѣломъ *необходимости* и *насилія*, предписанъ не закономъ правосудія, не плодъ очищенныхъ понятій о вѣрѣ и религіозной свободѣ. Такого религіознаго мира католики не могли дать, да, по справедливости, протестанты такого и не заслужили. Они не только не наблюдали своихъ обязанностей въ отношеніи къ католикамъ, но, гдѣ могли, притѣсняли даже кальвинистовъ, которые такъ же мало заслуживали терпимость, въ помянутомъ лучшемъ смыслѣ, какъ и сами мало ее уважали. Для такого рода религіознаго мира тогдашнему времени не доставало зрѣлости, а головамъ — просвѣщенія. Могла ли одна сторона требовать отъ другой того, чего сама не въ состояніи была исполнить? Если каждая изъ враждовавшихъ сторонъ отстояла или пріобрѣла что-

нибудь по аугсбугскому миру, то этимъ обязана была случайному устройству отношеній, въ какомъ находились они другъ къ другу при заключеніи мира. Пріобрѣтенное силой, надо было и защищать силой; слѣдовательно это соотношеніе могущества должно было продолжаться и на будущее время; въ противномъ случаѣ, миръ терялъ свою силу. Съ мечомъ въ рукѣ проведены были границы между обѣими церквами: мечомъ слѣдовало и охранять ихъ, не то — горе сторонѣ, положившей оружіе прежде другой! Сомнительная, ужасная будущность для спокойствія Германіи, которой грозилъ этотъ самый миръ!

Для имперіи настало теперь временное спокойствіе и слабый узелъ согласія, казалось, опять связалъ разъединенные члены въ *одно* государственное тѣло, такъ что даже воротилось на время сочувствіе къ общему благосостоянію. Но разрывъ коснулся самаго существа дѣла, и возстановить прежнее согласіе уже было поздно. Хотя миръ, казалось, съ точностью опредѣлилъ границы между правами обѣихъ сторонъ, при всемъ томъ онъ подвергался различнымъ толкованіямъ. Среди самой жаркой борьбы остановилъ онъ спорившія стороны; онъ прикрылъ пожаръ, но не потушилъ его; къ тому же, съ обѣихъ сторонъ нѣкоторыя требованія остались неудовлетворенными. Католики думали, что много потеряли, протестанты — что мало выиграли; обѣ стороны старались по-своему толковать миръ, нарушить который еще пока не рѣшались.

Та же самая могущественная причина, которая склонила многихъ протестантскихъ государей къ принятію ученія *Лютера* — пріобрѣтеніе церковныхъ имуществъ — и послѣ заключенія мира не утратила свое-

го могущества, и всѣ тѣ низшія учрежденія, которыя еще не были въ ихъ рукахъ, должны были вскорѣ перейти къ нимъ. Вся южная Германія въ короткое время превратилась въ свѣтскую; и если этого не случилось съ верхнею Германіею, то обязана тѣмъ упорному сопротивленію католиковъ, на сторонѣ которыхъ здѣсь была сила. Каждая партія, тамъ, гдѣ она была сильнѣйшею, притѣсняла послѣдователей другой; особенно духовные владѣтели, какъ самые беззащитные изъ членовъ имперіи, были постоянно тревожимы возраставшею жадностью ихъ некатолическихъ сосѣдей. Кто былъ такъ слабъ, что не могъ противопоставить силѣ силу, прибѣгалъ къ защитѣ правосудія, и жалобы на протестантскіе чины накоплялись въ имперскомъ судилищѣ, у котораго было довольно готовности для преслѣдованія обвиняемой стороны своими рѣшеніями, но слишкомъ мало поддержки для приведенія ихъ въ исполненіе. Миръ, предоставившій имперскимъ чинамъ желанную свободу вѣроисповѣданія, вмѣстѣ съ тѣмъ даровалъ подданному право безпрепятственно покинуть ту землю, гдѣ была угнетаема его вѣра. Но мертвая буква этого мира не могла защитить его отъ насилій, которыя можетъ сдѣлать государь своему ненавистному подданному, отъ безчисленныхъ угнѣтеній, которыми онъ можетъ затруднить его выѣздъ, отъ искусно разставленныхъ сѣтей, которыми лукавство и сила могутъ опутать разсудокъ. Католическій подданный протестантскаго государя жаловался на нарушеніе религіознаго мира; протестантскій — еще громче на угнетенія своего католическаго правительства. Озлобленіе и нетерпимость проповѣдниковъ растравляли ядомъ каждый незначительный случай и воспламеняли умы: хорошо еще, если это бо-

гословское ожесточеніе изливалось на общаго врага вѣры, не обрызгавъ ядомъ своихъ единовѣрцевъ.

Чтобы уравновѣсить значеніе обѣихъ партій и тѣмъ упрочить миръ между ними, было бы достаточно согласія протестантовъ между собою; но, къ довершенію неустройства, и это согласіе вскорѣ рушилось. Ученіе, распространенное *Цвингли* въ Цюрихѣ и *Кальвиномъ* въ Женевѣ, стало вскорѣ укореняться и въ Германіи и поселять раздоры между протестантами, такъ что всякая связь между ними рушилась и они узнавали другъ друга только по общей ненависти къ папизму. Протестанты этого времени уже не походили на тѣхъ, которые, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, предложили въ Аугсбургѣ свое исповѣданіе, и причину этой перемѣны надо искать въ этомъ самомъ аугсбургскомъ исповѣданіи. Это ученіе заключило протестантскую вѣру въ опредѣленныя границы, прежде нежели возникшій духъ испытанія могъ допустить эти границы и протестанты по невѣдѣнію лишились части тѣхъ выгодъ, которыя отпаденіе ихъ отъ папизма за ними утвердило. Однѣ и тѣ же жалобы на римскую іерархію и на злоупотребленія въ этой церкви, при одинаковомъ отвращеніи отъ католическихъ догматовъ, уже могли бы соединить въ одно протестантскую церковь; но протестанты искали точки соединенія въ новой, положительной системѣ вѣры; въ ней полагали отличіе, преимущество и сущность своей церкви, и къ нимъ-то относили договоръ, заключенный ими съ католиками. Единственно, какъ послѣдователи аугсбургскаго исповѣданія, заключили они религіозный миръ; одни они и могли участвовать въ выгодахъ этого мира. Итакъ, каковы бы ни были послѣдствія, во всякомъ случаѣ

послѣдователи аугсбургской системы вѣры равно находились въ дурномъ положеніи. Если бы предписанія аугсбургскаго договора были исполнены съ слѣпою покорностью — духъ испытанія былъ бы надолго ограниченъ; напротивъ, если бы возникли сомнѣнія относительно утвержденной формы — точка соединенія была бы утрачена. Къ несчастію, случилось и то и другое, и печальныя послѣдствія того и другаго не замедлили обнаружиться. Одна сторона крѣпко держалась аугсбургскаго ученія; и если кальвинисты удалились отъ него, то только для того, чтобы также создать для себя новый догматъ вѣры.

Протестанты не могли доставить своему общему врагу болѣе благовиднаго предлога, какъ эти внутренніе раздоры, болѣе восхитительное зрѣлище, какъ то озлобленіе, съ какимъ они преслѣдовали другъ друга. Можно ли было вмѣнить католикамъ въ преступленіе, когда они смѣялись надъ отважностью, съ какою преобразователи вѣры рѣшились проповѣдывать единственно истинную систему вѣры? когда они у самихъ протестантовъ заимствовали оружіе противъ протестантовъ? когда они, видя такое противорѣчіе въ мнѣніяхъ, крѣпко держались авторитета *своей* вѣры, которую, хотя отчасти, отстаивали почтенная давность и еще болѣе почтенное большинство голосовъ? Но протестанты разрывомъ этимъ навлекли на себя еще большія непріятности. Въ религіозномъ мирномъ договорѣ упомянуто было объ однихъ послѣдователяхъ аугсбургскаго ученья, и католики требовали теперь объясненія, *кого* они намѣрены признавать за своихъ единовѣрцевъ. По совѣсти, лютеране не могли включить реформатовъ въ свой союзъ; не могли и исключить ихъ, чтобы не пре-

вратить полезнаго друга въ опаснаго врага. Такимъ образомъ этотъ несчастный разрывъ указалъ пронырливымъ іезуитамъ путь къ посѣянью между обѣими сторонами недовѣрчивости и къ разрушенію единства въ ихъ дѣйствіяхъ. Связанные двойною боязнью католиковъ и своихъ собственныхъ протестантскихъ противниковъ, протестанты упустили невозвратимый случай къ завоеванію своей церкви совершенно-равныхъ правъ съ католическою. Они бы избѣгли всѣхъ этихъ затрудненій и отпаденіе реформатовъ не нанесло бы никакого вреда общему дѣлу, если бы точку соединенія искали въ одномъ удаленіи отъ папизма, а не въ аугсбургскомъ исповѣданіи и богословскихъ спорахъ.

Однако, какъ ни велико было разногласіе во всемъ другомъ, но всѣ были согласны въ томъ, что безопасность, за которую слѣдуетъ быть благодарнымъ одному равенству силъ, можетъ быть сохранена и впредь лишь тѣмъ же равенствомъ силъ. Безпрерывныя преобразованія одной стороны и противодѣйствія другой поддерживали бдительность обѣихъ сторонъ, и содержаніе духовнаго договора было лозунгомъ вѣчныхъ споровъ. Каждый шагъ противной стороны почитался нарушеніемъ мира; каждый шагъ, который позволяли себѣ сами, дѣлался для поддержанія этого мира. Не всѣ движенія католиковъ имѣли цѣлью нападеніе, какъ обвиняла ихъ противная сторона; многое дѣлали они для собственной защиты. Протестанты показали весьма ясно, чего должны ожидать отъ нихъ католики въ случаѣ пораженія. Жадность протестантовъ къ духовнымъ имуществамъ не давала надежды на пощаду, ихъ ненависть не позволяла ожидать великодушія и терпимости.

Однако нельзя было винить и протестантовъ, если они мало довѣряли честности папистовъ. Вѣроломные и варварскіе поступки съ ихъ единовѣрцами въ Испаніи, Франціи и Нидерландахъ, постыдныя продѣлки католическихъ князей, прибѣгавшихъ къ посредничеству папы, для разрѣшенія ихъ отъ священнѣйшихъ клятвъ, и, наконецъ, то позорнѣйшее правило, будто бы съ еретикомъ позволено нарушать вѣрность, — лишили католическую церковь *уваженія* въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей. Ни увѣренія, ни даже самая ужасная клятва въ устахъ паписта не могли успокоить протестанта. И могъ ли духовный миръ ихъ успокоить, когда іезуиты отзывались о немъ по всей Германіи, какъ о временномъ договорѣ, торжественно отвергнутомъ въ самомъ Римѣ?

Между тѣмъ вселенскій соборъ, о которомъ было упомянуто въ этомъ договорѣ, собрался въ городѣ Тридентѣ; но, какъ и слѣдовало ожидать, окончилъ свои засѣданія, на которыхъ не было ни одного протестанта, не только не соединивъ разрозненныхъ вѣроисповѣданій, но даже не сдѣлавъ шагу къ этому соединенію. Протестанты были торжественно прокляты церковью, за представительницу которой выдалъ себя соборъ. Могъ ли нечестивый и притомъ вынужденный силою оружія договоръ защитить ихъ отъ проклятія церкви,— договоръ, опиравшійся на условіе, уничтоженное приговоромъ собора? Итакъ, теперь для католиковъ не было недостатка въ благовидномъ предлогѣ къ нарушенію мира, если бы они почувствовали себя довольно-сильными для такого дѣла; итакъ, съ этихъ поръ охраняло протестантовъ одно уваженіе къ ихъ силѣ.

Разныя обстоятельства усилили недовѣріе. Испанія,

на могущество которой опиралась католическая Германія, была тогда въ жестокой войнѣ съ нидерландцами, которая привлекла къ границамъ Германіи цвѣтъ испанскихъ войскъ. Эти войска могли быстро вступить въ предѣлы имперіи, если бы обстоятельства того потребовали. Германія въ то время была хранилищемъ военныхъ запасовъ чуть не для всѣхъ державъ Европы. Война за вѣру накопила въ ней множество солдатъ, которыхъ миръ оставилъ безъ куска хлѣба. Такому множеству другъ отъ друга независящихъ князей ничего не значило собрать войско, которое, по корыстолюбію или духу партій, уступали потомъ иноземнымъ государямъ. Нѣмецкими войсками громилъ *Филиппъ Второй* Нидерланды, и нѣмецкими же войсками защищалась она противъ нихъ. Каждый такой наборъ войскъ въ Германіи всегда тревожилъ одну изъ религіозныхъ партій: онъ могъ служить къ ихъ угнетенію. Путешествующій посолъ, черезвычайный папскій легатъ, съѣздъ князей, словомъ, каждое необыденное явленіе должно было готовить гибель той или другой сторонѣ. Такимъ образомъ Германія около полувѣка не отнимала руки отъ меча; каждый шорохъ листа приводилъ ее въ ужасъ.

Фердинандъ Первый, король венгерскій, и его доблестный сынъ, *Максимиліанъ Второй*, держали въ своихъ рукахъ въ эту безпокойную эпоху бразды государства. Съ сердцемъ полнымъ справедливости, съ терпѣніемъ истинно геройскимъ, *Фердинандъ* исходатайствовалъ религіозный миръ въ Аугсбургѣ и тщетно старался соединить церкви на Тридентскомъ соборѣ. Оставленный своимъ племянникомъ *Филиппомъ* испанскимъ, и въ то же время тѣснимый въ Венгріи и Трансильваніи побѣдоноснымъ оружіемъ турокъ, могъ ли этотъ государь

подумать о нарушеніи религіознаго мира и уничтоженіи дѣла, стоившаго ему столькихъ трудовъ? Незначительные доходы наслѣдственныхъ его владѣній не могли покрывать огромныхъ издержекъ безпрестанно-возобновлявшейся турецкой войны; слѣдовательно онъ нуждался въ помощи имперіи, и только одинъ религіозный миръ соединялъ еще разъединенное государство въ *одно* тѣло. Экономическій разсчетъ дѣлалъ для него протестантовъ столько же необходимыми, какъ и католиковъ, и потому заставлялъ его обходиться съ обѣими сторонами одинаково справедливо, что́ при такихъ противоположныхъ требованіяхъ было просто дѣломъ исполинскимъ. Да и послѣдствія не соотвѣтствовали его желаніямъ: его снисходительность къ протестантамъ послужила только къ тому, чтобы возжечь при внукѣ ту войну, отъ которой избавила его самого одна смерть. Такъ же несчастливъ былъ его сынъ *Максимиліанъ*, которому, можетъ быть, воспрепятствовала одна сила обстоятельствъ, которому, можетъ быть, не достало только болѣе продолжительной жизни для возведенія новой вѣры на престолъ императоровъ. Необходимость научила отца быть снисходительнымъ къ протестантамъ; необходимость и справедливость руководили его сыномъ. Внукъ не внялъ голосу справедливости, не послушался необходимости — и дорого поплатился за то.

Максимиліанъ оставилъ шестерыхъ сыновей; но изъ нихъ только старшій, эрцъ-герцогъ *Рудольфъ*, наслѣдовалъ его владѣнія и взошелъ на престолъ императорскій; остальнымъ братьямъ достались небольшіе удѣлы. Немногія постороннія владѣнія принадлежали боковой линіи въ лицѣ его дяди *Карла Стирійскаго;* но и они при сынѣ его, *Фердинандѣ Второмъ*, были при-

соединены къ остальному наслѣдству. Такимъ образомъ почти вся сила австрійскаго дома, за исключеніемъ земель боковой линіи, соединилась въ одной, но, къ несчастью, слабой рукѣ.

Рудольфъ Второй, родись онъ частнымъ человѣкомъ, былъ бы не безъ достоинствъ, способныхъ привлечь къ нему всеобщую любовь. Онъ былъ кротокъ, любилъ миръ и науки, особенно астрономію, естественную исторію, химію и древности, которымъ предавался со всею страстью; но такое пристрастіе къ ученымъ занятіямъ и въ такое время, когда сомнительное положеніе дѣлъ требовало бдительнаго вниманія, а разстроенные финансы — величайшей бережливости, отвлекало его отъ занятія дѣлами государственными и побуждало къ весьма вредной расточительности. Привязанность его къ астрономіи терялась въ астрологическихъ мечтахъ, которымъ такъ легко предаются люди задумчивые и робкаго характера, каковъ былъ у него. Это и воспитаніе, полученное имъ въ Испаніи, склонили его къ вреднымъ совѣтамъ іезуитовъ и внушеніямъ испанскаго двора, которыя, наконецъ, совершенно имъ завладѣли. Увлекаемый занятіями, такъ мало приличными его высокому сану, и устрашаемый смѣшными пророчествами, онъ скрылся, по испанскому обычаю, отъ своихъ подданныхъ, чтобы зарыться въ своихъ антикахъ и древностяхъ, чтобъ запереться въ своей лабораторіи, тогда какъ опасная вражда расторгала всѣ связи германскаго государственнаго тѣла и пламя возстанія уже начинало охватывать подножіе его престола. Доступъ къ нему былъ возбраненъ каждому безъ исключенія; самонужнѣйшія дѣла оставались нерѣшенными; надежда на богатое испанское наслѣдство исчезла, по нерѣшительно-

сти его на бракъ съ инфантою *Изабеллою;* имперіи угрожала ужаснѣйшая анархія, такъ какъ онъ не имѣлъ самъ наслѣдниковъ, а на избраніе римскаго короля никакъ не могъ согласиться. Австрійскіе государственные чины отказались ему повиноваться, Венгрія и Трансильванія отдѣлились отъ него, и Чехія не замедлила послѣдовать ихъ примѣру. Потомство могущественнаго *Карла Пятаго* было въ опасности уступить одну часть своихъ владѣній туркамъ, другую протестантамъ и пасть невозвратно подъ тяжестью страшнаго союза князей, составленнаго противъ него однимъ великимъ государемъ Европы. Внутри Германіи случилось то, что̀ всегда случалось, когда на тронѣ не было императора, или у императора духа, достойнаго императора. Обиженные или брошенные главою имперіи, чины помогаютъ себѣ сами, и *союзы* должны имъ замѣнить недостатокъ власти императора. Германія раздѣлилась на два вооруженные и враждебные другъ другу *союза; Рудольфъ,* презираемый врагъ одной, и безсильный защитникъ другой, стоитъ праздно и безполезно между обѣими, равно неспособный разсѣять одну и повелѣвать другою. Да и чего могла ожидать Германія отъ государя, неимѣвшаго даже силъ защитить свои собстенныя, наслѣдственныя земли отъ внутренняго врага? Чтобы спасти австрійскій домъ отъ конечнаго паденія, возстаетъ противъ него собственное его семейство и сильная партія предается его брату. Изгнанный изъ всѣхъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній, ему остается потерять одинъ императорскій престолъ, и только смерть избавляетъ его отъ этого послѣдняго стыда.

Злой геній Германіи далъ ей *Рудольфа* въ императоры въ такое опасное время, когда только тон-

кій умъ и сильная рука могли бы еще сохранить миръ въ государствѣ. Въ другое болѣе спокойное время германское государственное тѣло обошлось бы и безъ посторонней помощи, и *Рудольфъ*, подобно многимъ его сана, скрылъ бы въ таинственной недосягаемости свои недостатки. Крайняя нужда въ добродѣтеляхъ, какихъ ему недоставало, обнаружила его неспособность. Положеніе Германіи требовало императора, который бы собственными своими средствами былъ въ силахъ поддержать свое рѣшеніе, а наслѣдственныя владѣнія *Рудольфа*, какъ они ни были значительны, находились въ положеніи крайне затруднительномъ для ихъ государя. Австрійскіе принцы хотя и были католическими князьями, и притомъ поддерживали папизмъ, но не всѣ ихъ земли были землями католическими. И сюда проникли новыя мнѣнія и, благодаря тѣснымъ обстоятельствамъ *Фердинанда* и кротости *Максимиліана*, распространились тамъ весьма скоро. Въ австрійскихъ земляхъ повторилось то же самое въ маломъ видѣ, чтó въ Гернаніи совершилось въ большихъ размѣрахъ. Рыцари и дворяне по большей части были протестанты, да и въ городахъ протестанты получили перевѣсъ. Едва имъ посчастливилось ввесть нѣкоторыхъ изъ своей среды въ сословіе земскихъ чиновъ, какъ земскія и присутственныя мѣста, одно за другимъ, стали непримѣтно наполняться протестантами, вытѣснявшими изъ нихъ католиковъ. Противъ многочисленнаго рыцарства, дворянства и городскихъ депутатовъ голосá небольшаго числа прелатовъ были безсильны, да и тѣ наконецъ принуждены были удалиться изъ земскаго сейма, въ слѣдствіе грубыхъ насмѣшекъ и обиднаго презрѣнія остальныхъ его членовъ. Такимъ образомъ незамѣтно весь ав-

стрійскій земскій сеймъ сталъ протестантскимъ, и реформація шла теперь быстрыми шагами къ открытому существованію. Государь зависѣлъ отъ земскихъ чиновъ, такъ-какъ *они* могли ему дать или отказать въ налогахъ. Воспользовавшись недостаткомъ въ деньгахъ *Фердинанда* и его сына, они вынуждали одну уступку за другой въ пользу своей религіи. *Максимиліанъ* разрѣшилъ наконецъ дворянству и рыцарству свободное исповѣданіе ихъ вѣры, но только въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ и за́мкахъ. Необузданное изувѣрство евангелическихъ проповѣдниковъ преступило этотъ пунктъ, опредѣленный благоразуміемъ. Вопреки именному запрещенію, многіе изъ нихъ проповѣдывали въ городахъ и даже въ самой Вѣнѣ, и народъ стремился толпами къ этому новому евангелію, въ которомъ колкости и ругательства играли первую роль. Такимъ образомъ изувѣрство постоянно находило себѣ пищу и ненависть обѣихъ столь близкихъ церквей отравлялась ядовитымъ жаломъ ихъ ревности.

Между наслѣдственными владѣніями австрійскаго дома, Венгрія и Трансильванія были самыми ненадежными и трудными къ удержанію за собою. Невозможность защитить эти земли противъ сосѣдней и превозмогавшей силы турокъ, заставила еще *Фердинанда* ежегодно платить постыдную дань Портѣ и тѣмъ признать ея верховную власть надъ Трансильваніею — вредное признаніе въ безсиліи, и еще опаснѣйшій предлогъ для безпокойнаго дворянства, когда оно вздумаетъ имѣть причину жаловаться на своихъ государей! Мадьяры не безусловно покорились австрійскому дому. Они удержали за собою свободу избранія своихъ королей и настойчиво требовали всѣхъ сословныхъ правъ, неразлучныхъ съ

этою свободою избранія. Близкое сосѣдство Турціи и возможность безнаказанно перемѣнять своихъ государей укрѣпили эту настойчивость въ магнатахъ еще болѣе; недовольные австрійскимъ правительствомъ, они кидались въ объятія османовъ; неудовлетворенные ими — снова возвращались подъ сѣнь германской власти. Частый и быстрый переходъ отъ одного правительства къ другому имѣлъ вліяніе на образъ ихъ мыслей; подобно ихъ землѣ, колебавшейся между германскимъ и оттоманскимъ владычествомъ, колебались и ихъ мысли между отпаденіемъ и покорностью. Чѣмъ несчастнѣе чувствовали себя обѣ страны, низведенныя на степень областей чуждаго государства, тѣмъ непреклоннѣе было ихъ желаніе имѣть государемъ кого-нибудь изъ своей среды, и потому предпріимчивому дворянину было нетрудно найдти себѣ поддержку. Сосѣдній турецкій паша охотно снабжалъ возставшаго противъ Австріи скиптромъ и короною; Австрія, въ свою очередь, также охотно утверждала за другимъ владѣніе областями, отторгнутыми имъ отъ Порты, довольствуясь тѣмъ, что сохраняла хотя тѣнь власти и вмѣстѣ пріобрѣтала оплотъ противъ турокъ. Этимъ способомъ многіе магнаты, какъ-то: *Батори*, *Бокшай*, *Рагоци* и *Бетленъ*, дѣлались, одинъ за другимъ, королями-данниками въ Трансильваніи и Венгріи, и удерживались только правиломъ: присоединяться къ непріятелю, чтобы тѣмъ быть страшнѣе своему государю.

Фердинандъ, *Максимиліанъ* и *Рудольфъ*, всѣ трое повелители Трансильваніи и Венгріи, истощали силы остальныхъ своихъ земель, чтобы защитить эти двѣ области отъ нашествій турокъ и внутреннихъ мятежей. Разорительныя войны смѣнялись въ этихъ областяхъ

кратковременными перемиріями, которыя немногимъ были лучше войнъ. Все было опустошено, и угнетенный подданный равно жаловался на своего врага и своего защитника. И сюда проникла реформація, гдѣ, подъ защитою сословной свободы и подъ покровомъ мятежа, дѣлала видимые успѣхи. Неосторожно коснулись и ея, и политическій духъ матежа сталъ еще опаснѣе отъ изувѣрства. Трансильванское и венгерское дворянство, предводимое отважнымъ возмутителемъ *Бокшаемъ*, подымаетъ знамя мятежа. Предводители венгерскаго возстанія готовы соединиться съ недовольными протестантами въ Австріи, Моравіи и Чехіи и вовлечь всѣ эти земли въ *одинъ* грозный мятежъ. Теперь уничтоженіе папской власти въ этихъ земляхъ было неизбѣжно.

Уже давно австрійскіе эрцгерцоги, братья императора, глядѣли съ тайнымъ негодованіемъ на гибель ихъ дома; этотъ послѣдній случай заставилъ ихъ рѣшиться. Эрцгерцогъ *Матіасъ*, второй сынъ *Максимиліана*, намѣстникъ Венгріи и мнимый наслѣдникъ *Рудольфа*, выступилъ впередъ, чтобъ быть подпорою погибавшаго *Габсбургскаго* дома. Еще въ юности, увлеченный ложнымъ честолюбіемъ, принцъ этотъ, вопреки интересамъ своего дома, внялъ призыву нидерландскихъ мятежниковъ, приглашавшихъ его въ свое отечество для защиты правъ народа противъ родственника его *Филиппа Втораго. Матіасъ*, принявъ голосъ одной партіи за голосъ всего нидерландскаго народа, явился на этотъ призывъ въ Нидерландахъ. Но послѣдствія такъ же мало соотвѣтствовали желаніямъ брабантцевъ, какъ и собственнымъ его ожиданіямъ, и онъ безславно оставилъ это безразсудное предпріятіе. Тѣмъ славнѣе было вторичное его появленіе въ политическомъ мірѣ.

Видя безуспѣшность своихъ неоднократныхъ предложеній императору, *Матіасъ* созвалъ эрцгерцоговъ, своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, въ Пресбургъ, чтобы посовѣтоваться съ ними о возраставшей опасности австрійскаго дома. Братья единогласно ввѣрили ему, какъ старшему, защиту своего наслѣдства, о которомъ слабоумный братъ ихъ вовсе не заботился. Они вручаютъ ему всю власть и всѣ права свои и облекаютъ его неограниченнымъ полномочіемъ дѣйствовать для общаго блага по своему усмотрѣнію. *Матіасъ* тотчасъ вступилъ въ переговоры съ Портою и венгерскими инсургентами, и мирнымъ договоромъ съ Турціею съумѣлъ сохранить остальную часть Венгріи, а договоромъ съ инсургентами сохранить право Австріи на потерянныя области. Но *Рудольфъ*, столько же ревнивый къ своей царской власти, на сколько былъ нерадивъ къ ея защитѣ, медлитъ утвердить миръ, какъ преступное посягательство на его власть. Онъ обвиняетъ эрцгерцога въ соглашеніи съ непріятелемъ и въ предательскихъ намѣреніяхъ на венгерскую корону.

Дѣятельность *Матіаса* была вовсе не безкорыстна и образъ дѣйствій императора только приблизилъ его къ цѣли. Увѣренный въ привязанности къ нему благодарныхъ мадьяровъ, которымъ еще недавно даровалъ миръ, въ преданности дворянства, о чемъ зналъ чрезъ своихъ агентовъ, и не сомнѣваясь найдти множество приверженцевъ въ самой Австріи, онъ рѣшается сдѣлать свои намѣренія гласными и съ оружіемъ въ рукахъ выступить противъ императора. Протестанты въ Австріи и Моравіи, уже давно готовые къ возстанію и теперь склоненные обѣщанною эрцгерцогомъ свободою религіи, принимаютъ открыто его сторону, и давно уже угрожавшее соединеніе ихъ съ

венгерскими инсургентами приводится въ исполненіе. Составляется страшный заговоръ противъ императора. Слишкомъ поздно рѣшается онъ исправить сдѣланную ошибку; напрасно силится разстроить этотъ страшный союзъ. Уже все взялось за оружіе; Венгрія, Австрія и Моравія покорились *Матіасу*, который уже на дорогѣ въ Чехію, чтобы отыскать тамъ императора въ самомъ его дворцѣ и перерѣзать послѣднія нервы его могущества.

Королевство Чехія была для Австріи почти такимъ же безпокойнымъ владѣніемъ, какъ и Венгрія, съ тою только разницею, что здѣсь поддерживали вражду причины политическія, а тамъ — религіозныя. Въ Чехіи за цѣлое столѣтіе *до Лютера*, вспыхнуло первое пламя войны за вѣру; въ Чехіи черезъ столѣтіе *послѣ Лютера* началась тридцатилѣтняя война. Секта, основанная *Іоанномъ Гуссомъ*, продолжала свое существованіе въ Чехіи, не отличаясь отъ римской церкви ни обрядами, ни догматами, за исключеніемъ одного причастія, которое гусситы принимали въ двухъ видахъ. Это право предоставлено было послѣдователямъ Гусса особымъ договоромъ Базельскаго собора, и хотя оспоривалось папами, однако гусситы продолжали пользоваться имъ подъ покровомъ закона. Такъ-какъ употребленіе чаши составляло единственную замѣтную отличительную черту этой секты, то ихъ и прозвали *утраквистами* (причащающимися въ двухъ видахъ), и названіе это имъ нравилось, напоминая о дорогомъ для нихъ преимуществѣ. Но подъ этимъ названіемъ скрывалась болѣе строгая секта богемскихъ и моравскихъ братьевъ, каторые отступали отъ господствующей церкви въ пунктахъ несравненно важнѣйшихъ и имѣли много сходнаго съ нѣмецкими про-

тестантами. Въ обѣихъ этихъ сектахъ, какъ нѣмецкія, такъ и швейцарскія вѣроизмѣненія сдѣлали быстрые успѣхи, а названіе утраквистовъ, которымъ они умѣли прикрыть свои измѣненные догматы, охраняло ихъ отъ преслѣдованія.

На самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ названія, у нихъ не было ничего общаго съ утраквистами; въ сущности это были тѣ же протестанты. Обнадеженные многочисленностью своихъ единомышленниковъ и терпимостью императора, они рѣшились въ царствованіе *Максимиліана* обнаружить настоящія свои чувства. По примѣру нѣмцевъ, они сочинили свое собственное исповѣданіе, куда вошли какъ лютеранскіе, такъ и реформатскіе догматы, и стали требовать для этого новаго исповѣданія всѣхъ правъ прежней церкви утраквистовъ. Это требованіе встрѣтило препятствія со стороны ихъ католическихъ чиновъ, и они принуждены были удовольствоваться всего однимъ изустнымъ увѣреніемъ императора.

Пока *Максимиліанъ* былъ живъ, они пользовались полною терпимостью и въ обновленномъ своемъ видѣ; при его наслѣдникѣ сцена перемѣнилась. Явилась императорская граммата, которою отымалась у такъ называемыхъ богемскихъ братьевъ свобода вѣроисповѣданія. Богемскіе братья ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ утраквистовъ, слѣдовательно приговоръ этотъ долженъ былъ распространиться на всѣхъ ихъ чешскихъ единовѣрцевъ. Поэтому они единодушно возстали на сеймѣ противъ императорской грамматы, но не имѣли силы ее отвергнуть. Императоръ и католическіе чины основывались на компактахъ и чешскомъ уложеніи, въ которомъ, конечно, еще ничего не находилось въ пользу новой вѣры, неимѣвшей въ то время за себя голоса на-

рода. Но съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось! Чтó тогда было незначительною сектою, теперь стало господствующею церковью; и не было ли притѣсненіемъ опредѣлять границы вновь-возникшей религіи старыми договорами? Чешскіе протестанты ссылались на изустное увѣреніе *Максимиліана* и на свободу вѣроисповѣданія нѣмцевъ, съ которыми желали пользоваться совершенно-одинаковыми правами. Напрасно — имъ было отказано!

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Чехіи, когда *Матіасъ*, уже повелитель Венгріи, Австріи и Моравіи, явился около Коллина, чтобы возмутить чешскіе чины противъ императора. Замѣшательство послѣдняго достигло крайняго предѣла. Покинутый всѣми своими наслѣдственными землями, онъ возлагалъ послѣднюю надежду на чешскіе чины, которые (чтó заранѣе можно было предвидѣть) не приминули воспользоваться стѣсненными его обстоятельствами для утвержденія своихъ требованій. Послѣ многихъ лѣтъ затворничества явился онъ снова въ Прагѣ на сеймѣ, и чтобы показать народу, что онъ дѣйствительно еще живъ, надо было отворить всѣ окна тѣхъ комнатъ дворца, черезъ которыя онъ проходилъ: довольно доказательствъ, до чего онъ дошелъ. Чего онъ боялся, то и сбылось. Чины, чувствуя всю важность своего положенія, ни на что не хотѣли согласиться, пока не обезпечатъ за ними ихъ сословныхъ правъ и свободы вѣроисповѣданія. Безполезно было прикрываться старыми отговорками; судьба императора была въ ихъ рукахъ и онъ долженъ былъ уступить необходимости. Но уступка эта относилась къ другимъ ихъ требованіямъ; что же касается дѣлъ вѣры, то онъ предоставилъ себѣ право обсудить ихъ на ближайшемъ сеймѣ.

Тогда чехи взялись за оружіе для его защиты и между двумя братьями должна была вспыхнуть кровопролитная междоусобная война. Но *Рудольфъ*, который ничего такъ не боялся, какъ остаться въ рабской зависимости отъ своихъ чиновъ, не дождался кровопролитія, а поспѣшилъ помириться съ эрцгерцогомъ, своимъ братомъ. Формальнымъ актомъ отреченія предоставилъ онъ ему (чего уже нельзя было у него отнять) Австрію и королевство Венгрію, и призналъ его своимъ наслѣдникомъ на чешскомъ престолѣ.

Дорого стоило императору выйдти изъ этой бѣды для того только, чтобы тотчасъ впутаться въ новую. Религіозныя дѣла чеховъ были отложены до ближайшаго сейма; этотъ сеймъ собрался въ 1609 году. Они требовали свободы вѣроисповѣданія, какою пользовались при покойномъ императорѣ, своей собственной консисторіи, предоставленія имъ прагской академіи и дозволенія изъ среды своей выбирать дефенсоровъ, или защитниковъ свободы. Отвѣтъ былъ прежній: католическая партія овладѣла волею робкаго императора. Какъ часто и въ какихъ грозныхъ выраженіяхъ ни возобновляли чины свои представленія, *Рудольфъ* остался при первомъ рѣшеніи — не соглашаться ни на что́ сверхъ прежнихъ договоровъ. Сеймъ разошелся безъ всякаго успѣха, и чины, раздраженные противъ императора, условились собраться самовольно въ Прагѣ, чтобы помочь себѣ самимъ.

Они прибыли въ большомъ числѣ въ Прагу. Несмотря на императорское запрещеніе, совѣщанія ихъ шли своимъ порядкомъ и почти предъ глазами самого императора. Уступчивость, которую онъ сталъ показывать, удостовѣряла ихъ только въ томъ, какъ они были для него страшны, и тѣмъ усиливало ихъ упорство; въ глав-

номъ пунктѣ онъ остался непоколебимъ. Они исполнили свою угрозу и положили самовластно возстановить повсюду свободу вѣроисповѣданія и ни въ чемъ не помогать императору, пока онъ не утвердитъ этой мѣры. Они не остановились на этомъ и сами избрали своихъ дефенсоровъ, въ которыхъ имъ отказалъ императоръ. Каждое изъ трехъ сословій назначило по десяти дефенсоровъ; положено было немедленно собрать войско, главное начальство надъ которымъ было поручено главѣ этого возстанія *графу Турну.* Эта твердость сдѣлала наконецъ императора снисходительнымъ, что́ ему совѣтовали сами испанцы. Изъ боязни, чтобы доведенные до крайности чины не обратились наконецъ къ королю венгерскому, онъ подписалъ знаменитую *граммату величества* (Majestätsbrief) чеховъ, которою они при его наслѣдникахъ оправдывали свое возстаніе.

Чешское исповѣданіе, представленное чинами императору *Максимиліану,* получило, въ слѣдствіе этой грамматы величества, совершенно равныя права съ католическою церковью. Утраквистамъ (какъ чешскіе протестанты продолжали себя называть) предоставлялся прагскій университетъ и своя собственная консисторія, ни въ чемъ независящая отъ архіепископа прагскаго. Всѣ церкви, которыми они, во время подписанія этой грамматы, владѣли въ городахъ, селахъ и посадахъ, оставались за ними; а если они, кромѣ этихъ, захотятъ строить новыя, то это ни владѣльцамъ, ни дворянству, ни городамъ не запрещалось. Эта послѣдняя статья въ грамматѣ величества была впослѣдствіи причиною несчастнаго раздора, воспламенившаго всю Европу.

Граммата величества сдѣлала протестантскую Чехію чѣмъ-то въ родѣ республики. Чины узнали свою си-

лу, пріобрѣтенную твердостью и единодушіемъ. Императору осталась только тѣнь царской власти; въ лицѣ такъ называемыхъ защитниковъ свободы, духъ возмущенія нашелъ сильную поддержку. Примѣръ и успѣхъ чеховъ были соблазнительнымъ призывомъ для остальныхъ земель Австріи, и всѣ готовились добыть себѣ такіе же права и тѣмъ же путемъ. Духъ свободы переходилъ изъ одной провинціи въ другую; а какъ разногласіе между австрійскими принцами было главною причиною успѣховъ протестантовъ, то поспѣшили помирить императора съ королемъ венгерскимъ.

Но примиреніе это не могло быть искреннимъ. Обида была слишкомъ тяжела, чтобы ее простить, и *Рудольфъ* продолжалъ питать въ своемъ сердцѣ неугасимую невависть къ *Матіасу*. Съ горестью и раскаяніемъ останавливался онъ на мысли, что современемъ и чешскій скиптръ долженъ перейдти въ эти ненавистныя руки; не утѣшительнѣе было для него и то, если бы *Матіасъ* умеръ безъ наслѣдника: тогда *Фердинандъ*, эрцгерцогъ Грецкій, котораго онъ также мало любилъ, сталъ бы главою фамиліи. Чтобы удалить какъ его, такъ и *Матіаса* отъ наслѣдованія чешскаго престола, онъ рѣшился передать это наслѣдство брату *Фердинанда*, эрцгерцогу *Леопольду*, епископу пассавскому, любимѣйшему изъ его родственниковъ и всѣхъ болѣе преданному его особѣ. Понятія чеховъ о свободѣ избранія своихъ королей и расположеніе ихъ къ самому *Леопольду* повидимому благопріятствовали этому намѣренію, къ которому понуждали *Рудольфа* скорѣе эгоизмъ и мстительность, чѣмъ польза своего дома. Но для приведенія этого намѣренія въ исполненіе нужно было войско, которое *Рудольфъ* дѣйствительно и собралъ въ епископ-

ствѣ пассавскомъ. Никто не зналъ о назначеніи этого корпуса; но неожиданное его вторженіе въ Чехію, произведенное вслѣдствіе невыдачи жалованья и безъ вѣдома императора, возмутило противъ него все королевство. Напрасно увѣрялъ онъ чешскіе чины въ своей невинности: они ему не вѣрили; напрасно старался онъ остановить своеволіе своихъ солдатъ: они его не слушали. Полагая, что дѣйствія императора клонятся къ уничтоженію грамматы величества, защитники свободы вооружили всю протестантскую Чехію и призвали *Матіаса.* По изгнаніи пассавскихъ войскъ, императоръ остался въ Прагѣ безъ всякой помощи, гдѣ его содержали, какъ плѣнника, подъ стражею въ его собственномъ дворцѣ, удаливъ отъ него всѣхъ его совѣтниковъ. Между тѣмъ *Матіасъ,* при единодушныхъ радостныхъ крикахъ вступилъ въ Прагу, гдѣ малодушный *Рудольфъ* вскорѣ послѣ того призналъ его королемъ чешскимъ. Жестоко наказала судьба этого императора: еще при жизни онъ долженъ былъ уступить врагу престолъ, который не хотѣлъ оставить ему и послѣ смерти. Къ довершенію униженія. его принудили собственноручнымъ актомъ отреченія разрѣшить своихъ подданныхъ въ Чехіи, Силезіи и Моравіи отъ всѣхъ ихъ обязанностей въ отношеніи къ нему; и онъ сдѣлалъ это съ растерзанной душою. Всѣ его оставили, и даже тѣ, которыхъ онъ всего болѣе считалъ ему обязанными. Когда актъ былъ подписанъ, онъ бросилъ шляпу на полъ и разгрызъ перо, оказавшее ему такую постыдную услугу.

Теряя одно наслѣдственное владѣніе за другимъ, *Рудольфъ* и санъ императорскій поддерживалъ не лучше. Каждая религіозная партія, между которыми была

раздѣлена Германія, продолжала поправляться на счетъ другой, или защищать себя отъ ея нападеній. Чѣмъ была слабѣе рука, державшая скиптръ государства, и чѣмъ болѣе протестанты и католики чувствовали себя предоставленными самимъ себѣ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ они должны были слѣдить другъ за другомъ, тѣмъ болѣе возрастала взаимная недовѣрчивость. Было достаточно, что императоръ управлялся іезуитами и руководствовался совѣтами Испаніи, чтобы возбудить въ протестантахъ страхъ, и дать имъ предлогъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Безразсудная религіозная ревность іезуитовъ, которые въ сочиненіяхъ и на каѳедрѣ подвергали сомнѣнію дѣйствительность религіознаго мира, еще болѣе воспламеняла ихъ недовѣрчивость, и въ каждомъ обыкновенномъ шагѣ католиковъ заставляла предполагать опасныя намѣренія. Каждая мѣра, предпринимаемая въ наслѣдственныхъ императорскихъ владѣніяхъ для ограниченія евангелической вѣры, пробуждала вниманіе всей протестантской Германіи; и эта-то сильная поддержка, которую евангелическіе подданные Австріи находили, или надѣялись найдти, въ единовѣрцахъ своихъ въ остальной Германіи, имѣла большое вліяніе на ихъ упорство и на быстрые успѣхи *Матіаса*. Въ имперіи думали, что продолженіемъ свободы вѣроисповѣданія обязаны затрудненіямъ, въ которыя вовлеченъ императоръ внутренними безпокойствами въ своихъ земляхъ, и только потому не спѣшили вывести его изъ этихъ затрудненій.

Почти всѣ дѣла имперскаго сейма остановились или отъ медлительности императора, или по винѣ протестантскихъ государственныхъ чиновъ, которые положили себѣ за правило не содѣйствовать къ облегченію обще-

ственныхъ нуждъ, пока не будутъ удовлетворены ихъ жалобы. Эти жалобы преимущественно были направлены противъ дурнаго управленія императора, противъ нарушенія религіознаго мира и самовольныхъ поступковъ *имперскаго надворнаго суда*, который въ теченіе этого правленія началъ распространять свою судебную власть въ ущербъ камерному суду. Прежде всѣ тяжбы между чинами, которыя не могли быть окончены, по праву сильнаго, въ неважныхъ случаяхъ рѣшались окончательно одними императорами, а въ важныхъ — при содѣйствіи князей, или же имперскими судьями по указанію свыше. Эту верховную судебную власть возложили они въ концѣ пятнадцатаго вѣка на *камерный судъ* въ Шпейерѣ, куда имперскіе чины, для охраненія себя отъ произвольнаго угнетенія императора, выговорили себѣ право опредѣлять членовъ и повѣрять рѣшенія суда посредствомъ временныхъ ревизій. Это право чиновъ, названное представительнымъ и ревизіоннымъ, въ слѣдствіе духовнаго мира, распространено было и на лютеранъ, такъ-что съ этого времени и протестантскіе судьи имѣли голосъ въ протестантскихъ дѣлахъ, и въ этомъ верховномъ имперскомъ судѣ существовало нѣкоторое наружное равенство между обѣими религіями.

Но враги реформаціи и сословной свободы, замѣчавшіе каждый случай, благопріятный ихъ намѣреніямъ, нашли вскорѣ способъ уничтожить пользу этого учрежденія. Мало по малу частное судебное мѣсто императора, такъ называемый имперскій надворный судъ въ Вѣнѣ, съ самаго начала неимѣвшій другаго назначенія, какъ помогать императору совѣтами въ выполненіи *несомнѣнныхъ личныхъ* императорскихъ правъ,

этотъ судъ, котораго члены, произвольно опредѣляемые самимъ императоромъ и получавшіе отъ него жалованье, должны были почитать единственнымъ для себя закономъ пользу своего государя и католической вѣры, ими исповѣдуемой, — этотъ судъ сталъ верховнымъ судебнымъ учрежденіемъ для имперскихъ чиновъ. Съ этого времени въ имперскій надворный судъ стали поступать многія тяжебныя дѣла между чинами различныхъ религій, подлежавшія рѣшенію одного камернаго суда, а до учрежденія этого суда — рѣшенію совѣта имперскихъ князей. Не удивительно, если рѣшенія надворнаго суда обнаруживали свое происхожденіе, если католическіе судьи и креатуры императора жертвовали правосудіемъ выгодамъ католической вѣры и императора. Хотя, повидимому, всѣ государственныя сословія Германіи имѣли причину заблаговременно стараться объ отвращеніи такого опаснаго злоупотребленія, но возстали одни только протестанты, какъ болѣе угнетенные да и тѣ возстали не всѣ на защиту германской свободы, нарушаемой этимъ самовольнымъ учрежденіемъ со стороны самой священной, со стороны судопроизводства. Въ самомъ дѣлѣ, Германіи нечего было бы радоваться уничтоженію самоуправства и учрежденію камернаго суда, если бы рядомъ съ нимъ могла существовать произвольная судебная власть императора. Имперскіе чины Германіи немного бы выиграли, въ сравненіи съ прежними временами варварства, если бы камерный судъ, гдѣ они засѣдали вмѣстѣ съ императоромъ и для котораго они отказались отъ прежняго княжескаго права, пересталъ быть необходимой судебной инстанціей. Но въ умахъ того времени часто соединялись самыя странныя противорѣчія. Съ именемъ императора, наслѣдіемъ деспотическаго Рима, соединя-

лось въ то время еще понятіе о полновластіи, которое составляло самую смѣшную противоположность съ остальнымъ государственнымъ правомъ нѣмцевъ, но тѣмъ не менѣе защищалось правовѣдами, распространялось поборниками деспотизма и дѣйствовало на слабые умы.

Къ этимъ общимъ жалобамъ мало по малу присоединились еще многіе другіе случаи, которые наконецъ довели опасенія протестантовъ до крайней степени недовѣрчивости. Во время испанскихъ гоненій за вѣру въ Нидерландахъ, нѣкоторыя протестантскія семейства удалились въ католическій имперскій городъ Ахенъ, гдѣ поселились, и тѣмъ незамѣтно увеличили число своихъ единомышленниковъ. Послѣ того, какъ имъ удалось хитростью ввести нѣкоторыхъ изъ своихъ единовѣрцевъ въ городской магистратъ, они потребовали особой церкви и открытаго богослуженія; и когда получили въ томъ отказъ, то добыли это право силой, вмѣстѣ съ городскимъ управленіемъ. Видѣть такой важный городъ въ рукахъ протестантовъ было слишкомъ жестокимъ ударомъ для императора и всей католической партіи. Послѣ всевозможныхъ императорскихъ увѣщаній и повелѣній о возстановленіи прежняго порядка, оставшихся безъ исполненія, городъ этотъ рѣшеніемъ надворнаго суда объявленъ былъ лишеннымъ покровительства законовъ, приговоръ этотѣ былъ приведенъ въ исполненіе только въ слѣдующее царствованіе.

Гораздо большее значеніе имѣли два другіе опыта протестантовъ къ распространенію своей власти и могущества. *Гебгардъ* (изъ рода Вальдбурговъ), курфирстъ кёльнскій, страстно влюбился въ молодую графиню *Агнессу Мансфельдъ*, канонису герресгеймскую, и былъ награжденъ взаимностью. Такъ-какъ

взоры всей Германіи были устремлены на эту связь, то братья графини, два ревностные кальвиниста, потребовали удовлетворенія за оскорбленіе чести своего дома, которое не могло быть заглажено свадьбой, пока курфирстъ оставался епископомъ католическимъ. Они грозили курфирсту омыть этотъ стыдъ кровью его и сестры своей, если онъ тотчасъ не откажется отъ всякой связи съ графиней, или не возвратитъ ей чести передъ алтаремъ. Курфирстъ, равнодушный ко всѣмъ послѣдствіямъ этого поступка, внималъ только голосу любви. Была ли эта наклонность къ реформатской вѣрѣ, или красота его возлюбленной совершила это чудо, только онъ отрекся отъ католической вѣры и повелъ прекрасную Агнессу къ алтарю.

Случай былъ весьма важенъ. По буквѣ духовнаго условія, курфирстъ, вслѣдствіе отреченія, лишался всѣхъ правъ на свое архіепископство; и если выполненіе духовнаго условія въ какомъ-либо отношеніи было важно для католиковъ, то особенно въ отношеніи къ курфиршествамъ. Съ другой стороны, потеря царской власти была слишкомъ жосткою мѣрою, тѣмъ болѣе жосткою для нѣжнаго супруга, желавшаго подаркомъ княжества возвысить цѣну своего сердца и руки. Условіе, касавшееся духовенства, и безъ того было спорнымъ пунктомъ аугсбургскаго мира, и вся протестантская Германія считала весьма важнымъ отнять у католической стороны и это четвертое курфиршество. Примѣръ тому былъ уже поданъ въ нѣкоторыхъ духовныхъ учрежденіяхъ нижней Германіи, и не безуспѣшно. Многіе члены кёльнскаго капитула были уже протестанты и, слѣдовательно, на сторонѣ курфирста; да и въ городѣ имѣлъ онъ множество протестантскихъ приверженцевъ: всѣ эти причины, а также убѣ

жденія его друзей и родственниковъ и обѣщанія многихъ нѣмецкихъ дворовъ склонили курфирста и послѣ перемѣны религіи удержать за собою курфиршество.

Но скоро обнаружилось, что онъ предпринялъ борьбу, которой не въ силахъ былъ окончить. Уже одна свобода богослуженія, предоставленная протестантамъ въ кёльнскихъ земляхъ, встрѣтила сильныя возраженія со стороны католическихъ чиновъ и членовъ капитула. Противодѣйствіе императора и булла изъ Рима, которая прокляла его, какъ вѣроотступника, и лишила свѣтскаго и духовнаго сана, вооружили противъ него и чины и капитулъ. Курфирстъ собралъ войско; члены капитула сдѣлали то же. Чтобы обезпечить себя скорою и сильною помощью, они немедленно приступили къ выбору новаго курфирста, который палъ на епископа *Лютихскаго*, баварскаго принца.

Началась междоусобная война, которая по особенно-жаркому участію, принимаемому въ этомъ дѣлѣ обѣими религіозными партіями въ Германіи, могла окончиться общимъ нарушеніемъ религіознаго мира. Всего болѣе огорчало протестантовъ то, что папа осмѣлился, вслѣдствіе присвоенія апостольской власти, лишать имперскаго князя имперскихъ его достоинствъ. Еще въ золотыя времена ихъ духовнаго владычества, право это было оспориваемо у папъ: тѣмъ болѣе теперь, когда ихъ власть была совершенно уничтожена въ одной половинѣ Европы, а въ другой едва-едва держалась. Всѣ протестанскіе дворы Германіи съ жаромъ ходатайствовали у императора въ пользу этого дѣла. *Генрихъ Четвертый*, французскій, бывшій тогда королемъ наварскимъ, не упускалъ ни одного случая, посредствомъ перегово-

ровъ, поощрять нѣмецкихъ князей къ упорной защитѣ своихъ правъ. Это былъ рѣшительный моментъ для свободы Германіи. Четыре протестантскіе голоса противъ трехъ католическихъ въ собраніи курфирстовъ должны были дать перевѣсъ силы сторонѣ протестантской и тѣмъ преградить навсегда австрійскому дому путь къ императорскому престолу.

Но курфирстъ *Гебгардъ* принялъ реформатскую, а не лютеранскую вѣру: это единственное обстоятельство было причиною всѣхъ его несчастій. Взаимное ожесточеніе обѣихъ церквей не дозволяло евангелическимъ имперскимъ чинамъ считать курфирста своимъ единовѣрцемъ и помогать ему на этомъ основаніи. Правда, всѣ ободряли его и обѣщали помощь; но на дѣлѣ только одинъ удѣльный принцъ палатинскаго дома, пфальцграфъ *Іоаннъ Казимиръ*, ревностный кальвинистъ, сдержалъ свое слово. Не обращая вниманія на императорское запрещеніе, онъ двинулся съ своимъ маленькимъ войскомъ къ Кёльну, но не произвелъ ничего важнаго, потому-что курфирстъ, самъ нуждавшійся во всемъ необходимомъ, оставилъ его безъ всякой помощи. Тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовалъ вновь избранный курфирстъ, поддерживаемый своими баварскими родственниками и испанцами изъ Нидерландовъ. Войска *Гебгарда*, неполучавшія жалованья отъ своего государя, сдавали непріятелю одинъ городъ за другимъ; остальные принуждены были къ сдачѣ силою. Немного долѣе держался *Гебгардъ* въ своихъ вестфальскихъ земляхъ, но вскорѣ и тутъ принужденъ былъ уступить превосходству силъ. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ въ Голландіи и Англіи возвратить при ихъ помощи потерянное, онъ возвратился въ Страсбургъ, чтобъ умереть деканомъ тамошняго капитула. Это была первая

жертва духовнаго условія или, правильнѣе, отсутствія всякаго согласія между нѣмецкими протестантами.

Къ кёльнскому раздору вскорѣ присоединилось новое, въ Страсбургѣ. Нѣкоторые изъ протестантскихъ членовъ кёльнскаго капитула, подвергшіеся вмѣстѣ съ курфирстомъ папскому проклятію, удалились въ это епископство, гдѣ они также имѣли пребенды. Когда же католическіе члены страсбургскаго капитула вздумали лишить ихъ, какъ отлученныхъ отъ церкви, права пользованія своими пребендами, то они завладѣли ими силою, а огромное протестантское большинство между гражданами Страсбурга вскорѣ дало имъ преобладаніе во всемъ епископствѣ. Католическіе члены капитула переѣхали въ Цабернъ-Эльзасскій, гдѣ, подъ защитою своего епископа, продолжали засѣданія капитула, признавая его за единственный, истинный, а оставшійся въ Страсбургѣ объявили незаконнымъ. Между тѣмъ послѣдніе, вслѣдствіе присоединенія нѣсколькихъ членовъ изъ знатнѣйшихъ родовъ, усилились до такой степени, что по смерти епископа могли избрать новаго протетстантскаго епископа въ лицѣ *Іоанна Георга*, принца *Бранденбургскаго*. Католическіе члены, недумавшіе признавать этого избранія, выбрали въ это званіе епископа мецскаго, принца лотарингскаго, который, ни мало не медля, возвѣстилъ свое избраніе непріятельскими дѣйствіями противъ страсбургскихъ владѣній.

Такъ-какъ городъ Страсбургъ вооружился за протестантскій капитулъ и принца *Бранденбургскаго*, а противная сторона, вспомоществуемая лотарингскими войсками, старалась завладѣть епископальнымъ имуществомъ, то это повело къ войнѣ, сопровождавшейся

варварскимъ опустошеніемъ, бывшимъ въ духѣ того времени. Напрасно императоръ съ своимъ высочайшимъ авторитетомъ вмѣшался въ это дѣло, чтобы окончить споръ: епископальныя имущества еще долго оставались раздѣленными между обѣими партіями, пока, наконецъ, протестантскій принцъ не отказался за умѣренное денежное вознагражденіе отъ своего права. Такимъ образомъ и на этотъ разъ католическая церковь вышла изъ борьбы побѣдительницею.

Еще важнѣе для всей протестантской Германіи было то́, что́ произошло, вскорѣ по прекращеніи предъидущаго раздора, съ Донаувертомъ, швабскимъ имперскимъ городомъ. Протестантская партія этого прежде католическаго города, усиливаясь обыкновеннымъ путемъ въ правленіе *Фердинанда* и его сына, сдѣлалась наконецъ до того сильною, что жители-католики принуждены были довольствоваться одною церковью въ монастырѣ св. Креста, и большую часть своихъ богослужебныхъ обрядовъ совершать скрытно отъ протестантовъ. Наконецъ фанатическій пріоръ этого монастыря рѣшился, вопреки народному мнѣнію, совершить открыто крестный ходъ съ распущенными хоругвями; но его вскорѣ принудили отказаться отъ своего предпріятія. Когда же этотъ самый пріоръ, ободренный милостивымъ императорскимъ рескриптомъ, повторилъ на слѣдующій годъ свой крестный ходъ—приступили къ открытому насилію. Фанатическая чернь загородила братіи возвратный путь въ монастырь, изломала хоругви и съ крикомъ и ругательствами проводила ихъ домой. Слѣдствіемъ этого насилія былъ императорскій призывъ къ суду; но когда изступленная чернь стала грозить нападеніемъ императорскимъ коммиссарамъ, когда всѣ ста-

ранія къ миролюбивому окончанію дѣла были разрушены фанатическою чернью, — послѣдовалъ императорскій приговоръ противъ города, исполненіе котораго поручено было *Максимиліану*, герцогу *Баварскому*. Малодушіе овладѣло непокорными гражданами при приближеніи баварскаго войска, и они положили оружіе безъ всякаго сопротивленія. Совершенное уничтоженіе протестантской вѣры было наказаніемъ за изъ вину. Городъ потерялъ свои права и изъ швабскаго имперскаго города превратился въ баварскій окружный городъ.

Два обстоятельства сопровождали этотъ случай, которыя должны были обратить на себя особенное вниманіе протестантовъ, хотя бы польза религіи и не имѣла на нихъ большаго вліянія. Приговоръ былъ произнесенъ имперскимъ надворнымъ судомъ, учрежденіемъ произвольнымъ и чисто-католическимъ, судебная власть котораго была постоянно ими оспориваема, а исполненіе этого приговора было поручено баварскому герцогу, повелителю чуждой области. Подобныя распоряженія, вовсе несогласныя съ конституціею, предвѣщали имъ со стороны католиковъ насильственныя мѣры, которыя легко могли основываться на тайныхъ соглашеніяхъ и опасномъ умыслѣ и окончиться совершеннымъ подавленіемъ ихъ религіозной свободы.

Когда право сильнаго становится правомъ и на одной силѣ основывается безопасность, тогда обыкновенно слабѣйшая сторона гораздо болѣе старается привесть себя въ оборонительное положеніе. То же случилось и въ Германіи. Если бы католики дѣйствительно рѣшились на что-нибудь дурное въ отношеніи протестантовъ, то прямой разсчетъ заставилъ бы ихъ начать свои дѣйствія

скорѣй въ южной, чѣмъ въ сѣверной Германіи, потому-что протестанты нижней Германіи, представляя сплошную, непрерывную цѣпь земель, связанныхъ между собою, весьма легко могли помогать другъ другу, тогда какъ протестанты верхней Германіи, отдѣленные отъ прочихъ и окруженные со всѣхъ сторонъ католическими государствами, были открыты для каждаго нападенія. Наконецъ, если бы католики, какъ можно было думать, пользуясь внутренними раздорами протестантовъ, захотѣли бы напасть на одну изъ религіозныхъ партій, то первый ударъ разразился бы надъ кальвинистами, какъ слабѣйшими и безъ того исключенными изъ религіознаго міра.

Оба эти условія соединялись въ палатинскихъ владѣніяхъ, имѣвшихъ въ герцогѣ *Баварскомъ* весьма опаснаго сосѣда; вслѣдствіе своего отпаденіе къ кальвинизму, они не могли надѣяться ни на защиту религіознаго міра, ни на сильную помощь евангелическихъ чиновъ. Ни одна нѣмецкая область того времени не испытала въ такое короткое время столькихъ измѣненій вѣры, какъ Палатинатъ. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ эта область — несчастное игралище своихъ государей — два раза принимала ученіе *Лютера*, и два раза оставляла для кальвинизма. Курфирстъ *Фридрихъ Третій* первый измѣнилъ аугсбургскому исповѣданію, которое старшій сынъ его и наслѣдникъ *Людвигъ* скоро и насилью сдѣлалъ снова господствующимъ. У кальвинистовъ во всей области были отняты церкви, ихъ проповѣдники и даже школьные учители ихъ вѣры были высланы за границу; даже въ духовномъ своемъ завѣщаніи преслѣдовалъ ихъ этотъ ревностный евангелическій государь, назначивъ однихъ строго-правовѣр-

ныхъ лютеранъ опекунами своего малолѣтнаго сына. Но это противозаконное завѣщаніе уничтожилъ братъ его пфальцграфъ *Іоаннъ Казимиръ* и, въ силу золотой буллы, принялъ званіе опекуна и правителя всею областью. Къ девятилѣтнему курфирсту (*Фридриху Четвертому*) опредѣлилъ онъ кальвинскихъ учителей, которымъ поручилъ изгнать лютеранскую ересь изъ сердца своего воспитанника, хотя бы побоями, если встрѣтится надобность. Если такимъ образомъ обходились съ государемъ, то можно себѣ представить, какъ обходились съ подданными.

При этомъ-то *Фридрихѣ Четвертомъ* палатинскій дворъ старался всѣми силами склонить протестантскіе чины Германіи къ единодушному дѣйствію противъ австрійскаго дома и, если возможно, къ заключенію между ними союза. Независимо отъ того, что дворъ этотъ слѣдовалъ французскимъ совѣтамъ, душою которыхъ была ненависть къ Австріи, его побуждала также и собственная безопасность, желаніе удостовѣриться заблаговременно въ довольно-сомнительной помощи лютеранъ противъ близкаго и сильнаго врага. Устройство этого союза было сопряжено съ большими затрудненіями, потому-что отвращеніе лютеранъ отъ реформатовъ едва-ли уступало ихъ общей ненависти къ папистамъ. Поэтому сначала сдѣланы были попытки къ соединенію религій, чтобы тѣмъ облегчить соединеніе политическое; но всѣ эти попытки не имѣли успѣха и, по обыкновенію, оканчивались тѣмъ, что каждая сторона еще болѣе укрѣплялась въ своихъ мнѣніяхъ. Итакъ, не оставалось другаго средства, какъ усилить страхъ и недовѣрчивость лютеранъ и тѣмъ заставить ихъ почувствовать необходимость подобнаго союза. Опасность

и силы католиковъ были преувеличены, случайныя происшествія приписаны обдуманному намѣренію, невинные случаи обезображены толкованіями ненависти и всѣмъ поступкамъ католиковъ придано единодушіе и обдуманность, отъ которыхъ они, вѣроятно, были весьма далеки.

Имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ, на которомъ протестанты надѣялись добиться возобновленія религіознаго мира, кончался безуспѣшно, и къ прежнимъ ихъ тягостямъ присоединилось еще новое — угнетеніе Донауверта. Невѣроятно-скоро устроился давно желанный союзъ, именно въ 1608 году въ Ангаузенѣ, во Франконіи, курфирстъ *Фридрихъ Четвертый*, палатинскій, пфальцграфъ *Нейбургскій*, два маргкрафа *Бранденбургскіе*, маркграфъ *Баденскій* и герцогъ *Іоаннъ Фридрихъ Вюртембергскій*, слѣдовательно лютеране и кальвинисты, вступили въ тѣсный союзъ, получившій названіе евангелической Уніи (Union), за себя и своихъ наслѣдниковъ. Положено было, что союзные государи во всѣхъ случаяхъ, касавшихся и вѣры и ихъ сословныхъ правъ, обязаны помогать другъ другу противъ всякаго обидчика словомъ и дѣломъ и стоять *всѣмъ* за *каждаго*; каждому, вовлеченному въ войну, остальные члены союза обязаны помогать войскомъ; въ случаѣ надобности, войскамъ каждаго должны быть открыты земли, города и зáмки другихъ членовъ союза; пріобрѣтенное силою оружія раздѣляется между всѣми, соразмѣрно степени участія каждаго члена. Управленіе всѣмъ союзомъ въ мирное время предоставлено было курфирсту палатинскому, но съ ограниченною властью; для издержекъ потребована была ссуда и заведенъ капиталъ. Различіе въ вѣроисповѣданіи (между лютеранами

и кальванистами) не должно было имѣть вліяніе на союзъ. Все это имѣло силу въ теченіе десяти лѣтъ. Каждый членъ союза обязался хлопотать о пріобрѣтеніи новыхъ членовъ. Курфирстъ бранденбургской изъявилъ свое согласіе; курфирстъ саксонскій не одобрялъ союза. Гессенъ не зналъ на что́ рѣшиться, равно какъ и герцоги брауншвейгскій и люнебургскій. Но три имперскіе города: Страсбургъ, Нюренбергъ и Ульмъ были немаловажнымъ пріобрѣтеніемъ для союза, имѣвшаго большую нужду въ деньгахъ и въ ихъ примѣрѣ, которому могли послѣдовать многіе другіе имперскіе города.

Союзные чины, каждый, отдѣльно взятый, робкій и мало-уважаемый, по вступленіи въ союзъ вели себя гораздо отважнѣе. Чрезъ *Христіана* герцога *Ангальтскаго* представили они императору свои жалобы и требованія, между которыми возстановленіе Донауверта, прекращеніе императорскихъ дворскихъ процесовъ, и реформы въ его собственномъ управленіи и управленіи его совѣтниковъ занимали первое мѣсто. Они выбрали для представленія своихъ жалобъ именно то время, когда императоръ, вслѣдствіе безпокойствъ въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ, едва могъ придти въ себя, когда онъ еще недавно долженъ былъ уступить *Матіасу* Австрію и Венгрію и только дарованіемъ грамматы величества успѣлъ спасти свою чешскую корону, когда, наконецъ, юлихское наслѣдство угрожало издали новою войною; неудивительно, что этотъ медлительный государь на этотъ разъ медлилъ своимъ рѣшеніемъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, и прежде чѣмъ успѣлъ опомниться, унія взялась за оружіе.

Католики недовѣрчиво слѣдили за уніей; унія съ

такою же недовѣрчивостью слѣдила за католиками и императоромъ, а императоръ за ними обоими. Страхъ и ожесточеніе обѣихъ сторонъ достигли высочайшей степени. И именно въ это-то опасное время смерть *Іоанна Вильгельма*, герцога *Юлихскаго*, должна была подать поводъ къ жаркому спору за наслѣдство юлихклевскихъ владѣній.

Восемь соискателей предъявили свои права на это наслѣдство, нераздѣльность котораго была утверждена торжественнымъ договоромъ; девятымъ можно было считать императора, выказывавшаго желаніе конфисковать его, какъ упраздненный имперскій ленъ. Четверо изъ нихъ: курфирстъ *Бранденбургскій*, пфальцграфы, *Нейбургскій*, и *Цвейбрикенскій* и маркграфъ *Бургаускій*, австрійскій принцъ, требовали его, какъ женскій ленъ, именемъ четырехъ принцессъ, сестеръ покойнаго герцога. Два другіе: курфирстъ саксонскій, альбертинскій и герцоги саксонскіе эрнестинской линіи ссылались на обѣщанія императора *Фридриха Третьяго* и сына его *Максимиліана Перваго*. На притязанія нѣкоторыхъ иностранныхъ принцевъ не обращали вниманія. Ближайшее и почти одинаковое право было, казалось, на сторонѣ Бранденбурга и Нейбурга. Оба эти двора, тотчасъ послѣ смерти герцога Юлихскаго, завладѣли наслѣдствомъ; курфирстъ бранденбургскій сдѣлалъ начало, пфальцграфъ нейбургскій послѣдовалъ его примѣру. Оба начали споръ свой перомъ и, вѣроятно, окончили бы его мечомъ; но вмѣшательство императора, желавшаго довесть это тяжебное дѣло до своего престола, а между тѣмъ спорныя земли взять подъ секвестръ, заставило спорившія стороны примириться, для отвращенія общей опасности. Они согласились управлять гер-

цогствомъ вмѣстѣ. Напрасно императоръ запрещалъ земскимъ сословіямъ присягать новымъ государямъ; напрасно посылалъ родственника своего эрцгерцога *Леопольда*, епископа пассавскаго и страсбургскаго, въ юлихскія владѣнія для поддержанія въ нихъ императорской партіи личнымъ своимъ присутствіемъ: вся область, за исключеніемъ города Юлиха, покорилась протестантскимъ принцамъ и императорская партія была осаждена въ этой столицѣ.

Юлихскій споръ былъ весьма важенъ для всей Германіи и даже возбудилъ вниманіе нѣкоторыхъ европейскихъ дворовъ. Главный вопросъ заключался не въ томъ, кто будетъ владѣть Юлихскимъ Герцогствомъ и кто не будетъ, а въ томъ, которая изъ двухъ партій въ Германіи, католическая или протестантская, усилится такою важною областью? которая изъ двухъ религій пріобрѣтетъ или потеряетъ эти земли? Вопросъ заключался въ томъ, успѣетъ ли Австрія въ своемъ замыслѣ и удовлетворитъ ли своей страсти къ пріобрѣтенію этою новою добычею, и уцѣлѣетъ ли свобода Германіи и равновѣсіе ея силъ отъ притязаній Австріи? Итакъ, споръ изъ-за юлихскаго наслѣдства было дѣломъ всѣхъ державъ, благопріятствовавшихъ свободѣ и враждебныхъ Австріи. Евангелическая унія, Голландія, Англія и особенно *Генрихъ Четвертый*, французскій, были вовлечены въ этотъ споръ.

Этотъ государь, утратившій лучшую половину своей жизни по милости австрійскаго дома и Испаніи, и наконецъ преодолѣвшій непоколебимыми геройскими усиліями всѣ препятствія, поставленныя этимъ домомъ между нимъ и французскимъ престоломъ, не оставался равнодушнымъ зрителемъ безпокойствъ, происходившихъ

въ Германіи. Эта-то борьба чиновъ съ императоромъ даровала и обезпечивала миръ его Франціи. Протестанты и турки обуздывали могущество Австріи на западѣ и востокѣ; но она возстала бы во всемъ своемъ ужасномъ величіи, когда бы ей позволили свергнуть съ себя эту тяжесть. *Генрихъ Четвертый* въ теченіе половины человѣческой жизни любовался зрѣлищемъ *австрійскаго властолюбія* и *австрійской жажды пріобрѣтенія*, которыхъ ни несчастія, ни слабоуміе, обыкновенно умѣряющее страсти, не могли погасить въ груди, въ которой едва ли таилась одна капля крови *Фердинанда Аррагонскаго*. Уже цѣлое столѣтіе, какъ австрійское любостяжаніе исторгло Европу изъ счастливаго мира и внутри главнѣйшихъ ея государствъ произвело насильственные перевороты. Они лишили поля земледѣльцевъ, мастерскія—художниковъ, чтобы покрыть земли страшными, никогда невиданными массами войскъ, а торговыя моря непріятельскими флотами; она поставила европейскихъ государей въ необходимость отяготить трудолюбіе своихъ подданныхъ неслыханными налогами и лучшую силу ихъ областей, потерянную для благосостоянія жителей, истощить на вынужденную оборону. Для Европы не было мира, для государствъ ея не было счастья; ни одно предпріятіе для блага народовъ не было прочно, пока этой опасной династіи предоставлялось произвольно нарушать спокойствіе этой части свѣта.

Подобнаго рода размышленія омрачали душу *Генриха* на закатѣ его славной жизни. Чего ему стоило разсѣять мрачный хаосъ, куда низвергла Францію долголѣтняя междоусобная война, начатая и продожаемая этою же самою Австріею? Каждый великій человѣкъ хочетъ трудиться для вѣчности; а кто могъ поручиться

этому королю за прочность того благосостоянія, въ которомъ онъ оставлялъ Францію, пока Австрія и Испанія оставались соединенною державою, которая хотя и была теперь обезсилена, но которой было достаточно одного счастливаго случая, чтобы снова соединиться въ одно тѣло и снова возстать во всей грозной своей силѣ? Если онъ хотѣлъ оставить незыблемый тронъ своему наслѣднику и прочный миръ своему народу, то слѣдовало эту опасную державу обезоружить навсегда. Вотъ источникъ той непримиримой ненависти къ австрійскому дому, въ которой поклялся *Генрихъ Четвертый*, ненависти неугасимой, яростной и справедливой, подобно ненависти *Аннибала* къ народу *Ромула*, но болѣе благородной въ своемъ основаніи.

Всѣ государства Европы раздѣляли высокое побужденіе *Генриха*, но не всѣ слѣдовали его просвѣщенной политикѣ, не всѣ имѣли столько безкорыстнаго мужества, чтобы рѣшиться дѣйствовать по одному этому побужденію. Каждаго безъ различія привлекаетъ близкая выгода, но только великія души заботятся объ отдаленномъ благѣ. Пока мудрость въ своихъ дѣйствіяхъ разсчитываетъ на мудрость или на свои собственныя силы, она создаетъ одни невозможные планы, и мудрость рискуетъ сдѣлаться посмѣшищемъ свѣта; но она можетъ быть увѣрена въ счастливыхъ послѣдствіяхъ и разсчитывать на похвалы и удивленіе, если въ мудрыхъ своихъ планахъ назначаетъ роли варварству, корыстолюбію и суевѣрію, и когда обстоятельства позволяютъ ей воспользоваться корыстными страстями для достиженія высокихъ цѣлей.

Въ первомъ случаѣ извѣстное предположеніе *Генриха* — изгнать австрійскій домъ изъ всѣхъ его владѣній и раз-

дѣлить свою добычу между европейскими государствами, дѣйствительно заслуживало названія несбыточной мечты, которымъ такъ охотно его честили; но заслужило ли оно это названіе и въ другомъ случаѣ? Конечно, этому великому королю никогда не приходило въ голову искать въ исполнителяхъ своего плана, той же побудительной причины, какая одушевляла его и *Сюлли*. Всѣ государства, въ помощи которыхъ нуждались, были вовлечены въ назначенный имъ кругъ дѣйствій самыми сильными доводами, какіе только могутъ заставить дѣйствовать политическую силу. Отъ протестантовъ Австріи требовали только того, что, повидимому, уже давно было цѣлью ихъ желаній — сверженія австрійскаго ига; отъ нидерландцевъ — такого же отпаденія отъ Испаніи. Для папы и всѣхъ республикъ Италіи, всего важнѣе было изгнаніе испанской тиранніи съ ихъ полуострова; для Англіи всего желательнѣе была революція, которая освободила бы ее отъ непримиримаго врага. Каждое государство выигрывало при раздѣлѣ австрійской добычи или землею или свободою, новою собственностью или обезпеченіемъ прежней; а такъ-какъ выигрывали всѣ, то равновѣсіе оставалось неприкосновеннымъ. Франція могла великодушно отказаться отъ всякаго участія въ добычѣ, потому-что чрезъ паденіе Австріи выигрывала, по крайней мѣрѣ, вдвое и становилась сильнѣйшею державой. Наконецъ, въ замѣнъ того, что *габсбургскій* домъ освобождалъ отъ своего присутствія Европу, потомкамъ этого дома предоставлялось *право* распространять свои владѣнія во всѣхъ другихъ открытыхъ и открываемыхъ странахъ стѣта. Кинжалъ *Равальяка* спасъ Австрію, чтобы отдалить спокойствіе Европы еще на нѣсколько столѣтій.

Задумавъ такое предпріятіе, *Генрихъ* долженъ былъ непремѣнно принять скорое и дѣятельное участіе въ евангелической уніи Германіи и въ спорѣ о юлихскомъ наслѣдствѣ, какъ въ происшествіяхъ весьма важныхъ. Его агенты дѣйствовали при всѣхъ протестантскихъ дворахъ Германіи, и стоило имъ хотя немного открыть великую политическую тайну своего монарха, чтобы привлечь на свою сторону умы, одушевленные такою пылкою ненавистью къ Австріи и пожираемые такою сильною жаждою пріобрѣтенія. Благоразумныя старанія *Генриха* соединили унію еще тѣснѣе, а могущественная помощь, оказать которую онъ обязался, одушевила союзниковъ твердою надеждою. Сильная французская армія, подъ личнымъ начальствомъ самого короля, должна была соединиться съ войсками уніи на Рейнѣ и прежде всего содѣйствовать къ окончательному завоеванію юлихъ-клевскихъ земель, послѣ того вступить, вмѣстѣ съ нѣмцами, въ Италію (гдѣ Савоія, Венеція и папа имѣли въ готовности сильное подкрѣпленіе), чтобы низвергнуть тамъ всѣ испанскіе престолы. Затѣмъ эта побѣдоносная армія должна была вторгнуться, со стороны Ломбардіи, въ габсбургскія наслѣдственныя владѣнія и тамъ, благопріятствуемая общимъ возстаніемъ протестантовъ, сложить австрійскій скиптръ во всѣхъ его нѣмецкихъ земляхъ, въ Чехіи, Венгріи и Трансильваніи. Между тѣмъ брабандцы и голландцы, подкрѣпленные французами, также избавились бы отъ испанской тиранніи, и этотъ ужасный, выступившій изъ своихъ береговъ потокъ, еще недавно грозившій похоронить свободу Европы въ мутной своей пучинѣ, заструился бы тихо и безвѣстно за Пиренейскими Горами.

Французы всегда славились быстротою своихъ дѣйствій; на этотъ разъ нѣмцы ихъ перещеголяли. Прежде нежели *Генрихъ* успѣлъ придти въ Эльзасъ, уже армія уніи была тамъ, и австрійскія войска, собранныя въ этихъ мѣстахъ епископомъ страсбургскимъ и пассавскимъ, для отправленія въ Юлихъ, были разсѣяны. *Генрихъ Четвертый* составилъ планъ своихъ дѣйствій, какъ *политикъ* и *король;* но приведеніе его въ дѣйствіе поручилъ *разбойникамъ.* По его мнѣнію, не слѣдовало ни одному католическому имперскому князю давать поводъ думать, что союзъ вооружается противъ него и дѣло Австріи почитать своимъ собственнымъ дѣломъ; религіи не должно было мѣшаться въ это предпріятіе. Но могли ли нѣмецкіе князья, ради плановъ *Генриха,* забыть свои цѣли? Побуждаемые жаждою пріобрѣтенія и религіозною ненавистью, могли ли они не удовлетворять по возможности своей господствующей страсти?

Какъ хищныя птицы напали они на владѣнія духовныхъ князей и избирали эти тучныя пажити для своихъ лагерей, хотя бы это стоило имъ вдвое-большаго обхода. Какъ-будто въ непріятельской землѣ, налагали они контрибуціи и самовольно собирали земскіе поборы, и чего не давали добровольно, то отымали силой. Чтобы не оставлять католиковъ въ заблужденіи на счетъ истинной причины ихъ вооруженія, они объявляли ясно и во всеуслышаніе, какую судьбу готовятъ духовнымъ учрежденіямъ. Такъ мало *Генрихъ Четвертый* и нѣмецкіе принцы понимали другъ друга въ этомъ операціонномъ планѣ! такъ жестоко ошибся этотъ несравненный король въ своихъ орудіяхъ! Останется вѣчною истиною то, что насиліе, если мудрость признаетъ его необходимымъ, никогда не должно быть поручаемо охот-

нику до насилія; что нарушить порядокъ можно поручить только тому, кто чтитъ его святость.

Поведеніе уніи, огорчившее даже многихъ изъ протестанскихъ чиновъ, и страхъ подвергнуться еще худшимъ поступкамъ, возбудили въ католикахъ нечто бо́льшее, чѣмъ пустой гнѣвъ. Глубоко-падшая власть императора уже не могла защитить ихъ отъ такого непріятеля. Союзъ дѣлалъ протестантовъ такими страшными и гордыми; союзъ имъ слѣдовало и противопоставить.

Епископъ вюрцбургскій начерталъ планъ этого католическаго союза, который названъ былъ *лигою* въ отличіе отъ евангелическаго. Статьи, въ которыхъ согласились, были почти тѣ же, что́ послужили основаніемъ уніи; большая часть членовъ были епископы; въ главѣ союза сталъ *Максимиліанъ*, герцогъ *Баварскій*, но какъ единственный значащій свѣтскій членъ, съ властью несравненно-большею, чѣмъ та, которая была предоставлена главѣ уніи. Независимо отъ того, что герцогъ баварскій былъ единственнымъ предводителемъ всѣхъ военныхъ силъ лигистовъ, отчего дѣйствія лиги должны были пріобрѣсть быстроту и единство, чего не могло быть въ дѣйствіяхъ уніи, лига имѣла еще ту выгоду, что денежныя пособія вносились богатыми прелатами гораздо акуратнѣе, чѣмъ въ уніи бѣдными протестантскими чинами. Не предлагая императору, какъ католическому имперскому князю, участія въ своемъ союзѣ, и не давая ему въ томъ отчета, какъ императору, грозно и неожиданно явилась лига, достаточно-сильная, чтобы истребить совершенно унію и продлить свое существованіе въ теченіе трехъ царствованій. Хотя лига и сражалась за Австрію, будучи направлена противъ

протестантскихъ князей, но скоро и сама Австрія должна была трепетать передъ нею.

Между тѣмъ оружіе уніи торжествовало въ Юлихѣ и Эльзасѣ; Юлихъ былъ тѣсно обложенъ и все епископство страсбургское находилось въ ихъ власти. Но тѣмъ и кончились блестящіе успѣхи союзниковъ. Французское войско не явилось на Рейнѣ: того, кто долженъ былъ предводительствовать этимъ войскомъ и вообще одушевлять все предпріятіе *Генриха Четвертаго* — уже не было на свѣтѣ. Ихъ деньги были на исходѣ, а земскія сословія не хотѣли вносить снова; союзные же имперскіе чины были крайне недовольны тѣмъ, что у нихъ требовали однѣхъ только денегъ, а никогда не спрашивали ихъ мнѣнія. Особенно сердило ихъ то, что они вошли въ издержки по юлихскому спорному дѣлу, которое именно исключено было изъ дѣлъ уніи; что союзные князья назначили себѣ изъ общественной кассы большіе пансіоны, а всего болѣе то, что князья не давали имъ никакого отчета въ истраченныхъ деньгахъ.

Такимъ образомъ унія клонилась къ паденію именно въ то время, когда лига возставала противъ нея съ новыми и свѣжими силами. Недостатокъ въ деньгахъ не позволялъ войскамъ уніи оставаться долѣе въ полѣ; но и положить оружіе въ виду готоваго къ бою непріятеля было опасно. Чтобы обезпечить себя хотя съ *одной* стороны, союзники помирились вскорѣ съ главнымъ своимъ врагомъ — эрцгерцогомъ *Леопольдомъ*, причемъ обѣ стороны согласились вывести свои войска изъ Эльзаса, отпустить плѣнныхъ и прошедшее предать забвенію. Такимъ жалкимъ образомъ кончилось это вооруженіе, обѣщавшее такъ много!

Тѣмъ же повелительнымъ языкомъ, какимъ унія, полагаясь на свои силы, говорила съ католическою Германіею, теперь говорила лига съ уніею и ея войсками. Имъ указывали слѣды ихъ похода и клеймили самыми жосткими именами, которыхъ они вполнѣ заслуживали. Епископства вюрцбургское, бамбергское, страсбургское, майнцское, тріентское, кёльнское и многія другія испытали ихъ опустошительное пребываніе. Унія обязалась вознаградить ихъ всѣхъ за причиненные убытки, водяное и сухопутное сообщеніе (союзъ завладѣлъ судоходствомъ по Рейну) сдѣлать снова свободнымъ, а все остальное привесть въ прежнее положеніе. Но прежде всего потребовали отъ уніи положительнаго и откровеннаго объясненія — чего можно было отъ нихъ ожидать? Пришла очередь и уніи уступить силѣ. Они не были готовы къ бою съ такимъ сильнымъ непріятелемъ; но они сами обнаружили передъ католиками тайну своего могущества. Хотя для ихъ гордости оскорбительно было просить мира, но, получивъ его, они могли почесть себя счастливыми. Одна сторона обѣщала удовлетвореніе, а другая — прощеніе. Оружіе было положено. Военная буря пронеслась еще разъ и наступила мгновенная тишина. Въ это самое время вспыхнуло возмущеніе въ Чехіи, стоившее императору его послѣдняго наслѣдственнаго владѣнія; но ни унія, ни лига не вмѣшались въ эти чешскія несогласія.

Наконецъ умеръ императоръ (въ 1612 году), также мало оплаканный въ гробѣ, какъ былъ мало уважаемъ на тронѣ. Много лѣтъ спустя, когда бѣдствія *послѣдующихъ* царствованій заставили забыть бѣдствія его собственнаго управленія, память его озарилась славою, и Германію покрыла такая страшная тьма, что проли-

вали кровавыя слезы, желая снова имѣть *такого* государя.

Рудольфа никакъ не могли склонить на избраніе себѣ наслѣдника, и потому всѣ ожидали со страхомъ близкаго упраздненія императорскаго престола; но *Матіасъ*, вопреки общаго ожиданія, взошелъ на него быстро и спокойно. Католики подали за него свой голосъ, ожидая всего лучшаго отъ бодрой дѣятельности этого государя; протестанты подали за него свой, ожидая всего отъ его дряхлости; нетрудно согласить это противорѣчіе. Одни полагались на то, что́ онъ *уже* выказалъ; другіе судили по тому, что́ онъ выказывалъ въ данную минуту.

Вступленіе новаго государя на престолъ всегда сопровождается надеждами, и первый государственный сеймъ короля въ избирательныхъ государствахъ бываетъ обыкновенно тяжелымъ для него испытаніемъ. На немъ возобновляется каждая старая жалоба и пріискиваются новыя, чтобы подвести ихъ подъ ожидаемыя перемѣны; съ новымъ королемъ долженъ возникнуть и совершенно новый міръ. Важныя услуги, оказанныя *Матіасу* ихъ единовѣрцами въ Австріи при его возстаніи, были въ свѣжей памяти у протестантскихъ имперскихъ чиновъ, и способъ, которымъ первые вознаградили себя за свои услуги, казался и для нихъ достойнымъ подражанія.

При содѣйствіи протестантскихъ сословій Австріи и Моравіи, *Матіасъ* искалъ дороги къ престолу брата своего, и дѣйствительно нашелъ ее; но, увлеченный своими честолюбивыми замыслами, онъ не подумалъ, что тѣмъ самымъ и для чиновъ открывался путь предписывать законы своему государю. Недолго предавался онъ

упоенію счастья. Едва послѣ чешскаго похода онъ снова и торжественно явился своимъ австрійскимъ подданнымъ, какъ его уже ожидало *всеподданнѣйшее прошеніе*, котораго было достаточно, чтобы испортить весь его тріумфъ. Они требовали, до приступленія къ присягѣ, полной религіозной свободы въ городахъ и селахъ, давно-желаемаго равенства правъ между католиками и протестантами и совершенно-равнаго допуска послѣднихъ ко всѣмъ должностямъ. Во многихъ мѣстахъ эту свободу добыли себѣ сами и, въ полной надеждѣ на перемѣну правленія, возобновили евангелическое богослуженіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно было отнято императоромъ. Хотя *Матіасъ* и былъ не прочь воспользоваться жалобами протестантовъ на императора, но ему никогда не приходило въ голову ихъ удовлетворить. Онъ надѣялся твердымъ и рѣшительнымъ тономъ уничтожить эти притязанія въ самомъ началѣ. Онъ говорилъ о своихъ наслѣдственныхъ правахъ на землю и не хотѣлъ слышать ни о какихъ условіяхъ до присяги. Такую безусловную присягу дали сосѣди ихъ, стирійскіе чины, эрцгерцогу *Фердинанду*, но скоро въ томъ раскаялись. Наученые этимъ примѣромъ, австрійскіе чины продолжали упорствовать и, опасаясь быть принужденными къ присягѣ, оставили даже столицу, приглашая своихъ католическихъ сочленовъ къ такому же сопротивленію, и стали набирать войско. Они приняли мѣры къ возобновленію прежняго союза съ венгерцами, вовлекли протестантскихъ имперскихъ князей въ свое дѣло и готовились поддержать свои требованія оружіемъ.

Матіасъ не усомнился согласиться на гораздо большія требованія мадьяровъ. Но Венгрія была госу-

дарствомъ избирательнымъ и республиканскій образъ правленія этой страны оправдывалъ, по его мнѣнію, требованія чиновъ и его уступчивость въ глазахъ всего католическаго міра. Въ Австріи, напротивъ, предмѣстники его пользовались гораздо большими правами, которыхъ онъ, не посрамляя себя предъ всею католическою Европою, не навлекая гнѣва Испаніи и Рима и презрѣнія своихъ католическихъ подданныхъ, не могъ уступить чинамъ. Его строго-католическіе совѣтники, изъ которыхъ *Мельхіоръ Клезель*, епископъ вѣнскій, имѣлъ на него сильное вліяніе, убѣждали его лучше потерять всѣ церкви, вслѣдствіе насилія протестантовъ, нежели одну изъ нихъ уступить имъ законнымъ образомъ.

Но, къ несчастію, это затрудненіе постигло его еще при жизни императора *Рудольфа*, который, будучи свидѣтелемъ этого событія, легко могъ попытаться употребить противъ брата то же самое оружіе, которымъ тотъ побѣдилъ его, именно — войдти въ соглашеніе съ мятежными его подданными. Въ избѣжаніе ссоры, *Матіасъ* охотно принялъ предложеніе моравскихъ земскихъ чиновъ, вызвавшихся быть посредниками между австрійскими чинами и имъ. Выборные съ обѣихъ сторонъ собрались въ Вѣнѣ, гдѣ австрійскіе депутаты заговорили такимъ языкомъ, который могъ бы показаться рѣзкимъ даже въ лондонскомъ парламентѣ. «Протестанты» сказали они въ заключеніе: «хотятъ быть уважаемы въ своемъ отечествѣ не менѣе горсти католиковъ. Содѣйствіемъ своего *протестантскаго* дворянства *Матіасъ* принудилъ императора къ уступчивости; гдѣ было едва восемьдесятъ папистовъ, тамъ насчитывалось до трехсотъ евангелическихъ бароновъ. Примѣръ *Рудольфа* долженъ

служитъ наукою для *Матіаса*. Пусть онъ остерегается, какъ бы не потерять земное, защищая небесное.» Когда же моравскіе чины, вмѣсто посредничества въ пользу императора, наконецъ сами перешли на сторону своихъ австрійскихъ единовѣрцевъ, когда нѣмецкая унія съ жаромъ вступилась за нихъ, а боязнь мщенія императора поставила *Матіаса* въ затруднительное положеніе — онъ согласился наконецъ на желаемое объясненіе въ пользу протестантовъ.

Эти дѣйствія австрійскихъ земскихъ чиновъ противъ своего эрцгерцога взяли себѣ за образецъ протестантскіе имперскіе чины въ Германіи для своихъ дѣйствій противъ императора, и были увѣрены въ такомъ же счастливомъ успѣхѣ. На первомъ имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ (въ 1613 году), когда важныя обстоятельства ожидали разрѣшенія, когда война съ турками и *Бетленъ Гоборомъ*, княземъ *Трансильванскимъ*, ставшимъ, при помощи турокъ, государемъ этой области и угрожавшимъ даже Венгріи, дѣлала общій денежный взносъ необходимымъ, они встрѣтили его новымъ требованіемъ. Большинство голосовъ въ совѣтѣ князей все еще было на сторонѣ католиковъ; а такъ-какъ все рѣшалось большинствомъ голосовъ, то протестантскіе, какъ бы они согласны между собою ни были, обыкновенно не принимались въ уваженіе. Это-то преимущество, большинство голосовъ, хотѣли они отнять у католиковъ съ тѣмъ, чтобы впредь ни одной изъ религіозныхъ партій не дозволялось увлекать за собою голоса другой своимъ неизмѣннымъ большенствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, если евангелическое исповѣданіе должно было имѣть своихъ представителей на имперскомъ сеймѣ, то, повидимому, само собою разумѣлось, что уставомъ

имперскаго сейма не слѣдовало отнимать у нея возможности пользоваться этимъ правомъ. Жалобы на присвоенную имперскимъ надворнымъ судомъ судебную власть и на притѣсненія, чинимыя протестантамъ, послѣдовали за этимъ требованіемъ, и уполномоченные отъ чиновъ имѣли приказаніе до тѣхъ поръ не являться къ общественнымъ совѣщаніямъ, пока на эту предварительную статью не послѣдуетъ благопріятнаго отвѣта.

Этотъ опасный разрывъ разъединилъ имперскій сеймъ и грозилъ разрушить навсегда согласіе въ совѣтахъ. Какъ искренно ни желалъ императоръ, по примѣру отца своего *Максимиліана*, держаться политической средины между обѣими религіями, но настоящій образъ дѣйствій протестантовъ предоставлялъ ему ограничиться однимъ выборомъ между ними. Въ важнѣйшихъ своихъ нуждахъ онъ имѣлъ необходимость въ *общемъ* пособіи имперскихъ чиновъ, но не могъ обязать одну сторону, не лишившись поддержки другой. Еще далеко не утвердившись въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ, онъ долженъ былъ трепетать при одной мысли о возможности открытой войны съ протестантами. Но взоры всего католическаго міра, устремленные на теперешнее его рѣшеніе, представленія католическихъ чиновъ, римскаго и испанскаго дворовъ, также мало позволяли ему благопріятствовать протестантамъ во вредъ католиковъ.

Такое критическое положеніе дѣлъ должно было привесть въ недоумѣніе и человѣка болѣе твердаго, нежели *Матіасъ*, и едва ли бы онъ выпутался своимъ умомъ изъ этого дѣла. Но выгоды католиковъ были тѣсно связаны съ честью императора; и если бы они дали ей пасть, то въ особенности духовные князья не имѣли бы никакой защиты отъ притязаній протестан-

товъ. Теперь-то, когда они увидѣли нерѣшительность императора, настало, по ихъ мнѣнію, время подкрѣпить изнемогающій его духъ. Они дали ему заглянуть въ тайны лиги и показали ему все ея устройство, ея средства и силы. Хотя въ этомъ разоблаченіи было мало утѣшительнаго для императора, но все-таки перспектива такой сильной поддержки одушевила его мужествомъ противъ протестантовъ. Требованія ихъ были отвергнуты, имперскій сеймъ окончился безуспѣшно. Но *Матіасъ* сталъ жертвой этихъ несогласій. Протестанты отказали ему въ денежномъ пособіи и тѣмъ отомстили ему за несговорчивость католиковъ.

Между тѣмъ сами турки выказали расположеніе къ продолженію перемирія, и князю *Бетленъ Гобору* предоставлено было спокойное обладаніе Трансильваніею. Такимъ образомъ имперія была избавлена отъ внѣшнихъ опасностей; да и внутри ея, при всѣхъ опасныхъ несогласіяхъ, царствовалъ миръ. Юлихское спорное дѣло за наслѣдство нечаяннымъ случаемъ получило неожиданный оборотъ. Герцогствомъ по прежнему владѣли курфирстъ *Бранденбургскій* и пфальцграфъ *Нейбургскій;* бракъ между принцемъ *Нейбургскимъ* и принцессою *Бранденбургскою* долженъ былъ соединить выгоды обоихъ дворовъ неразрывными узами. Весь этотъ планъ былъ разрушенъ пощечиною, которую курфирстъ *Бранденбургскій*, въ пьяномъ видѣ, имѣлъ несчастіе дать своему зятю. Съ этого времени доброе согласіе между обоими дворами рушилось. Принцъ *Нейбургскій* присталъ къ папизму. Принцесса *Баварская* наградила его за это отступничество, и могущественная помощь Баваріи и Испаніи была естественнымъ послѣдствіемъ того и другаго. Для доставленія пфальцграфу исключи-

тельнаго обладанія юлихскими землями, призваны были испанскія войска изъ Нидерландовъ. Чтобы избавиться отъ этихъ гостей, курфирстъ *Бранденбургскій* призвалъ голландцевъ, которымъ думалъ угодить принятіемъ реформатской религіи. Оба войска, испанское и голландское, явились на призывъ, но, какъ казалось, только для того, чтобы дѣлать завоеванія для себя.

Приближавшаяся нидерландская война, казалось, хотѣла совсѣмъ переселиться на германскую почву — и какая обильная пища ожидала ее тамъ! Протестантская Германія съ ужасомъ видѣла испанцевъ, ставшихъ твердою ногою на Нижнемъ Рейнѣ; еще съ большимъ ужасомъ глядѣли католики на голландцевъ, вторгавшихся въ предѣлы имперіи. На западѣ слѣдовало произойти взрыву, уже давно грозившему всей Германіи; на западъ обращены были страхъ и ожиданіе, — но ударъ, воспламенившій всю Европу, послѣдовалъ съ востока.

Спокойствіе, дарованное Чехіи грамматою величества *Рудольфа Втораго*, продолжалось нѣсколько времени и въ правленіе *Матіаса*, пока не былъ избранъ въ этомъ королевствѣ новый наслѣдникъ престола въ лицѣ *Фердинанда Грецкаго*.

Этотъ принцъ, съ которымъ впослѣдствіи познакомимся ближе подъ именемъ императора *Фердинанда Втораго*, истребилъ силою въ наслѣдственныхъ своихъ земляхъ протестантскую религію и ознаменовалъ себя неумолимымъ поборникомъ папства, за что́ почитался католическою частью чешскаго народа будущею подпорою своей церкви. Слабѣвшее здоровье императора выдвинуло этотъ пунктъ на первый планъ и чешскіе паписты, въ надеждѣ на такого покровителя, начали обходиться съ протестантами менѣе осторожно. Особенно

жестокое обращеніе терпѣли протестантскіе подданные католическихъ владѣльцевъ. Къ тому же, нѣкоторые католики имѣли неосторожность говорить довольно громко о своихъ надеждахъ и угрозами возбудить въ протестантахъ недовѣрчивость къ будущему ихъ государю. Но эта недовѣрчивость никогда не перешла бы къ дѣйствію, если бы правительство ограничилось общими мѣрами и не дало бы ропоту народа, вслѣдствіе особенныхъ оскорбленій нѣкоторыхъ членовъ, предпріимчивыхъ предводителей.

Графъ *Матвѣй Турнъ* не былъ природнымъ чехомъ, а владѣлъ только нѣсколькими помѣстьями въ этомъ королевствѣ. Усердіе его къ протестантской вѣрѣ и мечтательная привязанность къ новому отечеству пріобрѣли ему полную довѣренность утраквистовъ, которая открыла ему дорогу къ важнѣйшимъ должностямъ. Онъ прославилъ свой мечъ въ войнѣ противъ турокъ; ласковое обращеніе отдали ему сердца народа. Это была горячая, предпріимчивая голова, любившая смуты, какъ широкое поприще для своихъ дарованій; достаточно дерзкая и безразсудная, чтобы броситься въ предпріятіе, на которое не рѣшатся благоразуміе и хладнокровіе; достаточно безсовѣстная, чтобы не усомниться играть судьбою тысячей людей для удовлетворенія своимъ страстямъ, и столько же хитрая, чтобы съумѣть произвольно управлять народомъ, какимъ въ то время былъ чешскій. Еще въ правленіе *Рудольфа* принималъ онъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ безпокойствахъ и былъ главнымъ виновникомъ грамматы величества, исторгнутой чинами императора. Дворъ поручилъ ему, бурграфу *Карлштейнскому*, храненіе чешской короны и грамматъ вольностей королевства; но нѣчто гораздо важнѣйшее—

самого себя — предалъ ему народъ съ должностью дефенсора или защитника вѣры. Аристократы, управлявшіе императоромъ, неблагоразумно отняли у него надзоръ за мертвымъ, чтобы оставить ему вліяніе на живое. Они лишили его мѣста бургграфа, которое дѣлало его зависимымъ отъ милости двора, чтобы открыть глаза на важность другаго оставленнаго ему мѣста, и затронули его *самолюбіе*, которое до сихъ поръ дѣлало безвреднымъ его *честолюбіе*. Съ этого времени имъ овладѣла жажда мщенія, и случай къ ея удовлетворенію не заставилъ себя долго ждать.

Въ грамматѣ величества, исторгнутой чехами у *Рудольфа Втораго*, какъ и въ религіозномъ мирѣ нѣмцевъ, одна изъ главныхъ статей оставалась нерѣшенною. Всѣ права, предоставленныя этимъ миромъ протестантамъ, относились только къ пользѣ *чиновъ*, а не подданныхъ; только для подданныхъ духовныхъ владѣній выговорена была нѣкоторая свобода совѣсти. Въ чешской грамматѣ величества говорилось только о чинахъ и королевскихъ городахъ, магистраты которыхъ съумѣли себѣ пріобрѣсть равныя права съ чинами. Имъ однимъ дозволено было строить церкви, заводить школы и открыто отправлять протестантское богослуженіе; во всѣхъ остальныхъ городахъ свобода вѣроисповѣданія зависѣла отъ произвола владѣльца, которому они принадлежали. Нѣмецкіе имперскіе чины пользовались этимъ правомъ во всемъ его объемѣ; свѣтскіе — безспорно; духовные же, у которыхъ оно оспоривалось объясненіемъ императора *Фердинанда*, не безъ основанія оспоривали обязательность этого объясненія. Что въ религіозномъ мирѣ было *спорною* статьею, то въ грамматѣ величества было статьею *неопредѣленною*: тамъ изложеніе не было дву-

смысленно, но было двусмысленно только, слѣдовало ли ему повиноваться; здѣсь — толкованіе предоставлено было чинамъ. Поэтому подданные *духовныхъ чиновъ* въ Чехіи думали, что они имѣютъ тѣ же права, какія предоставлены были объясненіемъ *Фердинанда* подданнымъ нѣмецкихъ епископовъ; они считали себя равными подданнымъ въ королевскихъ городахъ, причисляя духовныя имущества къ казеннымъ. Въ маленькомъ городѣ Клостерграбѣ, принадлежавшемъ архіепископу прагскому, и въ Браунау, принадлежавшемъ пріору того же монастыря, протестантскіе подданные стали самовольно строить церкви и, несмотря на сопротивленіе владѣльцевъ и даже осужденіе императора, привели постройки къ концу.

Между тѣмъ бдительность дефенсоровъ нѣсколько успокоилась, и дворъ думалъ, что настало время для рѣшительнаго шага. По повелѣнію императора, церковь въ Клостерграбѣ была сломана, а въ Браунау насильно заперта, и болѣе безпокойные граждане брошены въ тюрьму. Общее волненіе между протестантами было послѣдствіемъ этой мѣры; все заговорило о нарушеніи граммaты величества, и графъ *Турнъ*, одушевленный мщеніемъ и того больше побуждаемый обязанностью дефенсора, старался воспламенить умы. По его внушенію, изъ всѣхъ мѣстъ королевства были созваны депутаты въ Прагу, для принятія необходимыхъ мѣръ въ виду общей опасности. Рѣшено было подать просьбу императору и добиться освобожденія заключенныхъ въ тюрьму. Отвѣтъ императора, уже потому дурно принятый чинами, что данъ былъ не имъ лично, а на имя намѣстниковъ, называлъ ихъ поступокъ противозаконнымъ и мятежническимъ, оправдывалъ происшедшее въ Клостерграбѣ и Браунау императорскимъ повелѣніемъ и заключалъ въ

себѣ нѣкоторые пункты, которые могли быть приняты за угрозы.

Графъ *Турнъ* не упустилъ случая увеличить дурное впечатлѣніе, произведенное императорскимъ отвѣтомъ на собравшихся депутатовъ. Онъ указалъ имъ на опасность, которой подвергались всѣ, принявшіе участіе въ просьбѣ, и съумѣлъ раздраженіемъ и страхомъ побудить ихъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Возстать противъ самого императора въ настоящее время было уже слишкомъ рѣшительнымъ шагомъ. Онъ велъ ихъ постепенно къ этой неминуемой цѣли. Поэтому онъ почелъ за лучшее обратить ихъ негодованіе противъ совѣтниковъ императора, и съ этою цѣлью распустилъ слухъ, что императорскій отвѣтъ сочиненъ въ намѣстничествѣ въ Прагѣ, и только подписанъ въ Вѣнѣ. Изъ императорскихъ намѣстниковъ цѣлью общей ненависти были президентъ совѣта *Славата* и, избранный на мѣсто *Турна* въ бурграфы *Карлштейнскіе*, баронъ *Мартинецъ*. Они оба еще прежде показали довольно ясно свое нерасположеніе къ протестантскимъ чинамъ, одни отказавшись отъ участія въ собраніи при занесеніи грамматы величества въ чешское уложеніе. Еще тогда грозили имъ отвѣтственностью за каждое будущее нарушеніе грамматы величества, и все, что съ тѣхъ поръ ни случилось вреднаго для протестантовъ, приписывали — и конечно не безъ основанія — ихъ проискамъ. Изъ всѣхъ католическихъ землевладѣльцевъ они двое обходились всѣхъ хуже съ своими протестантскими подданными. Ихъ обвиняли въ томъ, что они собаками загоняли ихъ къ обѣднѣ и запрещеніемъ крещенія, брака и похоронъ старались принудить къ принятію папизма. Противъ такихъ ненавистныхъ людей нетрудно было воспламенить ярость на-

рода, и имъ предназначено было пасть жертвой общей ненависти.

23-го мая 1618 года явились депутаты, вооруженные и въ сопровожденіи множества людей, въ королевскій замокъ и съ шумомъ вломились въ залу, куда собрались намѣстники: *Штернбергъ*, *Мартинецъ*, *Лобковичъ* и *Славата*. Съ угрозами требовали они отъ каждаго изъ нихъ объясненія, принималъ ли онъ участіе въ сочиненіи императорскаго отвѣта и подавалъ ли къ тому свой голосъ? *Штернбергъ* и *Лобковичъ* встрѣтили ихъ съ умѣренностью; *Мартинецъ* и *Славата* отвѣчали гордо. Это рѣшило ихъ судьбу. *Штернберга* и *Лобковича*, которыхъ менѣе ненавидѣли и болѣе опасались, вывели подъ-руки изъ комнаты, затѣмъ схватили *Славату* и *Мартинеца*, притащили ихъ къ окну и бросили съ высоты восьмидесяти футовъ въ замковый ровъ. Секретаря *Фабриція*, ихъ креатуру, отправили вслѣдъ за ними. Весь образованный міръ былъ, разумѣется, удивленъ такимъ необыкновеннымъ способомъ наказанія; чехи извиняли его, какъ народный обычай, и во всемъ этомъ происшествіи всего болѣе удивлялись тому, что послѣ подобнаго скачка можно было встать здоровымъ. Куча навоза, на которую упало императорское намѣстничество, спасла его отъ бѣды.

Нельзя было ожидать, чтобы чины, вслѣдствіе этой быстрой экзекуціи, много выиграли въ расположеніи императора; но этого-то и хотѣлось графу *Турну*. Если они, страшась сомнительной опасности, могли рѣшиться на такое насиліе, то теперь ожиданіе вѣрнаго наказанія и настоятельная необходимость въ безопасности должны были увлечь ихъ еще далѣе. Этимъ буйнымъ поступкомъ самоуправства заграждался обратный путь нерѣ-

шимости и раскаянью, и одно преступленіе, казалось, могло быть заглажено только цѣною другихъ преступленій. Такъ-какъ сдѣланнаго уже нельзя было не сдѣлать, то слѣдовало обезоружить карающую силу. Было избрано тридцать правителей для законнаго продолженія возстанія. Они завладѣли всѣми дѣлами правленія и всѣми королевскими сборами, приняли присягу отъ всѣхъ королевскихъ чиновниковъ и солдатъ и издали воззваніе ко всему чешскому народу о принятіи участія въ общемъ дѣлѣ. Езуиты, которыхъ общая ненависть считала виновниками всѣхъ бывшихъ доселѣ притѣсненій, были изгнаны изъ всего королевства, и чины признали нужнымъ оправдаться въ этомъ строгомъ приговорѣ особымъ манифестомъ. Все это дѣлалось для поддержанія королевской власти и законовъ, какъ обыкновенно говорятъ всѣ мятежники, пока счастіе не склонится на ихъ сторону.

Извѣстіе о чешскомъ возстаніи далеко не произвело при императорскомъ дворѣ того дѣйствія, какого оно заслуживало. Императоръ *Матіасъ* уже не имѣлъ той силы духа, который помогъ ему найдти своего короля и государя среди его народовъ и низвергнуть съ трехъ престоловъ. Самоувѣренное мужество, одушевлявшее его при возмущеніи, оставило его при законной оборонѣ. Чешскіе мятежники вооружились первые, и законъ необходимости заставилъ его послѣдовать ихъ приговору. Но онъ не могъ надѣяться ограничить войну предѣлами одной Чехіи. Во всѣхъ областяхъ его владѣній протестанты связаны были между собой опасной симпатіей: общая религіозная опасность могла вдругъ соединить ихъ всѣхъ въ одну грозную республику. Что̀ бы онъ противопоставилъ такому непріятелю, еслибъ протестантская часть его подданныхъ отъ него отдѣлилась? И не исто-

щились ли бы обѣ стороны въ такой губительной междоусобной войнѣ? Чѣмъ не рисковалъ онъ въ случаѣ неудачи, и кого, какъ не своихъ собственныхъ подданныхъ, разорилъ бы въ случаѣ побѣды?

Такого рода размышленія склоняли императора и его совѣтниковъ къ уступчивости и къ мысли о мирѣ; но другіе въ этой-то самой уступчивости и находили причину зла. Эрцгерцогъ *Фердинандъ Грецкій* поздравлялъ императора съ счастливымъ происшествіемъ, которое должно было оправдать всякое насиліе противъ чешскихъ протестантовъ предъ всею Европою. «Строптивость» говорилъ онъ, «беззаконіе и мятежъ всегда шли рука въ руку съ протестантствомъ. Всѣ права, предоставленные чинамъ, какъ имъ самимъ, такъ и бывшимъ императоромъ, только умножили ихъ требованія. Всѣ дѣйствія еретиковъ обращены противъ монаршей власти; переходя отъ упорства къ упорству, они постепенно дошли до этого послѣдняго нападенія; вскорѣ доберутся они до самой особы императора. Одно оружіе можетъ помочь противъ такого врага; только уничтоженіемъ ихъ опасныхъ привилегій можно достигнуть спокойствія и покорности; только въ совершенной гибели этой секты заключается безопасность католической вѣры. Правда, исходъ войны сомнителенъ; но безъ нея гибель *несомнѣнна*. Конфискованныя имущества мятежниковъ вознаградятъ всѣ убытки, а ужасъ казней скоро научитъ остальныхъ повиновенію». Что́ жъ тутъ удивительнаго, что чешскіе протестанты заблаговременно старались оградить себя отъ дѣйстія подобныхъ внушеній? Да и самое чешское возстаніе было обращено исключительно противъ наслѣдника императора, а не противъ его самого, непредпринявшаго ничего къ оправданію опасеній

протестантовъ. Чтобы преградить ему путь къ чешскому престолу, брались за оружіе еще при *Матіасѣ;* но пока императоръ этотъ былъ живъ, старались оставаться въ предѣлахъ притворной покорности.

Но чехи взялись за оружіе; а не вооружившись императоръ не смѣлъ имъ даже предложить мира. Испанія давала деньги на вооруженіе и обѣщала прислать войска изъ Италіи и Нидерландовъ. Главнокомандующимъ назначенъ былъ графъ *Буккуа*, нидерландецъ, такъ-какъ ни на кого изъ своихъ нельзя было положиться; а другой иностранецъ, графъ *Дампьеръ*, командовалъ подъ нимъ. Предъ выступленіемъ этой арміи, императоръ попытался усмирить возстаніе путемъ милосердія, посредствомъ впередъ высланнаго манифеста. Въ немъ объявлялъ онъ чехамъ: «что граммата величества для него священна; что онъ никогда не посягалъ на ихъ религію или ихъ права; что даже къ настоящему вооруженію они принудили его своимъ. Пусть только нація положитъ оружіе — и онъ распуститъ свое войско». Но этотъ милостивый манифестъ не произвелъ желаемаго дѣйствія, такъ-какъ предводители возстанія нашли за лучшее скрыть отъ народа добрыя желанія императора. Вмѣсто его, они распространили съ каѳедры и въ летучихъ листкахъ ядовитѣйшіе слухи и заставили обманутый народъ страшиться варѳоломеевскихъ ночей, которыя существовали въ одномъ ихъ воображеніи. Вся Чехія, за исключеніемъ трехъ городовъ: Будвейса, Круммау и Пильзена, приняла участіе въ бунтѣ. Эти три города, по-преимуществу католическіе, одни имѣли мужество, при этомъ общемъ отпаденіи, остаться вѣрными императору, который обѣщалъ имъ помощь. Но графъ *Турнъ* не могъ не видѣть, ка́къ опасно было оставить

въ рукахъ непріятеля три такіе важные города, которые во всякое время открывали императорскому оружію свободный входъ въ Чехію. Съ быстрою рѣшимостью явился онъ предъ Будвейсомъ и Круммау, въ надеждѣ покорить оба города страхомъ. Круммау сдался ему, но всѣ его нападенія на Будвейсъ были храбро отражены.

Теперь и императоръ сталъ выказывать бо́льшую твердость и дѣятельность. *Буккау* и *Дампьеръ* вторглись съ двумя арміями въ Чехію и начали военныя дѣйствія. Но императорскіе генералы нашли дорогу къ Прагѣ болѣе трудною, чѣмъ надѣялись. Каждый проходъ, каждое едва укрѣпленное мѣсто надо было брать приступомъ, а сопротивленіе росло съ каждымъ шагомъ, потому-что дурное поведеніе ихъ войскъ, большею частью мадьяровъ и валонцевъ, побуждало пріятеля къ отпаденію, а непріятеля приводило въ отчаяніе. Но даже и тогда, когда его войска проникли въ самую середину Чехіи, императоръ не переставалъ предлагать чинамъ миръ и соглашать ихъ къ полюбовному договору. Открывшіеся новые виды одушевили мятежниковъ; моравскіе чины приняли ихъ сторону, а изъ Германіи явился имъ, въ лицѣ графа *Мансфельда*, защитникъ столько же нежданный, какъ и храбрый.

Предводители евангелической уніи смотрѣли до-сихъ-поръ на волненія въ Чехіи, хотя и молча, но не праздно. Оба сражались за одно и то же дѣло противъ одного и того же врага. Въ судьбѣ чеховъ они показывали своимъ союзникамъ ихъ собственную судьбу, и дѣло этого народа изображали священнѣйшимъ дѣломъ германскаго союза. Вѣрные этому коренному правилу, они подкрѣпляли духъ мятежниковъ обѣщаніемъ помощи, и счастли-

вый случай неожиданно далъ имъ средство исполнить свое обѣщаніе.

Графъ *Петръ Эрнстъ Мансфельдъ*, сынъ заслуженнаго австрійскаго генерала *Эрнста Мансфельда*, со славою командовавшаго нѣсколько времени испанскою арміею въ Нидерландахъ, послужилъ орудіемъ къ униженію австрійскаго дома въ Германіи. Онъ самъ посвятилъ первые свои походы служенію этому дому, сражаясь подъ знаменами эрцгерцога *Леопольда* въ Юлихѣ и Эльзасѣ противъ протестантской религіи и германской свободы. Но, незамѣтно увлекшись основными правилами этой религіи, онъ оставилъ начальника, корыстолюбіе котораго не вознаградило даже издержекъ, понесенныхъ имъ на его службѣ, и посвятилъ евангелической уніи свое усердіе и свой побѣдоносный мечъ. Въ то же самое время герцогъ *Савойскій*, союзникъ уніи, просилъ у нея помощи противъ Испаніи. Она отдала въ его распоряженіе новое свое пріобрѣтеніе, и *Мансфельдъ* получилъ приказаніе имѣть въ готовности въ Германіи войско въ четыре тысячи человѣкъ на счетъ герцога и для употребленія по его указанію. Это войско стояло въ готовности къ походу, когда пламя войны вспыхнуло въ Чехіи, и герцогъ, ненуждавшійся тогда въ подкрѣпленіи, предоставилъ уніи употребить его по своему усмотрѣнію. Ничего не могло быть для нея пріятнѣе, какъ служить своимъ союзникамъ въ Чехіи на чужой счетъ. *Мансфельдъ* получилъ приказаніе вести, ни мало не медля, эти четыре тысячи человѣкъ въ королевство, и мнимое приглашеніе чеховъ должно было скрыть отъ глазъ міра настоящихъ виновниковъ этого вооруженія.

Мансфельдъ явился въ Чехіи и, овладѣвъ укрѣплен-

нымъ и преданнымъ императору городомъ Пильзеномъ, сталъ твердою ногой въ этомъ королевствѣ. Мужество мятежниковъ было возбуждено еще другою помощью, присланною имъ силезскими чинами. Между ними и императорскими войсками дошло теперь до стычекъ, хотя нерѣшительныхъ, но тѣмъ не менѣе губительныхъ, служившихъ предвѣстіемъ страшной войны. Для ослабленія военныхъ дѣйствій императора, вступили съ нимъ въ переговоры и даже приняли посредничество курфирста *Саксонскаго*. Но прежде чѣмъ исходъ переговоровъ могъ доказать, какъ было мало въ нихъ искренности, смерть похитила императора.

Итакъ, что́ сдѣлалъ *Матіасъ* для оправданія ожиданій свѣта, которыя онъ вызвалъ низверженіемъ своего предшественника? Стоило ли труда взойдти путемъ преступленія на престолъ *Рудольфа*, чтобы владѣть имъ такъ дурно, и сойдти съ него такъ безславно? Въ теченіе всего царствованія Матіасъ терпѣлъ за свое безразсудство, которымъ достигъ короны. Чтобы надѣть ее нѣсколькими годами прежде, онъ утратилъ всѣ права, ей принадлежащія. Все, что еще было оставлено его самодержавію увеличившимся могуществомъ чиновъ, находилось подъ позорнымъ гнётомъ его собственныхъ придворныхъ. Больной и бездѣтный, онъ видѣлъ вниманіе свѣта, обращенное на гордаго наслѣдника, который съ нетерпѣніемъ ждалъ его смерти и въ дряхлѣвшемъ правленіи старца уже начиналъ свое собственное.

Съ *Матіасомъ* царствующую линію нѣмецко-австрійскаго дома можно было почесть угасшею, потомучто изъ всѣхъ сыновей *Максимиліана* оставался еще въ живыхъ одинъ, бездѣтный и дряхлый, эрцгерцогъ *Альбрехтъ* въ Нидерландахъ, который, однако, ближайшее

свое право на наслѣдство уступилъ грецкой линіи. Испанскій домъ также отказался тайнымъ обязательствомъ отъ всѣхъ своихъ правъ на австрійскія владѣнія въ пользу эрцгерцога *Фердинанда Стирійскаго*, съ которымъ габсбургскій родъ въ Германіи долженъ былъ пустить свѣжія вѣтви и воскреснуть прежнее величіе Австріи.

Отцомъ *Фердинанда* былъ младшій братъ императора *Максимиліана Втораго*, эрцгерцогъ крайнскій, каринтійскій и стирійскій *Карлъ*, а матерью — принцесса Баварская. Потерявъ отца еще на двѣнадцатомъ году, онъ былъ порученъ эрцгерцогинею попеченію брата ея *Вильгельма*, герцога *Баварскаго*, на глазахъ котораго ему дано было воспитаніе и направленіе іезуитами ингольштадтской академіи. Нетрудно понять, какія основныя правила долженъ былъ почерпнуть онъ въ сближеніи съ государемъ, отрекшимся изъ набожности отъ правленія. Съ одной стороны, ему показывали снисходительность сыновей *Максимиліана* къ послѣдователямъ новаго ученія и безпокойства въ ихъ владѣніяхъ, съ другой — благоденствіе Баваріи и неутомимое усердіе къ вѣрѣ ея государей; между этими двумя примѣрами предоставляли ему выбирать.

Приготовясь въ этой школѣ быть мужественнымъ поборникомъ вѣры и бодрымъ орудіемъ церкви, онъ оставилъ Баварію, послѣ пятилѣтняго въ ней пребыванія, чтобы принять управленіе своими наслѣдственными землями. Чины краинскіе, каринтійскіе и стирійскіе, требовавшіе до присяги утвержденія религіозной свободы, получили въ отвѣтъ, что свобода вѣроисповѣданія не имѣетъ никакой связи съ присягою. Онъ требовалъ безусловной присяги и она была дѣйствительно дана. Прошло нѣ-

сколько лѣтъ, пока предпріятіе, задуманное въ Ингольштадтѣ, показалось ему достаточно созрѣвшимъ для приведенія его въ исполненіе. Прежде чѣмъ обнаружить свое намѣреніе, *Фердинандъ* лично испросилъ въ Лореттѣ благодать *Божіей Матери* и у ногъ *Климента Восьмаго*, въ Римѣ, апостольское благословеніе.

Да и предпріятіе было немаловажное: дѣло шло о томъ, чтобы изгнать протестантство изъ области, гдѣ оно имѣло на своей сторонѣ большинство и гдѣ, вслѣдствіе торжественной грамматы, данной отцомъ *Фердинанда* дворянству и рыцарству этихъ земель, сдѣлалось законнымъ. Столь торжественно данное право не могло быть отнято безъ опасности; но набожный воспитанникъ іезуитовъ не испугался никакихъ трудностей. Примѣръ другихъ имперскихъ чиновъ, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ, поступавшихъ по праву реформы во всѣхъ своихъ земляхъ безъ противорѣчія, и злоупотребленіе религіозной свободы стирійскими чинами должны были служить оправданіемъ такого насильственнаго поступка. Подъ защитою нелѣпаго положительнаго закона вздумали безстыдно наругаться надъ законами разсудка и справедливости. Впрочемъ, *Фердинандъ* въ этомъ несправедливомъ предпріятіи выказалъ необыкновенное мужество и настойчивость, достойную удивленія. Мало-по-малу, безъ шума и, можно сказать, безъ жестокостей, уничтожилъ онъ протестантское богослуженіе во всей области, и это опасное дѣло, къ удивленію всей Германіи, было окончено въ нѣсколько лѣтъ.

Но въ то самое время, когда католики удивлялись ему, какъ герою и защитнику своей церкви, протестанты начали вооружаться противъ него, какъ опаснѣйша-

го своего врага. Впрочемъ, домогательство *Матіаса*— избрать ему наслѣдника, почти не встрѣтило никакихъ возраженій со стороны австрійскихъ избирательныхъ владѣній, и даже сами чехи короновали его въ свои будущіе короли на условіяхъ довольно-сходныхъ. Уже позже—послѣ того, когда они узнали о вредномъ дѣйствіи его совѣтовъ на правленіе императора — проснулись ихъ опасенія, а разныя рукописныя его сочиненія, которыя доставили имъ нерасположеніе къ наслѣднику престола и которыя слишкомъ ясно обличали его убѣжденія, довели ихъ страхъ до высочайшей степени. Въ особенности раздражалъ ихъ тайный фамильный договоръ съ Испаніею, которымъ *Фердинандъ*, въ случаѣ неимѣнія наслѣдника мужескаго пола, завѣщалъ этому государству королевство Чехію, не обращая никакого вниманіи ни на волю народа, ни на избирательство короны. Многочисленные враги, которыхъ этотъ принцъ нажилъ своими реформами въ Стиріи между тамошними жителями, преимущественно протестантами, жестоко повредили ему въ мнѣніи чеховъ; особенно нѣкоторые стирійскіе эмигранты, принесшіе въ новое свое отечество сердца, исполненныя мести, употребляли всѣ силы, чтобы раздуть пламя матежа. Въ такомъ невыгодномъ для себя настроеніи духа нашелъ король *Фердинандъ* чешскій народъ, когда императоръ *Матіасъ* очистилъ ему мѣсто.

Такія дурныя отношенія между народомъ и наслѣдникомъ престола и при самомъ спокойномъ престолонаслѣдіи возбудили бы безпокойства, тѣмъ болѣе теперь, когда вся страна была въ полномъ возстаніи,— теперь, когда народъ взялъ обратно свою власть и возвратился къ естественному праву,— теперь, когда оружіе было въ его рукахъ, когда съ чувствомъ согласія про-

снулась въ немъ одушевляющая самоувѣренность, и его мужество, вслѣдствіе удачъ, обѣщаній посторонней помощи и несбыточныхъ надеждъ, было доведено до степени глубокой увѣренности. Несмотря на признанное за *Фердинандомъ* право, чины объявили свой престолъ празднымъ, а свое избраніе — совершенно свободнымъ. На добровольную покорность нечего было разсчитывать; и если *Фердинандъ* хотѣлъ владѣть чешскою короной, то ему оставалось на выборъ: или купить ее цѣною того, что̀ составляетъ всю прелесть короны, или добыть ее съ мечемъ въ рукѣ.

Но какъ добыть ее? На какое изъ своихъ владѣній ни поглядитъ онъ — все объято пламенемъ. Силезія была вовлечена въ чешскій мятежъ; Моравія готовилась послѣдовать ея примѣру. Въ верхней и нижней Австріи началъ обнаруживаться духъ свободы, какъ это было при *Рудольфѣ*, и никто изъ чиновъ не хотѣлъ присягать. *Бетленъ Гоборъ*, князь *Трансильванскій*, угрожалъ Венгріи нападеніемъ; тайное вооруженіе турокъ пугало восточныя провинціи; къ довершенію несчастія, протестанты въ его наслѣдственныхъ областяхъ, разбуженные общимъ примѣромъ, стали подымать головы. Во всѣхъ этихъ земляхъ протестанты были многочисленнѣе католиковъ и владѣли большею частью тѣхъ доходовъ, на которые *Фердинандъ* долженъ былъ вести войну. Нейтральные начинали колебаться, вѣрные — унывать; одни только злоумышленники не теряли мужества; одна половина Германіи поощряла бунтовщиковъ, другая праздно ожидала конца; испанская помощь была еще далека. Минута, принесшая ему все, грозила лишить его всего.

Все, что̀ онъ, стѣсненный горькимъ закономъ необходимости, ни предлагалъ чешскимъ мятежникамъ — все

его мирныя предложенія были отвергнуты съ высокомѣріемъ. Графъ *Турнъ*, въ главѣ своего войска, вступаетъ въ Моравію для возмущенія и этой послѣдней еще колеблющейся области. Появленіе друзей служитъ сигналомъ къ возстанію для моравскохъ протестантовъ. Брюнъ взятъ; вся остальная область добровольно слѣдуетъ за нимъ; во всей провинціи перемѣняютъ вѣру и правленіе. Усиливаясь въ своемъ бѣгѣ, мятежный потокъ вторгается въ верхнюю Австрію, гдѣ единомышленники встрѣчаютъ его радостнымъ одобреніемъ. «Не должно быть различія между религіями: равныя права всѣмъ христіанскимъ церквамъ! Говорятъ, что набирается чужестранное войско для угнетенія чеховъ. Его-то они отыскиваютъ, и до самаго Іерусалима будутъ преслѣдовать враговъ свободы». Ни одна рука не поднимается на защиту эрцгерцога; наконецъ мятежники разбиваютъ свой станъ подъ Вѣною, чтобы осадить своего государя.

Фердинандъ отправилъ дѣтей своихъ изъ Греца, гдѣ считалъ ихъ небезопасными, въ Тироль; самъ же остался въ своей императорской столицѣ въ ожиданіи мятежниковъ. Горсть солдатъ — это было все, что́ онъ могъ противопоставить яростной толпѣ. Но и эти немногіе были недовольны, не получая ни жалованья, ни даже хлѣба. Вѣна не была приготовлена къ долговременной осадѣ. Протестантская партія, готовая каждую минуту пристать къ чехамъ, была сильнѣйшею въ городѣ; въ окрестностяхъ набирали войско противъ Фердинанда. Уже протестантская чернь воображала себѣ эрцгерцога заключеннымъ въ монастырѣ, его владѣнія раздѣленными, его дѣтей воспитанными въ правилахъ протестантской вѣры. Преданный тайными врагами и окруженный явными, онъ видѣлъ ежеминутно предъ собою

пропасть, готовую поглотить его самого и всѣ его надежды. Чешскія ядра попадáли въ императорскій дворецъ, куда ворвались шестнадцать австрійскихъ бароновъ и въ собственномъ его кабинетѣ осыпали его упреками, стараясь исторгнуть у него согласіе на соединеніе съ чехами. Одинъ изъ нихъ схватилъ его за пуговицу кафтана. «Фердинандъ!» сказалъ онъ ему съ яростью: «подпишешь ли ты?»

Кому бы нельзя было простить шаткости въ такомъ ужасномъ положеніи? *Фердинандъ* думалъ, какъ бы сдѣлаться римскимъ императоромъ. Казалось, ему ничего не оставалось, кромѣ бѣгства или уступчивости. Первое совѣтовали ему мужчины, послѣднее — католическіе священники. Оставить городъ значило отдать его въ руки непріятеля; съ Вѣною была потеряна Австрія, съ Австріей — престолъ императорскій. *Фердинандъ* не покинулъ своей столицы и не хотѣлъ слушать объ условіяхъ.

Эрцгерцогъ еще спорилъ съ баронами-депутатами, какъ вдругъ звуки трубъ раздались на дворцовой площади. Присутствующими попеременно овладѣваетъ то страхъ, то изумленіе; ужасный слухъ проносится по дворцу; депутаты исчезаютъ одинъ за другимъ. Многіе изъ дворянъ и гражданъ поспѣшно удаляются въ лагерь графа *Турна*. Всю эту перемѣну произвелъ полкъ дампьеровыхъ кирасиръ, вступившій въ эту критическую минуту въ городъ для защиты эрцгерцога; вскорѣ послѣдовала за нимъ и пѣхота; многіе изъ католическихъ гражданъ, одушевленные этимъ неожиданнымъ явленіемъ, и даже студенты берутся за оружіе. Извѣстіе, полученное въ то же время изъ Чехіи, довершило его спасеніе. Нидерландскій генералъ *Букуа* разбилъ графа *Манс*-

фельда на-голову при Будвейсѣ и шелъ на Прагу. Чехи немедленно сняли свой станъ, чтобы освободить свою столицу отъ осады.

Тогда и дороги стали свободны, которыя занялъ-было непріятель, чтобъ не допустить *Фердинанда* во Франкфуртъ для избранія въ императоры. Если для плановъ короля венгерскаго было когда-нибудь важно взойти на германскій престолъ, то это было именно теперь, когда избраніе его въ императоры должно было послужить самымъ безспорнымъ и рѣшительнымъ доказательствомъ достоинства его особы и справедливости его дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ подавало ему надежду на помощь имперіи. Но то же самое коварство, которое преслѣдовало его въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, старалось воспрепятствовать ему и въ домогательствѣ императорскаго достоинства. Ни одинъ австрійскій принцъ не долженъ былъ вступать болѣе на германскій престолъ, а тѣмъ менѣе *Фердинандъ*, явный гонитель ихъ религіи, рабъ Испаніи и іезуитовъ. Съ этой цѣлью еще при жизни *Матіаса*, предлагали корону герцогу *Баварскому*, а когда тотъ отказался, то герцогу *Савойскому*. Такъ-какъ съ этимъ послѣднимъ не могли скоро согласиться въ условіяхъ, то старались по-крайней-мѣрѣ остановить избраніе, въ ожиданіи рѣшительнаго удара въ Чехіи или Австріи, который долженъ былъ разрушить всѣ надежны *Фердинанда* и сдѣлать его неспособнымъ къ этому сану. Унія всѣми силами старалась вооружить противъ *Фердинанда* курфиршество Саксонское, преданное австрійскимъ интересамъ, и представить этому двору всю опасность, которою правила этого государя и связи его въ Испаніею угрожаютъ протестантской вѣрѣ и государственнымъ учрежденіямъ. Съ

восшествіемъ *Фердинанда* на императорскій престолъ — утверждали они далѣе — Германія будетъ вовлечена въ частныя дѣла этого принца и вооружитъ противъ себя чеховъ. Несмотря на всѣ эти препятствія, день избранія былъ назначенъ. *Фердинандъ*, какъ законный король Богемскій приглашенъ къ избранію, и курфиршескій его голосъ, несмотря на противорѣчіе чешскихъ чиновъ, признанъ дѣйствительнымъ. Три голоса духовныхъ курфирстовъ были на его сторонѣ, Саксонскій также ему благопріятствовалъ, Бранденбургскій ему не противился и рѣшительное большинство объявило его въ 1619 году императоромъ. Такимъ образомъ сомнительнѣйшую изъ своихъ коронъ увидѣлъ онъ прежде всѣхъ на своей головѣ, чтобы чрезъ нѣсколько дней потерять ту, которую онъ считалъ вѣрнѣйшимъ своимъ достояніемъ. Въ то время, когда его провозглашали въ Франкфуртѣ императоромъ, въ Прагѣ его свергали съ чешскаго престола.

Между тѣмъ почти всѣ его наслѣдственныя нѣмецкія земли соединились въ одинъ грозный союзъ съ чехами, упорство которыхъ вышло изъ предѣловъ. На государственномъ сеймѣ 17-го августа 1619 года они объявили императора, какъ врага чешской религіи и свободы, вооружавшаго противъ нихъ пагубными своими совѣтами покойнаго короля, помогавшаго войсками для ихъ притѣсненія, предавшаго королевство на расхищеніе иностранцамъ и, наконецъ, въ поруганье народнаго права, отдававшаго его тайнымъ договоромъ испанцамъ, лишеннымъ всѣхъ правъ на чешскую корону, и за симъ немедленно приступили къ новому избранію. Такъ-какъ приговоръ сдѣланъ былъ протестантами, то выборъ, конечно, не могъ упасть на католическаго принца, хотя,

для вида и были приняты нѣкоторые голоса въ пользу Баваріи и Савоіи. Но ожесточенная религіозная ненависть, раздѣлявшая евангелистовъ и реформатовъ, долго затрудняла избраніе и короля протестантскаго, пока хитрость и дѣятельность кальвинистовъ не одержали верхъ надъ многочисленностью лютеранъ.

Изъ всѣхъ принцевъ, предложенныхъ въ короли, *Фридрихъ Пятый*, курфирстъ палатинскій, всѣхъ болѣе заслуживалъ довѣріе и благодарность чеховъ, и ни въ комъ частная польза нѣкоторыхъ чиновъ и привязанность народа не оправдывалась столькими общественными выгодами. *Фридрихъ Пятый* имѣлъ характеръ откровенный и живой, былъ добръ и щедръ по-королевски. Какъ глава нѣмецкихъ реформатовъ и предводитель уніи, онъ могъ располагать ея силами; къ тому же онъ былъ близкій родственникъ герцога *Баварскаго* и зять короля *Великобританскаго*, который всегда могъ его поддержать. Всѣ эти преимущества съ полнымъ успѣхомъ были поставлены на видъ кальвинскою партіею, и государственный сеймъ въ Прагѣ съ молитвами и радостными слезами избралъ *Фридриха Пятаго* своимъ королемъ.

Все случившееся на прагскомъ сеймѣ было заранѣе подготовлено и самъ *Фридрихъ* принималъ въ этомъ дѣлѣ такое дѣятельное участіе, что его не могло изумить предложеніе чеховъ. При всемъ томъ его испугалъ блескъ короны и двойное величіе преступленія и счастья повергло его малодушіе въ трепетъ. По примѣру всѣхъ слабыхъ душъ, онъ сперва хотѣлъ ободрить себя чужими совѣтами для предстоящаго предпріятія; но эти совѣты не имѣли надъ нимъ никакой власти, если не согласовались съ его страстями. Саксонія и Ба-

варія, гдѣ онъ искалъ совѣта, всѣ курфирсты, всѣ, сличавшіе это предпріятіе съ его способностями и силами, предостерегали его отъ бездны, въ которую онъ готовился низринуться. Самъ *Іаковъ*, король *Англійскій*, желалъ лучше видѣть своего зятя лишеннымъ короны, нежели такимъ вреднымъ примѣромъ содѣйствовать къ нарушенію *освященной власти* королей. Но что значитъ голосъ благоразумія предъ обольстительнымъ блескомъ королевской короны? Свободная нація въ минуту высочайшаго своего могущества кидается въ его объятія, отвергая священную отрасль двухсотлѣтняго царскаго дома; полагаясь на его мужество, она избираетъ *его* своимъ вождемъ на опасномъ пути славы и свободы; отъ *него*, своего природнаго покровителя, угнетенная вѣра ожидаетъ защиты противъ своихъ притѣснителей. Ужели ему малодушно сознаться въ своей робости? Ужели измѣнить вѣрѣ и свободѣ, тѣмъ болѣе, когда эта самая вѣра показываетъ ему превосходство силъ своихъ и слабость непріятеля? Двѣ трети австрійской силы вооружены противъ Австріи и неугомонный союзникъ со стороны Трансильваніи готовъ неожиданнымъ вторженіемъ раздѣлить слабые остатки этой силы. Какъ такимъ побужденіемъ не встревожить его честолюбія? такимъ надеждамъ не воспламенить его мужества?

Нѣсколькихъ минутъ спокойнаго размышленія было бъ достаточно, чтобъ показать ему всю трудность отчаяннаго предпріятія и всю ничтожность награды; но ободренія говорили его чувствамъ, а предостереженія — только разсудку. Къ несчастію, болѣе вліятельные голоса его окружавшихъ были на сторонѣ его страстей. Распространеніе власти курфирста открывало честолюбію и

жадности его палатинскихъ чиновниковъ болѣе широкое поприще удовлетворенія. Торжество реформатской церкви должно было воспламенить каждаго кальвинскаго мечтателя. Могъ ли такой ограниченный человѣкъ, какъ *Фридрихъ*, не увлечься представленіями своихъ совѣтниковъ, которые на столько же преувеличивали его средства и силы, на сколько уменьшали силы враговъ? не склониться на требованіе своихъ придворныхъ проповѣдниковъ, выдававшихъ свою фанатическую ревность къ вѣрѣ за волю свыше? Астрологическія мечты наполнили его голову несбыточными надеждами; даже непреодолимый голосъ любви тревожилъ его соблазномъ. «Ты осмѣлился принять руку королевской дочери», говорила ему супруга, «а боишься принять корону, которую подносятъ тебѣ добровольно! Я лучше соглашусь ѣсть одинъ хлѣбъ за твоимъ королевскимъ столомъ, чѣмъ пресыщаться за курфиршескимъ».

Фридрихъ принялъ чешскую корону. Съ неслыханною пышностью совершилось въ Прагѣ королевское коронованіе; нація выказала всѣ свои сокровища, чтобы почтить своего избранника. Силезія и Моравія, сосѣднія съ Чехіей земли, послѣдовали ея примѣру и присягнули. Реформація водворилась во всѣхъ церквахъ королевства; восторгу не было границы; обожаніе новаго короля доходило до боготворенія. Данія и Швеція, Голландія и Венеція и нѣкоторые нѣмецкіе дворы признали его законнымъ королемъ, и *Фридрихъ* готовился утвердиться на новомъ своемъ престолѣ.

Главную свою надежду возлагалъ онъ на *Бетлена Гобора*, князя *Трансильванскаго*. Этотъ грозный врагъ Австріи и католической церкви, не довольствуясь своимъ княжествомъ, отнятымъ, при помощи турокъ, у его за-

коннаго государя *Гавріила Батори*, съ жадностью ухватился за случай усилиться на счетъ австрійскихъ принцевъ, отказавшихся признать его государемъ Трансильваніи. Онъ условился съ чешскими мятежниками въ общемъ нападеніи на Венгрію и Австрію, предъ столицею которой должны были соединиться обѣ арміи. Между тѣмъ *Бетленъ Гоборъ* скрывалъ, подъ личиною дружбы, настоящую цѣль своего вооруженія и коварно обѣщалъ императору притворною помощью заманить чеховъ въ сѣти и живьемъ выдать ему ихъ начальниковъ. Но вдругъ онъ явился въ верхней Венгріи, какъ непріятель; ужасъ ему предшествовалъ, опустошеніе слѣдовало по его стопамъ; все ему покорилось; въ Пресбургѣ онъ принялъ венгерскую корону. Братъ императора, намѣстникъ вѣнскій, трепеталъ за столицу. Онъ тотчасъ призвалъ на помощь генерала *Буккуа;* отступленіе императорскихъ войскъ привело чешскую армію во второй разъ подъ Вѣну. Усилившись двѣнадцатью тысячами трансильванцевъ и, вскорѣ послѣ того, соединившись съ побѣдоносною арміею *Бетлена Гобора*, они снова угрожали покорить эту столицу. Все вокругъ Вѣны было опустошено; Дунай запертъ, всякій подвозъ отрѣзанъ; ужасы голода стали обнаруживаться. *Фердинандъ*, котораго эта крайняя опасность привела немедленно въ столицу, увидѣлъ себя въ другой разъ на краю пропасти. Недостатки и суровое время года заставили чеховъ возвратиться домой; уронъ въ Венгріи отозвалъ *Бетлена Гобора*: во второй разъ счастіе спасло императора.

Въ нѣсколько недѣль все перемѣнилось, и *Фердинандъ* благоразумою распорядительностью на столько же поправилъ свои дѣла, на сколько *Фридрихъ* испортилъ

свои медленностью и дурными распоряженіями. Чины Нижней Австріи утвержденіемъ ихъ привилегій были побуждены къ присягѣ; а тѣ немногіе, которые отказались присягнуть, были объявлены виновными въ оскорбленіи величества и въ измѣнѣ. Такимъ образомъ императоръ снова сталъ твердою ногою въ одной изъ своихъ наслѣдственныхъ земель, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ пружины были приведены имъ въ дѣйствіе, чтобъ обезпечить себя внѣшнею помощью. Еще во время императорскаго избранія во Франкфуртѣ удалось ему личными представленіями склонить на свою сторону духовныхъ курфирстовъ, а въ Мюнхенѣ *Максимиліана*, герцога *Баварскаго*. Отъ участія *уніи* и *лиги* въ чешской войнѣ зависѣлъ весь успѣхъ этой войны, судьба *Фридриха* и императора. Всей протестантской Германіи казалось весьма важнымъ поддержать чешскаго короля; польза же католической вѣры требовала помочь императору. Если чешскіе протестанты останутся побѣдителями, то всѣмъ католическимъ князьямъ въ Германіи придется трепетать за свои владѣнія; если же будутъ побѣждены, то императоръ станетъ предписывать законы протестантской Германіи. *Фердинандъ* поднялъ лигу, *Фридрихъ*—унію. Родство и личная привязанность герцога *Баварскаго* къ императору, своему шурину, съ которымъ онъ вмѣстѣ выросъ въ Ингольштадтѣ, его преданность католической вѣрѣ, которая находилась въ очевидной опасности, внушенія іезуитовъ въ связи съ подозрительными дѣйствіями уніи—все это побудило его и всѣхъ князей лиги признать дѣло *Фердинанда* за свое собственное.

По заключеніи съ императоромъ договора, который обезпечивалъ уплату всѣхъ военныхъ издержекъ и бу-

дущихъ убытковъ, *Максимиліанъ* принялъ съ неограниченною властью начальство надъ войсками лиги, спѣшившими на помощь императору противъ чешскихъ мятежниковъ. Предводители уніи, вмѣсто того, чтобъ воспрепятствовать опасному соединенію лиги съ императоромъ, употребляли всѣ средства къ его ускоренію. Еслибъ имъ удалось заставить лигу принять явное участіе въ чешской войнѣ, то они могли ожидать того же отъ всѣхъ членовъ и союзниковъ уніи. Безъ открытаго нападенія католиковъ на унію нельзя было надѣяться произвесть соединеніе между протестантами. Итакъ они выбрали критическое время чешскихъ безпокойствъ для требованія отъ католиковъ отмѣны всѣхъ прежнихъ поводовъ къ жалобамъ и совершеннаго обезпеченія своей религіи. Съ этимъ требованіемъ, изложеннымъ въ угрожавшемъ тонѣ, обратились они къ герцогу *Баварскому*, какъ главѣ католиковъ, и требовали скораго и безусловнаго объясненія. На что́ бъ *Максимиліанъ* ни рѣшился, *за* или *противъ*, во всякомъ случаѣ они достигали своей цѣли: его уступчивость лишала католическую партію сильнѣйшаго защитника; его упорство вооружало всю протестантскую партію и дѣлало войну неизбѣжною, отъ которой ждали большихъ выгодъ. *Максимиліанъ*, имѣвшій и безъ того столько постороннихъ причинъ склониться на сторону лиги, принялъ требованіе уніи за формальное объявленіе войны, и вооруженіе было ускорено. Между тѣмъ, какъ Баварія и лига вооружались за императора, велись переговоры съ испанскимъ дворомъ по поводу ссуды. Всѣ затрудненія, противопоставляемыя этому искательству сонной политикой министерства, счастливо преодолѣлъ императорскій посланникъ при мадритскомъ дворѣ, *графъ Кю-*

венхюллеръ. Кромѣ ссуды въ мильонъ гульденовъ, которую понемногу успѣли выманить у этого двора, обѣщано было въ то же время произвесть нападеніе на нижній Палатинатъ со стороны Испанскихъ Нидерландовъ.

Стараясь соединить всѣ католическія державы въ одинъ союзъ, въ то же время всячески старались воспрепятствовать подобному союзу между протестантами. Все зависѣло отъ того, чтобъ разувѣрить курфирста *Саксонскаго* и нѣкоторыхъ другихъ протестантскихъ князей въ неосновательности опасенія, разсѣяннаго уніею, будто бъ лига вооружается съ цѣлью отнять у нихъ духовныя учрежденія обратно. Письменное удостовѣреніе въ противномъ успокоило курфирста *Саксонскаго*, котораго личная зависть къ Палатинату, внушенія придворнаго проповѣдника, подкупленнаго Австріею, и досада на чеховъ, обошедшихъ его при королевскомъ избраніи, и безъ того склоняли на сторону Австріи. Лютеранскій фанатизмъ никакъ не могъ простить реформатамъ, что столько благородныхъ земель, какъ они выражались, низринулось въ пасть кальвинизма, и что *римскій* антихристъ уступилъ только мѣсто *швейцарскому*.

Между тѣмъ, какъ *Фердинандъ* дѣлалъ все, чтобъ исправить сомнительныя свои обстоятельства, *Фридрихъ* не упускалъ ничего, чтобъ испортить счастливое положеніе своихъ дѣлъ. Предосудительнымъ тѣснымъ союзомъ съ княземъ *Трансильванскимъ*, открытымъ союзникомъ Порты, озлоблялъ слабые умы, и общая молва обвинила его въ томъ, что онъ на счетъ христіанства хочетъ увеличить свое могущество; что онъ вооружилъ турокъ противъ Германіи. Безразсудная его

ревность къ реформатской вѣрѣ возстановила противъ него чешскихъ лютеранъ, а нападеніе на образа — папистовъ этого королевства. Новые тяжелые налоги лишили его любви народа. Напрасныя ожиданія чешскихъ вельможъ охладили ихъ усердіе; отсутствіе посторонней помощи уменьшило ихъ самоувѣренность. Вмѣсто того, чтобы съ неусыпнымъ усердіемъ посвятить себя управленію государствомъ, *Фридрихъ* тратилъ время на удовольствія; вмѣсто того, чтобъ благоразумною бережливостью увеличить свою казну, онъ расточалъ доходы съ своихъ земель на пустую, театральную пышность и на безполезную щедрость. Съ безпечнымъ легкомысліемъ любовался онъ новымъ своимъ саномъ и ради несвоевременнаго желанія повеселиться своею короной, забылъ озаботиться утвердить ее на своей головѣ.

На сколько ошиблись *въ немъ*, на столько самъ *Фридрихъ* обманулся въ своихъ ожиданіяхъ посторонней помощи. Большая часть членовъ уніи отдѣлила дѣло чеховъ отъ цѣли своего союза; остальныхъ преданныхъ ему имперскихъ чиновъ удерживала одна слѣпая боязнь императора. Курфиршества Саксонію и Гессенъ-Дармштадтъ *Фердинандъ* привлекъ на свою сторону; Нижняя Австрія, откуда ожидали сильной диверсіи, присягнула императору; *Бетленъ Габоръ* заключилъ съ нимъ перемиріе. Данію вѣнскій дворъ съумѣлъ усыпить посольствами, Швецію занять войною съ Польшею. Голландская республика была занята войною съ Испаніею; Венеція и Савоія оставались въ бездѣйствіи; *Іаковъ*, король Англійскій, былъ обманутъ коварствомъ Испаніи. Друзья оставляли его одинъ за другимъ; одна надежда исчезала за другою. Такъ быстро все перемѣнилось въ теченіе нѣсколькимъ мѣсяцевъ!

*

Между тѣмъ предводители уніи собрали войско; императоръ и лига сдѣлали то же самое. Войско послѣднихъ собралось, подъ знаменами *Максимиліана*, при Донаувертѣ; войско уніи при Ульмѣ, подъ начальствомъ маркграфа *Аншпахскаго*. Казалось, настала рѣшительная минута, которая однимъ ударомъ должна была рѣшить этотъ безконечный раздоръ и навсегда опредѣлить отношенія обѣихъ церквей въ Германіи. Ожиданіе съ обѣихъ сторонъ было боязливо напряжено. Но какъ удивились, когда вдругъ разнеслось извѣстіе о мирѣ, и обѣ арміи разошлись не обнаживъ меча!

Посредничество Франціи устроило этотъ миръ, принятый обѣими сторонами съ одинаковою готовностью. Французское министерство, неруководимое болѣе *Генрихомъ Великимъ*, государственныхъ замысловъ котораго, быть можетъ, и нельзя было примѣнить къ тогдашнему положенію королевства, опасалось Австріи гораздо менѣе, чѣмъ возраставшаго могущества кальвинистовъ, еслибъ палатинскій домъ утвердился на чешскомъ престолѣ. Запутавшись въ это самое время въ опасную ссору съ своими собственными кальвинистами, она сочла необходимымъ какъ можно скорѣе подавить протестантскую партію въ Чехіи, пока партія гугенотовъ, во Франціи, не послѣдовала ихъ опасному примѣру. Итакъ, чтобы развязать императору руки для дѣйствій противъ чеховъ, она явилась посредницею между уніею и лигою и устроила этотъ неожиданный миръ, главнѣйшею статьею котораго было: «чтобы Унія отказалась отъ всякаго участія въ чешскомъ раздорѣ и чтобы помощь, которую они обязались подать *Фридриху Пятому*, не простиралась далѣе его палатинскихъ владѣній». Рѣшительность *Максимиліана* и боязнь

очутиться между войсками лиги и новою императорскою арміею, шедшею изъ Нидерландовъ, понудили унію къ этому позорному миру.

Теперь всѣ силы Баваріи и лиги были въ полномъ распоряженіи императора для нападенія на чеховъ, предоставленныхъ ульмскимъ договоромъ ихъ собственной судьбѣ. Прежде чѣмъ слухъ о происшедшемъ въ Ульмѣ успѣлъ распространиться, *Максимиліанъ* явился въ Верхней Австріи, гдѣ изумленные и неприготовленные къ оборонѣ чины искупили милосердіе императора скорою и безусловною присягою. Въ Нижней Австріи герцогъ присоединилъ къ себѣ нидерландскія войска графа *Буккуа*, и эта императорско-баварская армія, возросшая по соединеніи до пятидесяти тысячъ человѣкъ, не теряя времени, вторглась въ чешскіе предѣлы. Всѣ чешскіе отряды, разсѣянные по Нижней Австріи и Моравіи, она быстро гнала передъ собою; всѣ города, рѣшившіеся на сопротивленіе, были взяты приступомъ; другіе, испуганные слухомъ о ихъ наказаніи, добровольно отворили ворота; ничто не останавливало быстраго похода *Максимиліана*. Чешская армія, предводимая храбрымъ княземъ *Христіаномъ Ангальтскимъ*, отступая, сбиралась въ окрестностяхъ Праги, гдѣ *Максимиліанъ* подъ стѣнами этой столицы далъ ей сраженіе.

Дурное устройство, въ которомъ онъ надѣялся застать армію мятежниковъ, оправдывало быстроту дѣйствій герцога и ручалось за побѣду. У *Фридриха* не было и тридцати тысячъ человѣкъ въ одномъ мѣстѣ; восемь тысячъ привелъ ему князь *Ангальтскій*, десять тысячъ венгерцевъ присоединилось къ его знаменамъ по приказанію *Бетлена Габора*. Вторженіе курфирста

Саксонскаго въ Лаузицъ отрѣзало помощь, которую онъ ожидалъ изъ этой области и изъ Силезіи; усмиреніе Австріи лишало его и съ этой стороны обѣщанной поддержки. *Бетленъ Габоръ*, его главный союзникъ, оставался въ бездѣйствіи; унія предала его императору. Не измѣнили ему одни его чехи; но и имъ недоставало доброй воли, согласія и мужества. Чешскіе вельможи видѣли съ досадой, что имъ предпочитали нѣмецкихъ генераловъ; графъ *Мансфельдъ* оставался назади въ Пильзенѣ, чтобъ только не быть подчиненнымъ *Ангальту* или *Гогенлоге*. Солдаты, нуждаясь во всемъ необходимомъ, лишились мужества, и недостатокъ дисциплины войскъ подавалъ поселянину поводъ къ самымъ горькимъ жалобамъ. Напрасно *Фридрихъ* являлся въ лагерѣ, чтобы своимъ присутствіемъ возбудить мужество въ солдатахъ, своимъ примѣромъ побудить дворянство къ соревнованію.

Едва чехи стали окапываться на Бѣлой-Горѣ, недалеко отъ Праги, какъ соединенная императорско-баварская армія (8-го ноября 1620 г.) произвела на нихъ нападеніе. Въ началѣ сраженія, кавалерія принца *Ангальтскаго* имѣла нѣкоторый успѣхъ, который вскорѣ былъ уничтоженъ превосходствомъ силъ непріятеля. Ничто не могло противиться напору баварцевъ и валонцевъ, и венгерская конница первая показала тылъ. Чешская пѣхота вскорѣ послѣдовала ея примѣру и въ общемъ бѣгствѣ были увлечены наконецъ и нѣмцы. Десять пушекъ, составлявшія всю артиллерію *Фридриха*, попали въ руки непріятеля. Четыре тысячи чеховъ погибло въ бѣгствѣ и въ сраженіи, едва нѣсколько сотенъ—со стороны войскъ императора и лиги. Менѣе чѣмъ въ часъ была одержана эта рѣшительная побѣда.

Фридрихъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ въ Прагѣ, когда его армія гибла за него подъ стѣнами города. Вѣроятно, онъ еще не ожидалъ въ этотъ день нападенія, потому-что назначилъ быть пирушкѣ. Гонецъ заставилъ его встать изъ-за стола и съ городскаго вала представилась ему ужасная картина. Желая подумать, на что́ рѣшиться, онъ просилъ перемирія на двадцать-четыре часа. Герцогъ далъ ему только восемь. *Фердинандъ* воспользовался ими, чтобы убѣжать ночью изъ столицы вмѣстѣ съ женою и знатнѣйшими начальниками. Бѣгство это предпринято было съ такою поспѣшностью, что принцъ *Ангальтскій* позабылъ свои бумаги, *Фридрихъ* — свою корону. «Теперь я знаю, кто я», сказалъ этотъ несчастный государь желавшимъ утѣшить его. «Есть добродѣтели, которымъ можетъ научить насъ только несчастіе и только въ бѣдствіяхъ узнаемъ мы, государи, самихъ себя».

Прага еще не была совершенно потеряна, когда *Фридрихъ* малодушно ее покинулъ. Летучій отрядъ *Мансфельда* еще находился въ Пильзенѣ и не видалъ сраженія. *Бетленъ Годоръ* могъ каждую минуту начать военныя дѣйствія и тѣмъ отвлечь войска императора къ венгерскимъ границамъ. Разбитые чехи могли оправиться, болѣзни, голодъ и суровое время года — истребить непріятеля; но всѣ эти надежды исчезли предъ страхомъ настоящаго. *Фридрихъ* боялся непостоянства чеховъ, которые легко могли придти въ искушеніе: выдачею его искупить прощеніе императора.

Турнъ и другіе, осужденные вмѣстѣ съ нимъ, также не разсудили ожидать въ стѣнахъ Праги рѣшенія своей участи; они бѣжали въ Моравію, чтобы потомъ искать спасенія въ Трансильваніи. *Фридрихъ* убѣжалъ въ

Бреславъ, гдѣ, однакожь, оставался недолго, въ надеждѣ найдти себѣ убѣжище при дворѣ курфирста *Брандебургскаго* и наконецъ въ Голландіи.

Сраженіе подъ Прагою рѣшило судьбу Чехіи. Прага на другой же день сдалась побѣдителю; остальные города послѣдовали примѣру столицы. Чины присягнули безусловно; силезцы и моравцы сдѣлали то же. Только по истеченіи трехъ мѣсяцевъ приступилъ императоръ къ изслѣдованію прошедшаго. Многіе изъ бѣжавшихъ, подъ вліяніемъ перваго страха, въ полной надеждѣ на такую мнимую умѣренность, снова явились въ столицѣ. Но вдругъ въ *одинъ* день и въ одинъ и тотъ же часъ грянулъ громъ. Сорокъ-восемь самыхъ дѣятельныхъ зачинщиковъ возстанія были арестованы и преданы суду чрезвычайной коммиссіи, составленной изъ природныхъ чеховъ и австрійцевъ. Изъ нихъ двадцать-семь умерли на эшафотѣ; изъ простаго народа — безчисленное множество. Отсутствовавшіе получили приглашеніе явиться; и когда никто не явился, были приговорены, какъ измѣнники и оскорбители католическаго величества, къ смерти; ихъ имущества конфискованы, ихъ имена прибиты къ висѣлицѣ. Даже имущества умершихъ бунтовщиковъ были взяты въ казну. Эту тираннію еще можно было перенесть, такъ-какъ она коснулась только нѣсколькихъ частныхъ лицъ, и грабежемъ однихъ обогащались другіе; но тѣмъ тягостнѣй былъ гнетъ, распространенный безъ изъятія на все королевство. Всѣ протестантскіе проповѣдники были изгнаны: чешскіе немедленно, нѣмецкіе немного позже. Граммату величества *Фердинандъ* изрѣзалъ собственноручно и сжегъ печать. Семь лѣтъ спустя послѣ прагскаго сраженія, была отмѣнена всякая вѣротерпимость въ отношеніи къ протестантамъ.

Насилія, которыя себѣ позволилъ императоръ относительно религіозныхъ правъ чеховъ, не коснулись ихъ политической конституціи, и отымая у нихъ свободу совѣсти, великодушно оставлялъ право облагать себя податями.

Побѣда при Бѣлой Горѣ возвратила *Фердинанду* всѣ его владѣнія, и притомъ съ властью гораздо обширнѣе той, какою пользовались въ нихъ его предшественники, такъ-какъ присяга дана была безусловно и граммата величества уже болѣе не ограничивала его царской власти. Итакъ, сверхъ ожиданія, цѣль всѣхъ его справедливыхъ желаній была достигнута.

Теперь онъ могъ бы отпустить своихъ союзниковъ и отозвать свои арміи. Война была бы окончена, будь онъ только справедливъ; будь онъ великодушенъ и справедливъ, кончилось бы и наказаніе. Вся судьба Германіи была въ его рукахъ и счастье и горе многихъ мильоновъ зависѣли отъ его рѣшенія. Никогда отъ *одного* человѣка не зависѣло рѣшеніе столь важнаго предмета; никогда ослѣпленіе *одного* человѣка не причиняло столько бѣдствій.

КНИГА ВТОРАЯ.

Рѣшеніе, принятое теперь *Фердинандомъ*, дало войнѣ совсѣмъ другое направленіе, другое мѣсто дѣйствій и другихъ дѣйствующихъ лицъ. Изъ возстанія въ Чехіи и похода противъ мятежниковъ возникла война *германская*, а вслѣдъ за тѣмъ и *европейская*. Итакъ, пора бросить взглядъ на Германію и остальную Европу.

Если земли Германской Имперіи и права ея членовъ были раздѣлены несоразмѣрно между католиками и про-

тестантами, то каждой сторонѣ стоило только пользоваться свойственными ей выгодами и быть между собою въ согласіи, чтобы противная сторона не увеличила своего могущества. Если *католическая* партія была многочисленнѣе и пользовалась бо́льшимъ покровительствомъ имперской конституціи, то *протестантская* занимала сплошное пространство густо населенныхъ земель, имѣла отважныхъ князей, воинственное дворянство, огромныя арміи, богатые имперскіе города, обладаніе морями и, въ случаѣ крайности, многочисленныхъ приверженцевъ въ земляхъ католическихъ князей. Если католики имѣли за себя Испанію и Италію, то протестантамъ были открыты сокровища Венеціи, Голландіи, Англіи; а государства сѣвера и грозное могущество Турціи были всегда готовы подать имъ руку помощи. Бранденбургъ, Саксонія и Палатинатъ противопоставляли въ собраніи князей тремъ духовнымъ голосамъ три значительные протестантскіе голоса, а курфирсту чешскому, какъ эрцгерцогу австрійскому, былъ бы императорскій санъ въ тягость, еслибъ протестантскіе имперскіе чины съумѣли воспользоваться своимъ значеніемъ. Мечъ уніи могъ бы держать въ бездѣйствіи мечъ лиги или, по крайней мѣрѣ, дѣлать исходъ войны сомнительнымъ, еслибъ дѣйствительно дошло дѣло до войны. Но частныя отношенія, къ сожалѣнію, разорвали общую политическую связь, которая должна была соединять протестантскихъ имперскихъ членовъ. Великая эпоха нашла на сценѣ людей *посредственныхъ*, и рѣшительная минута прошла безъ пользы, такъ-какъ отважному не доставало силы, а сильному — проницательности, мужества и рѣшимости.

Заслуги *Морица Саксонскаго*, обширность владѣній и

важность голоса ставили курфирста Саксонскаго въ главѣ протестантской Германіи. Отъ рѣшенія, принятаго этимъ принцемъ, зависѣла судьба обѣихъ враждовавшихъ партій. *Іоаннъ Георгъ* не былъ нечувствителенъ къ выгодамъ, доставленнымъ ему этими важными обстоятельствами. Будучи одинаково-важнымъ пріобрѣтеніемъ какъ для императора, такъ и для протестантскаго союза, онъ старательно избѣгалъ повода отдаться *совсѣмъ* той или другой сторонѣ, и невозвратнымъ объявленіемъ, или положиться на благодарность императора, или отказаться отъ выгодъ, которыя надѣялся получить отъ опасенія этого государя. Не будучи зараженъ маніею рыцарства или религіознаго восторга, побуждавшихъ одного государя за другимъ подвергать корону и жизнь жребію войны, *Іоаннъ Георгъ* искалъ славы болѣе существенной — сохраненія и улучшенія своей собственности. Если современники жаловались на него, что онъ среди опасности оставилъ дѣло протестантовъ; что онъ распространенію владычества своего дома пожертвовалъ спасеніемъ отечества; что онъ подвергнулъ гибели всю протестантскую церковь въ Германіи, чтобъ только не подать руки помощи реформатамъ; если его обвиняли въ томъ, что онъ, какъ *ненадежный другъ*, вредилъ общему дѣлу не менѣе открытаго врага: то это была вина самихъ князей, неподражавшихъ мудрой политикѣ *Іоанна Георга*. Если саксонскій поселянинъ, несмотря на эту мудрую политику, жаловался, какъ и всякій другой, на ужасы императорскихъ походовъ; если вся Германія была свидѣтельницею, какъ *Фердинандъ* обманывалъ своего союзника и смѣялся надъ своими обѣщаніями, и если *Іоаннъ Георгъ*, наконецъ, самъ сталъ замѣчать это — тѣмъ больше стыда императору, который

такую искреннюю довѣренность такъ жестоко обманывалъ.

Если чрезмѣрная довѣренность къ Австріи и надежда увеличить свои владѣнія связывали руки курфирсту Саксонскому, то страхъ предъ Австріею и боязнь потерять свои владѣнія налагали на слабаго *Георга Вильгельма Бранденбургскаго* оковы болѣе постыдныя. Въ чемъ упрекали обоихъ этихъ государей, тó сохранило бы курфирсту палатинскому его славу и владѣнія. Обманчивая надежда на неиспытанныя силы, вліяніе французскихъ совѣтовъ и заманчивый блескъ короны побудили этого несчастнаго князя отважиться на предпріятіе, которому не соотвѣтствовалъ ни умъ его, ни политическое положеніе. Раздробленіе палатинскихъ земель и несогласіе между ихъ владѣльцами ослабили могущество этого дома, которое, будь соединено въ однѣхъ рукахъ, еще надолго могло бы сдѣлать исходъ войны сомнительнымъ.

Подобное раздробленіе земель ослабило также *гессенскій* княжескій домъ, и различіе вѣроисповѣданій поддерживало вредный раздоръ между Дармштадтомъ и Касселемъ. *Дармштадтская* линія, державшаяся аугсбургскаго исповѣданія, прибѣгла подъ покровительство императора, который благопріятствовалъ ей насчетъ реформатской кассельской линіи. Въ то время, когда его единовѣрцы проливали кровь за вѣру и свободу, ландграфъ *Георгъ Дармштадтскій* получалъ жалованье отъ императора. Но *Вильгельмъ Кассельскій*, вполнѣ достойный своего предка, рѣшившагося, за сто лѣтъ предъ тѣмъ, защищать свободу Германіи противъ грознаго *Карла*, избралъ путь опасности и чести. Чуждый малодушія, покорявшаго князей несравненно сильнѣйшихъ могуществу *Фердинанда*, ландграфъ *Вильгельмъ*

первый протянулъ добровольно свою геройскую руку шведскому герою и тѣмъ подалъ примѣръ нѣмецкимъ князьямъ, на что́ никто не хотѣлъ рѣшиться. Сколько отваги обнаруживала его рѣшимость, столько постоянства выказала его твердость, столько храбрости—его подвиги. Съ отважною рѣшимостью прикрылъ онъ свою залитую кровью землю и съ презрѣніемъ встрѣтилъ врага, руки котораго еще пахли магдебургскимъ пожаромъ.

Ландграфъ *Вильгельмъ* достоинъ безсмертія на ряду съ героями *эрнестинской* линіи. Нескоро наступилъ день твоего возмездія, несчастный *Іоаннъ Фридрихъ*, благородный, незабвенный государь! Нескоро — за то исполненный славы. *Времена твои* воротились и на твоихъ внуковъ сошелъ твой геройскій духъ. Храбрый родъ князей является изъ тюрингскихъ лѣсовъ, чтобы пристыдить безсмертными подвигами приговоръ, сорвавшій съ твоей головы курфиршескую шапку, чтобы примирить твою тоскующую тѣнь кровавыми жертвами смерти. Приговоръ побѣдителя могъ отнять у тебя земли, но не могъ лишить той патріотической доблести, изъ-за которой ты потерялъ ихъ, ни рыцарскаго мужества, которое, спустя столѣтіе, поколебало тронъ внука твоего врага. Мщеніе за тебя и Германію отточило имъ священный мечъ противъ *габсбургскаго* рода, и побѣдоносная сталь изъ одной геройской руки переходитъ въ другую. Какъ *мужи*, совершаютъ они то, чего не могли исполнить, какъ *государи*, и умираютъ славною смертью, какъ храбрѣйшіе воины свободы. Слишкомъ слабые, чтобъ громить врага своими собственными войсками, они устремляютъ противъ него чужіе громы и ведутъ къ побѣдамъ чужеземныя знамена.

Свобода Германіи, преданная могущественными государями, которые одни пользовались ея благодѣяніями, была защищаема нѣсколькими принцами, для которыхъ она не имѣла почти никакой цѣны. Обладаніе землями и достоинствами убило мужество; недостатокъ того и другаго произвелъ героевъ. Когда Саксонія, Бранденбургъ и другіе боязливо сходили со сцены, *Ангальты*, *Мансфельды*, принцы *Веймарскіе* и другіе проливали кровь въ губительныхъ бояхъ. Герцоги Померанскій, Мекленбургскій, Люнебургскій, Вюртембергскій, имперскіе города Верхней Германіи, которыхъ одно имя *главы имперіи* заставляло содрогаться, боязливо уклонялись отъ борьбы съ императоромъ и съ ропотомъ преклонялись подъ его всесокрушавшую руку.

Австрія и католическая Германія имѣли въ *Максимиліанѣ*, герцогѣ *Баварскомъ*, столько же сильнаго, сколько благоразумнаго и храбраго защитника. Оставаясь вѣренъ одному обдуманному плану во все продолженіе войны, никогда не колеблясь между выгодами государства и религіи, не раболѣпствуя предъ Австріею, трудившейся для *его* величія и трепетавшей предъ его спасительною рукою, *Максимиліанъ* заслуживалъ получить достоинства и земли, которыми наградилъ его произволъ, изъ руки болѣе достойной. Остальные католическіе чины, большею частью духовные князья, слишкомъ невоинственные, чтобы противиться толпамъ, привлекаемымъ богатствомъ ихъ земель, дѣлались, одинъ за другимъ, жертвою войны, и довольствовались преслѣдованіемъ врага изъ кабинета и съ амвона, котораго не смѣли встрѣтить въ полѣ. Рабы Австріи или Баваріи, они оставались въ тѣни возлѣ *Максимиліана;* только

въ рукахъ этого государя соединенная ихъ сила получила значеніе.

Грозная монархія, которую *Карлъ Пятый* и его сынъ составили, вопреки натурѣ, изъ Нидерландовъ, Милана, Обѣихъ Сицилій и необъятныхъ земель Восточной и Западной Индій, уже при *Филиппахъ Третьемъ* и *Четвертомъ* клонилась къ паденію. Достигнувъ скораго величія при помощи безплоднаго золота, это государство истлѣвало медленно, лишенное жизненной силы государствъ — хлѣбопашества. Вестиндскія завоеванія повергли Испанію въ нищету, чтобъ обогатить всѣ европейскіе рынки, и мѣнялы Антверпена, Венеціи и Генуи давно спекулировали тѣмъ золотомъ, которое еще покоилось въ рудникахъ Перу. Ради Индіи обезлюдили испанскія земли; сокровища Индіи уходили на обратное завоеваніе Голландіи, на химерическое предпріятіе ниспровергнуть престолонаслѣдіе во Франціи и на безуспѣшныя нападенія на Англію. Но гордость этого двора пережила эпоху своего величія, а ненависть его враговъ — свой страхъ, и ужасъ, казалось, носился еще вокругъ пещеры, покинутой львомъ. Недовѣрчивость протестантовъ приписывала министерству *Филиппа Третьяго* опасную политику отца его, и нѣмецкихъ католиковъ не оставляла надежда на испанскую помощь, какъ вѣра въ чудеса мощей мучениковъ. Наружный блескъ скрывалъ раны, которыми это государство исходило кровью; и если мнѣніе о его могуществѣ оставалось въ прежней силѣ, то благодаря тому, что оно сохраняло высокомѣріе тона своихъ золотыхъ дней. Рабы у себя дома и пришельцы на собственномъ престолѣ, испанскіе тѣни-короли давали законы своимъ германскимъ родственникамъ; и сомнительно, стоила ли подаваемая ими помощь той по-

зорной зависимости, которою германскіе императоры должны были ее покупать. За Пиренеями невѣжды-монахи и хитрые временщики рѣшали судьбу Европы. Но и въ своемъ глубочайшемъ паденіи должна была остаться грозною та держава, которая обширностью не уступала самымъ сильнымъ, которая, если не изъ твердой политики, то по привычкѣ оставалась неизмѣнно-вѣрною одной и той же государственной системѣ, имѣла опытныя войска и превосходныхъ генераловъ, которая, въ случаѣ недѣйствительности войны, бралась за кинжалъ бандита и употребляла своихъ пословъ вмѣсто зажигателей. Чтó она теряла въ трехъ частяхъ свѣта, тó старалась возвратить на Востокѣ, и Европа попалась бы къ ней въ сѣти, если бы удалось ей давно подготовленное предпріятіе — слиться между Альпами и Адріатическимъ Моремъ съ наслѣдственными землями Австріи.

Къ величайшему безпокойству итальянскихъ государствъ, вторглась эта тяготѣвшая держава въ Италію и настойчивымъ стараніемъ о своемъ расширеніи заставила всѣхъ сосѣднихъ государей трепетать за свои владѣнія. Въ особенно-опасномъ положеніи былъ папа, владѣнія котораго находились между испанскими вице-королевствами Неаполемъ и Миланомъ. Венеціянская республика была стѣснена между австрійскимъ Тиролемъ и испанскимъ Миланомъ; Савоія — между этою послѣднею областью и Франціею. Вотъ причина непостоянной и двуличной политики, принятой, со временъ *Карла Пятаго*, итальянскими государствами. Двойное лицо, представляемое папами, заставляло ихъ колебаться между двумя совершенно противоположными политическими системами. Если наслѣдникъ *Св. Петра* уважалъ въ испанскихъ принцахъ своихъ послушнѣйшихъ

дѣтей и вѣрныхъ защитниковъ своего трона, то монархъ Церковной Области долженъ былъ страшиться тѣхъ же принцевъ, какъ самыхъ вредныхъ сосѣдей и опаснѣйшихъ своихъ соперниковъ. Если *первому* казалось всего важнѣе видѣть истребленіе протестантовъ и торжество австрійскаго оружія, то *послѣдній* имѣлъ причину благословлять оружіе протестантовъ, лишающее сосѣда средствъ вредить ему. То или другое брало верхъ, смотря по тому, чѣмъ болѣе занимались папы — свѣтскою своею властью или духовною; вообще же римская политика соображалась съ ближайшею опасностью; а извѣстно, что опасеніе потерять настоящее дѣйствуетъ на человѣка сильнѣе, нежели желаніе пріобрѣсть давно потерянное. Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему намѣстникъ Христа входилъ въ соглашенія съ австрійскимъ домомъ на гибель еретиковъ, и почему этотъ же самый намѣстникъ Христа вступалъ въ союзъ съ тѣми же еретиками на гибель австрійскаго дома. Чудно свита нить всемірной исторіи! Что́ бы стало съ реформаціею, съ свободою германскихъ князей, если бы римскій епископъ и римскій государь постоянно имѣли *одни и тѣ же* интересы?

Франція съ несравненнымъ своимъ *Генрихомъ* потеряла все свое величіе и все свое значеніе на политическихъ вѣсахъ Европы. Бурное несовершеннолѣтіе разрушило всѣ благодѣянія предшествовавшаго мощнаго правленія. Неспособные министры, созданья случая и интриги, въ нѣсколько лѣтъ растратили сокровища, накопленныя экономіею *Сюлли* и бережливостью *Генриха*. Съ трудомъ защищая власть, добытую происками отъ внутреннихъ раздоровъ, гдѣ имъ было думать объ управленіи Европою! Междоусобная война, вооружившая

Германію противъ Германіи, возстановила и Францію противъ Франціи, и *Лудовикъ Тринадцатый*, казалось, только ждалъ совершеннолѣтія, чтобъ начать войну противъ матери и своихъ протестантскихъ подданныхъ. Послѣдніе, связанные до того времени мудрою политикой *Генриха*, а теперь разбуженные случаемъ и побуждаемые предпріимчивыми вождями, берутся за оружіе, составляютъ въ государствѣ особое государство и избираютъ Ларошель, богатый и хорошо укрѣпленный городъ, средоточіемъ будущей своей державы. Далеко неполитикъ, чтобы благоразумною терпимостью погасить въ самомъ началѣ эту междоусобную войну, и еще того менѣе властелинъ силъ своего государства, чтобы дѣйствовать настойчиво, *Лудовикъ Тринадцатый* видитъ себя вынужденнымъ на позорный поступокъ — купить покорность мятежниковъ огромною суммою денегъ. Хотя политическій разсчетъ и совѣтовалъ ему помогать чешскимъ мятежникамъ, но сынъ *Генриха Четвертаго* долженъ былъ оставаться празднымъ зрителемъ ихъ гибели, почитая себя счастливымъ, если кальвинисты его государства не вспомнятъ о своихъ единовѣрцахъ по ту сторону Рейна. Геніальный умъ, управляя государствомъ, съумѣлъ бы усмирить протестантовъ во Франціи и завоевать свободу ихъ братьямъ въ Германіи; но *Генриха Четвертаго* уже не было въ живыхъ и только кардиналу *Ришльё* суждено было воскресить его политику.

Между тѣмъ, какъ Франція мало-по-малу падала съ высоты своей славы, Голландія, ставъ свободною, довершала зданіе своего величія. Еще не угасъ животворный духъ, воспламененный родомъ *Оранскимъ*, превратившій купеческую націю въ народъ героевъ и давшій имъ силу отстоять свою независимость въ ожесточенной

войнѣ съ Испаніею. Помня, какъ много они обязаны въ своемъ освобожденіи посторонней помощи, эти республиканцы горѣли желаніемъ доставить такую же судьбу своимъ нѣмецкимъ братьямъ, тѣмъ болѣе, что оба сражались противъ одного и того же врага и свобода Германіи служила лучшимъ оплотомъ для свободы Голландіи. Но республика, которая еще сражалась за собственное свое существованіе, и при невѣроятныхъ усиліяхъ едва устояла въ своей собственной землѣ, противъ несравненно-сильнѣйшаго непріятеля, не могла изъ великодушной политики расточать свои силы для чуждыхъ государствъ, когда сама нуждалась въ защитѣ.

Англія, несмотря на то, что она увеличилась въ послѣднее время присоединеніемъ Шотландіи, уже не имѣла при слабомъ *Іаковѣ* того значенія къ Европѣ, какое ей доставилъ политическій геній *Елисаветы*. Будучи увѣрена, что благоденствіе ея острова неразрывно связано съ безопасностью протестантовъ, эта великая королева никогда не отступала отъ правила содѣйствовать каждому предпріятію, клонящемуся къ униженію австрійскаго могущества. Ея наслѣднику недоставало ни ума, чтобы понять это основное правило, ни силы, чтобы привести его въ дѣйствіе. Если бережливая *Елисавета* не щадила своей казны, чтобы помочь нидерландцамъ противъ Испаніи, а *Генриху Четвертому* противъ яростной лиги, то *Іаковъ* оставилъ дочь, внука и зятя на произволъ непримиримаго побѣдителя. Въ то время, какъ этотъ король истощалъ всю свою ученость, чтобы отыскать на небѣ начало царской власти, онъ самъ ронялъ ее на землѣ. Напрягая все свое краснорѣчіе для доказательства *неограниченности правъ* королей, онъ напомнилъ англійскому народу о *его*

правахъ, и безполезною расточительностью потерялъ свое *важнѣйшее право* — не нуждаться въ парламентѣ и отнять у свободы голосъ. Врожденная трусость предъ обнаженнымъ оружіемъ заставляла его бояться войны самой справедливой; его любимецъ *Букингамъ* игралъ его слабостями, а его самолюбіе давало всѣ средства испанскому коварству его обманывать. Въ то время, когда разоряли въ Германіи его зятя и наслѣдство его внука дарили другимъ, этотъ слабоумный государь упивался лестью Австріи и Испаніи. Чтобы отвлечь его вниманіе отъ германской войны, ему указали невѣстку въ Мадритѣ, и этотъ потѣшный отецъ самъ снарядилъ своего проказника-сына на маскарадъ, ради котораго онъ явился неожиданно предъ своей испанской невѣстой. Испанская невѣста исчезла передъ его сыномъ, какъ чешская корона и палатинское курфиршество передъ зятемъ, и лишь одна смерть избавила его отъ опасности заключить свое мирное правленіе войною, и то потому только, что онъ не имѣлъ мужества грозить ею издали.

Междоусобныя бури, подготовленныя его неискуснымъ управленіемъ, проснулись при его несчастномъ сынѣ и скоро принудили его, послѣ неважныхъ опытовъ, отказаться отъ всякаго участія въ германской войнѣ, чтобы укротить въ собственномъ своемъ государствѣ неистовство партій, конечною жертвою которыхъ онъ сдѣлался самъ.

Два достойные короля, хотя и далеко неравные въ дѣлѣ личной славы, но равные по могуществу и славолюбію, заставляли въ то время уважать сѣверъ Европы. Въ теченіе дѣятельнаго и долгаго царствованія *Христіана Четвертаго* Данія сдѣлалась значительнымъ государствомъ; личныя качества этого государя, превос-

ходный флотъ, отборное войско, хорошо-устроенные финансы и разумные союзы — все это, взятое вмѣстѣ, дѣлало Данію цвѣтущею и счастливою внутри и пріобрѣтало ей уваженіе извнѣ. Швецію *Густавъ Ваза* освободилъ отъ рабства, преобразовалъ мудрымъ законодательствомъ и первый указалъ этой вновь созданной державѣ мѣсто въ исторіи міра. Предначертаніе этого великаго государя были довершены его великимъ внукомъ *Густавомъ Адольфомъ*.

Оба государства, соединенныя до того въ одну монархію и безсильныя въ этомъ соединеніи, разорвали не за долго до реформаціи эту неестественную связь, и разрывъ этотъ былъ эпохою ихъ преуспѣянія. На сколько такая насильственная связь была вредна обоимъ государствамъ, на столько стала необходимой *разъединеннымъ* державамъ взаимная сосѣдственная дружба и согласіе. Обѣ служили подпорой евангелической церкви, обѣ должны были охранять тѣ же моря: *одни и тѣ же* интересы должны были соединить ихъ противъ *одного и того же* врага. Но ненависть, разорвавшая связь между обоими государствами, продолжала питать вражду между этими давно-разъединенными націями. Короли Датскіе все еще не могли отказаться отъ притязаній своихъ на шведскую державу, а Швеція — забыть прежней датской тиранніи. Смежныя границы обоихъ государствъ доставляли постоянную пищу народной враждѣ; соперничество обоихъ королей и неизбѣжные споры о торговлѣ въ сѣверныхъ моряхъ служили неизсякаемымъ источникомъ раздоровъ.

Изъ всѣхъ средствъ, употребленныхъ *Густавомъ Вазою*, основателемъ Шведской Монархіи, съ цѣлью утвердить существованіе новаго своего созданія, измѣ-

неніе религіи было самымъ дѣйствительнымъ. Государственный коренный законъ исключалъ приверженцевъ папизма изъ всѣхъ государственныхъ должностей и запрещалъ каждому будущему шведскому монарху перемѣнять религію. Но уже второй сынъ и второй наслѣдникъ *Густава*, *Іоаннъ*, обратился къ папизму, а сынъ его *Сигизмундъ*, бывшій въ то же время королемъ Польскимъ, позволилъ себѣ мѣры, явно клонившіяся къ совершенной гибели конституціи и господствовавшей церкви. Чины, предводимые *Карломъ*, герцогомъ *Зюдерманландскимъ*, третьимъ сыномъ *Густава*, оказали мужественное сопротивленіе, слѣдствіемъ котораго была междоусобная война между дядею и племянникомъ, между королемъ и народомъ. Герцогъ *Карлъ*, остававшійся во время отсутствія короля правителемъ государства, воспользовался долговременнымъ пребываніемъ *Сигизмунда* въ Польшѣ и справедливою ненавистью чиновъ, чтобы привязать къ себѣ народъ и незамѣтно проложить своему собственному дому дорогу къ престолу. Дурныя распоряженія *Сигизмунда* помогли его намѣренію. Общій государственный сеймъ позволилъ себѣ нарушить на этотъ разъ, въ пользу правителя, право первородства, введенное *Густавомъ Вазою* въ шведскомъ престолонаслѣдіи, и возвелъ на престолъ герцога Зюдерманландскаго, объявивъ *Сигизмунда* со всѣмъ его потомствомъ лишеннымъ короны. Сынъ новаго короля, царствовавшаго подъ именемъ *Карла Девятаго*, былъ *Густавъ Адольфъ*, котораго, какъ сына-похитителя престола, приверженцы *Сигизмунда* отказались признать своимъ королемъ. Но если существуетъ взаимная связь между королемъ и народомъ, если государство не переходитъ изъ рукъ въ руки, подобно товару,

то согласная нація имѣетъ полное право нарушить свой долгъ въ отношеніи къ клятвопреступнику и возвесть на его мѣсто болѣе достойнаго.

Густаву Адольфу еще не исполнилось семнадцати лѣтъ, когда, со смертью его отца, шведскій престолъ упразднился; но ранняя зрѣлость его ума побудила чины сократить для него законный срокъ несовершеннолѣтія. Славною побѣдою надъ самимъ собою началъ онъ правленіе, которое всюду должно было сопровождаться и заключиться побѣдою. Молодая графиня *Браге*, дочь его подданнаго, была первою любовью его великаго сердца, и онъ искренно желалъ раздѣлить съ нею шведскій престолъ. Но, подавленная временемъ и обстоятельствами, эта склонность уступила мѣсто болѣе высокой обязанности государя, и доблесть снова и исключительно овладѣла сердцемъ героя, которому не суждено было ограничиться однимъ тихимъ семейнымъ счастіемъ.

Христіанъ Четвертый датскій, бывшій королемъ еще до рожденія *Густава*, вторгся въ шведскіе предѣлы и имѣлъ значительные успѣхи въ борьбѣ съ отцомъ шведскаго героя. *Густавъ Адольфъ* поспѣшилъ окончить эту разорительную войну и мудрыми пожертвованіями купилъ миръ, чтобы обратить свое оружіе противъ царя Московскаго. Никогда пустая слава завоевателя не побуждала его проливать кровь своего народа въ не правыхъ вóйнахъ; но никогда не отступалъ онъ передъ войной справедливой. Ему посчастливилось въ войнѣ съ Россіею и шведская держава увеличилась значительными областями къ востоку.

Между тѣмъ король Польскій *Сигизмундъ* продолжалъ питать ненависть къ сыну, заслуженную отцомъ, и испыталъ всѣ средства, чтобы поколебать вѣрность

подданныхъ *Густава Адольфа*, охладить къ нему друзей и сдѣлать его враговъ непримиримыми. Ни высокія качества его противника, ни примѣры преданности, высказанные шведами своему обожаемому королю, не могли вылечить ослѣпленнаго Сигизмунда отъ безумной надежды взойдти снова на потерянный престолъ. Всѣ мирныя предложенія *Густава* были отвергнуты съ презрѣніемъ. Миролюбивый герой увидѣлъ себя противъ воли вовлеченнымъ въ продолжительную войну съ Польшею, въ теченіе которой вся Лифляндія и польская Пруссія мало-по-малу подчинились шведскому владычеству. Оставаясь всегда побѣдитемъ, *Густафъ Адольфъ* всегда первый готовъ былъ протянуть руку непріятелю.

Эта шведско-польская война совпадаетъ съ началомъ тридцатилѣтней войны въ Германіи, съ которою она имѣетъ связь. Довольно было того, что король *Сигизмундъ*, католикъ, оспоривалъ шведскую корону у протестантскаго государя, чтобы не сомнѣваться въ дѣйствительной дружбѣ Испаніи и Австріи; двойное родство съ императоромъ давало ему еще большее право на его защиту. Надежда на такую сильную поддержку подстрекала всего болѣе польскаго короля къ продолженію бѣдственной для него войны; а дворы мадритскій и вѣнскій не переставали ободрять его хвастливыми обѣщаніями. Теряя въ Лифляндіи, Курляндіи и Пруссіи одинъ городъ за другимъ, *Сигизмундъ* видѣлъ въ то же время, ка̀къ его германскій союзникъ путемъ побѣдъ достигалъ неограниченнаго самодержавія: не удивительно, что его отвращеніе отъ мира увеличивалось вмѣстѣ съ пораженіями. Пылкость, съ которою онъ преслѣдовалъ свои несбыточныя надежды, скрывала отъ глазъ его коварную политику союзника, который войною *на*

его счетъ занималъ шведскаго героя, чтобъ тѣмъ безопаснѣе ниспровергнуть свободу Германской Имперіи, а потомъ завладѣть истощеннымъ сѣверомъ, какъ легкою добычею. Одно обстоятельство, непринятое въ разсчетъ — геройское величіе *Густава* — разорвало сѣть этой лживой политики. Восьмилѣтняя польская война не только не истощила Швеціи, а напротивъ, помогла созрѣть военному генію *Густава Адольфа*, окрѣпнуть шведскому войску и ввести въ употребленіе новую тактику, которая должна была впослѣдствіи совершить чудеса на поляхъ Германіи.

Послѣ этого необходимаго отступленія для обзора тогдашняго положенія европейскихъ державъ, возвращаюсь, съ вашего позволенія, къ прерванному разсказу.

Фердинандъ возвратилъ свои владѣнія, но не возвратилъ издержекъ, которыхъ ему стоило обратное завоеваніе. Сумма въ сорокъ мильоновъ гульденовъ, доставленная ему конфискаціями въ Чехіи и Моравіи, могла бы съ излишкомъ вознаградить его и союзниковъ за всѣ убытки; но эта несметная сумма скоро перешла въ руки любимцевъ и іезуитовъ. *Максимиліанъ*, герцогъ *Баварскій*, побѣдоносному оружію котораго императоръ почти исключительно былъ обязанъ обладаніемъ своими государствами, который для службы своей религіи и своему императору пожертвовалъ ближайшимъ родственникомъ, *Максимиліанъ* имѣлъ неоспоримыя права на его признательность; да и въ договорѣ, заключенномъ между герцогомъ и императоромъ до начатія войны, онъ именно выговорилъ себѣ вознагражденіе всѣхъ убытковъ. *Фердинандъ* чувствовалъ всю обязательность, налагаемую на него этимъ договоромъ и недавними услугами; но ему не хотѣлось его исполнить съ ущербомъ

для себя. Онъ намѣревался наградить герцога самымъ блистательнымъ образомъ, но только не на свой счетъ. Всего лучше было сдѣлать это на счетъ того государя, противъ котораго, повидимому, ему давала право война, котораго проступки могли быть представлены достаточно-важными, чтобы оправдать всякое насиліе строгостью законовъ. Итакъ, *Фридриха* надо было преслѣдовать, *Фридриха* надо было разорить, чтобы вознаградить *Максимиліана*, и новая война была начата, чтобы расплатиться за старую.

Но къ этой побудительной причинѣ присоединилась другая, несравненно важнѣйшая. До этого времени *Фердинандъ* велъ войну за собственное существованіе и не выходилъ изъ предѣловъ обороны. Но теперь, когда побѣда развязала ему руки, вспомнилъ онъ о своихъ мнимо-высокихъ обязанностяхъ и обѣщаніи, данномъ имъ Богоматери въ Лоретто и Римѣ — распространить ея чествованіе съ опасностью жизни и короны. Угнетеніе протестантовъ было неразлучно съ этимъ обѣщаніемъ. Онъ не могъ выбрать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ для исполненія своего намѣренія, какъ по окончаніи чешской войны. Чтобы отдать палатинскія земли католику, у него не было недостатка ни въ силѣ, ни въ мнимой законности, и послѣдствія этой перемѣны были чрезвычайно важны для всей католической Германіи. Награждая герцога баварскаго награбленнымъ достояніемъ его родственника, онъ удовлетворялъ вмѣстѣ самой низкой страсти и исполнялъ самую высокую обязанность: онъ уничтожалъ врага, котораго ненавидѣлъ; онъ освобождалъ свое корыстолюбіе отъ тягостной жертвы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заслуживалъ царство небесное.

Погибель *Фридриха* рѣшена была въ кабинетѣ императора прежде, нежели сама судьба обратилась противъ него; но только тогда, когда судьба совершилась, рѣшились бросить въ него громъ произвольной власти. Рѣшеніемъ императора, въ которомъ не было соблюдено никакихъ формальностей, установленныхъ на такіе случаи имперскими законами, курфирстъ и три другіе князя, сражавшіеся за него въ Силезіи и Чехіи, объявлены были оскорбителями величества и нарушителями общественнаго спокойствія, и лишены сана, земель и покровительства законовъ. Исполненіе этого приговора надъ *Фридрихомъ*, то есть завоеваніе его земель, было возложено, съ такимъ же пренебреженіемъ къ имперскимъ законамъ, на Испанію, какъ обладательницу бургундскаго округа, герцогу Баварскому и лигѣ. Если бы унія была достойна названія, которое носила, и дѣла, которое защищала, то исполненіе приговора встрѣтило бы непреодолимыя препятствія; но могла ли такая жалкая сила, едва державшаяся противъ испанскихъ войскъ въ Нижнемъ Палатинатѣ, могла ли даже подумать о борьбѣ противъ соединенныхъ силъ императора, Баваріи и лиги? Приговоръ, произнесенный надъ курфирстомъ, тотчасъ отдѣлилъ отъ союза всѣ имперскіе города, а князья вскорѣ послѣдовали ихъ примѣру. Довольные тѣмъ, что спасли свои собственныя земли, они предали курфирста, своего прежняго предводителя, на волю императора, отказались отъ уніи и обѣщались никогда ее не возобновлять.

Нѣмецкіе князья постыдно оставили несчастнаго *Фридриха;* Чехія, Силезія и Моравія присягнули грозной власти императора; одинъ только человѣкъ, удалецъ, котораго все богатство заключалось въ мечѣ,

графъ *Эрнстъ Мансфельдъ*, рѣшился сопротивляться, въ чешскомъ городѣ Пильзенѣ, всей арміи императора. Оставленный курфирстомъ, службѣ котораго онъ посвятилъ себя, послѣ прагскаго сраженія безъ всякой помощи, и даже не зная, будетъ ли ему *Фридрихъ* благодаренъ за его постоянство, онъ держался еще нѣсколько времени одинъ противъ императорскихъ силъ, пока его войскà, побужденныя невыдачею жалованья, не продали города Пильзена императору. Нисколько необезкураженный этимъ ударомъ, онъ, вслѣдъ затѣмъ, явился въ Верхнемъ Палатинатѣ, гдѣ образовалъ новыя мѣста вербовки съ цѣлью привлечь къ себѣ войска, распущенныя уніею. Вскорѣ новая двадцати-тысячная армія собралась подъ его знаменами, тѣмъ болѣе страшная для всѣхъ областей, куда она вступала, что могла содержаться однимъ грабежомъ. Не зная, куда вторгнется эта толпа, уже заранѣе трепетали всѣ сосѣднія духовныя владѣнія, богатства которыхъ могло приманить ее. Однако, стѣсненный герцогомъ баварскимъ, вступившимъ въ Верхній Палатинатъ въ качествѣ исполнителя императорскаго приговора, *Мансфельдъ* принужденъ былъ удалиться оттуда. Ускользнувъ, вслѣдствіе удачнаго маневра, отъ преслѣдовавшаго его баварскаго генерала *Тилли*, онъ внезапно явился въ Нижнемъ Палатинатѣ и подвергъ рейнскія епископства тѣмъ притѣсненіямъ, которыя готовилъ франконскимъ. Въ то время, когда императорско - баварская армія наводняла Чехію, испанскій генералъ *Амвросій Спинола* вторгся съ значительнымъ войскомъ изъ Нидерландовъ въ Палатинатъ, защита котораго, на основаніи ульмскаго договора, предоставлена была уніи. Но принятыя ею мѣры были такъ дурны, что одинъ городъ за другимъ сдавался испанцамъ, и, наконецъ, когда ру-

шилась унія, большая часть области осталась занятою испанскими войсками. Испанскій генералъ *Кордуба,* принявшій начальство надъ этими войсками, по отъѣздѣ *Спинолы,* немедленно снялъ осаду Франкенталя, когда *Мансфельдъ* вступилъ въ Нижній Палатинатъ. Но вмѣсто того, чтобъ прогнать испанцевъ изъ этой провинціи, *Мансфельдъ* поспѣшилъ переправиться за Рейнъ, чтобъ угостить на славу въ Эльзасѣ свои голодныя войска. Всѣ открытыя земли, куда вторгалась эта шайка разбойниковъ, превращались въ ужасную пустыню, и только огромными суммами могли откупиться города отъ разграбленія. Подкрѣпившись этимъ походомъ, *Мансфельдъ* явился снова на Рейнѣ, чтобъ прикрыть Нижній Палатинатъ.

Пока такая рука сражалась за курфирста *Фридриха,* не все еще было для него потеряно. Явились новыя надежды, и несчастіе открыло ему друзей, которые во время счастья безмолвствовали. *Іаковъ,* король *Англійскій,* глядѣвшій равнодушно на потерю его зятемъ чешской короны, вышелъ изъ своей безчувственности, видя, что дѣло идетъ о существованіи его дочери и внука и что побѣдоносный непріятель собирается напасть на курфиршескія земли. Теперь, хотя и поздно, открываетъ онъ свои сокровищницы и спѣшитъ помочь деньгами и войскомъ уніи, которая тогда еще занимала Нижній Палатинатъ, а когда она рушилась, то графу *Мансфельду.* Онъ же побудилъ близкаго своего родственника, *Христіана,* короля *Датскаго,* къ дѣятельной помощи, тогдакакъ истекающій срокъ перемирія между Испаніею и Голландіею лишалъ императора всякой помощи, ожидаемой изъ Нидерландовъ. Но важнѣйшею помощью для *Фридриха* была та, которая явилась изъ Трансильва-

нія и Венгріи. Едва окончилось перемиріе между *Габоромъ* и императоромъ, какъ этотъ грозный и старый врагъ Австріи снова наводнилъ Венгрію и короновался въ Пресбургѣ. Успѣхи его были такъ быстры, что *Букуа* долженъ былъ оставить Чехію для защиты Венгріи и Австріи отъ *Габора*. Этотъ храбрый генералъ нашелъ смерть при осадѣ Нейхейзеля; еще прежде столько же храбрый *Даппьеръ* былъ убитъ подъ Пресбургомъ. *Габоръ* безпрепятственно приближался къ австрійскимъ границамъ; старый графъ *Турнъ* и нѣсколько другихъ чешскихъ измѣнниковъ соединили свою ненависть и свою руку съ этимъ врагомъ своего врага. Рѣшительное нападеніе съ нѣмецкой стороны въ то время, когда *Габоръ* тѣснилъ императора со стороны Венгріи, могло бы скоро возстановить счастье *Фридриха;* но чехи и нѣмцы обыкновенно клали оружіе, когда *Габоръ* выступалъ въ поле, а когда первые оправлялись, послѣдній приходилъ въ истощеніе.

Между тѣмъ *Фридрихъ* не замедлилъ кинуться въ объятія новаго своего защитника, *Мансфельда*. Переодѣтый явился онъ въ Нижнемъ Палатинатѣ, изъ-за котораго дрался *Мансфельдъ* съ баварскимъ генераломъ *Тилли;* Верхній Палатинатъ уже давно былъ покоренъ. Лучъ надежды блеснулъ *Фридриху*, когда изъ развалинъ уніи возстали для него новые союзники. *Георгъ Фридрихъ* маркграфъ *Баденскій*, бывшій членъ союза, съ нѣкотораго времени сталъ набирать войско, образовавшее вскорѣ довольно значительную армію. Никто не зналъ ея назначенія, какъ вдругъ неожиданно онъ выступилъ въ поле и соединился съ графомъ *Мансфельдомъ*. До выступленія въ походъ, онъ передалъ маркграфство своему сыну, чтобы этою уловкою спасти его

отъ мщенія императора, въ случаѣ дурнаго оборота дѣлъ. Сосѣдъ его, герцогъ Вюртембергскій, также началъ усиливать свое войско. Это придало мужество *Фридриху*, и онъ сталъ работать изъ всѣхъ силъ, чтобы снова призвать унію къ жизни. Теперь пришла очередь *Тилли* подумать о своей безопасности. Ни мало не медля онъ присоединилъ къ себѣ войска испанскаго генерала *Кордубы*. Но въ то время, когда непріятель соединялъ свои войска, *Мансфельдъ* и маркграфъ *Баденскій* раздѣлились, и послѣдній былъ разбитъ баварскимъ генераломъ *Вимпфеномъ* (въ 1622 году).

Авантюристъ безъ денегъ, самая законность рожденія котораго была подвержена сомнѣнію, взялся быть защитникомъ короля, разореннаго ближайшимъ родственникомъ и оставленнаго безъ помощи отцомъ своей супруги. Владѣтельный князь, онъ отказался отъ своихъ земель, которыми правилъ спокойно, чтобы ради другаго, ему совершенно чуждаго, испытать невѣрное счастье войны. Новый искатель приключеній, бѣдный владѣньями, за-то богатый славными предками, принимаетъ на себя защиту дѣла *Фридриха*, въ успѣхѣ котораго тотъ отчаявался. *Христіанъ* герцогъ *Брауншвейгскій*, администраторъ гальберштадскій, вообразилъ себѣ, что постигъ тайну *Мансфельда* — содержать безъ денегъ двадцати-тысячную армію. Увлеченный юношескою пылкостью и желаніемъ прославить свое имя и обогатиться на счетъ католическаго духовенства, которое ненавидѣлъ, онъ собралъ въ Нижней Саксоніи значительное войско, которому защита *Фридриха* и свободы Германіи должна была дать имя. Слова: *Божій другъ и поповскій врагъ* — были девизомъ на его монетахъ, переплавленныхъ изъ церковнаго се-

ребра, дивизомъ, котораго онъ не посрамилъ своими подвигами.

Путь этихъ разбойничьихъ шаекъ, по обыкновенію, обозначался ужасными опустошеніями. Разграбленіемъ духовныхъ учрежденій въ Нижней Саксоніи и Вестфаліи они набрались новыхъ силъ для грабежа епископальныхъ земель на Нижнемъ Рейнѣ. Выгнанный оттуда друзьями и врагами, администраторъ приблизился къ рѣкѣ Майнѣ, и переправился черезъ нея возлѣ майнцскаго города Гехста, послѣ кровопролитнаго сраженія съ *Тилли*, оспоривавшемъ у него переправу. Потерявъ половину своего войска, онъ достигъ противоположнаго берега, гдѣ немедленно собралъ остатки арміи и присоединился съ ними къ графу *Мансфельду*. Преслѣдуемая *Тилли*, эта соединенная толпа бросилэсь вторично въ Эльзасъ, чтобы девершить опустошеніе земель, пощаженныхъ при первомъ вторженіи. Въ то время, какъ курфирстъ *Фридрихъ*, мало чѣмъ отличаясь отъ бѣглаго нищаго, скитался съ войскомъ, признававшимъ его своимъ государемъ и носившимъ его имя, друзья курфирста старались примирить его съ императоромъ. *Фердинандъ* не хотѣлъ лишить ихъ всякой надежды на возвращеніе курфирсту его владѣній. Исполненный коварства и притворства, онъ выказывалъ полную готовность къ переговорамъ, надѣясь охладить тѣмъ ихъ рвеніе въ полѣ и отвратить крайности. Король *Іаковъ*, вѣчная жертва австрійскаго коварства, не мало способствовалъ успѣхамъ императора своею безумною дѣятельностью. *Фердинандъ* прежде всего требовалъ, чтобы *Фридрихъ* положилъ оружіе, если онъ прибѣгаетъ къ милосердію императора; *Іаковъ* нашелъ это требованіе совершенно справедливымъ. По его настоянію, *Фридрихъ* отказался

отъ своихъ единственныхъ вѣрныхъ защитниковъ, графа *Мансфельда* и администратора, и ждалъ въ Голландіи рѣшенія своей судьбы отъ милосердія императора.

Мансфельда и герцога *Христіана* затрудняло только пріисканіе новаго имени; не дѣло *Фридриха* вооружило ихъ, слѣдовательно отставка не могла ихъ обезоружить. Цѣлью ихъ была война, а не тотъ, за кого они сражались. Послѣ напрасной попытки графа *Мансфельда* вступить въ службу императора, они оба потянулись въ Лотарингію — и вскорѣ распущенность ихъ войска распространила ужасъ до внутреннихъ провинцій Франціи. Здѣсь они простояли нѣкоторое время въ напрасномъ ожиданіи наемщика, пока голландцы, стѣсненные испанскимъ генераломъ *Спинолою*, не предложили имъ вступить въ свою службу. Послѣ кровопролитнаго сраженія съ испанцами при Флерусѣ, хотѣвшими заслонить имъ дорогу, они вступили въ Голландію, гдѣ ихъ появленіе заставило испанскаго генерала немедленно снять осаду Бергенъ-опъ-Цома. Но и голландцамъ скоро наскучили эти буйные гости, и они воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ отдыха, чтобы сбыть съ рукъ эту опасную помощь. *Мансфельдъ* далъ своимъ войскамъ немного отдохнуть и подкрѣпиться для новыхъ подвиговъ въ плодородной области восточной Фрисландіи. Герцогъ же *Христіанъ*, влюбленный въ супругу *Фридриха*, съ которой познакомился въ Голландіи, и болѣе прежняго полюбившій войну, повелъ свои войскà обратно въ Нижнюю Саксонію, съ перчаткою принцессы на шляпѣ и съ дивизомъ: *Все для Бога и для нея* на знаменахъ. Роли обоихъ въ этой войнѣ еще далеко не были окончены.

Наконецъ всѣ императорскія владѣнія были очищены

отъ непріятеля, унія уничтожена, маркграфъ *Баденскій*, графъ *Мансфельдъ* и герцогъ *Христіанъ* были прогнаны и палатинскія владѣнія заняты экзекуціонными войсками имперіи. Мангеймъ и Гейдельбергъ находились въ рукахъ баварцевъ, а вскорѣ и Франкенталь сдался испанцамъ. Въ уголкѣ Голландіи ожидалъ *Фридрихъ* позорнаго дозволенія пасть къ ногамъ императора и склонить его гнѣвъ на милость; а такъ называемый курфиршескій день въ Регенсбургѣ долженъ былъ, наконецъ, рѣшить его судьбу. Она уже давно была рѣшена при дворѣ императора; но только теперь благопріятныя обстоятельства позволяли это окончательное рѣшеніе сдѣлать извѣстнымъ. Послѣ всего того, что было до-сихъ-поръ предпринято императоромъ противъ курфирста, *Фердинандъ* не могъ надѣяться на искреннее примиреніе. Только довершеніемъ насилія думали сдѣлать его безвреднымъ. Слѣдовательно потерянное должно было остаться потеряннымъ; *Фридрихъ* долженъ былъ проститься съ своими землями, а государь безъ земли и подданныхъ не могъ болѣе носить курфиршеской шапки. Если *Фридрихъ* тяжко провинился передъ австрійскимъ домомъ, то герцогъ *Баварскій* оказалъ ему огромныя услуги. На сколько австрійскій домъ и католическая церковь должны были опасаться мстительности и религіозной ненависти палатинскаго дома, на столько могли надѣяться на благодарность и усердіе къ вѣрѣ баварскаго. Наконецъ, съ передачею палатинскаго курфиршескаго сана Баваріи, католическая вѣра обезпечивала за собой рѣшительный перевѣсъ въ собраніи курфирстовъ и постоянное первенство въ Германіи.

Этого послѣдняго обстоятельства было довольно, чтобы склонить трехъ духовныхъ курфирстовъ въ пользу

перемѣны; изъ протестантскихъ одинъ только голосъ Саксоніи былъ важенъ. Но могъ ли *Іоаннъ Георгъ* оспоривать у императора право, безъ котораго онъ подвергалъ сомнѣнію свое собственное на курфиршескій санъ? Хотя для государя, котораго родъ, санъ и могущество дѣлали главою протестантской церкви въ Германіи, повидимому, ничего не могло быть священнѣе, какъ защита правъ своей церкви отъ притязаній католиковъ, но вопросъ состоялъ не столько въ томъ, какимъ образомъ охранить интересы протестантской вѣры отъ католиковъ, сколько въ томъ, которой изъ двухъ равно ненавистныхъ религій, кальвинской и католической, предоставить преимущество передъ другой? которому изъ двухъ равно ненавистныхъ враговъ присудить курфиршество Палатинское? и естественно, что при такихъ противоположныхъ обязанностяхъ рѣшала частная польза и частная ненависть. Природный защитникъ германской свободы и протестантской вѣры побуждалъ императора распорядиться Палатинскимъ курфиршествомъ по усмотрѣнію своей императорской власти и ни мало не смущаться, если бы онъ для вида сталъ противиться его распоряженіямъ. Если *Іоаннъ Георгъ* впослѣдствіи медлилъ дать свое согласіе, то самъ *Фердинандъ* далъ ему поводъ къ этой перемѣнѣ мыслей, изгнавъ евангелическихъ проповѣдниковъ изъ Чехіи; и отдача въ ленъ Палатинскаго курфиршества Баваріи перестала быть поступкомъ противозаконнымъ, какъ скоро императоръ согласился на уступку Лаузица курфирсту Саксонскому, въ вознагражденіе военныхъ издержекъ въ шесть мильоновъ талеровъ.

Такимъ образомъ *Фердинандъ*, вопреки желанію всей протестантской Германіи и въ поруганіе основныхъ им-

перскихъ законовъ, которые клялся соблюдать при своемъ избраніи, торжественно въ Регенсбургѣ отдалъ въ ленъ герцогу баварскому Палатинское курфиршество, не уничтожая, однако, какъ было сказано, правъ, которыя могли быть предъявлены родственниками и наслѣдниками *Фридриха*. Такимъ образомъ этотъ несчастный государь увидѣлъ себя лишеннымъ невозвратно всѣхъ своихъ владѣній, не будучи даже выслушенъ судомъ, который его осудилъ, въ чемъ законы не отказываютъ самому послѣднему изъ подданныхъ и самому величайшему изъ преступниковъ.

Этотъ насильственный поступокъ открылъ наконецъ глаза королю англійскому, и какъ въ то же время прервались переговоры о бракѣ между его сыномъ и испанскою принцессою, то *Іаковъ* съ жаромъ вступился за своего зятя. Перемѣна во французскомъ министерствѣ передала управленіе государственными дѣлами въ руки кардинала *Ришльё*, и это глубоко-падшее королевство скоро почувствовало, что имъ управлялъ мужчина. Замыслы испанскаго намѣстника въ Миланѣ завладѣть Валтелиномъ, чтобы сдѣлать его пунктомъ соединенія съ австрійскими наслѣдственными владѣніями, возбудили прежнія опасенія противъ этой державы, а съ ними и основныя политическія правила *Генриха Великаго*. Бракъ между принцемъ *Валлійскимъ* и *Генріетою*, принцессою французскою, связалъ тѣснѣе эти два государства; къ этому союзу приступили Голландія, Данія и нѣкоторыя итальянскія государства. Рѣшено было вооруженною рукою принудить Испанію къ возвращенію Валтелина, а Австрію къ возстановленію *Фридриха;* но только противъ первой была выказана нѣкоторая дѣятельность. *Іаковъ Первый* умеръ, а *Карлъ Первый*,

враждуя съ своимъ парламентомъ, не могъ слѣдить за дѣлами Германіи. Савоія и Венеція медлили съ помощью, а французскій министръ полагалъ, что прежде чѣмъ рѣшиться помочь нѣмецкимъ протестантамъ противъ императора, надо усмирить гугенотовъ въ своемъ отечествѣ. Многаго надѣялись отъ этого союза, но послѣдствія далеко ихъ не оправдали.

Графъ *Мансфельдъ* оставленный безъ всякой помощи, праздно стоялъ на Нижнемъ Рейнѣ, а *Христіанъ*, герцогъ *Брауншвейгскій*, увидѣлъ себя, послѣ несчастнаго похода, снова выгнаннымъ изъ Германіи. Вторичное вторженіе *Бетлена Гобора* въ Моравію, неподдержанное со стороны Германіи, окончилось, какъ и всѣ прежнія, ничѣмъ, то есть временнымъ миромъ съ императоромъ. Унія не существовала; ни одинъ протестантскій государь не былъ вооруженъ, а на границахъ Нижней Германіи, на протестантской землѣ, стоялъ баварскій генералъ *Тилли* съ своей побѣдоносной арміей. Его привели въ эти мѣста движенія *Христіана*, герцога *Брауншвейгскаго;* онъ даже побывалъ однажды въ нижне-саксонскомъ округѣ, гдѣ взялъ Либштадтъ, складочное мѣсто военныхъ запасовъ администратора. Необходимость наблюдать за этимъ непріятелемъ и удерживать его отъ новыхъ нападеній, должна была оправдывать пребываніе *Тилли* въ этой странѣ. Но *Мансфельдъ* и *Христіанъ*, за недостаткомъ денегъ, распустили свое войско, и армія графа *Тилли*, нигдѣ не видала непріятеля. Для чего же она обременяла область, въ которой расположилась?

Трудно отличать голосъ истины среди воплей разгоряченныхъ партій, но тѣмъ не менѣе подозрительно было, что лига не распускала войска. Преждевременное

ликованье католиковъ должно было увеличить смятеніе. Императоръ и лига стояли вооруженные и побѣдоносные въ Германіи, не видя нигдѣ силы, способной оказать сопротивленіе, если бы они отважились напасть на протестантскіе чины, или даже уничтожить религіозный миръ. Если бы императоръ *Фердинандъ* и дѣйствительно не думалъ употребить во зло свои побѣды, то беззащитность протестантовъ должна была возбудить въ немъ эту мысль. Обвѣтшалые договоры не могли обуздать государя, который считалъ обязанностью дѣлать все для своей вѣры и всякое насиліе съ религіозною цѣлью почиталъ священнымъ. Верхняя Германія была покорена и одна Нижняя Германія могла еще сопротивляться его самодержавію. Здѣсь протестанты были господствующею стороною, здѣсь у католической церкви была отнята большая часть духовныхъ имуществъ, и теперь, казалось, настало удобное время возвратить церкви утраченное. Въ этихъ имуществахъ, отнятыхъ государями Нижней Германіи, заключалась значительная часть силы католической партіи, и возвращеніе церкви ей принадлежащаго могло служить прекраснымъ предлогомъ — обезсилить князей.

Оставаться въ бездѣйствіи при такомъ опасномъ положеніи было бы непростительною безпечностью. Воспоминанія о насиліяхъ, чинимыхъ войсками *Тилли* въ Нижней Саксоніи, были еще въ свѣжей памяти и не могли не побудить князей къ защитѣ. *Нижне-саксонскій округъ* вооружился съ возможною скоростью. Собраны были чрезвычайные военные налоги, набраны войска и наполнены магазины. Переговаривались съ Венеціей, Голландіей и Англіей о пособіяхъ деньгами. Совѣтовались, которой изъ державъ поручить начальство

надъ союзомъ. Короли Зунда и Балтійскаго моря, естественные союзники этого округа, не могли допустить, чтобы императоръ вступалъ въ него, какъ завоеватель и дѣлался, такимъ образомъ, ихъ сосѣдомъ на берегахъ Балтійскаго моря. Двойная выгода, религіи и политики, побуждала ихъ препятствовать успѣхамъ этого государя въ Нижней Германіи. *Христіанъ Четвертый*, король датскій, какъ герцогъ голштинскій, считалъ себя членомъ этого округа; тѣ же самыя причины побуждали и *Густава Адольфа* шведскаго принять участіе въ этомъ союзѣ.

Оба короля домогались чести защищать нижне-саксонскій округъ и идти войною противъ грознаго могущества Австріи. Каждый вызывался выставить хорошо-устроенную армію и лично предводительствовать ею. Успѣхи противъ Россіи и Польши придавали значеніе обѣщанію короля шведскаго; весь балтійскій берегъ гремѣлъ именемъ *Густава Адольфа*. Но слава соперника грызла сердце короля датскаго, и чѣмъ болѣе лавровъ сулила ему эта война, тѣмъ менѣе желалъ *Христіанъ Четвертый* уступить ихъ своему ненавистному сосѣду. Оба представили свои предложенія и условія англійскому министерству, гдѣ, наконецъ, *Христіану Четвертому* удалось взять верхъ надъ своимъ соперникомъ. *Густавъ Адольфъ* требовалъ для своей безопасности нѣсколькихъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ Германіи, гдѣ у него не было шагу земли, чтобы, въ случаѣ несчастья, доставить войскамъ своимъ необходимое убѣжище, тогда какъ *Христіанъ Четвертый* имѣлъ Голштинію и Ютландію, черезъ которыя могъ спокойно отступить въ случаѣ проиграннаго сраженія.

Чтобы предупредить своего союзника, король датскій

поспѣшно выступилъ въ поле. Получивъ верховную власть надъ нижне-саксонскимъ округомъ, онъ собралъ въ короткое время шестидесяти-тысячную армію; съ нимъ соединились администраторъ и герцогъ брауншвейгскій и мекленбургскій. Помощь, обѣщанная Англіею, придала ему новое мужество и, подкрѣпленный такою силою, онъ ласкалъ себя надеждою окончить эту войну въ *одинъ* походъ.

Въ Вѣну дали знать, что цѣль вооруженія — защита округа и сохраненіе спокойствія въ тѣхъ мѣстахъ. Но переговоры съ Голландіею, Англіею и даже съ Франціею, чрезвычайныя усилія округа и грозная собранная въ немъ армія, казалось, имѣли въ виду не одну только защиту, но совершенное возстановленіе курфирста палатинскаго и униженіе черезчуръ усилившагося императора.

Когда переговоры, увѣщанья, угрозы и приказанія императора не помогли склонить короля датскаго и нижне-саксонскій округъ положить оружіе, начались непріятельскія дѣйствія и Нижняя Германія стала позорищемъ войны. Графъ *Тилли* потянулся лѣвымъ берегомъ Везера и занялъ всѣ проходы до самаго Миндена; послѣ неудачнаго покушенія на Ніенбургъ и переправясь черезъ рѣку, онъ вторгся въ княжество Калембергъ и занялъ его своими войсками. На правомъ берегу Везера дѣйствовалъ король и распространялся по брауншвейгскимъ землямъ. Но, ослабивъ главную армію отдѣленіемъ отъ нея слишкомъ сильныхъ отрядовъ, онъ не могъ съ остальными войсками предпринять ничего важнаго. Чувствуя превосходство своего противника, онъ столько же избѣгалъ рѣшительнаго сраженія, сколько полководецъ лиги его искалъ.

До сихъ поръ императоръ велъ войну въ Германіи одними войсками Баваріи и лиги, если исключить испанско-нидерландскія вспомогательныя войска, вторгшіяся въ Нижній Палатинатъ. *Максимиліанъ* велъ войну, какъ начальникъ имперской экзекуціи, и *Тилли*, ея предводитель, былъ баварскій генералъ. Превосходствомъ силъ своихъ въ полѣ императоръ обязанъ былъ оружію Баваріи и лиги: значитъ, все его счастіе и вся власть были въ ихъ рукахъ. Эта зависимость отъ доброй воли Баваріи и лиги не согласовалась съ обширными замыслами, которымъ, послѣ такого блистательнаго начала, стали предаваться при дворѣ императора.

Если лига выказывала полную готовность быть защитницею императора, защищая тѣмъ собственное свое благосостояніе, то было весьма сомнительно, чтобъ она простерла эту готовность и на завоевательные его планы. Если бы она и согласилась отдать свои войска въ распораженіе императора для будущихъ завоеваній, то слѣдовало опасаться, что она раздѣлитъ съ нимъ одну общую ненависть, а всѣ выгоды присвоитъ себѣ одной. Только значительная военная сила, выставленная имъ самимъ, могла снять съ императора эту тягостную зависимость отъ Баваріи и удержать за нимъ теперешнее его преобладаніе въ Германіи. Но война истощила императорскія земли и лишила ихъ всякой возможности покрыть издержки такого вооруженія. При этихъ обстоятельствахъ всего пріятнѣе для императора было предложеніе, съ которымъ обратился къ нему одинъ изъ его офицеровъ.

Это былъ графъ *Валленштейнъ*, заслуженый офицеръ и одинъ изъ богатѣйшихъ дворянъ Чехіи. Съ ранней молодости служилъ онъ императорскому дому и от-

личался во многихъ походахъ противъ турокъ, венеціянцевъ, чеховъ, венгерцевъ и трансильванцевъ. Въ прагскомъ сраженіи онъ участвовалъ полковникомъ, а послѣ того въ чинѣ генералъ-майора разбилъ венгерскую армію въ Моравіи. Благодарность императора соотвѣтствовала его заслугамъ, и значительная часть имѣній, конфискованныхъ послѣ чешскаго мятежа, была ему наградой. Владѣя несметнымъ имуществомъ, воспламененный честолюбивыми замыслами, полный вѣры въ свою счастливую звѣзду и того болѣе въ основательность соображеній тогдашнихъ обстоятельствъ, онъ предложилъ императору вполнѣ вооружить и одѣть армію на свой счетъ и на счетъ своихъ друзей, и даже не требовалъ отъ императора ничего на ея содержаніе, если ему будетъ дозволено увеличить ее до пятидесяти тысячъ человѣкъ. Всѣ смѣялись надъ этимъ предложеніемъ, какъ надъ плодомъ разгоряченнаго воображенія; но, во всякомъ случаѣ, попытка была бы вознаграждена сторицей, будь она исполнена хотя отчасти. Ему предоставили нѣсколько округовъ въ Чехіи для сборныхъ мѣстъ и прибавили къ тому дозволеніе раздавать офицерскія мѣста. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ у него было двадцать тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, съ которыми покинулъ австрійскія границы; немного спустя онъ уже явился съ тридцатью тысячами на границахъ Нижней Саксоніи. Все это вооруженіе ничего не стоило императору, за исключеніемъ имени. Слава полководца, виды на быстрое производство и надежда на добычу привлекали удальцовъ изъ всѣхъ угловъ Германіи подъ его знамена, и даже владѣтельные князья, подстрекаемые славолюбіемъ или корыстолюбіемъ, вызывались теперь вербовать полки для Австріи.

Такимъ образомъ—въ первый разъ въ эту войну—появилась императорская армія въ Германіи: страшное явленіе для протестантовъ, не слишкомъ утѣшительное для католиковъ. *Валленштейнъ* имѣлъ приказаніе соединить свою армію съ войсками лиги и вмѣстѣ съ баварскимъ генераломъ напасть на короля датскаго. Но тотъ, уже давно завидуя военной славѣ *Тилли*, не хотѣлъ раздѣлять съ нимъ лавровъ этого похода и блескомъ подвиговъ *Тилли* затмить славу своихъ собственныхъ. Военный планъ *Валленштейна* хотя и подкрѣплялъ дѣйствія *Тилли*, но онъ приводилъ его въ исполненіе совершенно независимо отъ послѣдняго. Не имѣя тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ *Тилли* удовлетворялъ потребностямъ своей арміи, онъ долженъ былъ повесть свою въ богатыя области, еще непострадавшія отъ войны. Итакъ, вмѣсто того, чтобъ, согласно приказанію, присоединиться къ полководцу лиги, онъ отступилъ въ гальберштадтскія и магдебургскія земли и овладѣлъ Эльбою при Дессау. Теперь всѣ земли по обоимъ берегамъ этой рѣки были открыты его притѣсненіемъ; онъ могъ напасть съ тылу на короля датскаго, и даже, если бы понадобилось, проложить себѣ дорогу въ собственныя его владѣнія.

Христіанъ Четвертый чувствовалъ всю опасность своего положенія между двумя столь грозными арміями. Онъ еще прежде присоединилъ къ себѣ администратора гальберштадтскаго, только-что вернувшагося изъ Голландіи; теперь онъ явно объявилъ себя сторонникомъ графа *Мансфельда*, отъ котораго до сихъ поръ отказывался и сталъ, по мѣрѣ возможности, ему помогать. *Мансфельдъ* съ избыткомъ отплатилъ ему за эту услугу. Онъ одинъ занялъ всю армію *Валленштейна* на

Эльбѣ и помѣшалъ ей, соединившись съ войсками *Тилли*, уничтожить короля. Несмотря на превосходство силъ непріятеля, этотъ храбрый генералъ приблизился къ дессаускому мосту и, въ виду императорскихъ укрѣпленій, рѣшился самъ окопаться; но, взятый въ тылъ всею непріятельскою арміею, онъ долженъ былъ уступить превосходству силъ и оставить свою позицію, потерявъ три тысячи человѣкъ убитыми. Послѣ этого пораженія *Мансфельдъ* вступилъ въ предѣлы Бранденбургіи, гдѣ онъ, послѣ краткаго отдыха, усилился новыми войсками и вдругъ повернулъ въ Силезію, чтобъ оттуда вторгнуться въ Венгрію и, соединившись съ *Бетленъ Габоромъ*, перенесть войну въ самое сердце австрійскихъ владѣній. Такъ-какъ императорскія наслѣдственныя владѣнія не имѣли никакой защиты отъ подобнаго непріятеля, то *Валленштейнъ* получилъ немедленное повелѣніе оставить на этотъ разъ въ покоѣ короля датскаго и, если возможно, заслонить *Мансфельду* дорогу чрезъ Силезію.

Диверсія, сдѣланная *Мансфельдомъ* противъ арміи *Валленштейна*, позволила королю послать часть своихъ войскъ въ Вестфалію, для занятія епископствъ минстерскаго и оснабрюкскаго. Чтобы воспрепятствовать этому движенію, *Тилли* поспѣшно оставилъ берега Везера; но движенія герцога *Христіана*, захотѣвшаго вторгнуться черезъ гессенскія владѣнія въ земли лиги, чтобы перенесть туда войну, заставили *Тилли* возвратиться немедленно въ Вестфалію. Чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ этихъ земель и, вмѣстѣ съ тѣмъ, помѣшать соединенію ландграфа гессенскаго съ непріятелемъ, *Тилли* поспѣшно занялъ всѣ крѣпкія мѣста на Веррѣ и Фульдѣ и обезпечилъ за собою городъ Мюнденъ при входѣ въ

Гессенскія горы, гдѣ обѣ рѣки впадаютъ въ Везеръ. Вскорѣ послѣ того онъ взялъ Геттингенъ, ключъ къ брауншвейгскимъ и гессенскимъ владѣніямъ, и готовилъ ту же судьбу Нордгейму, на защиту котораго поспѣшилъ король со всею своею арміею. Снабдивъ это мѣсто всѣмъ необходимымъ для долговременной осады, король вознамѣрился черезъ Эйхсфельдъ и Тюрингію проложить себѣ новую дорогу въ земли лиги. Онъ уже прошелъ Дудерштатъ, когда графъ *Тилли* опередилъ его усиленными маршами. Такъ какъ армія послѣдняго, усиленная нѣсколькими полками *Валленштейна*, далеко превосходила армію короля, то онъ, избѣгая сраженія, поспѣшилъ возвратиться въ брауншвейгскія владѣнія. Но во время этого отступленія *Тилли* преслѣдовалъ его безостановочно, и наконецъ, послѣ трехдневныхъ стычекъ, принудилъ его остановиться для отпора у деревни Луттеръ, возлѣ Баренберга. Датчане дѣйствовали весьма храбро и отважный король три раза водилъ ихъ противъ непріятеля; но, наконецъ, слабѣйшая сторона должна была уступить превосходству силъ и опытности непріятеля, — и полная побѣда была одержана полководцемъ лиги. Шестьдесятъ знаменъ, вся артиллерія, обозъ и амуниція достались побѣдителю; множество офицеровъ и около четырехъ тысячъ рядовыхъ было убито; нѣсколько ротъ пѣхоты, бросившихся въ домъ луттерскаго управленія, положило оружіе и сдалось побѣдителю.

Король отретировался съ кавалеріею и вскорѣ послѣ этого чувствительнаго удара снова собралъ свои войска. *Тилли*, пользуясь своею побѣдою, завладѣлъ Везеромъ и брауншвейгскими землями и прогналъ короля назадъ въ Бременскую область. Напуганный пораженіемъ, король хотѣлъ дѣйствовать оборонительно, и въ особенности,

перскихъ законовъ, которые клялся соблюдать при своемъ избраніи, торжественно въ Регенсбургѣ отдалъ въ ленъ герцогу баварскому Палатинское курфиршество, не уничтожая, однако, какъ было сказано, правъ, которыя могли быть предъявлены родственниками и наслѣдниками *Фридриха.* Такимъ образомъ этотъ несчастный государь увидѣлъ себя лишеннымъ невозвратно всѣхъ своихъ владѣній, не будучи даже выслушенъ судомъ, который его осудилъ, въ чемъ законы не отказываютъ самому послѣднему изъ подданныхъ и самому величайшему изъ преступниковъ.

Этотъ насильственный поступокъ открылъ наконецъ глаза королю англійскому, и какъ въ то же время прервались переговоры о бракѣ между его сыномъ и испанскою принцессою, то *Іаковъ* съ жаромъ вступился за своего зятя. Перемѣна во французскомъ министерствѣ передала управленіе государственными дѣлами въ руки кардинала *Ришльё,* и это глубоко-падшее королевство скоро почувствовало, что имъ управлялъ мужчина. Замыслы испанскаго намѣстника въ Миланѣ завладѣть Валтелиномъ, чтобы сдѣлать его пунктомъ соединенія съ австрійскими наслѣдственными владѣніями, возбудили прежнія опасенія противъ этой державы, а съ ними и основныя политическія правила *Генриха Великаго.* Бракъ между принцемъ *Валлійскимъ* и *Генріетою,* принцессою французскою, связалъ тѣснѣе эти два государства; къ этому союзу приступили Голландія, Данія и нѣкоторыя итальянскія государства. Рѣшено было вооруженною рукою принудить Испанію къ возвращенію Валтелина, а Австрію къ возстановленію *Фридриха;* но только противъ первой была выказана нѣкоторая дѣятельность. *Іаковъ Первый* умеръ, а *Карлъ Первый,*

враждуя съ своимъ парламентомъ, не могъ слѣдить за дѣлами Германіи. Савоія и Венеція медлили съ помощью, а французскій министръ полагалъ, что прежде чѣмъ рѣшиться помочь нѣмецкимъ протестантамъ противъ императора, надо усмирить гугенотовъ въ своемъ отечествѣ. Многаго надѣялись отъ этого союза, но послѣдствія далеко ихъ не оправдали.

Графъ *Мансфельдъ* оставленный безъ всякой помощи, праздно стоялъ на Нижнемъ Рейнѣ, а *Христіанъ*, герцогъ *Брауншвейгскій*, увидѣлъ себя, послѣ несчастнаго похода, снова выгнаннымъ изъ Германіи. Вторичное вторженіе *Бетлена Габора* въ Моравію, неподдержанное со стороны Германіи, окончилось, какъ и всѣ прежнія, ничѣмъ, то есть временнымъ миромъ съ императоромъ. Унія не существовала; ни одинъ протестантскій государь не былъ вооруженъ, а на границахъ Нижней Германіи, на протестантской землѣ, стоялъ баварскій генералъ *Тилли* съ своей побѣдоносной арміей. Его привели въ эти мѣста движенія *Христіана*, герцога *Брауншвейгскаго;* онъ даже побывалъ однажды въ нижне-саксонскомъ округѣ, гдѣ взялъ Либштадтъ, складочное мѣсто военныхъ запасовъ администратора. Необходимость наблюдать за этимъ непріятелемъ и удерживать его отъ новыхъ нападеній, должна была оправдывать пребываніе *Тилли* въ этой странѣ. Но *Мансфельдъ* и *Христіанъ*, за недостаткомъ денегъ, распустили свое войско, и армія графа *Тилли*, нигдѣ не видала непріятеля. Для чего же она обременяла область, въ которой расположилась?

Трудно отличать голосъ истины среди воплей разгоряченныхъ партій, но тѣмъ не менѣе подозрительно было, что лига не распускала войска. Преждевременное

препятствовать переправѣ непріятеля черезъ Эльбу. Но, размѣстивъ во всѣ укрѣпленныя мѣста гарнизоны, онъ не могъ дѣйствовать своими раздробленными силами; разрозненные отряды, одинъ за другимъ, были разсѣяны или истреблены непріятелемъ. Войска лиги, завладѣвъ всею рѣкою Везеромъ, распространились за Эльбу и Гавель, и датскіе отряды были вытѣсняемы изъ одного мѣста за другимъ. Самъ *Тилли* переправился черезъ Эльбу и побѣдоносное его оружіе проникло далеко въ бранденбургскія земли, тогда какъ *Валленштейнъ* съ другой стороны вторгся въ Голштинію, намѣреваясь перенесть войну въ собственныя владѣнія короля.

Этотъ генералъ только-что воротился изъ Венгріи, куда послѣдовалъ за графомъ *Мансфельдомъ*, не имѣя возможности ни затруднить его похода, ни воспрепятствовать его соединенію съ *Бетленъ Габоромъ*. Вѣчно гонимый судьбою и вѣчно стоявшій выше своей судьбы, онъ счастливо преодолѣлъ всѣ препятствія и пробился черезъ Силезію и Венгрію къ князю трансильванскому, который, однако, не слишкомъ ему обрадовался. Въ надеждѣ на помощь Англіи и на сильную диверсію въ Нижней Саксоніи, *Бетленъ Габоръ* снова нарушилъ перемиріе съ императоромъ и, вмѣсто ожидаемой диверсіи, *Мансфельдъ* привелъ за собою всю армію *Валленштейна* и требовалъ отъ него денегъ, вмѣсто того, чтобъ привести ихъ самому. Несогласіе между протестантскими князьями охладило усердіе *Габора* и онъ, по обыкновенію, спѣшилъ скорымъ миромъ избавиться отъ превосходныхъ силъ императора. Твердо рѣшившись нарушить его при первомъ лучѣ надежды, онъ выпроводилъ графа *Мансфельда* въ Венецію, чтобы тамъ прежде всего добыть себѣ денегъ.

Отрѣзанный отъ Германіи и не имѣя никакихъ средствъ прокормить слабые остатки своихъ войскъ въ Венгріи, *Мансфельдъ* продалъ оружіе и другія военныя принадлежности и распустилъ своихъ солдатъ. Самъ же съ небольшою свитою отправился черезъ Боснію и Далмацію въ Венецію. Новые замыслы воспламеняли его мужество; но его поприще было совершено. Судьба, обрекшая его на скитальческую жизнь, приготовила ему могилу въ Далмаціи. Недалеко отъ Зары настигла его смерть (въ 1626 году). Незадолго предъ тѣмъ умеръ его вѣрный товарищъ по судьбѣ, *Христіанъ*, герцогъ *Брауншвейгскій* — два героя, достойные безсмертія, съумѣй они возвыситься надъ своимъ вѣкомъ, какъ возвышались надъ своею судьбою.

Король датскій со всѣми своими силами не могъ противиться одному *Тилли;* тѣмъ болѣе съ ослабленнымъ войскомъ обоимъ имперскимъ генераламъ. Датчане оставили всѣ свои посты на Везерѣ, Эльбѣ и Гавелѣ, и армія *Валленштейна* бурнымъ потокомъ разлилась по Бранденбургіи, Мекленбургу, Голштиніи и Шлезвигу. Этотъ генералъ, слишкомъ гордый, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ другимъ, отрядилъ полководца лиги за Эльбу, подъ видомъ наблюденія за голландцами, а собственно для того, чтобы самому кончить войну съ королемъ и пожать одному плоды побѣдъ, одержанныхъ *Тилли*. *Христіанъ* лишился всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ нѣмецкихъ своихъ владѣніяхъ, за исключеніемъ Глюкштата, войска его были разбиты или разсѣяны, изъ Германіи и Англіи не предвидѣлось помощи, а союзники его въ Нижней Саксоніи остались на жертву ярости побѣдителя. Ландграфа гессенъ-кассельскаго *Тилли* заставилъ, тотчасъ послѣ побѣды при Луттерѣ, отказаться отъ дат-

скаго союза. Грозное появленіе *Валленштейна* передъ Берлиномъ принудило курфирста *Бранденбургскаго* покориться и признать *Максимиліана Баварскаго* законнымъ курфирстомъ. Большая часть мекленбургскихъ земель была занята императорскими войсками, и оба герцога, какъ приверженцы короля датскаго, изгнаны изъ своихъ владѣній. Защита германской свободы отъ противозаконныхъ притязаній была признана за преступленіе, влекущее за собою лишеніе всѣхъ достоинствъ и земель. И все это было только прелюдіей вопіющихъ насилій, которыя должны были вскорѣ послѣдовать.

Теперь разъяснилась тайна, какимъ образомъ *Валленштейнъ* думалъ исполнить свои неумѣренныя обѣщанія. Онъ перенялъ ее у графа *Мансфельда;* но ученикъ превзошелъ своего учителя. Слѣдуя правилу, что война должна питаться войною, *Мансфельдъ* и герцогъ *Христіанъ* удовлетворяли потребностямъ своихъ войскъ контрибуціями, которыя вынуждали у пріятелей и непріятелей безъ различія; но этотъ разбойничій образъ жизни и связанъ былъ со всѣми трудностями и невѣрностями разбойничьяго ремесла. Какъ бѣглые воры, должны они были пробираться между врагами бдительными и озлобленными и перебѣгать изъ одного конца Германіи въ другой, боязливо выжидать случая и обходить самыя богатыя земли, такъ какъ они защищались болѣе сильнымъ войскомъ. Если *Мансфельдъ* и герцогъ *Христіанъ*, въ борьбѣ съ такими страшными препятствіями, сдѣлали такъ много, то чего нельзя было предпринять, когда всѣхъ этихъ препятствій уже не существовало, когда собранная армія была достаточно многочисленна, чтобы привести въ трепетъ сильнѣйшихъ изъ имперскихъ чиновъ, когда имя императора обезпечивало без-

наказанностью всѣ насилія, короче, когда подъ защитою высочайшаго авторитета имперіи и въ главѣ огромной арміи слѣдовали тому же самому военному плану, который, очертя голову, приводили въ дѣйствіе эти два удальца съ шайкою бѣглецовъ.

Все это имѣлъ въ виду *Валленштейнъ*, дѣлая императору свое смѣлое предложеніе, и теперь никто не найдетъ его преувеличеннымъ. Чѣмъ болѣе усиливалось войско, тѣмъ менѣе слѣдовало заботиться о его содержаніи и тѣмъ болѣе приводило оно въ трепетъ сопротивлявшіеся чины; чѣмъ ужаснѣе были насилія, тѣмъ безнаказаннѣе можно было приводить ихъ въ исполненіе. Противъ враждебныхъ имперскихъ чиновъ они имѣли воображаемое право; противъ вѣрныхъ ихъ могла извинить неоходимость. Неравномѣрность притѣсненій мѣшала опасному согласію между чинами; истощеніе ихъ земель отнимало у нихъ въ то же время средства мстить за обиды. Такимъ образомъ вся Германія стала запаснымъ магазиномъ войскъ императорскихъ, и онъ могъ располагать всѣми областями, какъ наслѣдственными своими землями. Вопли о правосудіи отвсюду неслись къ престолу императора; но нечего было опасаться *личной мести* притѣсненныхъ князей, пока они взывали къ *правосудію*. Общее неудовольствіе раздѣлялось между императоромъ, именемъ котораго совершались эти ужасы, и полководцемъ, вышедшемъ за предѣлы своего полномочія и явно употреблявшимъ во зло имя своего государя. У императора искали защиты отъ его полководца, но *Валленштейнъ*, почувствовавъ свою силу, перестаъ повиноваться императору.

Истощеніе непріятеля представляло вѣроятность скораго мира; несмотря на то, *Валленштейнъ* продолжалъ

усиливать императорскую армію до ста тысячъ человѣкъ. Раздавая во множествѣ полковничьи и офицерскіе патенты, онъ окружилъ себя царскимъ великолѣніемъ, былъ безмѣрно щедръ къ своимъ любимцамъ (онъ никогда не дарилъ менѣе тысячи гульденовъ), употребляль неимовѣрныя суммы на подкупы при дворѣ императора, чтобы тамъ поддержать свое вліяніе—и все это не отягощая императора. Всѣ эти несметныя суммы собирались контрибуціями съ нижне-германскихъ областей; не было различія между другомъ и недругомъ; земли всѣхъ государей одинаково подверглись своевольнымъ проходамъ и постоямъ, грабежамъ и насиліямъ. Если вѣрить одному вычисленію того времени, то *Валленштейнъ* въ теченіе семилѣтняго своего начальствованія собралъ съ одной половины Германіи шестдесятъ тысячъ мильоновъ талеровъ контрибуціи. Чѣмъ тягостнѣй были притѣсненія, тѣмъ больше являлось запасовъ для его войска, тѣмъ больше охотниковъ стекалось подъ его знамена: всѣ гонятся за счастьемъ! Его армія усиливалась въ то время, какъ всѣ земли истощались, черезъ которыя она проходила. Что́ ему было до проклятій областей и жалобъ князей? Войско обожало его и само преступленіе дало ему всѣ средства, чтобы пренебречь его послѣдствіями.

Было бы несправедливо приписывать императору всѣ неистовства его армій. Если бы *Фердинандъ* зналъ прежде, что онъ отдаетъ своему полководцу всѣ германскія области на разграбленіе, то отъ него не могло бы укрыться, какой опасности подвергался онъ самъ при такомъ неограниченномъ полководцѣ. Чѣмъ тѣснѣе была связь между арміей и ея предводителемъ, отъ котораго единственно зависѣло все счастье, всѣ повышенія,

тѣмъ болѣе должна была ослабѣвать эта связь между ними обоими и императоромъ. Правда, все дѣлалось именемъ послѣдняго; но власть главы имперіи *Валленштейнъ* употреблялъ только для сокрушенія всякой другой власти въ Германіи. Слѣдствіемъ этого было обдуманное рѣшеніе этого человѣка — явно унижать нѣмецкихъ имперскихъ князей, разрушать всѣ постепенности между этими князьями и главою имперіи и возвысить внѣ всякаго сравненія власть послѣдняго. Если императоръ былъ единственною законодательною властью въ Германіи, то кто могъ сравниться съ его визиремъ, котораго онъ сдѣлалъ исполнителемъ своей воли? Высота, на которую поставилъ *Валленштейнъ* императора, изумила его самого; но такъ-какъ это величіе государя было дѣломъ рукъ его подданнаго, то это созданіе *Валленштейна*, лишившись руки своего творца, должно было снова обратиться въ ничто. Не безъ цѣли вооружалъ онъ всѣхъ имперскихъ князей противъ императора: чѣмъ болѣе они ненавидѣли *Фердинанда*, тѣмъ необходимѣе былъ для него человѣкъ, который одинъ могъ уничтожить ихъ замыслы. Очевидно, его намѣренія стремились къ тому, чтобы его повѣлителю не былъ страшенъ ни одинъ человѣкъ во всей Германіи, кромѣ одного, которому онъ обязанъ этимъ могуществомъ.

Первымъ шагомъ къ этой цѣли было то, что *Валлештейнъ* потребовалъ себѣ въ залогъ только-что завоеванныя мекленбургскія владѣнія, до уплаты сдѣланныхъ императору денежныхъ ссудъ для послѣдняго похода. *Фердинандъ* еще прежде — вѣроятно, желая дать *своему* генералу преимущество предъ баварскимъ — пожаловалъ ему титулъ герцога *Фридландскаго;* но обыкновенная награда не могла насытить честолюбія *Вал-*

ленштейна. Напрасно въ самомъ совѣтѣ императора возставали противъ этой новой награды на счетъ двухъ имперскихъ князей; напрасно даже испанцы, которыхъ уже давно оскорбляла его гордость, противились его возвышенію: сильная партія, подкупленная *Валленштейномъ* между совѣтниками императора, одержала верхъ. *Фердинандъ* хотѣлъ, во что́ бы ни стало, привязать къ себѣ этого необходимаго для него слугу. За ничтожный проступокъ лишаютъ наслѣдства потомковъ одного изъ древнѣйшихъ княжескихъ домовъ въ Германіи, чтобы наградить креатуру императорскаго произвола (въ 1628 году).

Вскорѣ послѣ этого *Валленштейнъ* сталъ называть себя генералиссимусомъ императорскихъ силъ на сушѣ и на морѣ. Онъ взялъ городъ Висмаръ и сталъ твердою ногою на берегахъ Балтійскаго моря. У Польши и ганзейскихъ городовъ были потребованы корабли, чтобы перенесть войну черезъ Балтійское море, послѣдовать за датчанами въ самое сердце ихъ государства и вынудить миръ, который долженъ былъ проложить дорогу еще къ бо́льшимъ завоеваніямъ. Связь нижне-саксонскихъ чиновъ съ сѣверными государствами была бы разорвана, если бы императору удалось стать между ними, и отъ самаго Адріатическаго моря до Зунда (лежащая между ними Польша была въ его зависимости) окружить Германію неразрывною цѣпью земель. Если это было намѣреніемъ императора, то *Валленштейнъ* имѣлъ особенныя причины стараться исполнить этотъ планъ. Владѣнія на Балтійскомъ морѣ должны были служить основаніемъ государству, которое уже давно обольщало его честолюбіе и которое должно было дать ему средства не нуждаться въ своемъ государѣ.

Для достиженія этихъ цѣлей было необходимо завладѣть городомъ Стральзундомъ, на Балтійскомъ морѣ. Превосходная гавань и легкій переѣздъ оттуда на шведскіе и датскіе берега дѣлали его весьма удобнымъ мѣстомъ для военныхъ складовъ на случай войны съ обѣими державами. Этотъ городъ, шестой въ ганзейскомъ союзѣ, пользовался, подъ защитою герцога померанскаго, важными привилегіями, и, не входя ни въ какія сношенія съ Даніею, не принималъ до-сихъ-поръ ни малѣйшаго участія въ войнѣ. Но ни этотъ нейтралитетъ, ни привилегіи не могли защитить его отъ замысловъ *Валленштейна*.

Предложеніе этого генерала, касательно принятія императорскаго гарнизона, стральзундскій магистратъ отвергнулъ съ благородною твердостью, а также отказалъ ему и въ коварномъ требованіи позволить продти войскамъ. Тогда *Валленштейнъ* приготовился къ осадѣ города.

Для обоихъ сѣверныхъ королей было равно важно отстаивать независимость Стральзунда, безъ которой нельзя былос охранить свободы мореплаванія на Бельтѣ. Общая опасность преодолѣла, наконецъ, частную зависть, которая уже давно разъединяла обоихъ королей. Договоромъ, заключеннымъ въ Копенгагенѣ (въ 1628 году) они условились защищать Стральзундъ соединенными силами и вмѣстѣ отражать каждую чуждую державу, явившуюся на берегахъ Балтійскаго моря съ враждебными намѣреніями. *Христіанъ Четвертый* снабдилъ Стральзундъ достаточнымъ гарнизономъ и личнымъ своимъ присутствіемъ ободрилъ гражданъ. Нѣсколько военныхъ кораблей, присланныхъ *Сигизмундомъ*, королемъ Польскимъ, на помощь императорскому полководцу, было потоплено

датскимъ флотомъ; а когда городъ Любекъ отказалъ ему въ присылкѣ своихъ кораблей, то у генералисимуса императорскихъ силъ на морѣ не нашлось столько судовъ, чтобы запереть гавань одного города.

Ничего не могло быть страннѣе желанія овладѣть приморскимъ городомъ, сильно укрѣпленнымъ, не заперевъ его гавани. Валленштейнъ, еще никогда не испытавшій сопротивленія, хотѣлъ превозмочь природу и побѣдить невозможное. Стральзундъ, открытый съ моря, продолжалъ безпрепятственно запасаться съѣстными припасами и подкрѣпляться войсками; несмотря на то *Валленштейнъ* обложилъ его съ сухопутной стороны и хвастливыми угрозами старался замѣнить недостатокъ въ средствахъ первой необходимости. «Я хочу» говорилъ онъ «взять этотъ городъ, будь онъ прикованъ цѣпями къ небу!» Самъ императоръ, быть можетъ, раскаявшійся въ этомъ предпріятіи, которое не предвѣщало ему счастливаго исхода, охотно принялъ мнимую покорность стральзундцевъ и нѣкоторыя выгодныя предложенія, и предписалъ своему генералу отступить отъ города. *Валленштейнъ* пренебрегъ этимъ повелѣніемъ и продолжалъ дѣлать безпрерывные приступы. Такъ-какъ остатки датскаго гарнизона, весьма уменьшившагося, не въ состояніи были переносить безпрестанныхъ трудовъ, а король не имѣлъ средствъ отрядить для защиты города болѣе значительнаго войска, то Стральзундъ, съ согласія *Христіана*, обратился къ королю Шведскому. Датскій комендантъ оставилъ крѣпость, чтобы уступить свое мѣсто шведскому, который защищалъ ее съ лучшимъ успѣхомъ. Счастье *Валленштейна* разбилось объ этотъ городъ и въ первый разъ его гордость пережила оскорбленіе. Послѣ нѣсколькихъ потерянныхъ мѣ-

сяцевъ и урона въ двѣнадцать тысячъ убитыхъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ своего предпріятія. Но необходимость, въ которую онъ поставилъ этотъ городъ, призвать шведскую помощь, была причиной тѣснаго союза между *Густавомъ Адольфомъ* и Стральзундомъ, много облегчившаго впослѣдствіи вступленіе шведовъ въ Германію.

До-сихъ-поръ счастье сопутствовало оружію императора и лиги, и *Христіанъ Четвертый*, побѣжденный въ Германіи, долженъ былъ укрыться на своихъ островахъ; но Балтійское море положило предѣлъ этимъ завоеваніямъ. Недостатокъ въ корабляхъ не только помѣшалъ преслѣдованію короля, но даже подвергалъ побѣдителя опасности лишиться плодовъ своихъ побѣдъ. Всего болѣе опасались соединенія обѣихъ сѣверныхъ державъ, упроченіе котораго лишало императора и его полководца всякой возможности играть какую-нибудь роль на Балтійскомъ морѣ, или даже сдѣлать высадку въ Швецію. Но если бы удалось разорвать связь между этими двумя государями и, въ особенности, пріобрѣсть дружбу короля Датскаго, то было бы легче справиться съ одною Швеціею. Боязнь вмѣшательства другихъ государствъ, возмущенія протестантовъ въ его собственныхъ владѣніяхъ, огромныя издержки послѣдней войны и еще болѣе — буря, грозившая охватить всю протестантскую Германію, склоняли императора къ миру, и его полководецъ, по причинамъ совершенно противоположнымъ, старался исполнить это желаніе. Далекій отъ того, чтобы желать мира, который долженъ былъ низвергнуть его съ высоты блеска, величія и власти въ мракъ частной жизни, онъ только хотѣлъ перенесть театръ войны въ другое мѣсто, и этимъ одностороннимъ

миромъ продлить запутанность дѣлъ. Дружба Даніи, которой онъ сдѣлался сосѣдомъ, какъ герцогъ Мекленбургскій, была очень важна для его обширныхъ замысловъ, и онъ рѣшился, даже во вредъ своему государю, привязать къ себѣ этого монарха.

Христіанъ Четвертый обязался договоромъ въ Копенгагенѣ не заключать, безъ согласія Швеціи, особаго мира съ императоромъ. Несмотря на то, предложеніе, сдѣланное *Валленштейномъ*, было охотно принято. На конгресѣ въ Любекѣ (въ 1629 году), къ которому *Валленштейнъ* не допустилъ шведскихъ пословъ, прибывшихъ ходатайствовать за Мекленбургъ, и обошелся съ ними особенно-презрительно, возвращены были датчанамъ всѣ отнятыя у нихъ земли. Но за то короля обязали не вмѣшиваться впередъ въ дѣла Германіи болѣе того, на сколько это давало ему права званіе герцога голштинскаго, не предъявлять никакихъ притязаній на нижне-германскія духовныя учрежденія и предоставить герцоговъ мекленбургскихъ ихъ судьбѣ. *Христіанъ* самъ запуталъ обоихъ князей въ войну съ императоромъ; теперь онъ жертвовалъ ими, чтобы услужить похитителю ихъ владѣній. Между причинами побудившими его къ войнѣ съ императоромъ, была не послѣднею — возстановленіе курфирста Палатинскаго, его родственника. И объ этомъ князѣ не было упомянуто въ любекскомъ мирномъ договорѣ, и даже въ одной его статьѣ признавалась законность баварскаго курфиршескаго сана. Съ такимъ безславіемъ сошелъ со сцены *Христіанъ Четвертый!*

Во второй разъ спокойствіе Германіи было въ рукахъ *Фердинанда*, и отъ него зависѣло сдѣлать миръ съ Даніею всеобщимъ. Со всѣхъ сторонъ Германіи не-

слись ему на встрѣчу вопли несчастныхъ, умолявшихъ окончить ихъ бѣдствія; притѣсненія его солдатъ и корыстолюбіе его полководцевъ вышли изъ всякихъ границъ. Германія, истощенная, окровавленная и превращенная въ пустыню губительными проходами войскъ *Мансфельда* и *Христіана Брауншвейгскаго* и страшныхъ полчищъ *Тили* и *Валленштейна*, жаждала отдыха. Всѣ имперскіе чины искренно желали мира, желалъ его и самъ *Фердинандъ*, запутанный въ войну съ Франціей въ Верхней Италіи, обезсиленный войною въ Германіи и напуганный ожидавшими его издержками. Но, къ несчастью, обѣ религіозныя партіи не могли сойдтись въ условіяхъ, на которыхъ они хотѣли вложить оружіе въ ножны. Католики хотѣли быть въ выигрышѣ отъ этой войны; протестанты хотѣли того же; императоръ, вмѣсто того, чтобы благоразумною умѣренностью согласить обѣ стороны, *присоединился къ одной*, и такимъ образомъ снова повергъ Германію въ ужасы бѣдственной войны.

Еще съ самаго прекращенія чешскихъ безпокойствъ началъ *Фердинандъ* противодѣйствовать реформаціи въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ; причемъ, однако, изъ уваженія къ нѣкоторымъ изъ евангелическихъ чиновъ, поступалъ съ умѣренностью. Но побѣды, одержанныя его полководцемъ въ южной Германіи, побудили его къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Вслѣдствіе этого было предложено всѣмъ протестантамъ въ наслѣдственныхъ его владѣніяхъ отказаться или отъ вѣры или отъ отечества — выборъ горькій и жестокій, произведшій между австрійскими поселянами ужасныя возмущенія. Тотчасъ по изгнаніи *Фридриха Пятаго*, въ палатинскихъ земляхъ было упразднено реформатское

богослуженіе и учители, исповѣдывавшіе эту религію, были изгнаны изъ гейдельбергскаго высшаго училища.

Эти перемѣны были только прелюдіей къ болѣе значительнымъ. На курфиршескомъ собраніи въ Мюльгаузенѣ требовали у императора, чтобы онъ возвратилъ католической церкви всѣ захваченныя протестантами, со времени аугсбургскаго мира, архіепископства, епископства и монастыри, и тѣмъ вознаградилъ католическіе чины за убытки и притѣсненія, понесенныя ими въ эту войну. У такого строго-католическаго государя, какимъ былъ *Фердинандъ*, подобный намекъ не могъ пропасть даромъ; но ему казалось еще рано вооружать всю Германію такою рѣшительною мѣрою. Не было ни одного протестантскаго князя, который, вслѣдствіе этого обратнаго требованія духовныхъ учрежденій, не терялъ бы части своихъ владѣній. Гдѣ доходы съ нихъ еще не совершенно обращены были на свѣтскія цѣли, тамъ употреблялись въ пользу протестантской церкви. Многіе князья обязаны были этимъ пріобрѣтеніямъ большею частью своихъ доходовъ и силъ. Такое требованіе должно было вооружить всѣхъ безъ исключенія. Религіозный миръ не отнялъ у нихъ правъ на эти учрежденія, хотя и подвергалъ ихъ сомнѣнію. Но долговременное обладаніе многими, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, молчаніе четырехъ предшествовавшихъ императоровъ и законъ справедливости, присуждавшій имъ равное участіе съ католиками въ учрежденіяхъ своихъ предковъ, могли быть приведены ими въ полное доказательство права. Кромѣ дѣйствительнаго ущерба, наносимаго ихъ силѣ и власти, вслѣдствіе возвращенія этихъ учрежденій, кромѣ всевозможныхъ безпорядковъ — ихъ естественнаго послѣдствія, было немаловажнымъ для

нихъ вредомъ и то, что вновь возведенные католическіе епископы усилили бы католическую партію въ государственномъ сеймѣ новыми голосами. Такія чувствительныя потери евангелической партіи заставили императора опасаться отчаяннаго сопротивленія, и потому, до совершеннаго прекращенія войны въ Германіи, онъ не хотѣлъ вооружить противъ себя цѣлую партію, грозную въ своемъ единодушіи и имѣвшую сильную подпору въ курфирстѣ саксонскомъ. Итакъ, сначала онъ попробовалъ это въ маломъ видѣ, чтобы узнать, какъ примутъ его въ большомъ. Нѣкоторые имперскіе города и герцогъ Вюртембергскій получили приказаніе возвратить разныя такимъ образомъ захваченныя духовныя учрежденія.

Положеніе дѣлъ въ Саксоніи позволило рѣшиться на болѣе важныя попытки. Въ епископствахъ Магдебургскомъ и Гальберштатскомъ протестантскіе члены капитула, не долго думая, выбрали епископовъ своей религіи. Оба епископства, за исключеніемъ одного города, Магдебурга, были заняты войсками *Валленштейна*. Случайнымъ образомъ упразднились епископства Гальберштатское смертью администратора герцога *Христіана Брауншвейгскаго*, а Магдебургское отрѣшеніемъ *Христіана Вильгельма*, принца *Бранденбургскаго*. *Фердинандъ* воспользовался этими двумя случаями, чтобы доставить гальберштатское учрежденіе католическому епископу, и притомъ принцу изъ собственнаго своего дома. Чтобы не подвергнуться подобному принужденію, капитулъ магдебургскій поспѣшилъ избрать въ свои архіепископы одного изъ сыновей курфирста Саксонскаго. Но папа, вмѣшавшійся въ это дѣло, по присвоенной себѣ власти, присудилъ и магдебургское епископство австрій-

скому принцу; и нельзя было не удивляться ловкости *Фердинанда*, незабывавшаго, при всемъ своемъ усердіи къ вѣрѣ, заботиться о выгодахъ своего дома.

Наконецъ, когда любекскій миръ успокоилъ императора относительно Даніи, когда протестанты въ Германіи казались совершенно подавленными, а требованія лиги становились все громче и настойчивѣе, *Фердинандъ* подписалъ *эдиктъ о возвращеніи духовныхъ имуществъ* (въ 1629 году), предложивъ его прежде на утвержденіе каждому изъ четырехъ католическихъ курфирстовъ. Въ началѣ этого эдикта онъ присвоивалъ себѣ право императорскою своею властью объяснять смыслъ религіознаго мира, различныя толкованія котораго были причиною всѣхъ споровъ, и въ качествѣ высочайшаго посредника и судьи стать между обѣими спорющими сторонами. Это право основывалъ онъ на примѣрахъ своихъ предшественниковъ и на согласіи, изъявленномъ даже протестантами. Курфирстъ Саксонскій дѣйствительно призналъ за императоромъ это право; только теперь обнаружилось, ка́къ много повредилъ этотъ домъ дѣлу протестантовъ своею привязанностью къ Австріи. Но если бы смыслъ религіознаго мира и дѣйствительно подверженъ былъ различнымъ истолкованіямъ, какъ это достаточно доказалъ раздоръ, продолжавшійся цѣлое столѣтіе, при всемъ томъ императоръ — бывшій имперскимъ княземъ или католическимъ или протестантскимъ, и потому самъ принадлежавшій къ одной изъ партій — ни въ какомъ случаѣ не могъ рѣшать религіознаго спора между католиками и протестантами, безъ нарушенія существенной статьи религіознаго мира. Онъ не могъ быть судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ, не превращая свободы Германской имперіи въ одинъ пустой звукъ.

Итакъ, въ силу этого присвоеннаго права объяснять смыслъ религiознаго мира, *Фердинандъ* постановилъ: «что всякое, со времени заключенiя этого мира сдѣланное протестантами занятiе посредственныхъ или непосредственныхъ духовныхъ имуществъ, противно смыслу этого мира и, какъ мѣра его нарушающая, отмѣняется». Затѣмъ онъ постановилъ: «что религiозный миръ обязываетъ католическихъ владѣльцевъ только не препятствовать выѣзду протестантскихъ подданныхъ изъ его земель». Согласно съ этимъ постановленiемъ предписывалось всѣмъ незаконнымъ владѣльцамъ духовныхъ учрежденiй — слѣдовательно всѣмъ протестантскимъ чинамъ безъ различiя — подъ опасенiемъ лишенiя покровительства законовъ, немедленно выдать это незаконно-присвоенное имущество императорскимъ коммиссарамъ.

Въ спискѣ значилось не менѣе двухъ архiепископствъ и двѣнадцати епископствъ; кромѣ того, безчисленное множество монастырей, присвоенныхъ протестантами. Этотъ эдиктъ былъ громовымъ ударомъ для всей протестантской Германiи: будучи ужасенъ самъ-по-себѣ тѣмъ, что дѣйствительно отымалъ, онъ былъ еще ужаснѣе тѣмъ, чѣмъ угрожалъ въ будущемъ, и почему его считали только началомъ притѣсненiй. Теперь протестантамъ стало ясно, что гибель ихъ вѣры рѣшена императоромъ и католическою лигою, и что, въ слѣдъ за нею, погибнетъ и германская свобода. Всѣ представленiя были отвергнуты, назначены коммиссары и собрана армiя, чтобы заставить ихъ повиноваться. Дѣло началось съ Аугсбурга, гдѣ былъ заключенъ религiозный миръ; городъ долженъ былъ возвратиться подъ власть своего епископа, и шесть протестантскихъ церквей были въ немъ закрыты. Герцогъ Вюртембергскiй точно также

долженъ былъ возвратить свои монастыри. Эта строгость ужаснула всѣ евангелическіе протестантскіе чины, но не могла ихъ одушевить къ дѣятельному сопротивленію. Страхъ предъ императорской властью дѣйствовалъ слишкомъ сильно: уже бо́льшая часть начала склоняться къ уступчивости. Надежда достигнуть мирнымъ путемъ исполненія своихъ желаній побудила католиковъ отложить еще на годъ приведеніе въ исполненіе эдикта, и это спасло протестантовъ. Прежде чѣмъ истекъ этотъ срокъ, успѣхи шведскаго оружія дали всему дѣлу другой оборотъ.

На курфиршескомъ собраніи въ Регенсбургѣ, въ присутствіи *Фердинанда* (въ 1630 году), должны были серьёзно заняться успокоеніемъ Германіи и уничтоженіемъ всѣхъ поводовъ къ жалобамъ. Ихъ было на сторонѣ католиковъ не менѣе, чѣмъ на сторонѣ протестантовъ, хотя *Фердинандъ* и былъ увѣренъ, что онъ привязалъ къ себѣ всѣхъ членовъ лиги эдиктомъ о возвращеніи духовныхъ имуществъ, а ихъ предводителя пожалованіемъ курфиршескаго сана и предоставленіемъ большей части палатинскихъ земель. Доброе согласіе между императоромъ и князьями лиги сильно поколебалось со времени появленія *Валленштейна*. Гордый курфирстъ Баварскій, привыкнувъ играть роль законодателя Германіи и даже повелѣвать судьбою самого императора, вдругъ увидѣлъ, что императорскій полководецъ сдѣлалъ его ненужнымъ, и что все прежнее его величіе исчезло вмѣстѣ съ значеніемъ лиги. Другой пожиналъ плоды его побѣдъ и предавалъ забвенію всѣ прежнія его заслуги. Заносчивый характеръ герцога Фридландскаго, для котораго лучшимъ торжествомъ было выказывать свое презрѣніе князьямъ и распространять не-

навистную власть своего государя, немало способствовалъ къ бо́льшему огорченію курфирста. Будучи недоволенъ императоромъ и недовѣряя его намѣреніямъ, онъ вступилъ въ союзъ съ Франціею, въ чемъ подозрѣвали и другихъ князей лиги. Опасеніе завоевательныхъ плановъ императора и негодованіе на настоящія вопіющія бѣдствія заглушили въ нихъ всякое чувство благодарности. Притѣсненія *Валленштейна* сдѣлались невыносимыми. Бранденбургскій дворъ цѣнилъ свои убытки въ двадцать, померанскій въ десять, гессенскій въ семь мильоновъ, остальныя въ той же пропорціи. Единогласно, горячо и настойчиво требовали помощи католики и протестанты, безъ различія; только въ одномъ *этомъ* пунктѣ всѣ были согласны, несмотря на всѣ возраженія со стороны императора. Цѣлый потокъ просьбъ — всѣ противъ *Валленштейна* — хлынулъ на испуганнаго императора и потрясъ его слухъ ужаснѣйшими описаніями претерпѣнныхъ насилій. *Фердинандъ* не былъ варваромъ. Если онъ былъ не чуждъ ужасовъ, совершенныхъ его именемъ въ Германіи, то все-таки не зналъ всей ихъ безмѣрности, и потому не задумался исполнить требованіе князей, распустивъ изъ дѣйствующихъ войскъ восьмнадцать тысячъ кавалеріи. Это уменьшеніе войскъ послѣдовало въ то самое время, когда шведы готовились къ походу въ Германію, и большая часть распущенныхъ императорскихъ солдатъ поспѣшила стать подъ ихъ знамена.

Эта уступчивость *Фердинанда* поощрила курфирста Баварскаго къ требованіямъ гораздо важнѣйшимъ. Торжество надъ властью императора было неполно, пока герцогъ Фридландскій оставался главнокомандующимъ. Жестоко мстили теперь князья этому полководцу за

презрѣніе, которому онъ подвергалъ ихъ всѣхъ безъ исключенія. Все курфиршеское собраніе и даже испанцы требовали его отрѣшенія съ единодушіемъ и жаромъ, удивившимъ императора. Но это самое единодушіе, этотъ жаръ, съ которымъ завистники императора требовали отрѣшенія *Валленштейна*, должны были убѣдить его въ важности этого генерала. *Валленштейнъ*, извѣщенный о проискахъ, замышляемыхъ противъ него въ Регенсбургѣ, старался объяснить императору настоящія намѣренія курфирста Баварскаго. Онъ явился самъ въ Регенсбургѣ, но съ такою пышностью, которая помрачила самого императора и послужила только новою пищею для ненависти его противниковъ.

Долго не могъ рѣшиться императоръ. Тяжела была жертва, которую отъ него требовали. Всѣмъ своимъ величіемъ онъ обязанъ былъ герцогу Фридландскому; онъ чувствовалъ, какъ много потеряетъ, если отдастъ его на жертву ненависти князей. Но, къ несчастью, именно въ это время нуждался онъ въ согласіи курфирстовъ. Ему хотѣлось передать сыну своему, *Фердинанду*, избранному королю Венгерскому, свое имперское наслѣдіе, для чего ему необходимо было согласіе *Максимиліана*. Это обстоятельство было для него весьма важно, и онъ не усомнился пожертвовать лучшимъ своимъ слугою, чтобы угодить курфирсту Баварскому.

Въ этомъ же курфиршескомъ собраніи присутствовали и французскіе послы, уполномоченные предупредить войну, грозившую вспыхнуть между императоромъ и ихъ государемъ въ Италіи. *Винцентъ*, герцогъ *Мантуанскій* и *Монферратскій*, умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ. Ближайшій его родственникъ *Карлъ*, герцогъ *Неверскій*, немедленно вступилъ во владѣніе этимъ наслѣ-

діемъ, не присягая императору, какъ ленному государю этихъ княжествъ. Опираясь на помощь Франціи и Венеціи, онъ упорно отказывался, до рѣшенія своего права, передать эти земли императорскимъ коммиссарамъ. *Фердинандъ*, воспламененный испанцами, которые, владѣя Миланомъ, считали весьма опаснымъ сосѣдство французскаго вассала и радовались случаю, при помощи императора, дѣлать завоеванія въ этой части Италіи, взялся за оружіе. Несмотря на всѣ противодѣйствія папы *Урбана Восьмаго*, который боязливо старался удалить войну изъ этого края, онъ отправилъ германскую армію за Альпы, нечаянное появленіе которой привело въ ужасъ всѣ итальянскія государства. Въ то время, когда эти событія совершались въ Италіи, оружіе императора торжествовало во всей Германіи и все-увеличивающій страхъ уже воображалъ, что воскресли старые замыслы Австріи на всемірную монархію. Ужасы германской войны распространились и на благословенныя равнины, орошаемыя водами По; городъ Мантуа былъ взятъ приступомъ и всѣ окрестныя земли должны были испытать опустошительное пребываніе буйныхъ полчищъ. Къ проклятіямъ, раздававшимся по всей Германіи противъ императора, присоединились теперь и проклятія Италіи, и даже изъ самой среды совѣта кардиналовъ стали съ этихъ поръ возноситься къ небу тихія мольбы объ успѣхѣ протестантскаго оружія.

Устрашенный общею ненавистью, которую навлекъ на него итальянскій походъ, и утомленный усиленными настояніями курфирстовъ, усердно поддерживавшихъ искательство французскихъ министровъ, императоръ склонился на представленія Франціи и обѣщалъ утвердить новаго герцога Мантуанскаго.

Эта важная услуга со стороны Баваріи стоила взаимной услуги со стороны Франціи. Заключеніе трактата дало уполномоченнымъ *Ришльё* желанный случай запутать императора, во время пребыванія его въ Регенсбургѣ, въ сѣти опаснѣйшихъ интригъ, еще болѣе раздражить противъ него и безъ того недовольныхъ князей лиги, и всѣмъ постановленіямъ курфиршескаго собранія дать вредный для него оборотъ. Для этого дѣла *Ришльё* нашелъ достойное орудіе въ лицѣ капуцинскаго патера *Іосифа*, приданнаго послу въ качествѣ совершенно чуждаго подозрѣнію спутника. Одною изъ первыхъ статей даннаго ему наставленія было — всячески стараться объ отрѣшеніи *Валленштейна*. Съ генераломъ, водившимъ ихъ къ побѣдамъ, австрійскія арміи лишались большей части своей силы; цѣлое войско не могло замѣнить потери одного этого человѣка. Итакъ, въ то самое время, когда побѣдоносный король, неограниченный въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ, вооружался противъ императора, самымъ рѣшительнымъ политическимъ соображеніемъ было удалить единственнаго полководца, равнаго ему опытностью и значеніемъ, отъ командованія императорскими войсками. Патеръ *Іосифъ*, въ согласіи съ курфирстомъ Баварскимъ, взялся преодолѣть нерѣшительность императора, какъ бы осажденнаго всѣмъ курфиршескимъ собраніемъ и испанцами. «Всего проще» говорилъ онъ «угодить въ этомъ случаѣ князьямъ, лишь бы получить поскорѣе ихъ голоса на избраніе въ римскіе короли вашего сына. Лишь бы прошла эта буря, а тамъ и *Валленштейнъ* не замедлитъ явиться, чтобы занять свое прежнее мѣсто». Коварный капуцинъ былъ слишкомъ увѣренъ въ своемъ патронѣ и ничѣмъ не рисковалъ, давая такой совѣтъ.

Голосъ монаха былъ для *Фердинанда* голосомъ неба. «Ничего на свѣтѣ» пишетъ его духовникъ «не было для него священнѣй духовной особы». Онъ часто говаривалъ, что если бы съ нимъ повстрѣчались въ *одно* время и въ *одномъ* мѣстѣ ангелъ и монахъ, то онъ поклонился бы сперва монаху, а потомъ уже ангелу. Отставка *Валленштейна* была рѣшена.

Въ благодарность за эту благочестивую довѣренность, капуцинъ такъ искусно дѣйствовалъ противъ императора въ Регенсбургѣ, что всѣ его старанія о доставленіи Венгерскому королю сана короля римскаго остались безуспѣшны. Въ особой статьѣ только-что заключеннаго договора, французскіе министры, именемъ своего короля, обязались наблюдать полный нейтралитетъ въ отношеніи ко всѣмъ непріятелямъ императора, въ то самое время, когда *Ришлё* уже велъ переговоры съ королемъ Шведскимъ, поощрялъ его къ войнѣ и навязывалъ ему союзъ своего государя. Онъ отступился и отъ этого обмана, какъ скоро достигъ своей цѣли, и патеръ *Іосифъ*, за нарушеніе своего полномочія, былъ наказанъ ссылкою въ монастырь. Слишкомъ поздно замѣтилъ *Фердинандъ*, какъ жестоко надъ нимъ посмѣялись. «Дрянной капуцинъ» сказалъ онъ «обезоружилъ меня своими четками и шесть курфиршескихъ шапокъ засунулъ въ свой тѣсный клобукъ».

Обманъ и хитрость торжествовали надъ императоромъ, тогда какъ въ Германіи его считали всемогущимъ, какимъ онъ и дѣйствительно былъ, благодаря своему оружію. Съ арміею на восьмнадцать тысячъ человѣкъ менѣе прежней и съ потерею полководца, замѣнявшаго ему цѣлую армію, оставилъ онъ Регенсбургъ, не видя исполненія своего желанія, для достиженія ко-

тораго принесъ всѣ эти жертвы. Прежде чѣмъ его побѣдили шведы въ полѣ, *Максимиліанъ Баварскій* и патеръ *Іосифъ* нанесли ему неисцѣлимую рану. На этомъ же достопамятномъ собраніи въ Регенсбургѣ была рѣшена война съ шведами, а мантуанская объявлена оконченною. Но напрасно князья ходатайствовали на немъ у императора за герцоговъ мекленбургскихъ, какъ равно напрасно англійскіе послы вымаливали ежегоднаго содержанія для палатинскаго курфирста *Фридриха*.

Валленштейнъ въ то время, когда ему надо было объявить приговоръ объ отрѣшеніи, командовалъ арміею почти во сто тысячъ человѣкъ, которая его обожала. Большая часть его офицеровъ была ему обязана всѣмъ; его мановеніе было приговоромъ судьбы для простыхъ солдатъ. Его честолюбіе было безпредѣльно, гордость непреклонна, его властолюбивый духъ не въ силахъ былъ оставить обиды неотмщенною. И теперь *одинъ* мигъ долженъ былъ низвергнуть его съ высоты величія въ ничтожество частной жизни. Исполненіе *такого* приговора надъ *такимъ* преступникомъ требовало, повидимому, не меньшаго искусства, какъ и исторженіе его у судьи. Поэтому, изъ предосторожности, положили выбрать двухъ изъ самыхъ искреннихъ друзей *Валленштейна* для объявленія ему этого непріятнаго извѣстія, которое слѣдовало, повозможности, смягчить льстивыми увѣреніями въ неизмѣнной императорской милости.

Еще до прибытія пословъ императора, *Валленштейнъ* зналъ, въ чемъ состоитъ ихъ порученіе. Онъ имѣлъ время успокоиться и казался веселъ, тогда-какъ скорбь и ярость терзали его грудь. Но онъ рѣшился повиноваться. Приговоръ разразился надъ нимъ прежде, нежели обстоятельства созрѣли для рѣшительнаго шага и приго-

товленія были кончены. Его обширныя помѣстья разсѣяны были по Чехіи и Моравіи; лишеніемъ ихъ императоръ могъ перерѣзать нервъ его могущества. Отъ будущаго ждалъ онъ удовлетворенія, и эти надежды поддерживали въ немъ предсказанія одного итальянскаго астролога, водившаго этотъ необузданный духъ на помочахъ, какъ ребенка. *Сени* (это было его имя) прочиталъ въ звѣздахъ, что блестящій путь его господина еще далеко не оконченъ и что будущее готовитъ ему счастье, несравненно бо́льшее. Ненадо было утруждать звѣздъ для предсказанія съ вѣроятностью, что такой непріятель, какъ *Густавъ Адольфъ* не надолго оставитъ въ бездѣйствіи такого генерала, какъ *Валленштейнъ*.

«Императоръ обманутъ» отвѣчалъ *Валленштейнъ* посланнымъ: «я жалѣю о немъ, но прощаю его. Ясно, что имъ *управляетъ* высокомѣрный духъ Баваріи. Хотя мнѣ прискорбно, что онъ такъ скоро пожертвовалъ мною, но я повинуюсь». Онъ отпустилъ посланныхъ, одаривъ ихъ по-царски, и письмомъ, исполненнымъ покорности, просилъ императора не лишать его своихъ милостей и быть защитникомъ заслуженныхъ имъ достоинствъ. Въ арміи послышался общій ропотъ, едва было получено тамъ извѣстіе объ отрѣшеніи ея полководца, и лучшая часть офицеровъ тотчасъ оставила императорскую службу. Многіе послѣдовали за нимъ въ его чешскія и моравскія помѣстья; другихъ связалъ онъ значительными пенсіями, чтобы воспользоваться, въ случаѣ нужды, ихъ услугами.

Когда онъ возвратился къ тишинѣ частной жизни, его цѣлью не было спокойствіе. Царская пышность окружала его въ этомъ уединеніи и, казалось, насмѣхалась надъ приговоромъ его униженія. Шестеро воротъ вели

къ его дворцу въ Прагѣ, и надо было сломать сто домовъ, чтобы очистить мѣсто для площади предъ замкомъ. Такіе же дворцы были построены во многихъ другихъ его помѣстьяхъ. Дворяне древнѣйшихъ родовъ наперерывъ искали счастья ему служить, и нерѣдко императорскіе камергеры возвращали золотой ключъ, чтобы занять ту же должность у *Валленштейна.* У него было шестьдесятъ пажей, подъ надзоромъ лучшихъ наставниковъ; передняя его всегда охранялась пятьюдесятью драбантами. За обыкновеннымъ его столомъ подавалось не менѣе ста блюдъ; его домоправитель былъ знатный чиновникъ. Во время поѣздокъ его вещи и свита занимали сто экипажей, въ шесть и четыре лошади каждый; его дворъ слѣдовалъ за нимъ въ шестидесяти каретахъ съ пятьюдесятью заводными лошадьми. Великолѣпіе ливрей, блескъ экипажей и убранство комнатъ соотвѣтствовали прочей пышности. Шесть бароновъ и столько же простыхъ дворянъ должны были постоянно находиться при немъ для исполненія каждаго его мановенія; двѣнадцать патрулей ходили вокругъ его дворца для отвращенія малѣйшаго шума. Его вѣчно-работающая голова нуждалась въ тишинѣ; стукъ экипажей не смѣлъ приближаться къ его жилищу и нерѣдко улицы запирались цѣпями. Его обращеніе было такъ же нѣмо, какъ все окружающее. Мрачный, скрытный, непостижимый, онъ болѣе дорожилъ своими словами, чѣмъ подарками, да и тѣ немногія слова произносилъ онъ непріятнымъ голосомъ. Онъ никогда не смѣялся и всегда былъ холоденъ къ соблазнамъ чувственности. Всегда дѣятельный, всегда занятый великими планами, онъ отказался отъ всѣхъ пустыхъ забавъ, на которыя другіе расточаютъ драгоцѣнную жизнь. Переписку со всѣми

концами Европы велъ онъ самъ и большею частью писалъ собственноручно, чтобы какъ-можно менѣе довѣрять скромности другихъ. Онъ былъ большаго роста и худощавъ, имѣлъ желтоватый цвѣтъ лица, короткіе рыжеватые волосы и маленькіе, но блестящіе глаза. Грозная, пугающая суровость не сходила съ его чела, и только огромное жалованье могло удерживать при немъ трепещущую толпу слугъ.

Въ этой хвастливой неизвѣстности *Валленштейнъ* ожидалъ молча, но не праздно своей блестящей поры и и наступающаго дня мщенія; скоро быстрые успѣхи *Густава Адольфа* дали ему насладиться ея предчувствіемъ. Онъ не отрекался ни отъ одного изъ гордыхъ своихъ плановъ: неблагодарность императора освободила его отъ тягостныхъ оковъ. Ослѣпительный блескъ его частной жизни обличалъ гордую заносчивость его замысловъ; расточительный, подобно монарху, онъ, казалось, уже считалъ то, что́ ему обѣщала надежда, дѣйствительнымъ своимъ владѣніемъ.

Послѣ отставки *Валленштейна* и высадки *Густава Адольфа* надо было назначить новаго главнокомандующаго; въ то же время казалось необходимымъ соединить въ однѣхъ рукахъ раздѣленное до того времени начальство надъ войсками императора и лиги. *Максимиліанъ Баварскій* домогался этого важнаго мѣста, которое могло сдѣлать его повелителемъ императора; но именно это и побудило послѣдняго стараться доставить его старшему своему сыну, королю Венгерскому. Чтобы удалить обоихъ претендентовъ и успокоить обѣ стороны, начальство было ввѣрено генералу лиги *Тилли*, который уже перешелъ изъ баварской службы въ австрійскую. Армія *Фердинанда*, находившаяся въ Германіи,

по отбытіи войскъ *Валленштейна*, простиралась до сорока тысячъ человѣкъ; армія лиги была не слабѣе; обѣ имѣли отличныхъ офицеровъ, были испытаны во многихъ походахъ и гордились длиннымъ рядомъ побѣдъ. Съ такими средствами они тѣмъ менѣе имѣли причинъ страшиться приближенія короля Шведскаго, что владѣли Помераніею и Мекленбургомъ, единственными пунктами, черезъ которые онъ могъ вторгнуться въ Германію.

Послѣ несчастной попытки короля Датскаго остановить успѣхи императора, единственнымъ государемъ въ Европѣ, отъ котораго погибавшая свобода могла ожидать спасенія, былъ—*Густавъ Адольфъ*; къ тому же, онъ одинъ былъ вызываемъ на это сильнѣйшими политическими причинами, получилъ на то право претерпѣнными оскорбленіями и былъ способенъ къ такому отважному предпріятію. Важныя государственныя причины, общія съ королемъ датскимъ, побудили его, еще до начала нижне-саксонской войны, предложить себя и свое войско на защиту Германіи; но тогда король Датскій, на свою бѣду, отстранилъ его. Послѣ этого заносчивость *Валленштейна* и деспотическое высокомѣріе императора не переставали разными оскорбленіями раздражать его, какъ человѣка и короля. Императорскія войска отправлены были на помощь *Сигизмунду*, королю *Польскому*, для защиты Пруссіи отъ шведовъ. Король жаловался *Валленштейну* на такой непріязненный поступокъ, и получилъ въ отвѣтъ: «У императора слишкомъ много солдатъ: онъ долженъ выручать ими своихъ друзей». Тотъ же *Валленштейнъ* съ оскорбительною настойчивостью не допустилъ шведскихъ пословъ на любекскій конгресъ съ Даніею; и когда они не испугались

этого, угрожалъ имъ насиліемъ, нарушающимъ народное право. *Фердинандъ* приказалъ оскорбить шведскій флагъ и перехватить депеши короля въ Трансильванію. Онъ не переставалъ затруднять миръ между Польшею и Швеціей, поддерживалъ притязанія *Сигизмунда* на шведскій престолъ и отказывалъ *Густаву Адольфу* въ королевскомъ титулѣ. Онъ не удостоилъ вниманія ни одного представленія *Густава* и наносилъ новыя оскорбленія, вмѣсто того, чтобы дать удовлетвореніе въ старыхъ.

Всѣ эти личныя побужденія, подкрѣпляемыя важнѣйшими государственными и личными причинами и убѣдительными приглашеніями изъ Германіи, должны были подѣйствовать на государя, который такъ дорожилъ своею королевскою честью, который считалъ величайшею славой быть защитникомъ угнетенныхъ и страстно любилъ войну, какъ настоящую стихію своего генія. Но пока перемиріе или миръ съ Польшею не развязали ему ру́ки, нечего было и думать о новой и опасной войнѣ.

Кардиналу *Ришльё* принадлежитъ честь заключенія этого перемирія. Этотъ великій политикъ, одною рукой управляя Европою, а другою обуздывая ярость партій и высокомѣріе вельможъ внутри Франціи, среди заботъ бурнаго правленія непреклонно преслѣдовалъ свой планъ, ставя оплотъ гордому бѣгу возраставшаго могущества Австріи. Но обстоятельства, его окружавшія, противополагали немаловажныя препятствія къ исполненію этихъ предположеній: и величайшій умъ не можетъ безнаказанно презирать предразсудки своего вѣка. Какъ министръ католическаго государя и кардиналъ римской церкви, онъ не смѣлъ еще отважиться, въ союзѣ съ врагомъ своей церкви, открыто напасть на державу, умѣв-

шую именемъ вѣры сдѣлать священными въ глазахъ народа замыслы своего властолюбія. Уваженіе, которое *Ришльё* обязанъ былъ имѣть къ узкимъ понятіямъ своихъ современниковъ, ограничивало его политическую дѣятельность осторожными попытками скрытыхъ дѣйствій и приведеніемъ въ исполненіе предначертаній своего просвѣщеннаго ума чужими руками. Не успѣвъ помѣшать миру между императоромъ и Даніей, онъ обратился къ *Густаву Адольфу*, герою своего вѣка. Онъ ничего не жалѣлъ, чтобы заставить этого короля рѣшиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчить ему всѣ средства къ дѣйствію. *Карнассъ*, неподозрѣваемый агентъ кардинала, прибылъ въ польскую Пруссію, гдѣ *Густавъ Адольфъ* воевалъ съ *Сигизмундомъ*, и переѣзжалъ отъ одного короля къ другому для заключенія между ними перемирія или мира. *Густавъ Адольфъ* уже давно былъ согласенъ на то́; французскому министру удалось, наконецъ, объяснить и королю *Сигизмунду* его настоящую пользу и коварную политику императора. Перемиріе было заключено на шесть лѣтъ между обоими королями, по которому *Густавъ* остался обладателемъ всѣхъ своихъ завоеваній и получилъ давно-желанную свободу обратить свое оружіе противъ императора. Французскій агентъ предложилъ ему для этого предпріятія союзъ своего государя и значительныя денежныя пособія, которыми нельзя было пренебречь. Но *Густавъ Адольфъ* не безъ причины опасался поставить себя тѣмъ въ зависимость отъ Франціи, которая могла остановить его среди побѣдъ, а союзомъ съ католическимъ государствомъ возбудить недовѣрчивость въ протестантскихъ.

Сколько эта война была необходима и справедлива, столько обстоятельства, при которыхъ *Густавъ Адольфъ*

ее предпринималъ, были ему благопріятны. Правда, имя императора было страшно, его средства неистощимы, его сила до сихъ поръ непобѣдима: всякаго другаго, кромѣ *Густава*, испугала бы такая опасная игра. *Густавъ* видѣлъ всѣ препятствія и опасности, ожидавшія его предпріятіе; но онъ зналъ и средства, которыми надѣялся ихъ одолѣть. Его войско было не велико, но хорошо устроено, закалено въ суровомъ климатѣ и въ продолжительныхъ походахъ, а польскою войною пріучено къ побѣдамъ. Швеція, хотя бѣдная деньгами и людьми и напряженная выше силъ восьми-лѣтнею войною, была восторженно предана своему королю, — и эта преданность позволяла ему надѣяться на самую единодушную поддержку со стороны государственныхъ чиновъ. Въ Германіи ненавидѣли императора по-крайней-мѣрѣ столько же, сколько боялись. Протестантскіе князья, казалось, только ждали прибытія освободителя, чтобы свергнуть невыносимое иго тиранніи и явно принять сторону короля Шведскаго. Да и католическимъ чинамъ не могло быть непріятно появленіе противника, способнаго ограничить преобладающую власть императора. Первая побѣда, одержанная въ Германіи, должна была рѣшить дѣло въ его пользу, заставить дѣйствовать князей, еще колебавшихся, подкрѣпить мужество его приверженцевъ, увеличить его войско и открыть ему изобильные источники помощи для продолженія войны. Если большая часть нѣмецкихъ земель страшно потерпѣла отъ прежнихъ войнъ, то богатые ганзейскіе города оставались до сихъ поръ неприкосновенными и не могли не согласиться умѣренною добровольною жертвою отвратить общую гибель. Чѣмъ изъ бо̀льшаго числа областей будутъ выгнаны императорскія войска, тѣмъ больше дол-

жны были они таять, потому-что содержались единственно на счетъ земель, въ которыхъ располагались. Несвоевременныя отправленія войскъ въ Италію и Нидерланды и безъ того обезсилили императора. Испанія, ослабленная потерею своего американскаго флота съ серебромъ и занятая серьёзною войною въ Нидерландахъ, не могла оказать ему большой помощи. Напротивъ того, Великобританія обнадеживала короля Шведскаго въ значительныхъ денежныхъ пособіяхъ, а Франція, примирившаяся тогда сама съ собою, дѣлала ему самыя выгодныя предложенія въ пользу его предпріятія.

Но вѣрнѣйшую поруку въ счастливомъ исходѣ своего предпріятія *Густавъ Адольфъ* находилъ — въ самомъ себѣ. Благоразуміе требовало увѣриться во всѣхъ средствахъ внѣшней помощи и тѣмъ оградить свое предпріятіе отъ упрека въ дерзости; въ одной груди своей почерпалъ онъ увѣренность и мужество. *Густавъ Адольфъ* былъ, безъ сомнѣнья, первый полководецъ своего вѣка и храбрѣйшій солдатъ въ своемъ войскѣ, которое онъ самъ создалъ. Будучи знако̀мъ съ тактикою грековъ и римлянъ, онъ былъ творцомъ лучшаго военнаго искусства, послужившаго образцомъ для величайшихъ полководцевъ послѣдущихъ временъ. Онъ убавилъ тяжелые, большіе эскадроны, чтобы придать движеніямъ конницы болѣе легкости и проворства; съ тою же цѣлью онъ раздвигалъ батальоны на большо̀е разстояніе одинъ отъ другаго. Онъ ставилъ свою армію во время боя не въ одну линію, какъ это обыкновенно дѣлали, а въ двѣ, такъ-что, въ случаѣ отступленія первой линіи, могла наступать вторая. Недостатокъ въ конницѣ онъ умѣлъ замѣнять пѣхотою, разставленною между эскадронами, что̀ весьма часто рѣшало побѣду: у него

лишь научилась Европа значенію пѣхоты въ сраженіяхъ. Вся Германія удивлялась порядку, которымъ отличалось шведское войско въ первое время своего пребыванія въ нѣмецкой землѣ. Всякое распутство строго наказывалось, а всего строже богохульство, грабежъ и поединки. Умѣренность предписывалась шведскими военными законами; не видно было въ шведскомъ лагерѣ, не исключая и ставки королевской, ни серебра, ни золота. Глазъ полководца наблюдалъ также старательно за нравственностью солдата, какъ и за его храбростью. Во время утренней и вечерней молитвы каждый полкъ долженъ былъ составить кругъ около своего священника и совершать свои моленья подъ открытымъ небомъ. Во всемъ этомъ законодатель служилъ примѣромъ. Непритворная и живящая богобоязненность возвышала его мужество, одушевлявшее его великое сердце. Равно свободный отъ грубаго невѣрія, снимающаго необходимую узду съ дикихъ страстей варвара и ползующаго смиренія *Фердинанда*, унижавшагося предъ божествомъ, подобно червю и съ презнѣніемъ попиравшаго человѣчество, *Густавъ* и въ упоеніи своего счастія оставался человѣкомъ и христіаниномъ, а въ благоговѣніи —героемъ и королемъ. Всѣ трудности войны переносилъ онъ наравнѣ съ послѣднимъ солдатомъ; въ самомъ страшномъ мракѣ битвы умъ его озарялся свѣтомъ; всюду присутствуя своимъ взглядомъ, онъ забывалъ про смерть, его окружавшую; его всегда видѣли на пути самой грозной опасности. Врожденная храбрость часто заставляла его забывать, чѣмъ онъ обязанъ былъ званію полководца и эта царственная жизнь окончилась смертью рядоваго. Но за такимъ предводителемъ и робкій и смѣлый шли

къ побѣдѣ, и отъ его все-озарявшаго орлинаго взора не скрывался ни одинъ геройскій подвигъ, возбужденный его примѣромъ. Слава ихъ повелителя возбуждала въ народѣ одушевляющую самонадѣянность; гордясь *такимъ* королемъ, крестьянинъ Финляндіи или Готландіи съ радостью жертвовалъ своею бѣдностью, солдатъ съ радостью проливалъ кровь свою, и высокое направленіе, которое далъ націи духъ одного человѣка, далеко пережило своего виновника.

Какъ мало сомнѣвались въ необходимости войны, такъ много расходились въ мнѣніяхъ о способѣ, ка́къ ее должно вести. Наступательная война казалась даже мужественному канцлеру *Оксенштирну* слишкомъ отважною, силы его бѣднаго и правдиваго короля слишкомъ неравными съ неисчерпаемыми средствами деспота, управлявшаго всею Германіею, какъ своею собственностью. Эти боязливыя недоумѣнія министра были опровергнуты дальновиднымъ благоразуміемъ героя.

«Если мы дождемся непріятеля въ Швеціи» говорилъ *Густавъ* «и будемъ разбиты, то все потеряно; все выиграно, если первыя наши дѣйствія въ Германіи будутъ счастливы. Море велико, и въ Швеціи намъ придется охранять обширные берега. Если непріятельскій флотъ уйдетъ отъ насъ, или нашъ будетъ разбитъ, то было бы напрасно препятствовать высадкѣ непріятеля. Въ защитѣ Стральзунда заключается все. Пока эта гавань будетъ намъ открыта, до-тѣхъ-поръ мы будемъ владычествовать на Балтійскомъ морѣ и имѣть свободное сообщеніе съ Германіею. Но, чтобы защитить Стральзундъ, мы не можемъ укрываться въ Швеціи, а должны переправиться съ войскомъ въ Померанію. Итакъ, не говорите мнѣ о войнѣ оборонительной, которая лишитъ

насъ лучшихъ нашихъ выгодъ. Швеція не должна видѣть непріятельскаго знамени. Когда насъ побѣдятъ въ Германіи, тогда еще будетъ время послѣдовать вашему совѣту».

Итакъ, положено было переправиться въ Германію и напасть на императора. Приготовленія дѣлались съ неимовѣрною поспѣшностью, и распоряженія *Густава* отличались такою же осторожностью, какъ предпріятіе— смѣлостью и величіемъ. Приступая въ такой отдаленной войнѣ, надо было прежде всего обезпечить самую Швецію отъ подозрительныхъ замысловъ ея сосѣдей. При свиданіи съ королемъ Датскимъ въ Маркаредѣ, *Густавъ* удостовѣрился въ дружбѣ этого монарха; со стороны Россіи границы были прикрыты; Польшу можно было держать въ страхѣ и находясь въ Германіи, если бы она вздумала нарушить перемиріе. Шведскій агентъ *фонъ Фалькенбергъ*, объѣзжавшій Голландію и нѣмецкіе дворы, обнадеживалъ своего государя самыми льстивыми обѣщаніями многихъ протестантскихъ князей, хотя ни у одного изъ нихъ еще не хватало мужества и рѣшимости вступить съ нимъ въ открытый союзъ. Города Любекъ и Гамбургъ выказывали готовность ссужать деньги и брать въ уплату шведскую мѣдь. Къ князю Трансильванскому также были отправлены довѣренныя особы, съ цѣлью вооружать этого непримиримаго врага Австріи противъ императора.

Между-тѣмъ въ Нидерландахъ и Германіи явились шведскіе вербовщики, полки были укомплектованы, сформированы новые, добыты корабли, флотъ снаряженъ, какъ слѣдуетъ, съѣстные припасы, военные снаряды и деньги, сколько возможно было достать, собраны. Въ короткое время тридцать кораблей были готовы выйдти

въ море, пятнадцатитысячная армія находилась въ готовности и двѣсти транспортныхъ судовъ было назначено для ея перевозки. *Густафъ Адольфъ* не хотѣлъ переправляться въ Германію съ большою арміею, да и содержаніе ея въ такомъ случаѣ превзошло бы силы его государства. Но если эта армія была невелика, за то войска́ ея были вполнѣ отборныя по дисциплинѣ, храбрости и опытности, и, достигнувъ Германіи и положивъ счастливое начало, могли послужить твердымъ зерномъ для гораздо большей военной силы. *Оксенштирна*, генералъ и канцлеръ вмѣстѣ, находился съ десятитысячнымъ корпусомъ въ Пруссіи, для защиты этой области противъ поляковъ. Нѣсколько регулярныхъ войскъ и значительный корпусъ земскаго ополченія, служившій резервомъ для главной арміи, остались въ Швеціи, чтобы, въ случаѣ нечаяннаго нападенія, вѣроломный сосѣдъ не нашелъ королевство беззащитнымъ.

Такимъ образомъ безопасность государства была обезпечена. Не меньшую заботливость выказалъ *Густафъ Адольфъ* и по внутреннему устройству. Правленіе поручено было государственному совѣту, финансы—пфальцграфу *Іоанну Казимиру*, шурину короля; королева, какъ нѣжно ни любилъ ее *Густафъ*, была удалена отъ всѣхъ дѣлъ государственныхъ, какъ неспособная по своей ограниченности. Подобно умирающему, устроилъ онъ свой домъ. 20-го мая 1630 года, по окончаніи всѣхъ приготовленій къ отъѣзду, король прибылъ въ Стокгольмъ въ государственное собраніе, чтобы торжественно проститься съ чинами. Онъ взялъ на руки свою четырехлѣтнюю дочь, *Христину*, назначенную еще въ колыбели его наслѣдницею, показалъ ее чинамъ, какъ

будущую ихъ государыню, заставилъ ихъ, на случай, если онъ не возвратится, присягнуть ей снова и затѣмъ велѣлъ прочесть постановленія объ управленіи государствомъ во время его отсутствія или малолѣтства дочери. Все собраніе рыдало, и прошло нѣсколько времени, пока самъ король собрался съ духомъ, чтобы произнесть свою послѣднюю рѣчь къ чинамъ:

«Не изъ легкомысленныхъ видовъ» сказалъ онъ «ввергаю я себя и васъ въ эту новую, опасную войну. Богъ свидѣтель, что я сражаюсь не изъ тщеславія. Императоръ жестоко оскорбилъ меня въ лицѣ моихъ пословъ; онъ помогалъ моимъ врагамъ, онъ преслѣдуетъ моихъ друзей и братій, попираетъ мою вѣру и простираетъ руку къ моей коронѣ. Угнетенные германскіе чины вопіютъ къ намъ о помощи и, если угодно Богу, мы имъ поможемъ.

«Я знаю, какимъ опасностямъ подвергается моя жизнь. Я никогда не избѣгалъ ихъ и едва-ли когда-нибудь избавлюсь отъ нихъ совершенно. До-сихъ-поръ Провидѣніе чудесно хранило меня, но все-таки мнѣ придется умереть защищая отечество. Поручаю васъ покровительству неба. Будьте правосудны, будьте честны, не удаляйтесь отъ пути добродѣтели — и мы встрѣтимся въ вѣчности.

«Къ вамъ первымъ обращаюсь я, государственные мои совѣтники! да просвѣтитъ васъ Богъ и умудритъ на совѣты всегда благіе для моего государства. Васъ, храброе дворянство, поручаю покровительству Божію! Будьте всегда достойными потомками тѣхъ героевъ-готѳовъ, храбрость которыхъ низложила древній Римъ! Васъ, служители церкви, побуждаю къ миролюбію и согласію; будьте сами образцомъ добродѣтелей, которыя вы проповѣдываете, и не употребляйте во зло своей вла-

сти надъ сердцами моего народа. Вамъ, депутаты отъ мѣщанъ и крестьянъ, желаю благословенія небеснаго, вашему трудолюбію — радостной жатвы, изобилія — вашимъ житницамъ, избытка во всѣхъ благахъ жизни. За всѣхъ васъ, отсутствующихъ и присутствующихъ, возсылаю къ небу искреннія мои молитвы. Прощаюсь нѣжно со всѣми вами; прощаюсь, быть-можетъ, навсегда».

Въ Эльфснабенѣ, гдѣ флотъ стоялъ на якорѣ, войска сѣли на суда; безчисленное множество народа стеклось полюбоваться этимъ столько же величественнымъ, какъ и трогательнымъ зрѣлищемъ. Разныя чувства волновали сердца зрителей, удивлявшихся то величію событія, то величію человѣка. Многіе изъ старшихъ офицеровъ, стоявшихъ въ главѣ этого войска, какъ то: *Густавъ Горнъ*, рейнсграфъ *Отто Людвигъ*, графъ *Матвѣй Турнъ*, *Ортенбургъ*, *Баудиссенъ*, *Баннеръ*, *Тейфель*, *Тоттъ*, *Мутсенфаль*, *Фалькенбергъ*, *Книпгаузенъ* и другіе, пріобрѣли себѣ блестящую славу. Флотъ, задержанный противными вѣтрами, только въ іюнѣ могъ выйдти въ море и 24-го того же мѣсяца достигъ острова Рюгена у береговъ Помераніи.

Густавъ Адольфъ первый вышелъ на берегъ. Въ присутствіи свиты онъ преклонилъ колѣни на германской землѣ и возблагодарилъ Провидѣніе за сохраненіе своей арміи и флота. Войска высадилъ онъ на островахъ Волинѣ и Узедомѣ; по приближеніи шведовъ, императорскіе гарнизоны тотчасъ оставили свои укрѣпленія и бѣжали. Съ быстротою молніи явился онъ предъ Штетиномъ, чтобы занять это важное мѣсто, пока императорскія войска его не предупредили. *Богиславу Четырнадцатому*, герцогу Померанскому, принцу дрях-

лому и слабому, уже давно наскучили притѣсненія, произведенныя и производимыя до-сихъ-поръ въ его земляхъ императорскими войсками; но, слишкомъ слабый, чтобы имъ противиться, онъ съ тихимъ ропотомъ уступалъ превосходству силъ. Появленіе избавителей, вмѣсто того, чтобы ободрить, наполнило сердце его страхомъ и сомнѣніемъ. Какъ земля его ни страдала отъ ранъ, нанесенныхъ ей императорскими войсками, при всемъ томъ этотъ князь не могъ рѣшиться открытымъ союзомъ съ Швеціею навлечь на себя мщеніе императора. *Густавъ Адольфъ*, ставъ лагеремъ подъ пушками Штетина, потребовалъ принятія въ городъ шведскаго гарнизона. *Богиславъ* самъ явился въ лагерь короля съ просьбою избавить городъ отъ постоя. «Я прихожу къ вамъ какъ другъ, а не какъ врагъ» отвѣчалъ *Густавъ:* «я веду войну не съ Помераніею, не съ нѣмецкою имперіею, а только съ ея врагами. Въ моихъ рукахъ это герцогство сохранится свято, и *вѣрнѣе*, нежели отъ всякаго другаго, получите вы его отъ *меня* обратно по окончаніи войны. Взгляните на слѣды императорскихъ войскъ въ вашихъ земляхъ, взгляните на слѣды моихъ въ Узедомѣ и выбирайте, кого изъ насъ двоихъ, императора или меня, хотите имѣть другомъ. Чего ожидаете вы, если императоръ завладѣетъ вашею столицею? Или онъ милостивѣе обойдется съ нею, чѣмъ я? Или вы хотите положить предѣлы моимъ побѣдамъ? Дѣло очень важное, рѣшитесь и не заставьте меня прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ».

Выборъ былъ прискорбенъ для герцога Померанскаго. Здѣсь, у воротъ его столицы, король Шведскій съ своею грозною арміею, тамъ — неизбѣжное мщеніе императора и страшный примѣръ многихъ нѣмецкихъ князей,

скитающихся въ бѣдности, какъ жертвы этого мщенія. Ближайшая опасность опредѣлила его рѣшеніе. Штетинскія ворота были отворены королю, шведскія войска вошли въ городъ и предупредили императорскія, поспѣшавшія усиленными маршами. Занятіемъ Штетина король сталъ твердою ногою въ Помераніи, завладѣлъ Одеромъ и пріобрѣлъ складъ для военныхъ запасовъ своей арміи. Герцогъ *Богиславъ* спѣшилъ извинить свой поступокъ предъ императоромъ необходимостью и предупредить упрекъ въ измѣнѣ; но, удостовѣрившись въ непримиримости своего монарха, онъ вступилъ съ своимъ новымъ защитникомъ въ тѣсный союзъ, чтобы оградить себя дружбою Швеціи отъ мщенія Австріи. Этимъ союзомъ съ Помераніею король пріобрѣлъ важнаго друга въ Германіи, который прикрывалъ его тылъ и охранялъ его сообщеніе съ Швеціею.

Густавъ Адольфъ не считалъ необходимымъ соблюденіе всѣхъ обыкновенныхъ формальностей съ *Фердинандомъ,* напавшимъ на него первоначально въ Пруссіи, и началъ военныя дѣйствія безъ объявленія войны. Предъ европейскими государствами онъ оправдалъ свой поступокъ особымъ манифестомъ, въ которомъ были приведены всѣ упомянутыя выше причины, заставившія его взяться за оружіе. Между тѣмъ онъ продолжалъ свои успѣхи въ Помераніи, тогда какъ его войско увеличивалось съ каждымъ днемъ. Офицеры и солдаты, сражавшіеся подъ начальствомъ *Мансфельда*, герцога *Христіана Брауншвейгскаго,* короля Датскаго и *Валленштейна,* толпами стекались подъ его побѣдоносныя знамена.

Вторженіе короля Шведскаго далеко не удостоилось при императорскомъ дворѣ того вниманія, какого оно, повидимому, заслуживало. Австрійская гордость, дове-

денная постояннымъ, неслыханнымъ счастьемъ до высочайшей степени, съ презрѣніемъ смотрѣла на государя, вышедшаго съ горстью людей изъ презираемаго угла Европы и, какъ думали, обязаннаго всею своею военною славою неискусству еще слабѣйшаго непріятеля. Унизительное изображеніе шведскаго государства, сдѣланное *Валленштейномъ* не безъ умысла, увеличило самоувѣренность императора: могъ ли онъ уважать врага, котораго его полководецъ надѣялся выгнать розгами изъ Германіи? Даже быстрые успѣхи *Густава Адольфа* въ Помераніи не могли преодолѣть совершенно этого предубѣжденія, которому насмѣшки придворныхъ давали новую пищу. Въ Вѣнѣ не называли его иначе, какъ снѣжнымъ величествомъ, которое держится пока, благодаря сѣверному холоду, и станетъ замѣтно таять, по мѣрѣ приближенія къ югу. Даже курфирсты, собравшіеся въ Регенсбургѣ, не удостоили вниманія его представленій, и изъ слѣпаго угожденія *Фердинанду* отказали ему даже въ королевскомъ титулѣ. Въ то время, какъ надъ нимъ издѣвались въ Вѣнѣ и Регенсбургѣ, въ Помераніи и Мекленбургѣ сдавалось ему одно укрѣпленное мѣсто за другимъ.

Несмотря на это пренебреженіе, императоръ выказалъ готовность прекратить посредствомъ переговоровъ несогласія съ Швеціею, и на этотъ конецъ отправилъ пословъ въ Данцигъ. Но изъ данныхъ имъ инструкцій ясно было видно, какъ мало было искренности въ его намѣреніи, такъ-какъ онъ попрежнему отказывалъ *Густаву* въ королевскомъ титулѣ. Цѣль его, казалось, заключалась только въ томъ, чтобы позоръ нападенія свалить съ себя на короля Шведскаго и тѣмъ скорѣе получить ожидаемую помощь отъ имперскихъ чиновъ. Итакъ, этотъ кон-

гресъ въ Данцигѣ кончился, какъ и слѣдовало ожидать, безуспѣшно, и ожесточеніе обѣихъ сторонъ было доведено рѣзкою перепискою до высочайшей степени.

Между тѣмъ императорскій генералъ *Торквато Конти*, командовавшій арміею въ Помераніи, напрасно старался отнять у шведовъ Штетинъ. Императорскія войска выгонялись изъ одного мѣста за другимъ; Даммъ, Старгардъ, Каминъ и Вольгастъ быстро, одинъ за другимъ, сдались королю. Чтобы отомстить герцогу Померанскому, имперскій генералъ, при отступленіи своихъ войскъ, приказалъ причинять самыя вопіющія насилія жителямъ Помераніи, которые и безъ того уже много потерпѣли отъ его корыстолюбія. Подъ предлогомъ лишить шведовъ всѣхъ средствъ продовольствія, все было опустошено и разграблено, и часто, не будучи въ силахъ долѣе держаться въ какомъ-нибудь мѣстѣ, императорскія войска превращали его въ пепелъ, чтобы оставить непріятелю одну груду развалинъ. Но всѣ эти варварства служили только къ тому, чтобы противоположное имъ поведеніе шведовъ выставить въ самомъ блестящемъ свѣтѣ и привязать всѣ сердца къ человѣколюбивому королю. Шведскій солдатъ платилъ за все и не касался на своемъ пути чужой собственности: потому вездѣ, въ городахъ и селахъ, принимали шведскія войска съ распростертыми объятіями; всѣ императорскіе солдаты, попадавшіеся въ руки померанскимъ крестьянамъ, были убиваемы безъ всякой пощады. Многіе померанцы вступили въ шведскую службу, и чины этой истощенной области охотно согласились собрать для короля контрибуцію во сто тысячъ гульденовъ.

Торквато Конти, отличный генералъ, при всей крутости своего характера, не имѣя силы выгнать короля

Шведскаго изъ Штетина, старался, по-крайней-мѣрѣ, сдѣлать для него безполезнымъ обладаніе этимъ городомъ. Онъ окопался при Гарцѣ, выше Штетина, на Одерѣ, чтобы владѣть этою рѣкою и отрѣзать сообщеніе этого города съ остальною Германіею. Ничто не могло принудить его къ сраженію съ королемъ Шведскимъ, превосходившимъ его силами; еще того менѣе удавалось послѣднему овладѣть имперскими укрѣпленіями. *Торквато*, слишкомъ нуждавшійся въ войскѣ и деньгахъ, чтобы дѣйствовать противъ короля наступательно, думалъ, съ помощью этого операціоннаго плана, дать время графу *Тилли* поспѣть на защиту Помераніи и уже тогда, вмѣстѣ съ этимъ генераломъ, идти на короля Шведскаго. Онъ даже воспользовался однажды отсутствіемъ короля для нечаяннаго нападенія на Штеттинъ; но шведы не допустили напасть на себя врасплохъ. Стремительное нападеніе императорскихъ войскъ было отражено съ твердостью, и *Торквато* отступилъ съ большимъ урономъ. Нельзя не признаться, что *Густавъ Адольфъ* этимъ успѣшнымъ началамъ былъ обязанъ столько же счастью, сколько и военной свой опытности. Императорскія войска въ Помераніи, со времени отставки *Валленштейна*, пришли въ совершенный упадокъ. Теперь они сами пожинали плоды своего распутства: объѣденная, опустошенная земля не могла долѣе содержать ихъ. Дисциплина не существовала, приказанія офицеровъ не уважались; войска примѣтно таяли отъ частыхъ побѣговъ и общей смертности, причиною которой былъ жестокій холодъ этого непривычнаго имъ климата. При такихъ обстоятельствахъ императорскій генералъ крайне желалъ покоя, чтобы подкрѣпить свои войска зимними квартирами; но онъ имѣлъ дѣло съ не-

пріятелемъ, для котораго не было зимы въ Германіи. *Густавъ*, изъ предосторожности, велѣлъ снабдить своихъ солдатъ тулупами, чтобы и въ суровое время года оставаться въ полѣ. Поэтому императорскіе уполномоченные, прибывшіе для заключенія перемирія, получили неутѣшительный отвѣтъ: «Шведы сражаются и лѣтомъ и зимою и не хотятъ отягощать еще болѣе бѣднаго поселянина. Пусть императорскія войска поступаютъ какъ хотятъ; шведы же не намѣрены оставаться праздными». Вскорѣ послѣ того *Торквато Конти* сложилъ съ себя начальство, обѣщавшее мало славы и еще того менѣе денегъ.

При такомъ неравенствѣ естественно всѣ выгоды были на сторонѣ шведовъ. Императорскія войска были постоянно тревожимы на зимнихъ квартирахъ, Грейфенгагенъ, значительный городъ на Одерѣ, взятъ приступомъ, наконецъ и города Гарцъ и Пирицъ были оставлены непріятелемъ. Во всей Помераніи только Грейфенвальде, Демминъ и Кольбергъ еще находились въ ихъ рукахъ, для осады которыхъ король дѣятельно приготовлялся. Бѣжавшій непріятель направилъ свой путь въ маркграфство Бранденбургское, потерпѣвъ огромный уронъ въ артиллеріи, обозѣ и людяхъ, доставшихся преслѣдовавшимъ ихъ шведамъ.

Занятіемъ проходовъ при Рибницѣ и Дамгартенѣ *Густавъ* открылъ себѣ путь въ герцогство Мекленбургское, подданнымъ котораго предписывалось особымъ манифестомъ возвратиться подъ власть своихъ законныхъ государей и выгнать все валленштейновское. Но императорскія войска завладѣли обманомъ важнымъ городомъ Ростокомъ. Это обстоятельство удержало короля, нежелавшаго раздѣлять своихъ силъ, отъ дальнѣйшаго наступ-

ленія. Между тѣмъ собравшіеся въ Регенсбургѣ курфирсты напрасно ходатайствовали у императора за герцоговъ мекленбургскихъ; напрасно герцоги, думая покорностью смягчить императора, отвергли союзъ съ Швеціею и избѣгали самоуправства. Доведенные до отчаянія упорнымъ отказомъ императора, они теперь явно приняли сторону короля Шведскаго, собрали войско и поручили начальство надъ нимъ *Францу Карлу*, герцогу *Саксенъ-Лауэнбургскому*. Онъ завладѣлъ нѣсколькими укрѣпленными мѣстами на Эльбѣ, но вскорѣ долженъ былъ уступить ихъ высланному противъ него императорскому генералу *Паппенгейму*. Вслѣдъ за тѣмъ, осажденный въ городѣ Рацебургѣ, онъ принужденъ былъ, послѣ напрасной попытки къ побѣгу, отдаться въ плѣнъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Такимъ образомъ эти несчастные князья лишились снова надежды возвратиться въ свои земли и только побѣдоносной рукѣ *Густава Адольфа* предназначено было оказать имъ эту блистательную справедливость.

Бѣжавшія толпы императорскихъ войскъ бросились въ маркграфство Бранденбургское, сдѣлавшееся теперь театромъ позорныхъ дѣлъ. Не довольствуясь требованіемъ произвольныхъ контрибуцій и угнетеніемъ обывателей постоемъ, эти варвары вламывались въ домы, били и разламывали все замкнутое, отнимали всѣ запасы, съ тѣми, кто сопротивлялся, поступали самымъ жестокимъ образомъ, безчестили женщинъ даже въ церквахъ. И все это совершалось не въ непріятельской землѣ — все это совершалось надъ подданными государя, который ничѣмъ не оскорбилъ императора и котораго, при всемъ томъ, настойчиво побуждали взяться за оружіе противъ короля Шведскаго. Зрѣлище этихъ ужасныхъ

безчинствъ возбуждало негодованіе въ самихъ императорскихъ генералахъ, неимѣвшихъ средствъ имъ воспрепятствовать по недостатку уваженія и денегъ, а ихъ главный начальникъ, графъ *Шаумбургъ*, отъ стыда хотѣлъ даже сложить съ себя начальство. Курфирстъ Бранденбургскій, слишкомъ слабый, чтобы защищать свою землю, и оставленный императоромъ, неотвѣчавшимъ на убѣдительныя его представленія, велѣлъ, наконецъ, своимъ подданнымъ, особымъ указомъ, отражать силу силой и каждаго императорскаго солдата, пойманнаго въ грабежѣ, убивать безъ пощады. Ужасы притѣсненій и безсиліе правительства достигли того, что владѣтельному князю оставалось одно отчаянное средство — самоуправство.

Императорскія войска привлекли за собою шведовъ въ маркграфство Бранденбургское, и только сопротивленіе курфирста, непозволившаго войскамъ короля пройдти черезъ крѣпость Кюстринъ, не допустило его осадить Франкфуртъ-на-Одерѣ. Онъ возвратился довершить завоеваніе Помераніи взятіемъ Деммина и Кольберга; тогда-какъ фельдмаршалъ *Тилли* шелъ на защиту маркграфства Бранденбургскаго.

Этотъ генералъ, непроигравшій до-сихъ-поръ ни одного сраженія, побѣдитель *Мансфельда*, *Христіана Брауншвейгскаго*, маркграфа *Баденскаго* и короля *Датскаго*, долженъ былъ встрѣтить въ королѣ Шведскомъ достойнаго соперника. *Тилли* происходилъ отъ дворянской фамиліи въ Люттихѣ и въ нидерландской войнѣ, тогдашней школѣ полководцевъ, образовалъ свои дарованія. Вскорѣ послѣ того, въ правленіе императора *Рудольфа Втораго*, онъ нашелъ случай выказать свои дарованія въ Венгріи, гдѣ быстро возвысился, пе-

реходя отъ одной степени къ другой. По заключеніи мира, онъ вступилъ въ службу *Максимиліана Баварскаго,* который назначилъ его главнокомандующимъ, съ неограниченной властью. Введеніемъ превосходнаго устройства *Тилли* сдѣлался творцомъ баварской военной силы, и преимущественно ему обязанъ былъ *Максимиліанъ* своимъ превосходствомъ въ полѣ. По окончаніи чешской войны, ему поручено было начальство надъ войсками лиги, а по отбытіи *Валленштейна*— надъ всею императорскою арміею. Столько же строгій къ своимъ войскамъ, столько же кровожадный въ отношеніи къ непріятелю, такого же мрачнаго характера, какъ *Валленштейнъ*, онъ далеко превосходилъ его скромностью и безкорыстіемъ. Слѣпая преданность къ вѣрѣ и кровожадный духъ нетерпимости соединялись въ немъ съ природною дикостью характера и дѣлали его ужасомъ протестантовъ. Странная и ужасающая наружность соотвѣтствовала его характеру. Небольшаго роста, худощавый, съ впалыми щеками, длиннымъ носомъ, широкимъ, морщинистымъ лбомъ, огромными усами и заостреннымъ книзу лицомъ, онъ обыкновенно являлся въ испанскомъ камзолѣ изъ свѣтлозеленаго атласа съ разрѣзными рукавами, съ маленькой шляпой на головѣ, съ которой ниспадало красное страусовое перо до самой спины. Вся его наружность напоминала герцога *Альбу*—палача Фландріи, и его дѣла не могли изгладить этого впечатлѣнія. Таковъ былъ полководецъ, противникъ сѣвернаго героя.

Тилли былъ далекъ отъ того, чтобы пренебрегать своимъ противникомъ. «Король Шведскій» сказалъ онъ на курфиршескомъ собраніи въ Регенсбургѣ «непріятель столько же умный, какъ и храбрый, закаленный

въ битвахъ и въ цвѣтѣ лѣтъ. Приготовленія его превосходны, средства немаловажны; чины его государства были весьма предупредительны въ отношеніи къ нему. Его армія, составленная изъ шведовъ, нѣмцевъ, лифляндцевъ, шотландцевъ и англичанъ, слѣпымъ повиновеніемъ слилась въ одну націю. Это игрокъ, съ которымъ не проиграть—уже значитъ много выиграть».

Успѣхи короля Шведскаго въ Бранденбургіи и Помераніи не позволяли новому главнокомандующему терять времени, тѣмъ болѣе, что командовавшіе тамъ генералы настойчиво требовали его присутствія. Съ возможною скоростью стянулъ онъ къ себѣ императорскія войска, разсѣянныя по всей Германіи; но прошло много времени прежде чѣмъ онъ собралъ въ опустошенныхъ и обѣднѣвшихъ областяхъ необходимые военные припасы. Наконецъ, среди зимы явился онъ въ главѣ двадцатитысячной арміи подъ Франкфуртомъ-на-Одерѣ, гдѣ соединился съ остатками войскъ *Шаумбурга*. Онъ поручилъ этому генералу защиту Франкфурта, гдѣ оставилъ значительный гарнизонъ, а самъ намѣревался поспѣшить въ Померанію для спасенія Деммина и освобожденія Кольберга отъ осады, доведеннаго шведами до крайности. Но еще до выступленія его изъ бранденбургскихъ владѣній, Демминъ, изъ рукъ вонъ дурно защищавшійся подъ начальствомъ герцога *Савелли*, достался королю, да и Кольбергъ, изнуренный голодомъ, сдался послѣ шестимѣсячной осады. Найдя проходы въ Померанію сильно занятыми, а королевскій лагерь при Шветѣ неприступнымъ, *Тилли* отказался отъ своего первоначальнаго наступательнаго плана и потянулся назадъ, къ Эльбѣ, чтобы осадить Магдебургъ.

Взятіе Деммина открывало королю свободный путь

въ герцогство Мекленбургское; но предпріятіе болѣе важное отвлекало его оружіе въ другую сторону. Едва *Тилли* выступилъ въ свой обратный походъ, какъ король быстро снялъ свой лагерь при Шветѣ и со всею арміею двинулся къ Франкфурту-на-Одерѣ. Городъ былъ дурно укрѣпленъ, но оборонялся восьмитысячнымъ гарнизономъ, состоявшимъ большею частью изъ остатковъ буйныхъ шаекъ, которыя разорили Померанію и Бранденбургію. Нападеніе совершилось быстро и уже на третій день городъ былъ взятъ приступомъ. Шведы, увѣренные въ успѣхѣ, несмотря на двукратное предложеніе о сдачѣ, отвергли капитуляцію, чтобы воспользоваться ужаснымъ правомъ мщенія. Именно *Тилли*, вскорѣ по прибытіи своемъ въ эти мѣста, раздраженный упорнымъ сопротивленіемъ шведскаго гарнизона, запоздавшаго выйдти изъ Новаго Бранденбурга, велѣлъ вырѣзать его до послѣдняго человѣка. Шведы, врываясь въ Франкфуртъ, вспомнили объ этой жестокости. *Новобранденбургскія квартиры!* отвѣчалъ шведъ императорскому солдату, просившему пощады и убивалъ его безъ милосердія. Нѣсколько тысячъ было убито или взято въ плѣнъ, многіе утонули въ Одерѣ, остальные убѣжали въ Силезію; вся артиллерія досталась шведамъ. Уступая буйству своихъ солдатъ, *Густавъ Адольфъ* долженъ былъ согласиться на трехчасовой грабежъ.

Между тѣмъ, какъ король переходилъ отъ побѣды къ побѣдѣ, а протестантскіе чины ободрялись и становились несговорчивѣе, императоръ не переставалъ истощать терпѣніе послѣднихъ исполненіемъ эдикта о возвращеніи духовныхъ имуществъ и другими непомѣрными требованіями. Необходимость заставила его идти путемъ насилія, къ которому онъ прибѣгнулъ сначала

изъ одного высокомѣрія; онъ не умѣлъ иначе выйдти изъ затрудненій, въ которыя запутался произвольными поступками, какъ средствами столько же произвольными. Но въ государственномъ тѣлѣ, такъ искусственно организованномъ, какъ Германія, рука деспотизма должна была произвесть страшное разстройство. Съ изумленіемъ видѣли князья, какъ учрежденія имперіи непримѣтно извращались, и наступавшее естественное состояніе доводило ихъ до самоуправства, единственнаго средства спасенія въ естественномъ состояніи. Открытыя дѣйствія императора противъ евангелической церкви сняли наконецъ съ глазъ *Іоанна Георга* повязку, которая такъ долго скрывала отъ него коварную политику этого государя. Устраненіемъ сына его отъ магдебургскаго архіепископства *Фердинандъ* нанесъ ему личное оскорбленіе, и фельдмаршалъ *Арнгеймъ*, его новый любимецъ и министръ, употреблялъ всѣ средства, чтобы довести раздражительность своего государя до крайней степени. Прежній императорскій генералъ подъ начальствомъ *Валленштейна*, которому былъ преданъ душою, онъ старался отмстить императору какъ за себя, такъ и за своего стараго благодѣтеля, и отвлечь курфирста Саксонскаго отъ австрійскихъ интересовъ. Появленіе шведовъ въ Германіи должно было дать ему къ тому средства. *Густавъ Адольфъ* былъ бы непобѣдимъ—соединись только съ нимъ протестантскіе чины, и это всего болѣе безпокоило императора. Примѣръ Саксоніи могъ увлечь за собою и другихъ, и судьба императора, казалось, нѣкоторымъ образомъ находилась въ рукахъ *Іоанна Георга*. Хитрый любимецъ далъ почувствовать честолюбію своего государя всю важность его положенія и совѣтовалъ постращать императора сою-

зомъ съ шведами и получить страхомъ отъ этого государя чего нельзя было надѣяться отъ его благодарности. Но онъ былъ того мнѣнія, чтобы на самомъ дѣлѣ не заключать союза со Швеціею и тѣмъ сохранить свое значеніе и не связывать себѣ рукъ. Онъ воодушевилъ его къ принятію гордаго плана — для исполненія котораго не доставало только руки болѣе искусной — привлечь къ себѣ всѣ протестантскія партіи, образовать третью силу въ Германіи и стать рѣшителемъ судебъ между Швеціею и Австріей.

Планъ этотъ тѣмъ болѣе долженъ былъ льстить самолюбію *Іоанна Георга*, что для него было одинаково нестерпимо подвергнуться зависимости отъ Швеціи, какъ и долѣе оставаться подъ тиранніею императора. Онъ не могъ равнодушно уступить веденіе дѣлъ Германіи чужеземному государю; и чѣмъ неспособнѣе былъ къ тому, чтобы играть первую роль, тѣмъ менѣе его самолюбіе могло довольствоваться второю. Итакъ, онъ рѣшился повозможности пользоваться успѣхами короля Шведскаго, но независимо отъ него преслѣдовать свой собственный планъ. Съ этою цѣлью онъ посовѣтовался съ курфирстомъ Бранденбургскимъ, который по тѣмъ же причинамъ негодовалъ на императора и недовѣрялъ шведамъ. Удостовѣрившись на земскомъ сеймѣ въ Торгау въ своихъ собственныхъ земскихъ чинахъ, согласіе которыхъ было необходимо для выполненія его плана, онъ пригласилъ всѣ евангелическіе чины имперіи къ общему собранію, которое должно было открыться 6-го февраля 1631 года въ Лейпцигѣ. Бранденбургъ, Гессенъ-Кассель, многіе князья, графы, имперскіе чины и протестантскіе епископы явились или сами, или прислали своихъ уполномоченныхъ на это собраніе, кото-

рое саксонскій придворный проповѣдникъ докторъ *Гое фонъ Гогенегъ* открылъ восторженною проповѣдью. Напрасно императоръ старался воспрепятствовать этому сомовольному съѣзду, очевидно клонившемуся къ самоуправству и крайне подозрительному по присутствію шведовъ въ Германіи. Собравшіеся князья, ободренные успѣхами *Густава Адольфа*, защищали свои права и по прошествіи двухъ мѣсяцевъ разъѣхались съ замѣчательнымъ рѣшеніемъ, приведшимъ императора въ крайнее замѣшательство. Это рѣшеніе заключалось въ томъ, чтобы настойчиво просить императора, обще-составленнымъ актомъ, объ уничтоженіи эдикта касательно возвращенія духовныхъ имуществъ, объ отозваніи его войскъ изъ ихъ столицъ и крѣпостей, о пріостановленіи экзекуцій и отмѣнѣ всѣхъ доселѣ бывшихъ злоупотребленій, а между тѣмъ собрать сорокатысячную армію, чтобы, въ случаѣ отказа императора, самимъ отыскивать свое право.

Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, имѣвшее немалое вліяніе на рѣшимость протестантскихъ князей. Король Шведскій преодолѣлъ наконецъ всѣ сомнѣнія, удерживавшія его до-сихъ-поръ отъ болѣе тѣснаго сближенія съ Франціею, и вступилъ 13-го января 1631 года въ формальный союзъ съ этимъ государствомъ. Послѣ серьёзнаго спора о будущемъ образѣ дѣйствій въ отношеніи католическихъ имперскихъ чиновъ, которыхъ Франція хотѣла защитить, а *Густавъ* наказать, и небольшой ссоры ихъ за титулъ *величества*, въ которомъ французское высокомѣріе отказывало шведской гордости, *Ришльё* уступилъ, наконецъ, во второмъ пунктѣ, а *Густавъ Адольфъ* въ первомъ, и трактатъ былъ заключенъ въ Беервальдѣ, что въ Неймаркѣ. Обѣ

державы обязались защищать другъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, оборонять своихъ общихъ друзей, помочь изгнаннымъ имперскимъ князьямъ возвратиться въ ихъ земли и, какъ на границахъ, такъ и внутри Германіи возстановить все въ такомъ видѣ, какъ было до начала войны. Съ этой цѣлью Швеція должна была содержать въ Германіи на собственный счетъ армію въ тридцать тысячъ человѣкъ; Франція же, напротивъ, платить шведамъ по четыреста тысячъ талеровъ ежегодно, въ видѣ вспоможенія. Если счастье поблагопріятствуетъ оружію *Густава*, то онъ обязывался въ завоеванныхъ мѣстахъ свято чтить католическую вѣру и имперскіе законы и не посягать на нихъ; всѣмъ чинамъ и князьямъ, какъ внутри, такъ и внѣ Германіи, даже католическимъ, дозволялось приступить къ этому союзу; одна сторона безъ вѣдома и согласія другой не могла заключать отдѣльнаго мира съ непріятелемъ; самый союзъ былъ заключенъ на пять лѣтъ.

Долгой внутренней борьбы стоило королю Шведскому рѣшеніе принять жалованье отъ Франціи и отказаться отъ неограниченной свободы въ военныхъ дѣйствіяхъ; но этотъ французскій союзъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на дѣла его въ Германіи. Только теперь, когда онъ былъ прикрытъ одною изъ сильнѣйшихъ державъ Европы, нѣмецкіе имперскіе чины стали довѣрять его предпріятію, за исходъ котораго до-сихъ-поръ опасались не безъ причины. Только теперь сталъ онъ страшенъ императору. Даже католическіе князья, желавшіе униженія Австріи, теперь съ меньшею недовѣрчивостью глядѣли на успѣхи *Густава* въ Германіи, потому-что союзъ съ католическою державою обязывалъ его щадить ихъ вѣру. Какъ появленіе *Густава Адольфа*

охраняло евангелическую вѣру и германскую свободу отъ *Фердинанда*, такъ точно содѣйствіе Франціи могло защитить католическую вѣру и германскую свободу отъ того же самаго *Густава Адольфа*, если бы онъ, въ упоеньи счастья, переступилъ предѣлы умѣренности.

Король Шведскій не замедлилъ извѣстить князей лейпцигскаго союза о трактатѣ, заключенномъ имъ съ Франціею, и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласить ихъ къ болѣе тѣсному съ нимъ сближенію. Сама Франція поддерживала его въ этомъ приглашеніи и всячески старалась склонить къ нему курфирста Саксонскаго. *Густавъ Адольфъ* соглашался довольствоваться тайною помощью, если князья еще не рѣшались открыто принять его сторону. Многіе князья обнадеживали *Густава* принять его предложеніе при первой возможности. *Іоаннъ Георгъ*, все еще завидуя и не довѣряя королю Шведскому, все еще оставаясь вѣренъ своей своекорыстной политикѣ, не могъ ни на что рѣшиться.

Рѣшеніе лейпцигскаго собранія и союзъ между Франціею и Швеціею были двумя одинаково непріятными извѣстіями для императора. Противъ перваго вооружился онъ громомъ императорской власти, и ему недоставало только арміи, чтобы дать самой Франціи почувствовать свое негодованіе. Всѣмъ участникамъ лейпцигскаго союза были посланы императорскіе указы, въ которыхъ имъ строго запрещалось набирать войско. Они отвѣчали новыми горячими жалобами, оправдывали свой поступокъ естественнымъ правомъ и продолжали вооружаться.

Между тѣмъ императорскіе генералы, по недостатку въ войскѣ и деньгахъ, были доведены до печальнаго выбора—упустить изъ виду или короля Шведскаго, или

нѣмецкіе императорскіе чины, такъ какъ они не могли съ раздѣленною силою въ одно время противиться обѣимъ. Волненіе протестантовъ обращало ихъ вниманіе на внутренность имперіи; успѣхи короля въ маркграфствѣ Бранденбургскомъ, угрожавшее наслѣдственнымъ владѣніямъ императора, побуждали ихъ обратить туда свое оружіе. По взятіи Франкфурта, король обратился противъ Ландсберга на Вартѣ, и *Тилли*, послѣ слишкомъ поздней попытки спасти этотъ городъ, возвратился къ Магдебургу, для упорнаго продолженія начатой осады.

Богатымъ архіепископствомъ, столицею котораго былъ городъ Магдебургъ, уже давно владѣли евангелическіе принцы бранденбургскаго дома и ввели туда свою вѣру. *Христіанъ Вильгельмъ*, послѣдній администраторъ, лишенъ былъ покровительства законовъ за свою связь съ Даніею, вслѣдствіе чего капитулъ увидѣлъ себя вынужденнымъ лишить его сана, чтобы не навлечь на архіепископство мщеніе императора. Вмѣсто его избрали они принца *Іоанна Августа*, втораго сына курфирста Саксонскаго, котораго, однако, императоръ не согласился утвердить, имѣя въ виду доставить это архіепископство своему сыну *Леопольду*. Курфирстъ Саксонскій обратился съ безсильными жалобами къ императорскому двору; *Христіанъ Вильгельмъ Бранденбургскій* принялъ мѣры болѣе дѣйствительныя. Увѣренный въ привязанности народа и магистрата въ Магдебургѣ и воспламененный несбыточными надеждами, онъ воображалъ, что въ состояніи преодолѣть всѣ препятствія, противопоставляемыя рѣшеніемъ капитула, соперничествомъ двухъ сильныхъ совмѣстниковъ и эдиктомъ о возвращеніи духовныхъ имуществъ. Онъ съѣздилъ въ Швецію и обѣщаніемъ сильной диверсіи въ

Германіи старался обезпечить себѣ помощь *Густава* Король отпустилъ его, обнадеживъ въ защитѣ, но совѣтовалъ поступать какъ можно осторожнѣе.

Едва *Христіанъ Вильгельмъ* узналъ о высадкѣ своего защитника въ Помераніи, какъ уже пробрался переодѣтый въ Магдебургъ. Онъ внезапно явился въ собраніи ратуши, напомнилъ магистрату о всѣхъ притѣсненіяхъ, причиненныхъ войсками императора городу и его округу, о гибельныхъ замыслахъ *Фердинанда*, и объ опасности, угрожающей евангелической церкви. Послѣ этого вступленія онъ открылъ имъ, что настало время освобожденія и что *Густавъ Адольфъ* предлагаетъ имъ свой союзъ и всевозможную помощь. Магдебургъ, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Германіи, пользовался подъ управленіемъ своего магистрата республиканскою свободою, которая одушевляла геройскимъ мужествомъ его гражданъ. Они доказали это на опытѣ славною борьбою противъ *Валленштейна.* Привлеченный ихъ богатствомъ, онъ обратился къ нимъ съ неслыханными требованіями — и они мужественною обороною отстояли свои права. Хотя вся область испытала на себѣ разрушительную ярость его войскъ, но самъ Магдебургъ избѣгъ его мщенія. Итакъ администратору не стоило большаго труда расположить въ свою пользу гражданъ, у которыхъ испытанныя притѣсненія еще были въ свѣжей памяти. Между городомъ и королемъ Шведскимъ состоялся союзъ, которымъ Магдебургъ предоставлялъ королю свободный проходъ чрезъ область и городъ и наборъ рекрутъ въ его округѣ, въ замѣнъ чего получилъ увѣреніе въ защитѣ своей вѣры и привилегій.

Администраторъ немедленно собралъ войско и началъ непріятельскія дѣйствія прежде нежели *Густавъ*

Адольфъ могъ приблизиться и подкрѣпить его своими войсками. Ему посчастливилось разбить въ окрестности нѣсколько императорскихъ отрядовъ, сдѣлать небольшія завоеванія и даже взять Галле. Но приближеніе императорской арміи вскорѣ заставило его отступить быстро и не безъ потери къ Магдебургу. *Густавъ Адольфъ*, хотя и недовольный его опрометчивостью, прислалъ ему, въ лицѣ *Дитриха Фалькенберга*, опытнаго офицера, чтобы руководить военными дѣйствіями и помогать администратору своими совѣтами. Магистратъ назначилъ *Фалькенберга* комендантомъ города на все время войны. Войско принца, умножаясь со дня на день охотниками изъ сосѣднихъ городовъ, успѣшно сражалось противъ императорскихъ войскъ, высылаемыхъ противъ нихъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ очень счастливо поддерживало малую войну.

Наконецъ графъ *Паппенгеймъ*, по окончаніи похода противъ герцога Саксенъ-Лауэнбургскаго, приблизился къ городу, выгналъ въ короткое время войска администратора изъ всѣхъ окрестныхъ укрѣпленій, прервалъ тѣмъ всякое сообщеніе съ Саксоніею и сталъ серьёзно готовиться къ осадѣ города. Вслѣдъ за нимъ прибылъ и *Тилли*. Въ грозномъ письмѣ къ администратору онъ приказывалъ ему не сопротивляться долѣе эдикту о возвращеніи духовныхъ имуществъ, покориться волѣ императора и сдать Магдебургъ. Отвѣтъ принца былъ пылокъ и смѣлъ и заставилъ императорскаго полководца серьёзно взяться за оружіе.

Но успѣхи короля Шведскаго, отвлекшіе императорскаго полководца отъ города, пріостановили на время осаду, а несогласія между генералами, командовавшими въ его отсутствіе, спасли Магдебургъ еще на нѣсколько

мѣсяцевъ. Наконецъ, 30-го марта 1631 года, *Тилли* возвратился и принялся усердно за осаду.

Въ короткое время взяты были всѣ внѣшнія укрѣпленія, и *Фалькенбергъ*, не видя другаго средства спасти гарнизоны, самъ призвалъ ихъ въ городъ и велѣлъ сломать мостъ черезъ Эльбу. Когда же оказался недостатокъ въ войскѣ для защиты обширной крѣпости съ предмѣстьями, то и предмѣстья Зуденбургъ и Нейштатъ были уступлены непріятелю, который тотчасъ же превратилъ ихъ въ пепелъ. *Паппенгеймъ*, отдѣлясь отъ *Тилли*, переправился черезъ Эльбу при Шёнбекѣ, чтобы осадить городъ съ другой стороны.

Гарнизонъ, ослабленный прежними сраженіями во внѣшнихъ укрѣпленіяхъ, едва простирался до двухъ тысячъ пѣхоты и нѣсколькихъ сотенъ кавалеріи — численность слишкомъ слабая для такой большой и, притомъ, неправильной крѣпости. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ, вооружили горожанъ — средство отчаянное, сдѣлавшее болѣе вреда, чѣмъ пользы. Горожане, уже сами-по-себѣ весьма посредственные солдаты, своими несогласіями подвергли городъ гибели. Бѣдняку было больно, что его одного обременяли всѣми тягостями, одного его подвергали всѣмъ трудностямъ и опасностямъ, тогда-какъ богачъ посылалъ за себя слугъ и жилъ въ свое удовольствіе. Негодованіе превратилось, наконецъ, въ общій ропотъ; равнодушіе смѣнило усердіе, скука и нераденіе къ службѣ — бдительную осторожность. Это разъединеніе защитниковъ вмѣстѣ съ возраставшею нуждою мало-по-малу дало мѣсто малодушнымъ размышленіямъ, такъ что многіе уже начали страшиться дерзости своего предпріятія и трепетать предъ могуществомъ императора, съ которымъ боролись. Но религіозный фа-

натизмъ, пламенная любовь къ свободѣ, непреодолимое отвращеніе къ имени императора и вѣроятность надежды на скорое освобожденіе удаляли всякую мысль о сдачѣ; и если расходились во всемъ другомъ, то всѣ были одного мнѣнія — защищаться до послѣдней крайности.

Надежда осажденныхъ на помощь была весьма вѣроятна. Они знали о вооруженіяхъ лейпцигскаго союза и приближеніи *Густава Адольфа;* для обоихъ удержаніе за собой Магдебурга было одинаково важно, и нѣсколько дней похода могли привести короля Шведскаго къ ихъ стѣнамъ. Все это было не безъизвѣстно графу *Тилли,* и потому-то онъ такъ спѣшилъ овладѣть Магдебургомъ, какимъ бы то ни было способомъ. Ужъ онъ посылалъ разъ трубача съ разными письмами касательно сдачи къ администратору, коменданту и магистрату, но получилъ въ отвѣтъ, что они скорѣе умрутъ, чѣмъ сдадутся. Сильная вылазка горожанъ показала ему, что мужество осажденныхъ еще далеко не охладѣло, а прибытіе короля въ Потсдамъ и появленіе шведскихъ разъѣздовъ подъ самымъ Цербстомъ, должны были исполнить *Тилли* смятеніемъ, а жителей Магдебурга радостными надеждами. Второй трубачъ, присланный имъ и болѣе умѣренный тонъ его писемъ утвердилъ ихъ еще болѣе въ этой увѣренности — но только для того, чтобы сдѣлать ихъ еще безпечнѣе.

Между тѣмъ осаждавшіе дошли своими апрошами до самаго городскаго рва и сильно обстрѣливали съ заложенныхъ батарей валъ и башни. Одна изъ башенъ совершенно обрушилась, но не облегчила тѣмъ нападенія, такъ-какъ она упала не въ ровъ, а на валъ. Несмотря на безпрерывное бомбардированіе, валъ пострадалъ не-

много, а дѣйствіе брандскугелей, которые должны были зажечь городъ, уничтожалось отличными мѣрами предосторожности. Но скоро запасъ пороху осажденныхъ пришелъ къ концу, и крѣпостныя орудія мало-по-малу переставали отвѣчать осаждавшимъ. До изготовленія новаго пороха Магдебургъ долженъ былъ получить помощь или погибнуть. Теперь надежды горожанъ достигли крайняго напряженія, и всѣ взоры, полные ожиданія, обращались въ ту сторону, откуда должны были показаться шведскія знамена. *Густавъ Адольфъ* находился достаточно близко, чтобы на третій день явиться предъ Магдебургомъ. Увѣренность ростетъ съ надеждою, все соединяется, чтобы усилить ее еще болѣе. 9-го мая, и неожиданно, начинаетъ смолкать непріятельская канонада; съ нѣкоторыхъ батарей свозятъ орудія. Мертвая тишина въ императорскомъ лагерѣ. Все удостовѣряетъ осажденныхъ, что близокъ часъ ихъ освобожденія. Большая часть мѣщанскихъ и солдатскихъ карауловъ оставляетъ рано утромъ свои посты на валахъ, чтобы, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, забыться сладкимъ сномъ; но дорого обошелся имъ этотъ сонъ и ужасно было пробужденье!

Наконецъ *Тилли* покинулъ надежду овладѣть городомъ путемъ осады до прибытія шведовъ. Итакъ, онъ рѣшился снять осаду, но напередъ сдѣлать общій приступъ. Препятствія были велики, такъ-какъ бреши еще не пробили, а крѣпостные верки едва были повреждены. Но военный совѣтъ, собранный имъ, подалъ мнѣніе въ пользу приступа, причемъ ссылался на примѣръ Мастрихта, взятаго приступомъ рано поутру, когда граждане и солдаты спокойно спали. Нападеніе положено было сдѣлать съ четырехъ сторонъ разомъ; всю ночь съ 9-го

на 10-е число провели въ необходимыхъ приготовленіяхъ. Все было въ готовности и ожидало, согласно условію, пушечнаго сигнальнаго выстрѣла въ пять часовъ утра. Но онъ послѣдовалъ двумя часами позже, въ теченіе которыхъ *Тилли*, все еще сомнѣвавшійся въ успѣхѣ, собралъ новый военный совѣтъ. *Паппенгейму* приказано было напасть на нейштатскія укрѣпленія; отлогій валъ и сухой, не слишкомъ глубокій ровъ много помогли ему. Большая часть гражданъ и солдатъ оставила предъ тѣмъ валъ, а немногіе изъ оставшихся спали крѣпкимъ сномъ. Слѣдовательно генералу этому нетрудно было взойти первому на валъ.

Фалькенбергъ, испуганный ружейною пальбою, поспѣшилъ съ горстью людей изъ ратуши, гдѣ былъ занятъ отправленіемъ втораго трубача *Тилли*, къ нейштатскимъ воротамъ, уже занятымъ непріятелемъ. Отбитый здѣсь, этотъ храбрый генералъ бросается въ другую сторону, гдѣ другая непріятельская колонна готовится взойти на валъ. Напрасное сопротивленіе! Въ самомъ началѣ битвы онъ падаетъ, пораженный непріятельскими пулями. Сильный ружейный огонь, звонъ колоколовъ и возрастающій шумъ даютъ знать, наконецъ, проснувшимся горожанамъ о предстоящей опасности. Они поспѣшно одѣваются, хватаются за оружіе и, въ слѣпомъ безпамятствѣ, бросаются на встрѣчу непріятелю. Еще надежда не потеряна выгнать непріятеля, но комендантъ убитъ, нѣтъ плана въ нападеніи, нѣтъ конницы, чтобы ворваться въ его разстроенные ряды, наконецъ, нѣтъ пороху для поддержанія огня. Двои другихъ еще невзятыхъ воротъ покидаются своими защитниками для отвращенія еще большей опасности въ городѣ. Непріятель быстро пользуется происшедшимъ отъ того замѣшатель-

ствомъ, чтобы напасть и на эти посты. Сопротивленіе длится съ упорствомъ, пока, наконецъ, четыре императорскіе полка, завладѣвшіе валомъ, не заходятъ магдебургцамъ въ тылъ и тѣмъ не довершаютъ ихъ пораженія. Храбрый капитанъ, по имени *Шмитъ*, который въ этомъ общемъ смятеніи ведетъ еще разъ горсть храбрѣйшихъ противъ непріятеля и счастливо прогоняетъ его до самыхъ воротъ, падаетъ, смертельно раненый, а съ нимъ и послѣдняя надежда Магдебурга. Еще до полудня непріятель овладѣваетъ послѣдними укрѣпленіями — и городъ въ его рукахъ.

Теперь штурмовавшіе отворяютъ двои воротъ для главной арміи, и *Тилли* приказываетъ вступить въ городъ части своей пѣхоты. Она немедленно занимаетъ главныя улицы, а разставленныя по нимъ пушки прогоняютъ горожанъ въ ихъ домы, чтобы ожидать тамъ рѣшенія своей судьбы. Недолго оставляютъ ихъ въ недоумѣніи; два слова графа *Тилли* рѣшаютъ судьбу Магдебурга. И болѣе человѣколюбивый полководецъ напрасно бы приказывалъ *такимъ* войскамъ пощаду; *Тилли* не взялъ на себя даже труда испытать это средство. Солдатъ, поставленный безмолвіемъ своего полководца владыкою жизни всѣхъ горожанъ, вламывается въ домы, чтобы тамъ необузданно удовлетворить всѣмъ страстямъ своей скотской души. Молящая невинность еще находитъ въ иномъ *нѣмецкомъ* сердцѣ состраданіе, но ни въ одномъ дышущемъ злобой валонцѣ изъ войскъ *Паппенгейма*. Едва началось это кровопролитіе, какъ всѣ остальныя ворота отворяются и вся кавалерія и буйныя шайки кроатовъ устремляются на несчастный городъ.

Тутъ открывается зрѣлище убійствъ, для описанія котораго исторія не имѣетъ словъ и поэзія кисти. Ни

невинность дѣтства, ни безпомощность старости, ни молодость, ни полъ, ни званіе, ни красота — не могутъ обезоружить ярости побѣдителя. Жены позорятся въ объятіяхъ мужей, дочери у ногъ отцовъ, и беззащитный полъ имѣетъ только преимущество — служить жертвою двойнаго неистовства. Ни одно самое сокровенное, ни одно самое священное убѣжище не могло спасти отъ всюду-проникавшей жадности. Въ одной церкви было найдено пятьдесятъ три женщины обезглавленными. Кроаты, для забавы, кидали дѣтей въ огонь, а валлонцы *Паппенгейма* прикалывали младенцевъ у груди матерей. Нѣкоторые офицеры лиги, смущенные этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ, осмѣлились напомнить графу *Тилли*, что не пора ли прекратить кровопролитіе. «Приходите чрезъ часъ» былъ отвѣтъ: «тогда я увижу, что дѣлать. Солдатъ долженъ быть награжденъ за труды и опасности». Съ возрастающею яростью продолжаются эти ужасы, пока, наконецъ, дымъ и пламя не останавливаютъ грабежа. Чтобы увеличить смятеніе и сломить сопротивленіе горожанъ, подожгли еще вначалѣ городъ въ разныхъ мѣстахъ. Теперь поднялась буря, которая съ страшной быстротою разнесла пламя по всему городу и сдѣлала пожаръ общимъ. Страшно было видѣть, какъ тѣснились сквозь чадъ и трупы между сверкавшимъ оружіемъ, низвергавшимися развалинами и лившеюся кровью. Воздухъ накалился и невыносимый жаръ заставилъ наконецъ самихъ убійцъ бѣжать въ лагерь. Менѣе чѣмъ въ двѣнадцать часовъ этотъ многолюдный, крѣпкій и обширный городъ, одинъ изъ лучшихъ въ Германіи, превращенъ былъ въ пепелъ, за исключеніемъ двухъ церквей и нѣсколькихъ хижинъ. Администраторъ *Христіанъ Вильгельмъ* и трое бургомистровъ, покрытые ранами

попались въ плѣнъ; многіе храбрые офицеры и члены магистрата нашли завидную смерть въ бою. Жадность офицеровъ, въ надеждѣ на богатый выкупъ, спасла отъ смерти четыреста богатѣйшихъ гражданъ. Да и эти офицеры, оказавшіе такое человѣколюбіе, большею частью были изъ арміи лиги, и слѣпое звѣрство императорскихъ солдатъ заставляло смотрѣть на нихъ, какъ на ангеловъ-хранителей.

Едва уменьшилась ярость пламени, какъ толпы императорскихъ солдатъ возвратились съ новою жадностью, чтобы выкапывать свою добычу изъ-подъ пепла и развалинъ. Многихъ задушилъ дымъ; многіе обогатились, такъ-какъ лучшія вещи были спрятаны въ погребахъ. Наконецъ, 13-го мая, *Тилли* прибылъ самъ въ городъ послѣ того, какъ главныя улицы были очищены отъ развалинъ и труповъ. Ужасно и отвратительно было зрѣлище, представившееся теперь человѣчеству! Оставшіеся въ живыхъ выползали изъ-подъ труповъ, блуждавшія дѣти съ раздиравшими душу воплями искали своихъ родителей; младенцы сосали мертвыя груди своихъ матерей! Болѣе шести тысячъ труповъ пришлось бросить въ Эльбу, чтобы очистить улицы; несравненно-большее количество живыхъ и мертвыхъ сгорѣло во время пожара; все число убитыхъ полагаютъ до тридцати тысячъ.

Въѣздъ генерала, послѣдовавшій 14-го числа, положилъ конецъ безчинствамъ, и все, что́ спаслось до сихъ поръ, осталось въ живыхъ. Около тысячи человѣкъ было выведено изъ соборной церкви, гдѣ они три дня и три ночи провели безъ пищи и въ постоянномъ ожиданіи смерти. *Тилли* велѣлъ объявить имъ прощеніе и раздать хлѣба. На другой день въ той же соборной церкви совершилось торжественное молебствіе и при громѣ

пушечныхъ выстрѣловъ было пропѣто Te Deum. Императорскій генералъ проѣхалъ по улицамъ, чтобы донести своему государю, какъ очевидецъ, что со времени разрушенія Трои и Іерусалима не видано было такой побѣды. И въ этомъ донесеніи не было преувеличенія, если сравнить обширность, богатство и значеніе погибшаго города съ яростью его разрушителей.

Извѣстіе о несчастной судьбѣ Магдебурга несказанно обрадовало всю католическую и повергло въ ужасъ и страхъ всю протестантскую Германію. Всеобщая скорбь и негодованіе обвиняли короля Шведскаго, который, находясь такъ близко и съ такою силою, не подалъ помощи этому союзному городу. Самый умѣренный находилъ бездѣйствіе короля необъяснимымъ, и *Густавъ Адольфъ*, боясь потерять невозвратно сердца народа, для освобожденія котораго пришелъ, принужденъ былъ особымъ манифестомъ оправдаться предъ свѣтомъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Густавъ только-что напалъ на Ландсбергъ и 16 апрѣля овладѣлъ имъ, когда узналъ объ опасномъ положеніи Магдебурга. Онъ тотчасъ рѣшился освободить городъ, и съ этою цѣлью двинулся къ Шпре со всею кавалеріею и десятью полками пѣхоты. Положеніе этого государя въ Германіи дѣлало для него ненарушимымъ закономъ благоразумія — не дѣлать шага впередъ, не обезпечивъ тыла. Съ недовѣрчивою осторожностью долженъ былъ онъ проходить земли, гдѣ его окружали двуличные друзья и явные сильные враги, гдѣ одинъ неосторожный шагъ могъ его отрѣзать отъ Швеціи. Курфирстъ Бранденбургскій, еще прежде отворилъ свою крѣпость Кюстринъ бѣжавшимъ императорскимъ войскамъ, и заперъ ее преслѣдовавшимъ шведамъ. Не посчастливься

Густаву противъ *Тилли*, этотъ самый курфирстъ могъ бы отворить свои крѣпости императорскимъ войскамъ, и тогда король, имѣя непріятеля передъ собою и за собою, погибъ бы невозвратно. Въ отвращеніе подобнаго случая при настоящемъ предпріятіи, прежде чѣмъ выступить къ Магдебургу, онъ просилъ у курфирста уступить ему двѣ крѣпости, Кюстринъ и Шпандау, до освобожденія Магдебурга.

Ничего, казалось, не могло быть справедливѣе этого требованія. Важная услуга, еще недавно оказанная курфирсту *Густавомъ Адольфомъ*, выгнавшимъ императорскія войска изъ бранденбургскихъ земель, казалось, давала ему право на признательность курфирста, а поведеніе шведовъ въ Германіи — на его довѣріе. Но отдачею своихъ крѣпостей курфирстъ дѣлалъ короля Шведскаго какъ бы владыкою своихъ земель, уже не говоря о томъ, что разрывалъ тѣмъ свою связь съ императоромъ и подвергалъ свои области будущему мщенью императорскихъ войскъ. *Георгъ Вильгельмъ* долго боролся съ самимъ собою, но малодушіе и своекорыстіе, наконецъ, взяли верхъ. Нетронутый судьбою Магдебурга, равнодушный къ вѣрѣ и свободѣ Германіи, онъ ничего не видѣлъ, кромѣ собственной опасности, и эту боязнь довелъ до крайности его министръ *Шварценбергъ*, получавшій секретное жалованье отъ императора. Между тѣмъ шведскія войска приблизились къ Берлину, и король остановился у курфирста. Замѣтивъ колебаніе этого принца, онъ не могъ удержать своего негодованія. «Я иду къ Магдебургу» сказалъ онъ «не изъ личной выгоды, а для пользы протестантовъ. Если мнѣ никто не хочетъ помогать, я немедленно отступлю, предложу соглашеніе императору и возвращусь въ Стокгольмъ. Я

увѣренъ, что императоръ согласится на миръ, какого бы я самъ не пожелалъ; но если Магдебургъ погибнетъ и императоръ перестанетъ меня бояться, то подумайте, что будетъ съ вами?» Эта во́-время-произнесенная угроза, а можетъ быть и присутствіе шведской арміи, достаточно-сильной, чтобъ доставить королю силой, въ чемъ ему отказывали путемъ дружбы, побудили курфирста рѣшиться отдать въ его руки Шпандау.

Теперь предъ королемъ открылись двѣ дороги въ Магдебургъ, изъ которыхъ одна шла къ западу черезъ истощенныя земли, занятыя непріятельскими войсками, которыя могли препятствовать его переправѣ черезъ Эльбу; другая поворачивала къ югу, черезъ Дессау или Виттенбергъ, гдѣ были мосты для перехода черезъ Эльбу и гдѣ можно было получать продовольствіе изъ Саксоніи. Но для этого нужно было согласіе курфирста *Саксонскаго*, къ которому *Густавъ* питалъ справедливое недовѣріе. Итакъ, прежде чѣмъ выступить въ походъ, онъ обратился къ этому государю съ просьбою о свободномъ пропускѣ и всемъ необходимомъ для войскъ за наличныя деньги. Его требованія были отвергнуты и никакія представленія не могли склонить курфирста нарушить нейтралитетъ. Пока длились эти споры, пришло извѣстіе объ ужасной судьбѣ Магдебурга.

Тилли возвѣстилъ о томъ всѣмъ протестантскимъ князьямъ тономъ побѣдителя и не упустилъ случая воспользоваться наилучшимъ образомъ общимъ страхомъ. Власть императора, примѣтно потрясенная успѣхами *Густава*, явилась грознѣе прежняго послѣ этого рѣшительнаго дѣла, и перемѣна эта обнаружилась очень скоро въ повелительномъ тонѣ, съ какимъ онъ обратился къ протостантскимъ имперскимъ чинамъ. Рѣшеніе

лейпцигскаго союза было отмѣнено, самый союзъ уничтоженъ императорскимъ декретомъ, а непокорнымъ чинамъ пригрожено судьбою Магдебурга. Какъ исполнитель императорскихъ указовъ, *Тилли* тотчасъ отправилъ войско противъ епископа *Бременскаго*, какъ члена лейпцигскаго союза, набиравшаго солдатъ. Испуганный епископъ сдалъ ихъ тотчасъ *Тилли* и подписалъ уничтоженіе лейпцигскаго союза. Императорская армія, только-что возвратившаяся тогда изъ Италіи, подъ начальствомъ графа *Фюрстенберга*, поступила такимъ же образомъ съ администраторомъ Вюртембергскимъ. Герцогъ принужденъ былъ покориться эдикту о возвращеніи духовныхъ имуществъ и другимъ декретамъ императора, и, сверхъ того, внести сто тысячъ талеровъ для мѣсячнаго содержанія императорскихъ войскъ. Той же участи подверглись города Ульмъ и Нюренбергъ, вся Франконія и швабскій округъ. Скорый перевѣсъ, пріобрѣтенный императоромъ по этому случаю, болѣе мнимый, чѣмъ дѣйствительный, побудилъ его выйдти изъ предѣловъ умѣренности и рѣшиться на поступки неосторожные и насильственные, которые преодолѣли наконецъ нерѣшительность нѣмецкихъ князей въ пользу *Густава Адольфа*. Итакъ, сколько ближайшія послѣдствія гибели Магдебурга были несчастливы для протестантовъ, столько позднѣйшія были для нихъ благодѣтельны. Первое изумленіе уступило мѣсто дѣятельному негодованію, отчаяніе дало силы, и германская свобода возникла снова изъ пепла Магдебурга.

Между князьями лейпцигскаго союза были всѣхъ опаснѣе курфирстъ *Саксонскій* и ландграфъ *Гессенъ-Кассельскій*, и власть императора не была утверждена въ этихъ мѣстахъ, пока эти два князя не были обезору-

жены. Сначала *Тилли* обратилъ свое оружіе противъ ландграфа и прямо изъ Магдебурга двинулся въ Тюрингію. Саксенъ-эрнестинскія и шварцбургскія земли были совершенно опустошены во время этого прохода, а Франкенгаузенъ безнаказанно разграбленъ и превращенъ въ пепелъ въ глазахъ самого *Тилли;* несчастный поселянинъ долженъ былъ платиться разореньемъ за привязанность своего князя къ шведамъ. Эрфуртъ, ключъ къ Саксоніи и Франконіи, былъ угрожаемъ осадой, отъ которой, однако, откупился добровольною поставкою провіанта и денежною суммою. Отсюда *Тилли* отправилъ пословъ къ ландграфу *Гессенъ-Кассельскому* съ требованіемъ, чтобы онъ немедленно распустилъ войска, отказался отъ лейпцигскаго союза, принялъ императорскіе отряды въ свои области и крѣпости, заплатилъ контрибуцію и объявилъ себя другомъ, или недругомъ. Такъ обходился императорскій генералъ съ нѣмецкимъ имперскимъ княземъ! Но эти чрезмѣрныя требованія были сильны войскомъ и свѣжимъ воспоминаніемъ объ ужасной судьбѣ Магдебурга. Тѣмъ большей похвалы заслуживаетъ рѣшимость, съ какою ландграфъ отвѣчалъ на эти требованія: «Чужихъ солдатъ въ свои крѣпости и въ свою столицу принимать онъ вовсе ненамѣренъ; войско ему нужно самому, а отъ нападенія онъ съумѣетъ защититься. Если же генералъ *Тилли* нуждается въ деньгахъ и продовольствіи, то можетъ отправиться въ Мюнхенъ, гдѣ найдетъ и то и другое». Вторженіе двухъ императорскихъ отрядовъ въ Гессенъ было ближайшимъ послѣдствіемъ этого вызвавшаго отвѣта; но ландграфъ съумѣлъ такъ хорошо ихъ встрѣтить, что они не могли предпринять ничего важнаго. Тогда самъ *Тили* сталъ готовиться послѣдовать за ними со всѣми своими си-

лами, — и несчастная область дорого бы заплатила за твердость своего князя, если бы движенія короля Шведскаго не отвлекли во́-время этого генерала.

Густавъ Адольфъ съ душевнымъ прскорбіемъ узналъ о гибели Магдебурга, тѣмъ болѣе, что *Георгъ Вильгельмъ* требовалъ теперь возвращенія крѣпости Шпандау въ силу договора. Потеря Магдебурга сорѣй умножила, нежели уменьшила причины, дѣлавшія столь важнымъ для короля обладаніе этою крѣпостью; и чѣмъ болѣе приближалась необходимость рѣшительнаго сраженія между нимъ и *Тилли*, тѣмъ тягостнѣе было для него отказаться отъ единственнаго убѣжища на случай несчастья. Истощивъ понапрасно всѣ представленія и просьбы предъ курфирстомъ Бранденбургскимъ, котораго холодность возрастала съ каждымъ днемъ, онъ послалъ наконецъ своему коменданту приказаніе очистить Шпандау, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявилъ, что съ этого дня онъ будетъ поступать съ курфирстомъ, какъ съ непріятелемъ.

Чтобы придать болѣе вѣсу своимъ словамъ, онъ явился со всею арміею предъ Берлиномъ. «Я не хочу, чтобы со мною обходились хуже, чѣмъ съ императорскими генералами», отвѣчалъ онъ посламъ оробѣвшаго курфирста, прибывшимъ къ нему въ лагерь. «Вашъ государь принялъ ихъ въ свои области, доставлялъ имъ все необходимое, отдалъ всѣ крѣпости, какихъ они желали, и всею этой угодливостью не могъ побудить ихъ къ болѣе человѣколюбивому обращенію съ его подданными. Все, что *я* отъ него требую, это — безопасности, умѣренной суммы денегъ и хлѣба для моихъ войскъ; въ замѣнъ того обѣщаюсь защищать его владѣнія и удалить отъ него войну. Я *долженъ* настоять на этихъ

пунктахъ, и пусть мой братъ курфирстъ рѣшится немедленно, хочетъ ли имѣть меня другомъ, или видѣть свою столицу разграбленной». Этотъ рѣшительный тонъ подѣйствовалъ, а пушки, обращенныя противъ города, преодолѣли всѣ сомнѣнія *Георга Вильгельма*. Въ нѣсколько дней союзъ былъ подписанъ, которымъ курфирстъ обязался платить по тридцати тысячъ талеровъ ежемѣсячно, оставилъ Шпандау въ рукахъ короля и обязался отворять Кистринъ его войскамъ во всякое время. Это теперь уже рѣшительное соединеніе курфирста Бранденбургскаго со шведами было принято въ Вѣнѣ не лучше, какъ и подобный поступокъ герцога Померанскаго; но неблагопріятный оборотъ счастья, постигшій вскорѣ послѣ того оружіе императора, позволилъ ему выразить свое негодованіе одними только словами.

Къ удовольствію, доставленному королю этимъ счастливымъ событіемъ, вскорѣ прибавилось новое — извѣстіе о сдачѣ *Грейфсвальда*, единственнаго укрѣпленнаго мѣста, еще занимаемаго императорскими войсками въ Помераніи, и о совершенномъ освобожденіи этой области отъ непріятеля. Онъ явился снова въ этомъ герцогствѣ, и насладился восхитительнымъ зрѣлищемъ общей радости народа, виновникомъ которой былъ онъ самъ. Прошелъ годъ со времени вступленія *Густава* въ Германію, и это событіе было торжественно отпраздновано во всемъ герцогствѣ Померанскомъ. Не задолго предъ тѣмъ царь Московскій привѣтствовалъ его чрезъ пословъ своихъ, возобновлялъ дружбу и предлагалъ ему вспомогательныя войска. Это миролюбивое расположеніе русскихъ тѣмъ болѣе могло его радовать, чѣмъ важнѣе было для него во время такой опасной войны, которой онъ шелъ на встрѣчу, совершенное обезпеченіе со стороны не-

пріязненнаго сосѣда. Вскорѣ послѣ того прибыла въ Померанію королева *Марія Елеонора*, его супруга, съ подкрѣпленіемъ изъ восьми тысячъ шведовъ. Нельзя также умолчать о прибытіи шести тысячъ англичанъ, подъ начальствомъ маркиза *Гамильтона*, тѣмъ болѣе, что, кромѣ этого факта, исторіи нечего разсказывать о подвигахъ англичанъ въ тридцатилѣтнюю войну.

Во время тюрингенскаго похода *Тилли*, *Паппенгеймъ* защищалъ магдебургскую область, но не могъ воспрепятствовать шведамъ переправиться черезъ Эльбу, разбить нѣсколько императорскихъ отрядовъ и овладѣть нѣсколькими городами. Тревожимый приближеніемъ короля, онъ настойчиво звалъ графа *Тилли* назадъ, и дѣйствительно побудилъ его возвратиться къ Магдебургу. *Тилли* расположился лагеремъ по сю сторону рѣки у Вольмирштета; *Густавъ Адольфъ* разбилъ свой на той же сторонѣ у Вербена, недалеко отъ впаденія Гавеля въ Эльбу. Уже одно прибытіе его въ эти мѣста не предвѣщало *Тилли* ничего добраго. Шведы разсѣяли три его полка, расположенные въ деревняхъ отдѣльно отъ главной арміи, овладѣли половиною его обозовъ, а другую сожгли. Напрасно *Тилли* приближался съ своею арміею на пушечный выстрѣлъ къ лагерю короля, вызывая его на сраженіе; *Густавъ*, бывшій въ половину слабѣе *Тилли*, благоразумно избѣгалъ битвы; а лагерь его былъ слишкомъ крѣпокъ для приступа. Дѣло ограничилось одной пустой канонадой и нѣсколькими стычками, въ которыхъ шведы постоянно одерживали верхъ. Во время отступленія *Тилли* къ Вольмирштету, армія его значительно уменьшилась отъ частыхъ побѣговъ. Со времени магдебургскаго кровопролитія счастіе его оставило.

Тѣмъ настойчивѣе сопутствовало оно королю Шведскому. Въ то время, когда онъ стоялъ у Вербена, вся мекленбургская область, кромѣ нѣсколькихъ мѣстъ, была завоевана его генераломъ *Тоттомъ* и герцогомъ *Адольфомъ Фридрихомъ*, и онъ вкусилъ царственное удовольствіе — возвратить обоимъ герцогамъ ихъ владѣнія. Онъ отправился самъ въ Гистровъ, гдѣ происходила церемонія, чтобы своимъ присутствіемъ возвысить блескъ этого событія. Оба герцога, съ своимъ избавителемъ по срединѣ и окруженные блестящею свитою князей, имѣли торжественный въѣздъ, изъ котораго радость подданныхъ сдѣлала трогательный праздникъ. Вскорѣ, по возвращеніи его въ Вербенъ, прибылъ въ лагерь ландграфъ Гессенъ-Кассельскій для заключенія съ нимъ наступательнаго и оборонительнаго союза: первый владѣтельный князь въ Германіи, возставшій *добровольно* и открыто противъ императора, на что имѣлъ побудительныя причины. Ландграфъ *Вильгельмъ* обязался почитать непріятелей короля своими собственными, отдать въ его распоряженіе свои города и всю область и доставлять провіантъ и все необходимое. Въ замѣнъ этого король объявилъ себя его другомъ и защитникомъ, и обязался не заключать мира съ императоромъ, не доставивъ ландграфу полнаго удовлетворенія. Обѣ стороны сдержали свое слово. Гессенъ-Кассель во все продолженіе этой войны остался вѣренъ шведскому союзу до конца, и имѣлъ причину хвалиться дружбою Швеціи при заключеніи вестфальскаго мира.

Тилли, который скоро провѣдалъ объ этомъ рѣшительномъ шагѣ ландграфа, послалъ противъ него графа *Фюгера* съ нѣсколькими полками; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пытался возмутить прокламаціями гессен-

скихъ подданныхъ противъ ихъ государя. Его прокламаціи такъ же мало помогли въ этомъ дѣлѣ, какъ и полки, въ которыхъ онъ такъ нуждался впослѣдствіи, во время брейтенфельдскаго сраженія. Гессенскимъ земскимъ чинамъ нечего было колебаться предпочесть защитника грабителю своей собственности.

Но гораздо болѣе Гессенъ-Касселя тревожили императорскаго полководца подозрительныя намѣренія курфирста Саксонскаго, продолжавшаго вооружаться и поддерживать лейпцигскій союзъ, несмотря на запрещеніе императора. Теперь, вблизи короля Шведскаго и въ ожиданіи рѣшительнаго сраженія, ему казалось весьма опаснымъ оставить курфирста вооруженнымъ и готовымъ каждую минуту перейти на сторону непріятеля. *Тилли* только-что получилъ подкрѣпленіе въ двадцать-пять тысячъ человѣкъ старыхъ солдатъ, приведенныхъ *Фюрстенбергомъ*, и, полный увѣренности въ своей силѣ, думалъ или обезоружить курфирста однимъ появленіемъ, или побѣдить его безъ большаго труда. Но прежде чѣмъ оставить свой лагерь при Вольмирштетѣ, онъ потребовалъ чрезъ своихъ пословъ открыть свои области императорскимъ войскамъ, распустить свои собственныя, или соединить ихъ съ императорскою арміею и вмѣстѣ съ нею выгнать короля Шведскаго изъ Германіи. Онъ напомнилъ ему, что Саксонское курфиршество щадилось до-сихъ-поръ болѣе другихъ германскихъ земель, и грозилъ ему, въ противномъ случаѣ, ужаснѣйшимъ опустошеніемъ.

Тилли выбралъ для своего повелительнаго предложенія самое неблагопріятное время. Угнетеніе его единовѣрцевъ и союзниковъ, разореніе Магдебурга, буйства императорскихъ войскъ въ Лузаціи — все соединилось,

чтобы вооружить курфирста противъ императора. Близость *Густава Адольфа* — какъ ни мало имѣлъ онъ права на защиту этого государя — поддерживала его мужество. Онъ не согласился на квартированіе императорскихъ войскъ и объявилъ свое твердое намѣреніе остаться вооруженнымъ. «Меня крайне удивляетъ (прибавилъ онъ) приближеніе императорской арміи къ моимъ владѣніямъ, тогда-какъ у ней и безъ того много дѣла съ преслѣдованіемъ Шведскаго короля; во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобы вмѣсто обѣщанныхъ и заслуженныхъ наградъ, мнѣ заплатили неблагодарностью и опустошеніемъ земель». Отпуская пословъ *Тилли*, угощенныхъ на славу, онъ напутствовалъ ихъ слѣдующими словами: «Господа, я вижу хорошо, что хотятъ подать на столъ *саксонскій десертъ*, который такъ долго берегли. Но къ нему подаютъ обыкновенно разнаго рода орѣхи, которые трудно грызть; берегитесь, чтобы не попортить зубовъ».

Тогда *Тилли* выступилъ изъ своего лагеря и двинулся къ Галле, производя страшныя опустошенія; отсюда онъ повторилъ свое предложеніе курфирсту въ выраженіяхъ еще болѣе сильныхъ и грозныхъ. Если вспомнить прежній образъ мыслей этого государя, его привязанность къ пользамъ австрійскаго дома, какъ по собственной склонности, такъ и по наущеніямъ подкупленныхъ его министровъ, даже во вредъ священнѣйшимъ обязанностямъ, его бездѣйствіе, поддерживаемое весьма несложными средствами, то нельзя не удивляться ослѣпленію императора, или его министровъ, которые въ самую критическую минуту отступили отъ своей политики и насильственными поступками довели этого сговорчиваго князя до крайности. Или въ этомъ-то и заключалась

цѣль *Тилли?* Хотѣлось ли ему сомнительнаго друга превратить въ явнаго врага, чтобы не щадить болѣе областей этого государя, къ чему его понуждали до-сихъ-поръ тайныя приказанія императора? Или, можетъ быть, это была цѣль императора — подвинуть курфирста къ непріязненному поступку, чтобы тѣмъ расквитаться со всѣми обязательствами и имѣть благовидный предлогъ разорвать тягостную связь? Во всякомъ случаѣ нельзя не удивляться дерзости *Тилли*, который не задумался въ виду грознаго непріятеля вооружить противъ себя новаго, и безпечности этого генерала, допустившаго соединеніе обоихъ безъ всякаго сопротивленія.

Іоаннъ Георгъ, доведенный до отчаянія вступленіемъ *Тилли* въ его области, обратился, не безъ сильнаго колебанья, къ королю Шведскому.

Тотчасъ по отосланіи перваго посольства *Тилли*, онъ немедленно отправилъ своего фельдмаршала *Арнгейма* въ лагерь къ *Густаву Адольфу*, для испрошенія скорой помощи у этого, такъ долго пренебрегаемаго, монарха. Король скрылъ удовольствіе, доставленное ему этою, такъ сильно желаемою, развязкою. «Мнѣ жаль курфирста» отвѣчалъ онъ послу съ притворнымъ равнодушіемъ. «Если бы онъ внялъ моимъ неоднократно-повторяемымъ представленіямъ, то его земля не видала бы непріятеля, да и Магдебургъ стоялъ бы до сихъ поръ. Теперь, когда крайность не представляетъ другаго выхода, теперь обращаются къ королю Шведскому! Передайте ему, что я нимало не намѣренъ для курфирста Саксонскаго подвергать гибели себя и своихъ союзниковъ. И кто поручится мнѣ за вѣрность государя, министры котораго состоятъ на жалованьѣ у Австріи, и который меня оставитъ, какъ скоро императоръ ему

польститъ и отзоветъ свою армію отъ саксонскихъ границъ? *Тилли* увеличилъ свою армію сильными подкрѣпленіями, но это не помѣшаетъ мнѣ идти смѣло ему на встрѣчу, какъ скоро мой тылъ будетъ обезпеченъ».

Саксонскій министръ не зналъ что отвѣчать на всѣ эти упреки и только просилъ предать прошедшее забвенію. Онъ убѣждалъ короля объявить условія, на какихъ онъ согласенъ помочь Саксоніи, и ручался ему напередъ въ ихъ принятіи. «Я требую» отвѣчалъ *Густавъ*, «чтобы курфирстъ уступилъ мнѣ крѣпость Виттенбергъ, отдалъ въ залогъ старшаго своего сына, заплатилъ войскамъ моимъ трехмѣсячное жалованье и выдалъ мнѣ предателей-министровъ. На этихъ условіяхъ я готовъ ему помочь».

«Не только Виттенбергъ» воскликнулъ курфирстъ, когда ему передали этотъ отвѣтъ, и прогоняя своего министра обратно въ шведскій лагерь: «не только Виттенбергъ, но и Торгау и всю Саксонію открываю ему, все семейство отдаю ему въ залогъ, и если этого мало, то отдамъ самаго себя. Поспѣшите назадъ и скажите, что я готовъ выдать ему измѣнниковъ, которыхъ онъ мнѣ назоветъ, выплатить арміи его требуемое жалованье и пожертвовать жизнью и имуществомъ для блага общаго».

Король хотѣлъ только испытать новый образъ мыслей *Іоанна Георга;* тронутый его искренностью, онъ отказался отъ суровыхъ своихъ требованій. «Недовѣрчивость» сказалъ онъ, «оказанная мнѣ въ то время, когда я хотѣлъ идти на помощь Магдебургу, возбудила и мою недовѣрчивость; настоящее довѣріе курфирста заслуживаетъ того же и съ моей стороны. Я довольствуюсь выдачею мѣсячнаго жалованья моей арміи,

да и за эту выдачу надѣюсь еще отплатить курфирсту».

Тотчасъ по заключеніи союза, король переправился черезъ Эльбу и уже на слѣдующій день соединился съ саксонцами. Вмѣсто того, чтобы воспрепятствовать этому соединенію, *Тилли* двинулся къ Лейпцигу и потребовалъ, чтобы городъ принялъ императорскій гарнизонъ. Въ надеждѣ на скорую помощь, комендантъ *Гансъ фонъ-деръ-Пфорта* приготовился къ защитѣ и на этотъ конецъ сжегъ галльское предмѣстье. Но дурное состояніе укрѣпленій дѣлало сопротивленіе напраснымъ, и уже на другой день ворота отворились. *Тилли* остановился у могильщика — единственномъ уцѣлѣвшемъ домѣ изъ всего галльскаго предмѣстья; здѣсь подписалъ онъ капитуляцію и здѣсь же было рѣшено нападеніе на короля Шведскаго. При взглядѣ на изображенія череповъ и костей, которыми хозяинъ расписалъ свои комнаты, *Тилли* измѣнился въ лицѣ. Сверхъ всякаго ожиданія съ Лейпцигомъ было поступлено милостиво.

Между тѣмъ король Шведскій и курфирстъ Саксонскій, въ присутствіи курфирста Бранденбургскаго, имѣли въ Торгау большой военный совѣтъ. Здѣсь слѣдовало принять рѣшеніе, отъ котораго зависѣла судьба Германіи и евангелической вѣры, счастье многихъ народовъ и жребій ихъ государей. Трепетъ ожиданія, стѣсняющій грудь самаго храбраго предъ каждымъ великимъ рѣшеніемъ, казалось, омрачилъ на мгновенье душу *Густава Адольфа*. «Если мы рѣшимся на сраженіе» сказалъ онъ, «то поставимъ на карту не болѣе не менѣе, какъ *одну корону* и *двѣ курфиршескихъ шапки*. Счастье измѣнчиво, и непостижимый приговоръ неба можетъ за наши грѣхи даровать побѣду непріятелю. *Мое* государ-

ство, потеряй оно армію и меня самого, все еще имѣетъ подпору. Будучи отдалено, охраняемо сильнымъ флотомъ, ограждено на границахъ и защищаемо воинственнымъ народомъ, оно обезпечено отъ крайностей. Но гдѣ укроетесь вы отъ преслѣдованій непріятеля, если мы проиграемъ сраженіе?»

Густавъ Адольфъ высказывалъ скромную недовѣрчивость героя, который, сознавая свои силы, тѣмъ не менѣе видитъ всю великость опасности; *Юанна Георгъ* выказывалъ увѣренность слабаго, опирающагося на героя. Полный нетерпѣнья освободить свои земли отъ двухъ тягостныхъ армій, онъ жаждалъ сраженія, въ которомъ не могъ потерять прежнихъ лавровъ. Онъ хотѣлъ одинъ съ своими саксонцами двинуться къ Лейпцигу и сразиться съ *Тилли.* Наконецъ и *Густавъ Адольфъ* согласился съ его мнѣніемъ, и положено было не теряя времени напасть на непріятеля, пока онъ не присоединилъ къ себѣ подкрѣпленій, слѣдовавшихъ къ нему подъ начальствомъ генераловъ *Альтрингера* и *Тифенбаха.* Соединенная шведско-саксонская армія переправилась черезъ Мульду; курфирстъ Бранденбургскій возвратился въ свои владѣнія.

Рано утромъ 7-го сентября 1631 года непріятельскія арміи сошлись лицомъ къ лицу. Упустивъ случай разбить саксонскую армію до соединенія съ шведами, *Тилли* рѣшился дожидаться шедшихъ къ нему вспомогательныхъ войскъ и занялъ выгодную позицію недалеко отъ Лейпцига, гдѣ надѣялся избѣжать сраженія. Но усиленныя просьбы *Паппенгейма* заставили его, наконецъ, перемѣнить позицію по выступленіи непріятельскихъ армій и потянуться влѣво къ высотамъ, идущимъ отъ деревни Варенъ до Линденталя. У подошвы этихъ

высотъ расположилась его армія, вытянутая въ одну линію; его артиллерія, помѣщенная на высотахъ, могла обстрѣливать всю обширную брейтенфельдскую долину. Оттуда приближалась, въ двухъ колоннахъ, шведско-саксонская армія, которой надо было переправиться черезъ Лоберъ у деревни Подельвицъ, лежащей предъ самымъ фронтомъ арміи *Тилли*. Чтобы затруднить переправу непріятеля черезъ эту рѣчку, отряженъ былъ *Паппенгеймъ* съ двумя тысячами кирасиръ, на что *Тилли* согласился только послѣ долгаго сопротивленія и положительно приказывая не начинать сраженія. Не смотря на это запрещеніе, *Паппенгеймъ* завязалъ дѣло съ шведскимъ авангардомъ, но послѣ небольшаго сопротивленія принужденъ былъ отступить. Чтобы остановить непріятеля, онъ зажегъ Подельвицъ, но не могъ воспрепятствовать обѣимъ арміямъ идти впередъ и построиться въ боевой порядокъ.

На правой сторонѣ стали шведы, построенные въ двѣ линіи, въ серединѣ пѣхота, раздѣленная на небольшіе батальоны, способные къ самымъ легкимъ движеніямъ и быстрымъ перемѣнамъ фронта, безъ нарушенія порядка; по флангамъ—конница, раздѣленная на такіе же небольшіе эскадроны и перемѣшанная съ нѣсколькими отрядами мушкетеровъ, которые должны были скрывать ея малочисленность и стрѣлять по непріятельскимъ всадникамъ. Центромъ командовалъ полковникъ *Тейфель*, лѣвымъ крыломъ — *Густавъ Горнъ*, правымъ, противъ графа *Паппенгейма*, самъ король.

Саксонцы стояли отдѣльно въ большомъ разстояніи отъ шведовъ: распоряженіе *Густава*, оправданное послѣдствіемъ. Планъ боеваго порядка былъ составленъ самимъ курфирстомъ при содѣйствіи фельдмаршала, и

король охотно его принялъ. Какъ кажется, онъ всячески старался отдѣлить шведскую храбрость отъ саксонской, и счастье ихъ не смѣшало.

Къ западу у подошвы холмовъ стоялъ непріятель, вытянутый въ одну необозримую линію, достаточно длинную, чтобы обойдти шведское войско; пѣхота, раздѣленная на большіе батальоны, конница—на такіе же огромные, неповоротливые эскадроны. Артиллерія стояла сзади на высотахъ, такъ что армія находилась подъ покровомъ собственныхъ ядеръ, которыя описывали дуги черезъ ихъ головы. Изъ этого расположенія орудій, если вѣрить извѣстію, должно заключить, что *Тилли* намѣревался скорѣй *выждать* непріятеля, чѣмъ *напасть* на него, такъ-какъ при подобномъ расположеніи артиллеріи онъ не могъ двигаться впередъ, не подвергаясь огню собственныхъ орудій. *Тилли* самъ командовалъ центромъ, *Паппенгеймъ* лѣвымъ, а графъ *Фюрстенбергъ* правымъ крыломъ. Соединенныя войска императора и лиги не превышали въ этотъ день тридцати-четырехъ или тридцати-пяти тысячъ человѣкъ; почти такъ же сильна была и соединенная армія шведовъ и саксонцевъ.

Но если бы сошлись и мильоны войскъ, они бы не могли сдѣлать этого дня ни болѣе важнымъ, ни болѣе кровопролитнымъ, ни болѣе рѣшительнымъ. Для *этого* дня *Густавъ* переплылъ Балтійское море, подвергался опасностямъ въ далекой землѣ, ввѣрялъ непостоянному счастью корону и жизнь. Два величайшіе полководца своего времени, оба до-сихъ-поръ непобѣдимые, должны были теперь показать въ битвѣ, такъ долго избѣгаемой, послѣдній опытъ своего искусства; одинъ изъ двухъ долженъ былъ оставить свою славу на полѣ сраженія. Обѣ половины Германіи со страхомъ и трепетомъ глядѣли

на приближеніе этого дня; современное поколѣніе съ ужасомъ ждетъ его исхода и позднее потомство будетъ его благословлять или оплакивать.

Рѣшительность, которая никогда не оставляла графа *Тилли*, покинула его въ этотъ день. Онъ не могъ рѣшиться ни вступить въ сраженіе съ королемъ, ни уклониться отъ него. Противъ воли увлекъ его *Паппенгеймъ*. Невѣдомыя до-сихъ-поръ сомнѣнія боролись въ его груди, мрачныя предчувствія хмурили его всегда ясное чело. *Геній* Магдебурга, казалось, носился надъ нимъ.

Двухчасовая канонада открыла сраженіе. Вѣтеръ былъ съ запада и гналъ на шведовъ съ недавно-вспаханныхъ и засохшихъ полей густыя облака пыли и дыму. Это обстоятельство заставило короля сдѣлать непримѣтный поворотъ къ сѣверу, и быстрота, съ которою былъ произведенъ этотъ маневръ, не далъ времени непріятелю ему воспрепятствовать.

Наконецъ *Тилли* оставилъ свои высоты и рѣшился первый напасть на шведовъ; но, отраженный сильнымъ огнемъ ихъ артиллеріи, онъ повернулъ вправо и напалъ на саксонцевъ съ такою стремительностью, что ихъ ряды разорвались и все войско пришло въ замѣшательство. Самъ курфирстъ опомнился только въ Эйленбургѣ; лишь немногіе полки еще держались нѣсколько времени на полѣ сраженія и мужественнымъ сопротивленіемъ спасали честь саксонцевъ. Едва они пришли въ замѣшательство, какъ кроаты бросились грабить и были отправлены гонцы въ Вѣну и Мюнхенъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ.

На правый флангъ шведовъ кинулся графъ *Паппенгеймъ* со всею конницею, но не могъ поколебать его. Здѣсь командовалъ самъ король, а подъ нимъ генералъ *Баннеръ*. *Паппенгеймъ* семь разъ возобновлялъ напа-

деніе и семь разъ былъ отбитъ. Онъ обратился въ бѣгство съ большимъ урономъ и оставилъ поле сраженія побѣдителю.

Между тѣмъ *Тилли*, разсѣявъ остатки саксонцевъ, ударилъ съ побѣдоноснымъ своимъ войскомъ на лѣвое крыло шведовъ. Какъ только обнаружился безпорядокъ въ саксонскомъ войскѣ, король немедленно отправилъ три полка на подкрѣпленіе этого крыла, обнаженнаго бѣгствомъ саксонцевъ. *Густавъ Горнъ*, командовавшій здѣсь, мужественно сопротивлялся непріятельскимъ кирасирамъ, къ чему не мало содѣйствовало размѣщеніе пѣхоты между эскадронами. Уже непріятель начиналъ ослабѣвать, когда явился *Густавъ Адольфъ* рѣшить битву. Лѣвое крыло императорскихъ войскъ было разбито и полки *Густава*, неимѣвшіе теперь предъ собой непріятеля, могли быть употреблены лучше въ другомъ мѣстѣ. Итакъ онъ поворотилъ свое правое крыло и главный корпусъ влѣво и напалъ на высоты, гдѣ была поставлена непріятельская артиллерія. Вскорѣ она была въ его рукахъ и непріятель подвергся огню собственныхъ орудій.

Поражаемые съ фланга огнемъ артиллеріи, а съ фронта сильно-тѣснимые шведами, никогда непобѣжденное войско разстроилось. Быстрое отступленіе — вотъ все, что оставалось *Тилли;* но и отступать приходилось сквозь непріятеля. Вся армія пришла въ замѣшательство, кромѣ четырехъ полковъ старыхъ, испытанныхъ солдатъ, которые никогда не бѣгали съ поля сраженія и теперь не хотѣли этого сдѣлать. Сомкнувшись, они пробились сквозь непріятельскую армію и, сражаясь, достигли небольшаго лѣса, гдѣ снова построили фронтъ противъ шведовъ и оборонялись до наступленія ночи, пока число ихъ умень-

шилось до шестисотъ человѣкъ. Съ ними бѣжали остатки войскъ *Тилли* — и сраженіе было рѣшено.

Посреди раненыхъ и убитыхъ *Густавъ Адольфъ* повергся на землю, и первый восторгъ побѣдителя излился въ пламенной молитвѣ. Онъ велѣлъ своей конницѣ преслѣдовать бѣгущаго непріятеля до глубокой ночи. Звонъ колоколовъ поднялъ поселянъ окрестныхъ селеній — и горе несчастному, попавшемуся въ руки разъяреннымъ крестьянамъ! Съ остальнымъ войскомъ король сталъ лагеремъ между полемъ сраженія и Лейпцигомъ, такъ какъ не было никакой возможности напасть на городъ въ ту же ночь. Непріятель потерялъ семь тысячъ убитыми и слишкомъ пять тысячъ ранеными и плѣнными. Вся ихъ артиллерія, весь ихъ лагерь были отбиты, болѣе ста знаменъ и штандартовъ достались побѣдителямъ. Саксонцы потеряли до двухъ тысячъ, шведы — не болѣе семи сотъ человѣкъ. Пораженіе императорскихъ войскъ было такъ рѣшительно, что *Тилли*, во время своего бѣгства на Галле и Гальберштатъ, могъ собрать не болѣе шестисотъ, а *Паппенгеймъ* — тысячу четыреста человѣкъ. Такъ скоро разсѣялось грозное войско, которое еще недавно повергало въ ужасъ всю Италію и Германію!

Самъ *Тилли* обязанъ спасеньемъ только случаю. Хотя и ослабѣвшій отъ нѣсколькихъ ранъ, онъ не хотѣлъ, однако, сдаться настигшему его шведскому ротмистру, и тотъ уже собирался убить его, когда пистолетный выстрѣлъ еще во́ время повергъ шведа на землю. Но ужаснѣе смерти и ранъ было для него пережить свою славу и въ одинъ день потерять плоды трудовъ цѣлой жизни. Всѣ прежнія его побѣды обратились въ ничто, когда онъ проигралъ одну, долженствовавшую увѣнчать

всѣ остальныя. Ничего не осталось ему отъ блестящихъ военныхъ подвиговъ, кромѣ проклятій человѣчества, которыя ихъ сопровождали. Съ-этихъ-поръ *Тилли* не зналъ прежней веселости и счастье уже не возвращалось къ нему болѣе. Даже послѣдней отрады — мщенія лишилъ его императоръ, запретившій впередъ отваживаться на рѣшительное сраженіе. Преимущественно тремъ ошибкамъ приписываютъ несчастіе этого дня: что онъ поставилъ свою артиллерію на высотахъ позади арміи, что онъ послѣ отдалился отъ этихъ высотъ и что позволилъ непріятелю безпрепятственно построиться въ боевой порядокъ. Но эти ошибки могли бы быть скоро поправлены, безъ хладнокровной осмотрительности, безъ превозмогавшаго генія его противника. *Тилли* немедленно отправился изъ Галле въ Гальберштатъ, гдѣ дождался облегченія отъ ранъ, и поспѣшилъ къ Везеру, чтобы подкрѣпить себя императорскими гарнизонами Нижней Саксоніи.

Едва опасность миновалась, курфирстъ Саксонскій не замедлилъ явиться въ лагерь короля. Король поблагодарилъ его за совѣтъ къ сраженію, и *Іоаннъ Георгъ*, обрадованный благосклоннымъ пріемомъ, обѣщалъ ему, въ припадкѣ восхищенія, римскую королевскую корону. На другой день *Густавъ* двинулся къ Мерзебургу, предоставя курфирсту взять Лейпцигъ. Пять тысячъ императорскихъ войскъ, которыя собрались снова и попались ему на дорогѣ, были частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ; многія изъ послѣднихъ вступили къ нему въ службу. Мерзебургъ тотчасъ сдался; вскорѣ послѣ того былъ взятъ и Галле, куда, по взятіи Лейпцига, прибылъ курфирстъ Саксонскій къ королю на совѣтъ касательно будущаго операціоннаго плана.

Побѣда была одержана; но только благоразумно воспользовавшись ею, можно было упрочить ея значеніе. Императорская армія была уничтожена, Саксонія очищена отъ непріятеля и бѣгущій *Тилли* потянулся къ Брауншвейгу. Гнаться за нимъ туда — значило бы возобновить войну въ Нижней Саксоніи, которая едва оправилась отъ бѣдствій прежнихъ войнъ. Итакъ было рѣшено перенесть войну въ непріятельскія земли, которыя безпрепятствено открывали дорогу побѣдителю въ самую Вѣну. Съ правой стороны можно было вторгнуться въ земли католическихъ князей, съ лѣвой — въ наслѣдственныя императорскія владѣнія и заставить трепетать императора въ собственной его столицѣ. Было избрано и то и другое, и теперь рождался вопросъ: какъ раздѣлить роли. *Густавъ Адольфъ*, въ главѣ своей побѣдоносной арміи, не встрѣтилъ бы отъ Лейпцига до Праги, Вѣны и Пресбурга большаго сопротивленія. Чехія, Моравія, Австрія и Венгрія были беззащитны, угнетенные протестанты этихъ земель съ нетерпѣніемъ ждали перемѣны; самъ императоръ не былъ безопасенъ въ своемъ дворцѣ; при первомъ нападеніи Вѣна въ ужасѣ отворила бы ворота. Вмѣстѣ съ областями, отторгнутыми у непріятеля, изсякли бы и источники къ продолженію войны, и *Фердинандъ* охотно согласился бы на миръ, удалявшій врага изъ сердца его владѣній. Завоевателю понравился бы такой отважный планъ кампаніи и, можетъ быть, счастливый исходъ оправдалъ бы его. Но *Густавъ Адольфъ*, столько же осторожный, какъ и отважный, и болѣе политикъ, чѣмъ завоеватель, отвергнулъ его, имѣя въ виду болѣе высокую цѣль и не желая одному счастью и храбрости ввѣрить судьбу войны.

Избравъ дорогу въ Чехію, *Густавъ* долженъ былъ

предоставить Франконію и верхній Рейнъ курфирсту Саксонскому. Но *Тилли* уже начиналъ собирать новое войско изъ остатковъ своей разбитой арміи, гарнизоновъ Нижней Саксоніи и получаемыхъ подкрѣпленій, и вѣрно не преминулъ бы отыскать съ нимъ непріятеля. Такому опытному генералу нельзя было противопоставить *Арнгейма*, о способностяхъ котораго лейпцигское сраженіе представило весьма двусмысленное свидѣтельство. Къ чему бы послужили королю самые быстрые и блистательные успѣхи въ Чехіи и Австріи, если бы *Тилли* усилился снова въ императорскихъ областяхъ, если бы онъ ободрилъ католиковъ новыми побѣдами и обезоружилъ союзниковъ короля? Къ чему бы послужило изгнаніе императора изъ его наслѣдственныхъ земель, если бы *Тилли* для того же самаго императора завоевалъ Германію? Могъ ли онъ надѣяться стѣснить императора болѣе, чѣмъ это сдѣлалъ чешскій мятежъ, бывшій за двѣнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, который ни сколько не поколебалъ твердости этого государя, не истощилъ его средствъ и послѣ котораго онъ явился грознѣе прежняго?

Не такъ блестящи, но гораздо прочнѣе были выгоды, которыхъ онъ ожидалъ отъ личнаго вторженія въ земли лиги. Здѣсь его вооруженное прибытіе имѣло бы рѣшительныя послѣдствія. Князья только что собрались, ради эдикта о возвращеніи духовныхъ имуществъ, на имперскій сеймъ во Франкфуртѣ, гдѣ *Фердинандъ* привелъ въ движеніе всѣ пружины своей коварной политики, чтобы склонить устрашенныхъ протестантовъ къ скорому и пагубному договору. Только приближеніе защитника могло ободрить ихъ къ твердому сопротивленію и уничтожить замыслы императора. *Густавъ*

Адольфъ могъ надѣяться соединить своимъ побѣдоноснымъ присутствіемъ всѣхъ этихъ негодующихъ князей и отдѣлить отъ императора остальныхъ ужасомъ своего оружія. Здѣсь, въ самомъ сердцѣ Германіи, перерѣзывалъ онъ нервъ императорскаго могущества, которое не могло существовать безъ помощи лиги. Здѣсь могъ онъ наблюдать за Франціею, своею подозрительной союзницей; и если ему, для достиженія сокровеннаго желанія, нужна была дружба католическихъ курфирстовъ, то прежде всего онъ долженъ былъ сдѣлаться владыкою ихъ судьбы и великодушною пощадою пріобрѣсть право на ихъ благодарность.

Итакъ, онъ избралъ для себя путь во Франконію и на Рейнъ, а курфирсту Саксонскому предоставилъ завоеваніе Чехіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Знаменитое сраженіе *Густава Адольфа* подъ Лейпцигомъ произвело большую перемѣну какъ въ послѣдующемъ образѣ дѣйствій этого монарха, такъ и въ образѣ мыслей его друзей и враговъ. Онъ помѣрился съ величайшимъ полководцемъ своего времени, испыталъ силу своей тактики и мужество своихъ шведовъ надъ цвѣтомъ императорскихъ войскъ, лучшихъ въ Европѣ, испыталъ — и остался побѣдителемъ въ этой борьбѣ. Съ этой минуты онъ твердо увѣровалъ въ самого себя, а увѣренность — есть мать великихъ дѣлъ. Съ этихъ поръ во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ короля Шведскаго замѣтно больше отважности и твердости, болѣе рѣшительности даже въ трудныхъ обстоятельствахъ, болѣе гордости въ сношеніи съ врагами, болѣе сознанія собственнаго достоинства въ отношеніи къ союзникамъ и въ самой кротости скорѣе снисхожденіе повелителя. Врожденное мужество оживлялось въ немъ набожностью;

онъ охотно смѣшивалъ *свое* дѣло съ дѣломъ неба, видѣлъ въ пораженіи *Тилли* рѣшительный приговоръ свыше, произнесенный надъ его противниками, а въ себѣ — орудіе небеснаго мщенія. Далеко отъ своего государства и отечественныхъ береговъ, онъ вторгался на крыльяхъ побѣды въ самое сердцѣ Германіи, невидавшей многія столѣтія чужестраннаго завоевателя въ своихъ предѣлахъ. Воинственный духъ ея обитателей, бдительность ея многочисленныхъ князей, искусственныя связи между ея государствами, множество укрѣпленныхъ замковъ, теченіе многочисленныхъ ея рѣкъ — все это, съ незапамятныхъ лѣтъ, обуздывало жадность ея сосѣдей; и хотя часто терпѣли границы этого обширнаго государственнаго тѣла, но внутреннія его области оставались неприкосновенными. Имперія эта издавно пользовалась незавиднымъ правомъ быть только собственнымъ врагомъ и оставаться непобѣдимою извнѣ. Да и теперь одни несогласія ея членовъ и религіозная нетерпимость проложили путь шведскому завоевателю въ самое сердцѣ ея владѣній. Уже давно разорвалась связь между чинами — единственный оплотъ имперіи, и *Густавъ Адольфъ* у самой Германіи заимствовалъ силы для покоренія Германіи. Съ благоразуміемъ и мужествомъ пользовался онъ благосклонностью минуты, и столько же искусный въ кабинетѣ, какъ и въ полѣ, разрывалъ сѣти коварной политики и сокрушалъ стѣны городовъ громомъ своего оружія. Неудержимо несъ онъ свои побѣды отъ одной границы Германіи до другой, не теряя аріадниной нити, по которой всегда могъ бы возвратиться, и на берегахъ Рейна, какъ и при устьи Леха, не переставалъ быть близокъ къ наслѣдственнымъ своимъ владѣніямъ.

Едва ли смущеніе императора и католической лиги, при извѣстіи о пораженіи *Тилли* подъ Лейпцигомъ, было сильнѣе изумленія и замѣшательства шведскихъ союзниковъ отъ такого неожиданнаго счастія короля. Оно превышало ихъ разсчеты и желанья. Разомъ исчезло страшное войско — преграда его успѣхамъ и честолюбію, ставившая его въ зависимость отъ ихъ доброй воли. Безъ соперника, безъ достойнаго противника, стоялъ онъ одинъ по среди Германіи; ничто не могло остановить его стремленія, ограничить его притязаній, если бы упоеніе счастья подвинуло его къ злоупотребленію. Если прежде трепетали предъ могуществомъ императора, то теперь имѣли не менѣе причинъ опасаться всего отъ честолюбія чужеземнаго завоевателя въ отношеніи къ учрежденіямъ имперіи, всего для католической церкви въ Германіи отъ религіознаго усердія протестантскаго короля. Недовѣрчивость и зависть нѣкоторыхъ союзныхъ государствъ, усыпленныя на время еще бо́льшею боязнью императора, вскорѣ пробудились снова и едва *Густавъ Адольфъ* успѣлъ оправдать ихъ довѣріе своимъ мужествомъ и счастьемъ, какъ уже стали противодѣйствовать его замысламъ. Среди борьбы съ коварствомъ враговъ и недовѣрчивостью союзниковъ онъ долженъ былъ одерживать свои побѣды; но его непреклонное мужество, его дальновидное благоразуміе устраняли всѣ препятствія. Въ то время, когда счастье его оружія пугало сильнѣйшихъ его союзниковъ, Францію и Саксонію, оно ободряло слабѣйшихъ, которые только теперь рѣшились обнаружить настоящія свои намѣренія и явно принять его сторону. Они не могли ни спорить въ величіи съ *Густавомъ Адольфомъ*, ни пострадать отъ его честолюбія, и потому ожидали всего отъ вели-

ходушія сильнаго друга, который обогащалъ ихъ добычею враговъ и защищалъ отъ притѣсненія сильныхъ. Его сила прикрывала ихъ слабость, и, малозначущіе сами-по-себѣ, они пріобрѣтали значеніе отъ союза съ шведскимъ героемъ. Таково было положеніе большей части имперскихъ городовъ и вообще слабѣйшихъ протестантскихъ чиновъ. Они-то привели короля въ сердце Германіи, прикрывали его тылъ, продовольствовали его армію, принимали его войско въ свои крѣпости и проливали кровь въ его битвахъ. Его благоразумная снисходительность къ нѣмецкой гордости, ласковое обращеніе, нѣкоторые блестящіе примѣры справедливости, уваженіе къ законамъ — все это оковывало недовѣрчивость нѣмецкихъ протестантовъ, а вопіющія варварства императорскихъ, испанскихъ и лотарингскихъ войскъ выставляли въ выгодномъ свѣтѣ умѣренность *Густава* и его арміи.

Если *Густавъ Адольфъ* всего болѣе былъ обязанъ собственному генію, то надо признаться, что счастье и обстоятельства не мало ему благопріятствовали. Онъ имѣлъ на своей сторонѣ двѣ большія выгоды, которыя давали ему рѣшительный перевѣсъ надъ непріятелемъ. Перенося театръ войны въ земли лиги, привлекая къ себѣ тамошнюю молодёжь, обогащаясь добычею и распоряжаясь доходами удалившихся князей, какъ своими собственными, онъ отымалъ у непріятеля всѣ средства къ упорному сопротивленію, а самому себѣ доставлялъ возможность продолжать дорого-стоющую войну съ малыми средствами. Далѣе, если его противники, князья лиги, несогласные между собою и руководимые совершенно различными, часто противоположными выгодами, дѣйствовали безъ единодушія, а потому и безъ успѣха,

если ихъ полководцы не имѣли власти, ихъ войска не были послушны, ихъ разъединеннымъ арміямъ недоставало связи, если ихъ главнокомандующій отдѣлялся отъ законодателя и государственнаго человѣка, то все это соединялось въ *Густавѣ Адольфѣ*. *Онъ* былъ единственнымъ источникомъ всей власти, единственной цѣлью, къ которой стремились взоры воина; *онъ* одинъ былъ душою своей партіи, творцомъ военнаго плана и вмѣстѣ его исполнителемъ. Итакъ, въ немъ дѣло протестантовъ получало единодушіе и согласіе, которыхъ не имѣла противная партія. Не удивительно, что при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ главѣ такой арміи, одаренный такимъ геніемъ и руководимый такимъ политическимъ благоразуміемъ, *Густавъ Адольфъ* былъ непобѣдимъ.

Съ мечомъ въ одной рукѣ и милосердіемъ въ другой, проходитъ онъ Германію изъ края въ край, какъ завоеватель, законодатель и судья, почти въ такое же короткое время, какое понадобилось бы другому для ея обозрѣнія во время путешествія. Какъ законному государю, выносятъ ему ключи отъ городовъ и крѣпостей. Нѣтъ для него неприступныхъ укрѣпленій, нѣтъ рѣкъ, способныхъ остановить его побѣдоносное шествіе; часто побѣждаетъ онъ однимъ страшнымъ своимъ именемъ. По всему теченію Майны развиваются шведскія знамена, Нижній Палатинатъ свободенъ, испанцы и лотарингцы отброшены за Рейнъ и Мозель. Шведы и гессенцы, подобно бурному потоку, наводняютъ майнцскія, вюрцбургскія и бамбергскія земли, и три бѣглеца-епископа оплакиваютъ, вдали отъ своихъ владѣній, несчастную свою привязанность къ императору. Наконецъ, доходитъ очередь и до предводителя лиги, *Максимиліана*,

испытать въ собственной землѣ тѣ бѣдстія, которыя онъ готовилъ другимъ. Ни горькая участь союзниковъ, ни предложенія *Густава*, всегда готоваго къ миру среди завоеваній, не могли преодолѣть упорства этого государя. Черезъ трупъ *Тилли*, подобно генію-хранителю, заслонявшему Баварію, война переходитъ въ ея земли. Какъ прежде берега Рейна, такъ теперь берега Леха и Дуная кипятъ шведскимъ войскомъ; спрятавшись въ своихъ крѣпкихъ зáмкахъ, разбитый курфирстъ оставляетъ свои беззащитныя области непріятелю, благословенныя поля которыхъ, еще ни разу не опустошенныя войною, побуждаютъ къ грабежу, а изувѣрство баварскаго крестьянина — къ насилію. Самъ Мюнхенъ отворяетъ свои ворота предъ непобѣдимымъ королемъ, и несчастный *Фридрихъ Пятый* утѣшается на нѣсколько мгновеній въ потерѣ своихъ земель требованіемъ въ покинутой столицѣ своего соперника.

Въ то время, когда *Густафъ Адольфъ* распространяетъ свои завоеванія на южныхъ границахъ имперіи и съ ничѣмъ неодолимой силой низлагаетъ одного непріятеля за другимъ, его союзники и генералы одерживаютъ такія же побѣды въ другихъ областяхъ. Нижняя Саксонія свергаетъ императорское иго; непріятель оставляетъ Мекленбургъ; австрійскіе гарнизоны вездѣ отступаютъ съ береговъ Везера и Эльбы; ландграфъ *Вильгельмъ Гессенскій* приводитъ въ ужасъ Вестфалію и Верхній Рейнъ, герцогъ Веймарскій — Тюрингію, французы — курфиршество Тріентское; къ востоку, почти все королевство Чехія покоряется саксонцамъ. Уже турки вооружаются для нападенія на Венгрію и въ сердцѣ австрійскихъ земель готовъ вспыхнуть грозный мятежъ. Безотрадно императоръ *Фердинандъ* окидываетъ взгля-

домъ всѣ дворы Европы, въ надеждѣ найдти помощь противъ такого множества враговъ. Напрасно взываетъ онъ къ испанскому оружію, занятому по ту сторону Рейна храбростью нидерландцевъ; напрасно силится онъ поднять римскій дворъ и всю католическую церковь на свою защиту: оскорбленный папа насмѣхается — великолѣпными процесіями и пустыми проклятіями — надъ несчастьемъ *Фердинанда*, и вмѣсто требуемыхъ денегъ, указываетъ ему на опустошенныя мантуанскія равнины.

Непріятель окружаетъ императора со всѣхъ концовъ его обширной монархіи; съ прилегающими къ ней областями лиги, занятыми непріятелемъ, рушатся всѣ преграды, за которыми Австрія такъ долго считала себя безопасной, и пламя войны уже пылаетъ на беззащитныхъ границахъ. Преданнѣйшіе его союзники обезоружены; *Максимиліанъ Баварскій* — сильнѣйшая его подпора, едва въ состояніи защитить самого себя. Его арміи, уменьшившіяся отъ побѣговъ и частыхъ пораженій и потерявшія мужество отъ продолжительныхъ неудачъ, забыли, подъ начальствомъ побѣжденныхъ генераловъ, ту военную увѣренность, которая, какъ плодъ побѣды, напередъ обезпечиваетъ побѣду. Опасность самая крайняя; только чрезвычайное средство можетъ спасти могущество императора отъ глубокаго униженія. Всего необходимѣе — полководецъ, но единственный человѣкъ, кто бы могъ еще возстановить прежнюю славу, происками зависти лишенъ начальства надъ арміями. Грозный императоръ упалъ такъ глубоко, что принужденъ заключить постыдный договоръ съ своимъ оскорбленнымъ слугою и подданнымъ, и позорно отнятую власть у высокомѣрнаго *Фридланда* навязать ему еще позор-

нѣйшимъ образомъ. Съ этихъ поръ новый духъ начинаетъ одушевлять полумертвое тѣло австрійскаго государства и быстрый оборотъ дѣлъ обнаруживаетъ сильную руку, ими управляющую. Неограниченному королю Шведскому противостаетъ такой же неограниченный полководецъ, непобѣдимому герою такой же непобѣдимый герой. Обѣ силы снова вступаютъ въ сомнительную борьбу, и судьба войны, уже на половину рѣшенная *Густавомъ Адольфомъ*, подвергается новой и болѣе тяжкой борьбѣ. Предъ *Нюренбергомъ* останавливаются двѣ громовыя тучи, обѣ враждебныя арміи, грозящія другъ другу; обѣ смотрятъ другъ на друга съ боязливымъ уваженіемъ, обѣ жаждутъ мгновенья, обѣ робѣютъ предъ мгновеньемъ, которое смѣшаетъ ихъ въ битвѣ. Взоры Европы со страхомъ и любопытствомъ обращаются къ театру войны, и устрашенный Нюренбергъ уже ждетъ дать названіе сраженію еще болѣе рѣшительному, нежели подъ Лейпцигомъ. Но вотъ тучи расходятся и военная гроза уносится изъ Франконіи, чтобы тѣмъ ужаснѣе разразиться на равнинахъ Саксоніи. Громъ, угрожавшій Нюренбергу, ударяетъ неподалеку отъ Лютцена, и сраженіе, уже на половину проигранное, выигрывается трупомъ короля. Счастье, непокидавшее короля въ теченіе всей его жизни, оказало ему и въ самой смерти рѣдкое благодѣяніе, давъ умереть въ полнотѣ славы и *непорочности* своего имени. Раннею смертью спасъ его геній хранитель отъ неизбѣжной судьбы человѣчества — забыть на высотѣ счастья скромность, въ избыткѣ силы — справедливость. Сомнительно, заслужилъ ли бы онъ при болѣе продолжительной жизни тѣ слезы, которыя пролила Германія на его могилу, заслужилъ ли бы то удивленіе, которымъ почтило потомство

перваго и единственнаго *справедливаго* завоевателя. Въ преждевременной смерти великаго вождя видятъ гибель цѣлой партіи; но для Провидѣнія нѣтъ незамѣнимаго человѣка. Два великіе *государственные мужа*, *Аксель Оксенштирна* въ Германіи и во Франціи *Ришльё*, принимаютъ кормило войны, опущенное умирающимъ героемъ; безчувственная судьба не останавливается на немъ и еще цѣлыя шестнадцать лѣтъ пламя войны свирѣпствуетъ надъ прахомъ давно-забытаго.

Теперь позвольте мнѣ прослѣдить въ краткомъ обзорѣ побѣдоносное шествіе *Густава Адольфа* и окинуть быстрымъ взглядомъ весь театръ войны, на которомъ *онъ* одинъ былъ дѣйствующимъ героемъ, и уже тогда возвратиться къ прерванной исторіи императора, когда Австрія, доведенная до крайности успѣхами шведовъ и униженная безпрерывными несчастьями, съ высоты своей гордыни нисходитъ къ средствамъ позорнымъ и отчаяннымъ.

Едва былъ условленъ въ Галле военный планъ между королемъ Шведскимъ и курфирстомъ Саксонскимъ, и послѣднему назначено было напасть на Чехію, а *Густаву Адольфу* вторгнуться въ земли лиги, едва были заключены союзы съ сосѣдними герцогами Веймарскимъ и Ангальтскимъ, и сдѣланы необходимыя приготовленія для обратнаго завоеванія Магдебургскаго епископства, какъ *Густавъ* уже выступилъ въ свой новый походъ. Онъ шелъ на врага, котораго еще не могъ презирать. Императоръ еще былъ силенъ въ имперіи; по всей Франконіи, Швабіи и Палатинату разсѣяны были императорскіе гарнизоны и каждое значительное мѣсто приходилось брать вооруженною рукою. На Рейнѣ ожидали его испанцы, которые наводняли всѣ земли изгнан-

наго курфирста Палатинскаго, занимали всѣ укрѣпленныя мѣста и оспоривали переправу черезъ эту рѣку. Въ тылу у него былъ *Тилли*, собиравшій новую армію; къ нему должны были въ скоромъ времени присоединиться лотарингскія вспомогательныя войска. Въ груди каждаго паписта встрѣчалъ онъ ожесточеннаго врага, ненавистника своей вѣры; между тѣмъ союзъ съ Франціею предоставлялъ ему только полусвободу въ отношеніи католиковъ. *Густавъ Адольфъ* взвѣсилъ всѣ эти затрудненія, а съ ними и средства къ ихъ преодолѣнію. Императорская армія была разсѣяна по крѣпостямъ, и онъ могъ напасть на нее со всѣми своими силами. Если ему противилось изувѣрство римскихъ-католиковъ и страхъ мелкихъ имперскихъ чиновъ предъ императоромъ, то дружба протестантовъ и ненависть ихъ къ австрійскому гнёту ручались ему за дѣятельную помощь. Буйства императорскихъ и испанскихъ войскъ также не мало располагали жителей въ его пользу; притѣсненный крестьянинъ и горожанинъ уже давно ждали освободителя и многимъ одна перемѣна ига уже казалась облегченіемъ. Нѣсколько агентовъ было послано напередъ склонить на сторону шведовъ важнѣйшіе имперскіе города, особенно Нюренбергъ и Франкфуртъ. *Эрфуртъ* былъ первымъ важнымъ для короля городомъ, котораго онъ не могъ оставить въ тылу безъ гарнизона. Милостивое обращеніе съ благомыслящими протестантскими жителями открыло ему безъ сопротивленія ворота города и крѣпости. Здѣсь, какъ и во всѣхъ значительныхъ городахъ, завоеванныхъ имъ послѣ, онъ заставилъ жителей присягнуть себѣ въ вѣрности; а для бóльшей безопасности оставилъ тамъ достаточный гарнизонъ. Союзнику своему, *Вильгельму* герцогу *Вей-*

марскому, поручилъ онъ начальство надъ войскомъ, набираемымъ въ Тюрингіи. Городу Эрфурту хотѣлъ онъ также ввѣрить свою супругу и обѣщалъ умножить его привилегіи. Двумя колоннами прошла шведская армія черезъ Готу и Арнстатъ по тюрингскому лѣсу, завладѣла дорогой графствомъ Геннебергскимъ и на четвертый день соединилась у *Кенигсгофена* на границѣ Франконіи.

Францъ, епископъ Вюрцбургскій, жесточайшій врагъ протестантовъ и усерднѣйшій членъ католической лиги, первый испыталъ тяжесть руки *Густава Адольфа*. Нѣсколькихъ грозныхъ словъ было достаточно, чтобы отдать въ руки шведовъ его пограничную крѣпость Кенигсгофенъ и съ нею ключъ ко всей области. Извѣстіе объ этомъ быстромъ завоеваніи повергло въ ужасъ всѣ католическіе чины этого округа; епископы Вюрцбургскій и Бамбергскій трепетали въ своихъ зáмкахъ. Они уже видѣли свою власть ниспровергнутою, свои церкви оскверненными, свою вѣру попранною. Злоба враговъ короля Шведскаго распространила ужаснѣйшіе слухи о гоненіяхъ и военныхъ обычаяхъ *Густава* и его войскъ, которыхъ не въ силѣ были опровергнуть ни многократныя увѣренія короля, ни блестящіе примѣры человѣколюбія и терпимости. Опасались отъ другихъ того, чего бы сами не усомнились сдѣлать въ подобномъ случаѣ. Многіе богатые католики спѣшили спасать имущество, совѣсть и самихъ себя отъ кровожаднаго изувѣрства шведовъ. Епископъ самъ показалъ примѣръ своимъ подданнымъ. Среди пожарища, зажженнаго его лицемѣрнымъ усердіемъ къ вѣрѣ, покинулъ онъ свои земли и отправился въ Парижъ, чтобы вооружить французское министерство противъ общаго врага вѣры.

Дальнѣйшіе успѣхи *Густава Адольфа* въ епископствѣ совершенно соотвѣтствовали счастливому началу. Оставленный императорскимъ гарнизономъ, *Швейнфуртъ* сдался ему, а вслѣдъ затѣмъ и *Вюрцбургъ; Маріенбергъ* надо было взять приступомъ. Въ это, какъ полагали, неприступное мѣсто свезено было множество съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ, доставшихся непріятелю. Пріятною находкою для короля была библіотека іезуитовъ, которую онъ велѣлъ перевесть въ Упсалу, еще болѣе пріятною для его солдатъ — богатый винный погребъ прелата. Сокровища свои епископъ вывезъ заблаговременно. Примѣру столицы вскорѣ послѣдовало все епископство; все покорилось шведамъ. Король заставилъ присягнуть себѣ всѣхъ подданныхъ епископа, и на время отсутствія законнаго владѣтеля учредилъ земское управленіе, составленное на половину изъ протестантовъ. Во всякомъ католическомъ мѣстѣ, которое *Густавъ Адольфъ* подчинялъ своему господству, онъ открывалъ протестантскія церкви, но не мстилъ папистамъ за притѣсненія, которымъ они такъ долго подвергали его единовѣрцевъ. Только съ тѣми, кто противился ему съ оружіемъ въ рукахъ, поступаемо было по страшному праву войны; въ отдѣльныхъ насиліяхъ, совершенныхъ солдатами въ слѣпой ярости перваго нападенія, нельзя обвинять человѣколюбиваго полководца. Съ миролюбивыми и безоружными обходились милостиво. *Густавъ Адольфъ* считалъ священнѣйшимъ для себя закономъ одинаково щадить кровь непріятелей, какъ и своихъ.

По полученіи перваго извѣстія о вторженіи шведовъ, епископъ Вюрцбургскій, несмотря на переговоры, начатые съ королемъ Шведскимъ, съ цѣлью выиграть вре-

мя, убѣждалъ полководца лиги поспѣшить на помощь угнетеннаго епископства. Тѣмъ временемъ этотъ побѣжденный генералъ собралъ на Везерѣ остатки своей разбитой арміи, подкрѣпилъ себя императорскими гарнизонами изъ Нижней Саксоніи и соединился въ Гессенѣ съ обоими своими генералами *Альтрингеромъ* и *Фугеромъ*. Командуя такою значительною военною силою, графъ *Тилли* сгоралъ отъ нетерпѣнія загладить стыдъ перваго пораженія блистательною побѣдою. Въ лагерѣ при Фульдѣ, куда онъ вступилъ съ своею арміею, нетерпѣливо ожидалъ онъ позволенія герцога Баварскаго вступить въ сраженіе съ *Густавомъ Адольфомъ*. Но лига, кромѣ арміи *Тилли*, не имѣла другой, и *Максимиліанъ* былъ слишкомъ остороженъ, чтобы подвергнуть всю судьбу своей партіи произволу счастья новой битвы. Со слезами на глазахъ принялъ *Тилли* приказаніе своего государя, осуждавшее его на бездѣйствіе. Такимъ образомъ походъ этого генерала во Франконію былъ отложенъ, и *Густавъ Адольфъ* имѣлъ время занять все епископство. Напрасно послѣ того *Тилли*, подкрѣпившійся въ Ашаффенбургѣ двѣнадцатью тысячами лотарингцевъ, поспѣшилъ съ превосходными силами на выручку Вюрцбурга. Городъ и цитадель уже находились во власти шведовъ, и общій голосъ, быть можетъ, не совсѣмъ незаслуженно, обвинилъ *Максимиліана Баварскаго* въ гибели епископства. Принужденный избѣгать сраженія, *Тилли* довольствовался удержаніемъ непріятеля отъ дальнѣйшаго наступленія; но только немногія мѣста успѣлъ отстоять отъ напора шведовъ. Послѣ напраснаго покушенія подкрѣпить слабый императорскій гарнизонъ въ городѣ Ганау, обладаніе которымъ могло доставить большія выгоды королю, онъ пе-

реправился у Зелигенштата черезъ Майнъ и потянулся нагорнымъ берегомъ, чтобы защитить палатинскія земли отъ вторженія побѣдителя.

Графъ *Тилли* не былъ единственнымъ врагомъ, котораго встрѣтилъ *Густавъ Адольфъ* на своемъ пути въ Франконію и гналъ предъ собою. И *Карлъ* гергоцъ *Лотарингскій*, пріобрѣвшій извѣстность въ лѣтописяхъ того времени непостоянствомъ своего характера, пустыми предпріятіями и постоянными неудачами, также поднялъ свою жалкую руку противъ шведскаго героя, въ надеждѣ выслужить тѣмъ у императора *Фердинанда* курфиршескую шапку. Глухой къ правиламъ здравой политики, онъ слѣдовалъ однимъ побужденіямъ необузданнаго честолюбія, помогая императору, возстановилъ противъ себя Францію, своего страшнаго сосѣда, и, гоняясь въ чужой землѣ за блестящимъ призракомъ, вѣчно отъ него убѣгавшимъ, оставилъ безъ защиты наслѣдственныя свои владѣнія, которыя, подобно бурному потоку, наводнили французскія войска. Императоръ охотно предоставлялъ ему честь, наравнѣ съ другими князьями лиги, разоряться для блага австрійскаго дома. Упоенный пустыми надеждами, принцъ этотъ собралъ войско въ семнадцать тысячъ человѣкъ, съ которымъ самъ выступилъ въ поле противъ шведовъ. Если этому войску недоставало ни знанія дѣла, ни храбрости, за то оно плѣняло взоры блестящимъ нарядомъ; и чѣмъ упорнѣе скрывало свою храбрость предъ лицомъ непріятеля, тѣмъ охотнѣе выказывало ее надъ безоружнымъ горожаниномъ и поселяниномъ, для защиты которыхъ было призвано. Эта нарядная армія не могла устоять противъ стремительнаго мужества и грозной дисциплины шведовъ. Паническій страхъ овладѣлъ ею при нападеніи

шведской кавалеріи, и она безъ труда была прогнана изъ квартиръ въ вюрцбургскихъ владѣніяхъ. Послѣ этого несчастья съ нѣсколькими полками, почти все войско разбѣжалось, а слабые остатки поспѣшили укрыться отъ сѣверной храбрости въ нѣкоторыхъ городахъ по ту сторону Рейна. Предводитель ихъ, сдѣлавшись посмѣшищемъ нѣмцевъ и покрытый стыдомъ, убрался черезъ Страсбургъ домой, успѣвъ, къ счастью, униженнымъ письмомъ укротить гнѣвъ побѣдителя, который сперва разбилъ его, а потомъ потребовалъ у него отчета въ непріязненномъ поступкѣ. Разсказываютъ, что крестьянинъ одной рейнской деревни, черезъ которую герцогъ проѣзжалъ во время своего бѣгства, осмѣлился ударить по его лошади. «Живѣй, господинъ» сказалъ крестьянинъ, «ступайте живѣй, если хотите уйти отъ великаго Шведскаго короля!»

Несчастный примѣръ сосѣда заставилъ епископа Бамбергскаго принять мѣры болѣе разсудительныя. Чтобы избавить свои земли отъ разграбленія, онъ встрѣтилъ короля съ мирными предложеніями, думая замедлить тѣмъ успѣхи его оружія до прибытія помощи. *Густавъ Адольфъ*, слишкомъ правдивый, чтобы подозрѣвать другаго въ коварствѣ, охотно принялъ предложеніе епископа и тутъ же опредѣлилъ условія, на которыхъ соглашался пощадить епископство. Онъ тѣмъ охотнѣе согласился на это, что не имѣлъ въ виду терять времени на завоеваніе Бамберга, когда другіе замыслы призывали его въ рейнскія земли. Поспѣшность, съ какою онъ преслѣдовалъ свое намѣреніе, лишило его денегъ, которыя онъ легко могъ бы вынудить у беззащитнаго епископа, оставшись долѣе во Франконіи; такъ-какъ этотъ лукавый прелатъ тотчасъ прекратилъ переговоры, какъ ско-

ро военная буря удалилась отъ его границъ. Едва *Густавъ Адольфъ* оставилъ его за собою, какъ онъ уже бросился въ объятія графа *Тилли* и принялъ императорскія войска въ тѣ самые города и крѣпости, которые незадолго предъ тѣмъ уступалъ королю. Но этою уловкою онъ только на короткое время отсрочилъ разореніе своего епископства; шведскій генералъ, оставленный во Франконіи, предпринялъ наказать прелата за это вѣроломство, и несчастное епископство сдѣлалось театромъ войны, которое и другъ и недругъ одинаково разоряли.

Бѣгство императорскихъ войскъ, грозное присутствіе которыхъ сдерживало до-сихъ-поръ рѣшимость франконскихъ чиновъ, и человѣколюбивые поступки короля ободрили какъ дворянство, такъ и граждалъ благопріятствовать шведамъ. Нюренбергъ торжественно поручилъ себя защитѣ короля; франконское дворянство привлекъ онъ на свою сторону милостивыми манифестами, въ которыхъ, между прочимъ, извинялся въ томъ, что вступилъ въ ихъ землю, какъ непріятель. Благосостояніе Франконіи и добросовѣстность, съ какою шведскіе солдаты вели торгъ съ туземцами, привлекли изобиліе въ королевскій лагерь. Любовь, которую *Густавъ Адольфъ* умѣлъ снискать между дворянствомъ этого округа, удивленіе и благоговѣніе, питаемое даже врагами къ блестящимъ его подвигамъ, богатая добыча, какую сулила служба всегда побѣдоноснаго короля — все способствовало ему въ наборѣ новыхъ войскъ, необходимомъ для пополненія главной арміи, ослабленной отдѣленіемъ отъ нея такого множества гарнизоновъ. Едва барабанъ прозвучалъ, новобранцы со всѣхъ концовъ франконскихъ земель стали стекаться къ нему толпами.

На завоеванiе Франконiи король не могъ употребить болѣе времени, сколько его было нужно на то, чтобы пройти ее не останавливаясь. Для окончательнаго покоренiя всего округа и удержанiя завоеванныхъ мѣстъ, оставленъ былъ *Густавъ Горнъ*, одинъ изъ лучшихъ шведскихъ генераловъ, съ восьмитысячнымъ корпусомъ. Самъ же онъ съ главною армiею, усиленною вербовками во Франконiи, поспѣшилъ къ Рейну, чтобы обезпечить себя на этой границѣ имперiи отъ испанцевъ, обезоружить духовныхъ курфирстовъ и открыть въ этихъ богатыхъ земляхъ новые источники къ продолженiю войны. Онъ слѣдовалъ по теченiю рѣки Майны, и дорóгой покорилъ Зелигенштатъ, Ашафенбургъ, Штейнгеймъ и всѣ мѣста по обоимъ берегамъ рѣки. Императорскiе гарнизоны рѣдко дожидались его прибытiя и нигдѣ не сопротивлялись. Еще прежде одному изъ его полковниковъ удалось нечаянно овладѣть крѣпостью Гáнау, которую графъ *Тилли* такъ старался удержать за собою. Обрадованный избавленiемъ отъ невыносимаго гнета императорскихъ войскъ, владѣтельный графъ охотно покорился менѣе тяжкому игу Шведскаго короля.

Теперь все вниманiе *Густава Адольфа* было обращено на городъ *Франкфуртъ*, такъ-какъ онъ взялъ себѣ за правило, во время пребыванiя въ Германiи, обезпечивать свой тылъ дружбою и занятiемъ важнѣйшихъ городовъ. Франкфуртъ былъ одинъ изъ первыхъ имперскихъ городовъ, которые онъ предувѣдомилъ еще изъ Саксонiи о своемъ прибытiи, и теперь отправилъ новыхъ пословъ изъ Оффенбаха съ требованiемъ свободнаго прохода и принятiя гарнизона. Этотъ имперскiй городъ охотно бы уклонился отъ опаснаго выбора между королемъ Шведскимъ и императоромъ: чью бы сто-

рону онъ ни взялъ, во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ трепетать за свою торговлю и привилегіи. Гнѣвъ императора могъ бы тяжело обрушиться на городъ, если бы онъ преждевременно покорился королю Шведскому, а тотъ былъ бы не въ состояніи защитить своихъ единовѣрцевъ въ Германіи. Но еще тяжелѣе былъ бы для него гнѣвъ неодолимаго побѣдителя, который съ грозною арміей стоялъ, такъ-сказать, у самыхъ воротъ и могъ за сопротивленіе нанесть рѣшительный ударъ его торговлѣ и благосостоянію. Напрасно городъ, черезъ своихъ пословъ, извинялся опасностью, предстоящею ярмаркамъ, привилегіямъ, а можетъ быть, и самой имперской свободѣ отъ раздраженнаго императора, ежели онъ приметъ сторону шведовъ. *Густавъ Адольфъ* представился крайне удивленнымъ, что городъ Франкфуртъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ свобода Германіи и судьба протестантской церкви, говоритъ о своихъ ярмаркахъ и временнымъ выгодамъ жертвуетъ дѣломъ отечества и совѣсти. «Отъ острова Рюгена до самой Майны» прибавилъ онъ съ угрозой «находилъ я ключи ко всѣмъ городамъ и крѣпостямъ, и съумѣю найдти ихъ и къ городу Франкфурту. Польза Германіи и свобода протестантской церкви составляютъ единственную цѣль моего вооруженнаго прибытія, и сознавая всю правоту этого дѣла, я не хочу быть остановленъ на пути моемъ какимъ бы то ни было препятствіемъ. Я очень хорошо вижу, что франкфуртцы хотятъ подать одни пальцы, но мнѣ нужна вся рука, чтобы было за что́ держаться». Вслѣдъ за депутатами города, принесшими этотъ отвѣтъ, прибылъ онъ самъ со всею арміею и, построившись въ боевой порядокъ предъ Саксенгаузеномъ, ожидалъ послѣдняго рѣшенія городскаго совѣта.

Если городъ Франкфуртъ колебался отворить ворота шведамъ, то это происходило изъ одного страха предъ императоромъ; склонность самихъ горожанъ не допускала и минутнаго колебанія между притѣснителемъ германской свободы и ея защитникомъ. Вооруженныя угрозы, подъ покровомъ которыхъ *Густавъ Адольфъ* требовалъ теперь у нихъ отвѣта, могли уменьшить вину ихъ измѣны въ глазахъ императора и добровольный поступокъ оправдать принужденіемъ. Итакъ, ворота были отворены предъ королемъ Шведскимъ, который съ торжествомъ и въ удивительномъ порядкѣ провелъ свою армію черезъ этотъ имперскій городъ. Шестьсотъ человѣкъ остались гарнизономъ въ Саксенгаузенѣ; самъ же король со всею арміею двинулся въ тотъ же вечеръ къ майнцскому городу Гёхсту и взялъ его еще до наступленія ночи.

Между тѣмъ, какъ *Густавъ Адольфъ* дѣлалъ завоеванія по теченію Майны, счастье увѣнчивало дѣйствія его генераловъ и союзниковъ въ сѣверной Германіи. Ростокъ, Висмаръ и Демицъ, единственныя укрѣпленныя мѣста въ герцогствѣ Мекленбургскомъ, еще стенавшихъ подъ игомъ императорскихъ гарнизоновъ, были покорены законнымъ ихъ владѣтелемъ, герцогомъ *Іоанномъ Альбрехтомъ*, при помощи шведскаго генерала *Ахація Тотта*. Напрасно императорскій генералъ *Вольфъ*, графъ *Мансфельдъ*, покушался отнять у шведовъ епископство Гальберштатское, занятое ими тотчасъ послѣ лейпцигской побѣды; вскорѣ послѣ того, онъ принужденъ былъ оставить въ рукахъ шведовъ и епископство Магдебургское. Шведскій генералъ *Баннеръ*, оставленный на Эльбѣ съ восьмитысячнымъ войскомъ держалъ *Магдебургъ* въ тѣсной осадѣ, и уже

отразилъ нѣсколько императорскихъ полковъ, присланныхъ для освобожденія этого города. Хотя графъ *Мансфельдъ* защищалъ городъ весьма храбро, но, будучи слишкомъ слабъ, чтобы сопротивляться долго сильному войску осаждавшихъ, онъ уже думалъ объ условіяхъ, на которыхъ хотѣлъ сдать городъ, когда прибылъ къ нему на выручку генералъ *Паппенгеймъ* и отвлекъ непріятеля въ другое мѣсто. Несмотря на то, Магдебургъ или, правильнѣе, жалкія хижины, печально возникшія изъ развалинъ этого огромнаго города, были впослѣдствіи добровольно оставлены императорскими войсками и тотчасъ заняты шведами.

Видя успѣхи короля, и чины *нижне-саксонскаго* округа рѣшились снова поднять голову послѣ удара, нанесеннаго имъ *Валленштейномъ* и *Тилли* въ несчастную датскую войну. Они собрались въ Гамбургѣ, гдѣ положили набрать три полка, при помощи которыхъ надѣялись освободиться отъ гнѣта императорскихъ гарнизоновъ. Епископъ *Бременскій*, родственникъ короля Шведскаго, не остановился на этомъ; онъ собралъ особое войско и тревожилъ беззащитныхъ поповъ и монаховъ, но, къ несчастью, былъ вскорѣ обезоруженъ императорскимъ генераломъ *Гронсфельдомъ*. Герцогъ *Георгъ Люнебургскій*, бывшій прежде полковникомъ въ службѣ *Фердинанда*, также принялъ сторону *Густава Адольфа* и навербовалъ нѣсколько полковъ для этого монарха, которыми занималъ императорскія войска въ Нижней Саксоніи не безъ пользы для короля.

Но услуги еще болѣе важные оказалъ королю ландграфъ *Вильгельмъ Гессенъ-Кассельскій*, побѣдоносное оружіе котораго заставляло трепетать большую часть Вестфаліи и Нижней Саксоніи, епископство Фульд-

ское и даже курфиршество Кёльнское. Выше было сказано, что тотчасъ послѣ союза, заключеннаго ландграфомъ съ *Густавомъ Адольфомъ* въ лагерѣ при Вербенѣ, два императорскіе генерала, *Фугеръ* и *Альтрингеръ* были отправлены графомъ *Тилли* для наказанія ландграфа за отпаденіе отъ императора. Но онъ такъ же мужественно противосталъ непріятельскому оружію, какъ земскіе чины его возмутительнымъ манифестамъ *Тилли*, а лейпцигская битва вскорѣ освободила его отъ этихъ опустошительныхъ полчищъ. Онъ воспользовался ихъ удаленіемъ такъ же мужественно, какъ и рѣшительно: взялъ въ короткое время *Вахъ*, *Мюнденъ* и *Гехстеръ*, и быстрыми своими успѣхами привелъ въ ужасъ епископства Фульдское, Патернборнское и другія смежныя съ Гессеномъ духовныя владѣнія. Перепуганные владѣтели спѣшили заблаговременною покорностью положить предѣлы его успѣхамъ и добровольно платили ему значительныя суммы денегъ, чтобы избавиться отъ грабежа. Послѣ этихъ счастливыхъ предпріятій ландграфъ соединилъ свое побѣдоносное войско съ главною арміею *Густава Адольфа*, и самъ пріѣхалъ во Франкфуртъ къ этому монарху, чтобы условиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Вмѣстѣ съ нимъ прибыли въ этотъ городъ многіе принцы и иностранные послы, чтобы выразить свое благоговѣніе къ величію *Густава Адольфа*, вымолить его благосклонность или укротить его гнѣвъ. Изъ нихъ всѣхъ замѣчательнѣй былъ изгнанный король Богемскій и курфирстъ Палатинскій, *Фридрихъ Пятый*, пріѣхавшій сюда изъ Голландіи, чтобы броситься въ объятія своего избавителя. *Густавъ Адольфъ* оказалъ ему безплодную честь, принявъ какъ коронованную гла-

ву, и благороднымъ сочувствіемъ старался облегчить его несчастіе. Но какъ много ни ожидалъ *Фридрихъ* отъ могущества и счастья своего защитника, какъ много ни полагался на его справедливость и великодушіе, мало было надежды на возстановленіе власти этого несчастнаго въ потерянныхъ имъ земляхъ. Бездѣйствіе и противорѣчившая политика англійскаго двора охладили рвеніе *Густава Адольфа*, а огорченіе, котораго онъ не могъ превозмочь совершенно, заставило его забыть *на этотъ разъ* славное призваніе защитника угнетенныхъ, возвѣщенное имъ такъ громко при вступленіи въ Германію. Страхъ предъ несокрушимымъ могуществомъ и близкимъ мщеніемъ короля приманилъ сюда и ландграфа *Георга Гессенъ-Дармштатскаго*. Его связи съ императоромъ и холодность къ дѣлу протестантовъ не были тайной для короля; но онъ ограничилъ насмѣшками свое мщеніе надъ такимъ слабымъ врагомъ. Хотя ландграфъ слишкомъ мало зналъ и себя и политическое состояніе Германіи, но былъ достаточно дерзокъ и невѣжественъ, чтобы поставить себя посредникомъ между обѣими партіями, вслѣдствіе чего *Густавъ Адольфъ* называлъ его въ шутку *миротворцемъ*. Играя съ ландграфомъ и выигрывая у него деньги, онъ часто говаривалъ: «Я вдвойнѣ радуюсь моему выигрышу, такъ-какъ это *императорскія монеты*». Ландграфъ *Георгъ* обязанъ былъ одному своему родству съ курфирстомъ Саксонскимъ, щадить котораго *Густавъ Адольфъ* имѣлъ причину, что этотъ монархъ удовольствовался уступкою его крѣпости Рюссельгейма и обѣщаніемъ наблюдать во все продолженіе войны строгій нейтралитетъ. Графы *Вестервальдскій* и *Веттерауский* также явились во Франкфуртъ къ королю,

чтобы заключить съ нимъ союзъ и предложить помощь противъ испанцевъ, которая впослѣдствіи ему очень пригодилась. Самъ городъ Франкфуртъ имѣлъ уважительную причину радоваться присутствію монарха, который принялъ подъ свое высокое покровительство его торговлю и возстановилъ хорошими распоряженіями безопасность ярмарокъ, сильно пострадавшихъ отъ войны.

Теперь шведская армія усилилась десятью тысячами гессенцевъ, приведенныхъ королю самимъ ландграфомъ *Вильгельмомъ Кассельскимъ*. *Густавъ Адольфъ* велѣлъ обложить Кёнигштейнъ; Костгеймъ и Флерсгеймъ сдались ему послѣ кратковременной осады; онъ обладалъ всею рѣкою Майномъ, и въ Гёхстѣ спѣшили постройкою судовъ для переправы войскъ черезъ Рейнъ. Эти приготовленія ужаснули курфирста Майнцскаго *Ансельма Казимира*, такъ-какъ онъ не сомнѣвался ни минуты, что надъ нимъ первымъ разразится военная буря. Какъ приверженецъ императора и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ католической лиги, онъ не могъ ожидать лучшаго жребія, какъ тотъ, что̀ постигъ его товарищей, епископовъ Вюрцбургскаго и Бамбергскаго. Положеніе его земель на Рейнѣ дѣлало ихъ завладѣніе для непріятеля необходимымъ; да и богатство этой благословенной полосы земли манило туда нуждавшіяся войска. Но курфирстъ, слишкомъ мало знакомый съ собственными силами и силами своего противника, льстилъ себя надеждою отразить силу силою и крѣпостью своихъ стѣнъ утомить шведскую храбрость. Онъ приказалъ съ возможною скоростью исправить укрѣпленія своей столицы, снабдилъ ее всѣмъ необходимымъ для долговременной осады и, сверхъ того, призвалъ въ ея стѣны двѣ тысячи испанцевъ подъ начальствомъ испанскаго генерала *До-*

на Филиппа да Сильва. Чтобы сдѣлать невозможнымъ приближеніе шведскихъ судовъ, онъ приказалъ загородить устье Майна множествомъ вбитыхъ свай, огромными массами камней и цѣлыми судами, затопленными въ этомъ мѣстѣ. Самъ же съ своими сокровищами отправился онъ, въ сопровожденіи епископа Вормскаго, въ Кёльнъ, оставивъ городъ и землю въ жертву хищничества буйнаго гарнизона. Всѣ эти распоряженія, выражавшія скорѣй безсильное упорство, чѣмъ мужество, не удержали шведской арміи отъ нападенія на Майнцъ. Въ то время, когда одна часть войскъ распространялась въ Рейнгау, била и выгоняла оттуда испанцевъ и вымогала чрезмѣрныя контрибуціи, а другая дѣлала то же въ католическихъ округахъ Вестервальда и Веттерау, главная армія расположилась лагеремъ у Кастеля, противъ Майнца, и герцогъ *Бернгардъ Веймарскій* завладѣлъ даже Мейзетурмомъ и замкомъ Еренфельсъ, лежащими по ту сторону Рейна. Уже *Густавъ Адольфъ* дѣятельно готовился переправиться черезъ Рейнъ и обложить городъ съ сухаго пути, когда успѣхи графа *Тилли* во Франконіи заставили его отказаться отъ осады и на короткое время успокоили курфиршество.

Къ такому быстрому отступленію отъ Майнца побудило короля Шведскаго опасное положеніе *Нюренберга*, которому графъ *Тилли*, пользуясь отлучкою *Густава Адольфа* на Рейнѣ, угрожалъ осадою, а въ случаѣ сопротивленія, грозилъ ужасною судьбою Магдебурга. Чтобы не подвергнуться во второй разъ упрекамъ всей Германіи и стыду оставить союзный городъ въ жертву произвола жестокаго непріятеля, онъ пошелъ усиленными маршами на выручку этого важнаго имперскаго города; но уже во Франкфуртѣ получилъ извѣстіе о мужествен-

номъ отпорѣ нюренбергцевъ и объ отступленіи *Тилли*, и затѣмъ, не медля ни минуты, приступилъ къ исполненію своихъ плановъ въ отношеніи къ Майнцу. Не успѣвъ переправиться черезъ Рейнъ у Кастеля подъ пушками непріятеля, онъ рѣшился напасть на городъ съ другой стороны, для чего пошелъ *нагорной дорогой*, овладѣлъ на ней всѣми важными мѣстами и вторично явился на берегахъ Рейна у *Стокштата*, между Гернсгеймомъ и Оппенгеймомъ. Испанцы покинули горную дорогу, но приняли всѣ мѣры къ упорной защитѣ противоположнаго берега Рейна. Съ этой цѣлью они частью сожгли, частью потопили всѣ суда по сосѣдству, и стояли по ту сторону рѣки въ полной готовности къ отчаянному сопротивленію, въ случаѣ, если бы король рѣшился на переправу въ этомъ мѣстѣ.

При этомъ мужество короля едва не подвергло его большой опасности — попасть въ руки непріятеля. Желая осмотрѣть противоположный берегъ, онъ переправился черезъ рѣку въ маленькой лодкѣ; но едва успѣлъ выйдти на берегъ, какъ встрѣтилъ отрядъ испанскихъ кавалеристонъ, отъ рукъ которыхъ спасся поспѣшнымъ возвращеніемъ. Наконецъ ему удалось, при помощи нѣкоторыхъ сосѣднихъ шкиперовъ, завладѣть нѣсколькими судами, на которыхъ велѣлъ переправиться графу *Брагe* съ тремястами шведовъ. Едва онъ успѣлъ укрѣпиться на другомъ берегу, какъ былъ атакованъ четырнадцатью эскадронами испанскихъ драгунъ и кирасиръ. Какъ несоразмѣрно было превосходство непріятеля, такъ храбро защищался *Брагe* съ своимъ маленькимъ отрядомъ и своимъ геройскимъ сопротивленіемъ далъ королю время подоспѣть лично къ нему на помощь со свѣжими войсками. Тогда испанцы обратились въ бѣгство, потерявъ

шестсотъ человѣкъ убитыми; остальные бросились въ укрѣпленный городъ Оппенгеймъ, или заперлись въ Майнцѣ. Мраморный левъ на высокой колоннѣ съ обнаженнымъ мечомъ въ правой лапѣ и со шлемомъ на головѣ, еще семьдесятъ лѣтъ спустя, указывалъ страннику мѣсто, гдѣ безсмертный король переправился черезъ царицу рѣкъ Германіи.

Послѣ этого счастливаго дѣла *Густавъ Адольфъ* немедленно переправилъ артиллерію и бо́льшую часть войскъ черезъ рѣку и осадилъ Оппенгеймъ, который, послѣ отчаяннаго сопротивленія, былъ взятъ приступомъ 8-го декабря 1631 года. Пятсотъ испанцевъ, такъ храбро защищавшіе этотъ городъ, всѣ до послѣдняго сдѣлались жертвою ярости шведовъ. Извѣстіе о переправѣ *Густава* черезъ Рейнъ привело въ ужасъ всѣхъ испанцевъ и лотарингцевъ, занимавшихъ земли по ту сторону рѣки и считавшихъ себя за нею въ безопасности отъ мщенія шведовъ. Поспѣшное бѣгство было теперь единственною ихъ безопасностью; каждое недостаточно-крѣпкое мѣсто было немедленно оставлено. Послѣ длиннаго ряда насилій противъ беззащитныхъ горожанъ, *лотарингцы* очистили городъ *Вормсъ*. Испанцы поспѣшили запереться въ Франкенталѣ, гдѣ надѣялись противиться побѣдоносному оружію *Густава Адольфа*.

Теперь король, не теряя времени, приступилъ къ исполненію своихъ намѣреній относительно Майнца, гдѣ укрылся цвѣтъ испанскаго войска. Въ то время, какъ онъ по ту сторону Рейна подвигался къ Майнцу, ландграфъ Гессенъ-Кассельскій приближался къ нему съ этой стороны рѣки, и на пути овладѣлъ многими укрѣпленными мѣстами. Осажденные испанцы, хотя и запертые съ обѣихъ сторонъ, выказали сначала много храб-

рости и рѣшимость защищаться до послѣдней крайности, и нѣсколько дней сряду производили непрерывную и сильную пальбу по шведскому лагерю, стоившую королю многихъ храбрыхъ солдатъ. Несмотря на такое мужественное сопротивленіе, шведы неудержимо подвигались впередъ и подошли уже такъ близко къ городскому рву, что стали готовиться къ приступу. Тутъ осажденные лишились бодрости. Они не безъ причины трепетали дикой ярости шведскихъ солдатъ, чѣму Маріенбергъ близь Вюрцбурга могъ служить страшнымъ доказательствомъ. Ужасный жребій угрожалъ городу Майнцу при взятіи его приступомъ, и непріятель легко могъ почувствовать искушеніе отмстить ужасную судьбу Магдебурга на этой богатой и пышной столицѣ католическаго князя. Щадя скорѣе городъ, чѣмъ собственную жизнь, испанскій гарнизонъ на четвертый день сдался на капитуляцію и получилъ отъ великодушнаго короля позволеніе удалиться въ Люксенбургъ; но бо́льшая его часть, какъ и прежде не разъ случалось, вступила подъ шведскія знамена.

13-го декабря 1631 г. король Шведскій совершилъ свой въѣздъ въ покоренный городъ и остановился во дворцѣ курфирста. Восемьдесятъ пушекъ досталось ему въ добычу, и восьмидесятью тысячами гульденовъ должны были горожане откупиться отъ разграбленія. Отъ этого налога устранены были евреи и духовенство, которые должны были внести особенно большую сумму денегъ. Библіотеку курфирста король взялъ себѣ, какъ свою собственность, и подарилъ ее своему государственному канцлеру *Оксенштирну*, который уступилъ ее вестерэской гимназіи; но корабль, везшій ее въ Швецію, утонулъ и Балтійское море поглотило это незамѣнимое сокровище.

Послѣ потери города Майнца, несчастіе не переставало преслѣдовать испанцевъ въ порейнскихъ земляхъ. Не задолго до взятія этого города, ландграфъ Гессенъ-Кассельскій овладѣлъ Фалькенштейномъ и Рейфенбергомъ; крѣпость Кёнигштейнъ сдалась гессенцамъ; рейнграфу *Отто Людвигу*, одному изъ генераловъ короля, посчастливилось разбить девять испанскихъ эскадроновъ, шедшихъ къ Франкенталю, и овладѣть важнѣйшими городами на Рейнѣ, начиная отъ Боппарта до Бахараха. Съ крѣпостью Браунфельсъ, взятою графами Веттераускими съ помощью шведовъ, испанцы потеряли всю Веттераускую область, да и во всемъ Палатинатѣ, за исключеніемъ *Франкенталя*, могли удержать за собою только немногіе города. *Ландау* и *Кронвейсенбургъ* открыто приняли сторону шведовъ. *Шпейеръ* вызвался набрать войско для короля. *Мангеймъ* былъ взятъ, благодаря осторожности молодаго герцога *Бернгарда Веймарскаго* и оплошности тамошняго коменданта, который, въ слѣдствіе этого несчастья, былъ потребованъ въ Гейдельбергъ къ военному суду и обезглавленъ.

Король продолжалъ военныя дѣйствія и по наступленіи зимы, и вѣроятно, эта самая суровость времени года была причиною того превосходства, какимъ отличался шведскій солдатъ надъ непріятелемъ. Вскорѣ однако жъ оказалось необходимымъ дать отдохнуть истощеннымъ войскамъ на зимнихъ квартирахъ, и *Густавъ Адольфъ* разрѣшилъ имъ, по взятіи Майнца, расположиться на отдыхъ въ его окрестностяхъ. Самъ же употребилъ свободное отъ военныхъ дѣйствій время на рѣшеніе кабинетныхъ дѣлъ съ своимъ государственнымъ канцлеромъ, на переговоры съ непріятелемъ о нейтралитетѣ и на окончаніе нѣкоторыхъ политическихъ несогласій съ союзною

державой, поводомъ къ которымъ служилъ его собственный образъ дѣйствій. Зимнимъ своимъ мѣстопребываніемъ и средоточіемъ этихъ государственныхъ занятій избралъ онъ городъ Майнцъ, который вообще полюбилъ болѣе, нежели совмѣстно было съ выгодами германскихъ князей и кратковременнымъ посѣщеніемъ имперіи. Недовольствуясь укрѣпленіемъ самаго города, онъ заложилъ насупротивъ его, въ углу, образуемомъ Майномъ и Рейномъ, новую цитадель, названную, по имени основателя, *Густавсбургомъ*, но болѣе извѣстную подъ названіемъ *Пфаффенрауба* и *Пфаффензванга*.

Въ то время, какъ *Густавъ Адольфъ* дѣлался обладателемъ Рейна и тремъ пограничнымъ курфиршествамъ грозилъ своимъ побѣдоносньмъ оружіемъ, бдительные враги его въ Парижѣ и Сен-Жерменѣ употребляли всѣ усилія, чтобы лишить его помощи Франціи и вовлечь въ войну съ этою державою. Онъ самъ своимъ неожиданнымъ и двусмысленнымъ походомъ къ Рейну привелъ въ недоумѣніе друзей и далъ средство своимъ противникамъ очернить его намѣренія. Послѣ покоренія епископства Вюрцбургскаго и большей части Франконіи, отъ него зависѣло вторгнуться, черезъ епископство Бамбергское и Верхній Палатинатъ, въ Баварію и Австрію, и всѣ естественно ожидали, что онъ не замедлитъ напасть на императора и герцога *Баварскаго* въ средоточіи ихъ могущества, и низложеніемъ этихъ двухъ главныхъ враговъ окончитъ войну. Но, къ немалому удивленію обѣихъ воевавшихъ сторонъ, *Густавъ Адольфъ* оставилъ этотъ путь, предназначенный ему общественнымъ мнѣніемъ, и вмѣсто того, чтобы обратить свое оружіе вправо, обратилъ его влѣво, съ цѣлью дать почувствовать свое могущество менѣе виновнымъ и менѣе опаснымъ

прирейнскимъ князьямъ, и тѣмъ далъ время своимъ двумъ важнѣйшимъ противникамъ собраться съ силами. Одно только намѣреніе изгнать испанцевъ, и тѣмъ возвратить владѣнія несчастному пфальцграфу *Фридриху Пятому*, могло объяснить этотъ неожиданный шагъ, и надежда на скорое возстановленіе *Фридриха* сначала дѣйствительно заставила смолкнуть подозрительность его друзей и клеветы враговъ. Но теперь Нижній Палатинатъ былъ очищенъ отъ непріятеля, а *Густавъ Адольфъ* все еще занимался завоевательными планами, все еще не передавалъ завоеваннаго курфиршества его законному государю. Напрасно послы англійскаго короля напоминали побѣдителю о томъ, чего требовала отъ него справедливость и что торжественно-данное обѣщаніе ставило ему въ священнѣйшую обязанность. *Густавъ Адольфъ* отвѣчалъ на эти требованія горькими жалобами на бездѣйствіе англійскаго двора и готовился въ непродолжительномъ времени перенесть свои побѣдоносныя знамена въ *Эльзасъ* и даже въ *Лотарингію*.

Теперь недовѣрчивость къ Шведскому монарху сдѣлалась гласною, и ненависть его противниковъ выказала особенную ревность къ распространенію самыхъ вредныхъ слуховъ о его намѣреніяхъ. Уже давно министръ *Людовика Тринадцатаго*, *Ришльё*, глядѣлъ съ безпокойствомъ на приближеніе короля къ французскимъ границамъ, а недовѣрчивый характеръ его государя вѣрилъ однимъ только дурнымъ предположеніямъ, выводимымъ изъ того недоброжелателями *Густава*. Франція въ это самое время запуталась въ междоусобную войну съ протестантскою частью своихъ подданныхъ, и правительство опасалось не безъ причины, что приближеніе побѣдоноснаго короля ихъ партіи можетъ ободрить ихъ

ослабѣвшее мужество и возбудить къ упорнѣшему сопротивленію. Это могло случиться, если бы *Густавъ Адольфъ* и не думалъ ихъ обнадеживать и нарушать союза съ королемъ французскимъ. Но мстительный духъ епископа Вюрцбургскаго, искавшаго развлеченія въ потерѣ своихъ земель при французскомъ дворѣ, ядовитое краснорѣчіе іезуитовъ и дѣятельное усердіе баварскаго министра представили это опасное соглашеніе между гугенотами и королемъ Шведскимъ, какъ нѣчто несомнѣнное и съумѣли напугать робкаго *Людовика* замыслами шведовъ. Не одни пустые политики, но и многіе благоразумные католики не сомнѣвались, что король Шведскій скоро вторгнется во Францію, соединится съ гугенотами и уничтожитъ католическую вѣру въ королевствѣ. Уже фанатики видѣли его переходящаго съ арміею черезъ Альпы и въ самой Италіи низлагающаго намѣстника Христа. Хотя нетрудно было опровергнуть подобныя мечтанія, при всемъ томъ надо было признаться, что *Густавъ* своими предпріятіями на Рейнѣ дѣйствительно нѣсколько оправдывалъ подозрѣніе, будто онъ обращалъ свое оружіе не столько противъ императора и герцога Баварскаго, сколько противъ католической вѣры.

Всеобщій вопль негодованія, поднятый католическими дворами, подстрекаемыми іезуитами, противъ союза Франціи съ врагами церкви, побудилъ наконецъ кардинала *Ришльё* принять рѣшительныя мѣры, чтобы обезпечить свою вѣру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣдить католическій міръ въ усердіи къ ней Франціи и въ своекорыстной политикѣ духовныхъ имперскихъ чиновъ. Будучи увѣренъ, что намѣренія короля Шведскаго, какъ и его собственныя, клонятся единственно къ униженію

австрійскаго дома, онъ не усомнился обѣщать князьямъ лиги полный нейтралитетъ со стороны Швеціи, если они откажутся отъ союза съ императоромъ и отзовутъ свои войска. На что бы князья ни рѣшились, *Ришлё* во всякомъ случаѣ достигалъ своей цѣли. Съ отпаденіемъ ихъ отъ австрійскаго союза *Фердинандъ* оставался одинокимъ и беззащитнымъ предъ соединеннымъ оружіемъ Франціи и Швеціи, и *Густавъ Адольфъ*, освободившись отъ другихъ своихъ враговъ въ Германіи, могъ обратить всѣ свои силы противъ императорскихъ наслѣдственныхъ земель. Тогда гибель австрійскаго дома была бы неизбѣжна и эта послѣдняя великая цѣль всѣхъ стараній *Ришльё* была бы достигнута безъ вреда для церкви. Если бы князья лиги остались непреклонными и вѣрными австрійскому союзу, послѣдствія были бы гораздо сомнительнѣе. Но тогда Франція доказала бы предъ всею Европою свое усердіе къ католической вѣрѣ и исполнила бы свои обязанности, какъ членъ римской церкви. Тогда князья лиги оказались бы одни виновниками всѣхъ несчастій, которымъ неизбѣжно должна была бы подвергнуться католическая Германія отъ продолженія войны; они одни упорною привязанностью своею къ императору разстроили бы предначертанія своего защитника и ввергли бы въ крайнюю опасность и церковь и самихъ себя.

Ришльё тѣмъ ревностнѣе занимался этимъ планомъ, чѣмъ болѣе стѣснялся настойчивыми требованіями курфирста Баварскаго помощи Франціи. Вспомнимъ, что этотъ князь, не довѣряя императору, вступилъ въ тайный союзъ съ Франціею, чѣмъ надѣялся обезпечить свое обладаніе курфиршествомъ Палатинскимъ, на случай будущей перемѣны образа мыслей *Фердинанда*. Какъ ни

ясно самая цѣль этого трактата показывала, противъ какого врага онъ былъ заключенъ, несмотря на то, *Максимиліанъ* хотѣлъ распространить его и на короля Шведскаго, и не задумался обѣщанную ему помощь противъ одной Австріи потребовать противъ *Густава Адольфа*, союзника Франціи. Поставленный въ затруднительное положеніе этими противоположными союзами съ враждебными государствами, *Ришльё* старался примирить ихъ; и такъ же мало расположенный пожертвовать Баваріею, какъ и защищать ее, вслѣдствіе договора со шведами, онъ со всѣмъ усердіемъ обратился къ нейтралитету, какъ единственному средству удовлетворить двойному обязательству. На этотъ конецъ былъ отправленъ особый уполномоченный, маркизъ *Брезе*, къ королю Шведскому въ Майнцъ, съ цѣлью узнать его мнѣнье объ этомъ предметѣ и исходатайствовать союзнымъ князьямъ выгодныя условія. Но *Густавъ Адольфъ* имѣлъ такія же основательныя причины не соглашаться на нейтралитетъ, какіе *Людовикъ Тринадцатый* — его добиваться. Удостовѣрившись изъ многихъ опытовъ въ неодолимомъ отвращеніи князей лиги отъ протестантской вѣры, въ неугасимой ихъ ненависти къ чужеземному могуществу шведовъ и неискоренимой привязанности къ австрійскому дому, онъ гораздо менѣе боялся ихъ открытой вражды, чѣмъ довѣрялъ нейтралитету, противорѣчущему ихъ склонности. Сверхъ того, принужденный, по положенію своему въ Германіи, вести войну на счетъ непріятеля, онъ терялъ очевидно, уменьшая число явныхъ враговъ и непріобрѣтая новыхъ друзей. Итакъ, неудивительно, что *Густавъ Адольфъ* не выказалъ особенной склонности купить безполезный нейтралитетъ католическихъ князей пожертвованіемъ пріобрѣтенныхъ выгодъ.

Условія, на которыхъ онъ соглашался признать нейтралитетъ курфирста Баварскаго, были тягостны и сообразны съ этимъ мнѣніемъ. Онъ требовалъ отъ католической лиги совершеннаго бездѣйствія, отозванія ея войскъ изъ императорскихъ армій и очищенія всѣхъ завоеванныхъ мѣстъ и протестантскихъ земель. Кромѣ того, онъ хотѣлъ, чтобы армія лиги была уменьшена до самаго незначительнаго состава, ихъ земли были закрыты для императорскихъ армій и чтобы австрійскому дому не дозволялось получать изъ нихъ ни людей, ни провіанта или амуниціи. Какъ ни тяжелы были условія, предписываемыя побѣдителемъ побѣжденнымъ, французскій посредникъ все еще не терялъ надежды склонить курфирста Баварскаго къ ихъ принятію. Чтобы облегчить это дѣло, *Густавъ Адольфъ* согласился дать послѣднему перемиріе на четырнадцать дней. Но въ то самое время, какъ этотъ монархъ получалъ чрезъ французскаго повѣреннаго безпрестанныя увѣренія въ успѣшномъ веденіи переговоровъ, перехваченное письмо курфирста къ генералу *Паппенгейму* въ Вестфалію обнаружило вѣроломство этого государя, который переговорами старался лишь выиграть время. Вовсе не думая связывать свободы своихъ дѣйствій договоромъ со шведами, этотъ коварный государь продолжалъ вооружаться, и воспользовался данною ему непріятелемъ льготою для принятія болѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ оборонѣ. Итакъ, всѣ переговоры о нейтралитетѣ окончились безуспѣшно и послужили только къ яростнѣйшему возобновленію непріятельскихъ дѣйствій между баварцами и шведами.

Увеличеніе силъ *Тилли*, грозившихъ Франконіи, требовало присутствія короля въ этомъ округѣ; но сперва

надо было прогнать испанцевъ съ Рейна и преградить имъ путь вторженія въ нѣмецкія области изъ Нидерландовъ. Съ этою цѣлью *Густавъ Адольфъ* предложилъ нейтралитетъ курфирсту Трирскому, *Филиппу фонъ Цельтерну*, съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ ему Трирскую крѣпость Германштейнъ и позволилъ пройти шведскимъ войскамъ черезъ Кобленцъ. Но какъ ни прискорбно было курфирсту видѣть свои земли въ рукахъ испанцевъ, тѣмъ менѣе могъ онъ согласиться поручить ихъ сомнительной защитѣ еретика и поставить шведскаго завоевателя владыкою своей судьбы. Однако, не имѣя средствъ сохранить свою независимость между двумя столь грозными соперниками, онъ рѣшился искать защиты противъ ихъ обоихъ подъ мощнымъ крыломъ Франціи. *Ришльё* съ обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ воспользовался затруднительнымъ положеніемъ этого князя для усиленія могущества Франціи и пріобрѣтенія важнаго союзника на границѣ Германіи. Многочисленная французская армія должна была прикрыть трирскія земли и занять крѣпость Эренбрейтштейнъ французскимъ гарнизономъ. Но цѣль, побудившая курфирста къ такому отважному шагу, была достигнута невполнѣ, такъ-какъ затронутое самолюбіе *Густава Адольфа* не успокоилось до-тѣхъ-поръ, пока и шведскимъ войскамъ не разрѣшенъ былъ свободный проходъ черезъ трирскія земли.

Между-тѣмъ, какъ эти переговоры происходили между Триромъ и Франціею, королевскіе генералы очистили все епископство Майнцское отъ остальныхъ гарнизоновъ, а самъ *Густавъ Адольфъ* довершилъ завоеваніе этой области взятіемъ Крейцнаха. Для удержанія за собой завоеваннаго, оставленъ былъ государственный канцлеръ

Оксенштирна съ частью арміи на среднемъ Рейнѣ, тогда какъ главная армія, подъ личнымъ предводительствомъ короля, выступила отыскивать непріятеля во Франконіи.

Между-тѣмъ графъ *Тилли* и шведскій генералъ *Густавъ Горнъ*, оставленный въ этомъ округѣ *Густавомъ Адольфомъ* съ восемьютысячнымъ войскомъ, дрались съ перемѣннымъ счастьемъ за его обладаніе, и епископство Бамбергское было вмѣстѣ и главною цѣлью и театромъ ихъ опустошеній. Увлеченный другими планами къ Рейну, король предоставилъ своему генералу отомстить епископу, возбудившему его гнѣвъ вѣроломнымъ своимъ поведеніемъ, и дѣятельность генерала оправдала выборъ монарха. Въ короткое время онъ подчинилъ шведскому оружію большую часть епископства, а самую столицу, оставленную императорскимъ гарнизономъ, взялъ приступомъ. Тогда изгнанный епископъ сталъ настойчиво требовать помощи у курфирста Баварскаго, который, наконецъ, рѣшился сократить время бездѣйствія *Тилли*. Уполномоченный повелѣніемъ своего государя возстановить власть епископа, генералъ этотъ собралъ свои разсѣянныя по Верхнему Палатинату войска и двинулся къ Бамбергу съ двадцатитысячною арміею. *Густавъ Горнъ*, твердо рѣшившійся защищать свое завоеваніе, несмотря на превосходство силъ непріятеля, ожидалъ его за валами Бамберга, но долженъ былъ уступить одному авангарду *Тилли* то́, что надѣялся отстоять отъ цѣлой арміи. Разстройство въ его войскѣ, которое не въ силахъ было возстановить все присутствіе духа начальника, отдало городъ непріятелю; съ трудомъ могли спасти войско, обозъ и артиллерію. Обратное завоеваніе Бамберга было плодомъ этой побѣды; но графъ *Тилли*, несмотря на всю

быстроту своихъ движеній, не могъ настигнуть шведскаго генерала, отступившаго въ совершенномъ порядкѣ черезъ Майнъ. Прибытіе короля во Франконію, гдѣ присоединился къ нему *Густавъ Горнъ* съ остатками своихъ войскъ при Китценгенѣ, положило предѣлъ успѣхамъ *Тилли* и заставило его искать спасенія въ заблаговременномъ отступленіи.

Въ Ашафенбургѣ король сдѣлалъ общій смотръ своимъ войскамъ, число которыхъ, по соединеніи съ *Густавомъ Горномъ*, *Баннеромъ* и герцогомъ *Вильгельмомъ Веймарскимъ*, простиралось до сорока́ тысячъ человѣкъ. Ничто не останавливало похода его́ черезъ Франконію, такъ какъ графъ *Тилли*, не дожидаясь превосходнаго силами непріятеля, быстро двинулся къ Дунаю. Теперь Чехія и Баварія находились одинаково-близко отъ короля, и *Максимиліанъ*, въ невѣдѣніи, какую дорогу изберетъ побѣдитель, не зналъ на что рѣшиться. Путь, предназначаемый *Тилли*, долженъ былъ рѣшить выборъ короля и судьбу обѣихъ областей. Опасно было при наступленіи такого грознаго непріятеля оставить Баварію безъ защиты, чтобы прикрыть австрійскія границы; еще опаснѣе было принятіемъ *Тилли* въ Баварію привлечь непріятеля въ эту землю и сдѣлать ее театромъ опустошительной борьбы. Наконецъ попечительность государя взяла верхъ надъ недоумѣніями политика, и *Тилли* получилъ повелѣніе, что́ бы изъ того ни послѣдовало, защищать всѣми силами границы Баваріи.

Съ торжествующею радостью принялъ имперскій городъ *Нюрнбергъ* защитника протестантской вѣры и германской свободы, и непринужденный восторгъ гражданъ излился при взглядѣ на него въ трогательныхъ

кликахъ радости и удивленія. Самъ *Густавъ* не могъ скрыть своего изумленія, видя себя здѣсь, въ этомъ городѣ — средоточіи Германіи, гдѣ онъ никогда не надѣялся видѣть своихъ развивающихся знаменъ. Его благородная и привлекательная наружность довершила впечатлѣніе, произведенное его славными дѣлами, а благосклонность, съ какою онъ принялъ привѣтствія этого имперскаго города, мгновенно привлекли къ нему всѣ сердца. Онъ лично подтвердилъ союзъ, заключенный съ нимъ еще на берегахъ Бельта, и возбудилъ во всѣхъ гражданахъ пламенное усердіе къ дѣлу и братское единодушіе къ борьбѣ противъ общаго врага. Пробывъ нѣсколько времени въ стѣнахъ Нюрнберга, онъ послѣдовалъ за своею арміею къ Дунаю и явился предъ пограничною крѣпостью *Донаувертомъ*, прежде чѣмъ тамъ его ожидали. Многочисленный баварскій гарнизонъ защищалъ это мѣсто, и предводитель его, *Рудольфъ Максимиліанъ*, герцогъ *Саксенъ-Лауэнбургскій*, показывалъ сначала мужественную рѣшимость держаться до прибытія *Тилли*. Но вскорѣ грозныя приготовленія *Густава Адольфа* къ осадѣ заставили его подумать о скоромъ и надежномъ отступленіи, которое онъ и привелъ въ исполненіе подъ сильнымъ огнемъ шведской артиллеріи.

Взятіе Донаupерта открыло королю противоположный берегъ Дуная, и только одна небольшая рѣка Лехъ отдѣляла его отъ Баваріи. Близкая опасность, грозившая его землямъ, пробудила всю дѣятельность *Максимиліана*, и сколько прежде облегчалъ онъ непріятелю приближеніе къ предѣламъ своихъ владѣній, столько теперь старался затруднить ему послѣдній шагъ. На другомъ берегу Леха, близъ городка по имени *Райнъ*, по-

мѣстился *Тилли* въ хорошо-укрѣпленномъ лагерѣ, окруженномъ тремя рѣками, дѣлавшими его неприступнымъ. Всѣ мосты черезъ Лехъ были сломаны и весь берегъ рѣки былъ охраняемъ сильными отрядами до самаго Аугсбурга, который давно желалъ послѣдовать примѣру Нюрнберга и Франкфурта, но былъ удержанъ введеніемъ туда баварскаго гарнизона и обезоруженіемъ его жителей. Самъ курфирстъ, со всеми войсками, какія только могъ собрать, заперся въ лагерѣ *Тилли*, какъ-будто всѣ его надежды заключались въ этомъ единственномъ пунктѣ, и счастье шведовъ должно было разбиться объ этотъ пограничный оплотъ.

Скоро и *Густавъ Адольфъ* показался на берегу противъ баварскихъ укрѣпленій, покоривъ напередъ весь аугсбургскій округъ, лежащій по сю сторону Леха и открывъ оттуда богатый подвозъ для своихъ войскъ. Это было въ мартѣ, когда вода въ Лехѣ отъ частыхъ проливныхъ дождей и та́ющихъ снѣговъ Тирольскихъ горъ достигаетъ необычайной высоты и съ страшною быстротою несется между крутыми берегами. Вѣрная смерть ожидала въ волнахъ нападавшаго смѣльчака, а на противоположномъ берегу непріятельскія пушки показывали ему свои смертоносныя жерла. Если же онъ, несмотря на ярость воды и огня, и совершилъ бы почти невозможную переправу, то ослабленныя войска встрѣтилъ бы свѣжій и мужественный непріятель въ неприступномъ лагерѣ, и, жаждавшіе отдыха, они нашли бы новую битву. Истощеннымъ, имъ пришлось бы всходить на непріятельскія укрѣпленія, твердость которыхъ дѣлала всякое нападеніе невозможнымъ. Пораженіе же, претерпѣнное на томъ берегу, влекло за собою неминуемую гибель, потому что рѣка,

затруднявшая имъ путь къ побѣдѣ, въ случаѣ несчастія, запирала имъ всѣ пути къ бѣгству.

Шведскій военный совѣтъ, собранный монархомъ, привелъ всѣ эти причины, чтобы помѣшать исполненію такого опаснаго предпріятія. Храбрѣйшіе робѣли, и почтенные посѣдѣвшіе въ битвахъ воины не стыдились обнаружить своихъ опасеній. Но рѣшеніе короля было непреклонно. «Какъ?» сказалъ онъ *Густаву Горну*, говорившему отъ лица прочихъ: «Мы переплыли Балтійское море, переправились черезъ столько большихъ рѣкъ Германіи, и предъ какимъ-нибудь ручьемъ, предъ этимъ Лехомъ должны отказаться отъ своего предпріятія?» При обозрѣніи мѣстности, предпринимаемой имъ иногда съ опасностью жизни, онъ сдѣлалъ открытіе, что ихъ берегъ замѣтно господствуетъ надъ противоположнымъ и благопріятствуетъ дѣйствію шведской артиллеріи преимущественно передъ непріятельскою. Быстро и осмотрительно съумѣлъ онъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Онъ немедленно велѣлъ заложить въ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣвый берегъ Леха, изгибаясь, значительно сближается съ правымъ, три батареи въ семьдесятъ-два полевыя орудія, которыя открыли перекрестный огонь по непріятелю. Въ то время, какъ эта ужасная канонада удаляла баварцевъ отъ противоположнаго берега, онъ съ величайшею поспѣшностью велѣлъ наводить мостъ черезъ Лехъ; густой дымъ отъ зажженнаго хвороста и сырой соломы, постоянно поддерживаемый, долго скрывалъ работу отъ глазъ непріятеля въ то время, какъ непрерывный громъ орудій заглушалъ стукъ плотничьихъ топоровъ. Онъ собственнымъ своимъ примѣромъ поощрялъ усердіе войскъ и собственноручно сдѣлалъ болѣе шестидесяти пушечныхъ

выстрѣловъ. Баварцы съ одинаковою силою въ теченіе двухъ часовъ отвѣчали на эту канонаду, хотя и не съ одинаковымъ успѣхомъ, потому-что возвышенныя батареи шведовъ господствовали надъ противоположнымъ низменнымъ берегомъ, тогда какъ высота ихъ берега служила имъ брустверомъ противъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Напрасно баварцы старались съ берега разрушить непріятельскія работы: превосходная артиллерія шведовъ прогоняла ихъ, и мостъ былъ наведенъ почти въ ихъ глазахъ. *Тилли* въ этотъ ужасный день дѣлалъ все возможное, чтобы воспламенить мужество своихъ, и ни какая опасность не могла удалить его отъ берега. Наконецъ онъ нашелъ смерть, которой искалъ. Фальконетное ядро раздробило ему ногу, а вслѣдъ за нимъ и *Альтрингеръ*, храбрый его сподвижникъ, былъ опасно раненъ въ голову. Лишенные одушевляющаго присутствія обоихъ своихъ полководцевъ, поколебались наконецъ баварцы, и самъ *Максимиліанъ* былъ подвигнутъ противъ воли на малодушное рѣшеніе. Побѣжденный представленіями умиравшаго *Тилли*, обыкновенную твердость котораго пересилила близкая смерть, онъ преждевременно оставилъ свой неприступный лагерь, а открытіе шведами брода, черезъ который собиралась переправиться ихъ конница, ускорило его малодушное отступленіе. Еще въ ту же ночь, прежде чѣмъ хотя одинъ непріятельскій солдатъ перебрался за Лехъ, онъ снялъ свой лагерь и отступилъ въ совершенномъ порядкѣ къ Нейбургу и Ингольштату, не давъ королю времени себя обезпокоить во время этого движенія. *Густавъ Адольфъ*, переправившійся на другой день, съ удивленіемъ увидѣлъ непріятельскій лагерь пустымъ, и еще болѣе удивился отступленію курфирста, когда убѣдился въ крѣ-

пости оставленнаго лагеря. «Будь я на мѣстѣ баварца» воскликнулъ онъ въ изумленьи, «никогда — хотя бы мнѣ оторвало ядромъ бороду и подбородокъ — никогда бы не оставилъ я такого мѣста, какъ это, и не открылъ бы непріятелю своихъ областей».

Итакъ, Баварія была теперь открыта побѣдителю и военная буря, шумѣвшая до-сихъ-поръ только на границахъ этихъ земель, въ первый разъ разразилась надъ ея благословенными, долго-хранимыми равнинами. Но прежде чѣмъ король отважился на завоеваніе этихъ непріязненно-расположенныхъ земель, онъ сначала освободилъ имперскій городъ Аугсбургъ отъ баварскаго ига, привелъ гражданъ къ присягѣ и обезпечилъ его вѣрность оставленнымъ въ немъ гарнизономъ. Затѣмъ двинулся онъ ускореннымъ маршемъ къ Ингольштату, чтобы взятіемъ этой важной крѣпости, прикрываемой курфирстомъ съ бо́льшею частью арміи, обезпечить свои завоеванія въ Баваріи и стать твердою ногою на Дунаѣ.

Вскорѣ послѣ прибытія подъ Ингольштатъ раненый *Тилли* окончилъ свое жизненное поприще въ стѣнахъ этого города, испытавъ все непостоянство счастья. Сокрушенный превосходнымъ военнымъ геніемъ *Густава Адольфа*, онъ видѣлъ на закатѣ дней своихъ, ка́къ увядали лавры прежнихъ его побѣдъ, и удовлетворилъ цѣпью несчастій правосудію рока и гнѣвнымъ тѣнямъ Магдебурга. Въ немъ армія императора и лиги потеряла незамѣнимаго полководца, католическая вѣра — своего усерднѣйшаго защитника, а *Максимиліанъ Баварскій* — преданнѣйшаго изъ слугъ, запечатлѣвшаго свою вѣрность смертью и на одрѣ смерти исполнявшаго обязанности полководца. Послѣднимъ его завѣщаніемъ курфирсту былъ совѣтъ — занять городъ Регенсбургъ,

чтобы владѣть Дунаемъ и сохранить сообщеніе съ Чехіею.

Съ самоувѣренностью, плодомъ многихъ побѣдъ, предпринялъ *Густавъ Адольфъ* осаду города, и думалъ одолѣть сопротивленіе стремительностью перваго натиска. Но твердость укрѣпленій и храбрость гарнизона противопоставили ему препятствія, какихъ онъ не встрѣчалъ со времени брейтенфельдскаго сраженія, и валы Ингольштата едва не положили предѣла его дѣйствіямъ. При рекогносцировкѣ крѣпости двадцатичетырехъ фунтовое ядро убило подъ нимъ лошадь, такъ что онъ упалъ на землю, а вслѣдъ за тѣмъ другое поразило рядомъ съ нимъ его любимца, молодаго маркграфа Баденскаго. Не потерявъ присутствія духа, король тотчасъ всталъ и успокоилъ свое испуганное войско, продолжая путь на другой лошади.

Занятіе баварцами имперскаго города Регенсбурга, которымъ курфирстъ, по совѣту *Тилли*, овладѣлъ хитростью и смирилъ сильнымъ гарнизономъ, перемѣнило военный планъ короля. Онъ самъ ласкалъ себя надеждою завладѣть этимъ имперскимъ городомъ, расположеннымъ къ протестантамъ, и найдти въ немъ союзника столько же преданнаго, какъ Нюрнбергъ, Аугсбургъ и Франкфуртъ. Покореніе его баварцами удаляло надолго исполненіе главнѣйшаго его желанія — овладѣть Дунаемъ и отрѣзать своему противнику всякую помощь изъ Чехіи. Онъ поспѣшно оставилъ Ингольштатъ, у стѣнъ котораго напрасно терялъ время и людей, и вторгся въ самое сердце Баваріи, чтобы выманить курфирста на защиту своихъ областей и тѣмъ очистить берега Дуная отъ защитниковъ.

Вся страна до самаго Мюнхена была открыта по-

бѣдителю. Мосбургъ, Ландсгутъ и весь духовный округъ Фрейзингенъ покорились ему; ничто не могло противиться его оружію. Но если онъ не встрѣчалъ на пути своемъ правильно-устроеннаго войска, то въ груди каждаго баварца находилъ непримиримаго врага — религіозный фанатизмъ. Солдаты, невѣровавшіе въ папу, были въ этой странѣ совершенно-новымъ и неслыханнымъ явленіемъ; слѣпое усердіе духовенства изобразило ихъ поселянину чудовищами, исчадіями ада, а ихъ предводителя — самимъ антихристомъ. Послѣ этого не удивительно, что они считали себя свободными отъ всѣхъ естественныхъ обязанностей и человѣколюбія въ отношеніи къ сатанинскому племени и уполномоченными на самыя ужасныя насилія. Горе шведскому солдату, попавшемуся въ руки этихъ дикарей! Всѣ мученія, какія только можетъ выдумать изобрѣтательная ярость, были совершаемы надъ этимъ несчастнымъ, и видъ ихъ изувѣченныхъ труповъ воспламенялъ армію къ страшному отмщенію. Одинъ *Густавъ Адольфъ* не помрачалъ своего геройскаго характера местью, и недовѣріе баварцевъ къ его христіанству не только не отвлекало его отъ правилъ человѣколюбія въ отношеніи къ этому несчастному народу, но еще болѣе вмѣняло ему въ священную обязанность оправдать свою вѣру строжайшей умѣренностью.

Приближеніе короля распространило страхъ и ужасъ въ столицѣ, оставленной защитниками и знатнѣйшими жителями и искавшей своего спасенія въ одномъ великодушіи побѣдителя. Надѣясь укротить его гнѣвъ безусловною и добровольною покорностью, она выслала къ нему на встрѣчу въ Фрейзингенъ депутатовъ повергнуть къ его ногамъ городскіе ключи. Какъ сильно

ни побуждали короля безчеловѣчіе баварцевъ и враждебные замыслы ихъ государя воспользоваться суровымъ правомъ завоеванія, какъ настойчиво ни умоляли его даже сами нѣмцы отомстить за судьбу Магдебурга столицѣ его разорителя, его великое сердце отвергло такую низкую месть и беззащитность врага обезоружила его гнѣвъ. Онъ удовольствовался тѣмъ благороднымъ торжествомъ, что ввелъ *Фридриха* курфирста *Палатинскаго*, какъ побѣдителя въ столицу государя, бывшаго главнымъ орудіемъ его паденія и разграбленія его областей, и торжество своего въѣзда возвысилъ чуднымъ блескомъ умѣренности и кротости.

Король нашелъ въ Мюнхенѣ одинъ пустой дворецъ, такъ какъ сокровища курфирста были отправлены въ Верфенъ. Великолѣпіе курфиршескаго дворца поразило его, и онъ спросилъ смотрителя, показывавшаго ему комнаты, объ имени архитектора. «Имъ былъ самъ курфирстъ» отвѣчалъ тотъ. «Я бы хотѣлъ имѣть этого архитектора» возразилъ король, «чтобы отправить его въ Стокгольмъ». «Архитекторъ не допустихь себя до того» отвѣчалъ смотритель. При обыскѣ арсенала оказались одни лафеты, къ которымъ недоставало пушекъ. Послѣднія были зарыты подъ поломъ такъ искусно, что не оставалось ни малѣйшаго слѣда, и безъ измѣны одного работника обманъ никогда не былъ бы обнаруженъ. «Возстаньте изъ мертвыхъ» воскликнулъ король «и предстаньте на судъ!» Полъ былъ взломанъ и найдено было до ста-сорока орудій, въ томъ числѣ нѣсколько огромной величины, по большей части доставшіяся въ Палатинатѣ и Чехіи. Тридцать тысячъ червонцевъ золотомъ, спрятанные въ одной изъ нихъ, довершили радость короля этой нечаянной и цѣнной находкѣ.

Но еще болѣе желаннымъ для него явленіемъ была бы самая баварская армія; съ цѣлью выманить ее изъ укрѣпленій, онъ вторгся въ сердце Баваріи. Король обманулся въ своемъ ожиданіи: непріятель не являлся; никакія просьбы подданныхъ не могли склонить курфирста подвергнуть жребію сраженія остатки своей арміи. Запершись въ Регенсбургѣ, онъ ждалъ обѣщанной помощи изъ Чехіи отъ герцога Фридландскаго, а тѣмъ временемъ старался остановить дѣятельность непріятеля возобновленіемъ переговоровъ о нейтралитетѣ. Но король, столько разъ обманутый, не поддался этимъ замысламъ, а умышленная медленность *Валленштейна* оставляла, между тѣмъ, Баварію на жертву шведамъ.

Переходя отъ побѣды къ побѣдѣ, отъ завоеванія къ завоеванію, *Густавъ Адольфъ* не встрѣчалъ до-сихъ-поръ на пути своемъ непріятеля себѣ равнаго. Часть Баваріи и Швабіи, франконскія епископства, Нижній Палатинатъ и курфиршество Майнцское были покорены и оставались за нимъ; неизмѣнное счастье сопровождало его до самыхъ границъ Австрійской Монархіи, и блестящій успѣхъ оправдалъ операціонный планъ, начертанный имъ послѣ брейтенфельдскаго сраженія. Если ему и не удалось произвесть желаннаго соединенія между протестантскими имперскими чинами, то все-таки онъ обезоружилъ или ослабилъ членовъ католической лиги, войну большею частью велъ на ихъ счетъ, уменьшилъ источники пособій императора, подкрѣпилъ мужество слабѣйшихъ чиновъ и черезъ области императорскихъ союзниковъ, обложенныхъ контрибуціею, проложилъ себѣ путь въ австрійскія наслѣдственныя владѣнія. Гдѣ не могъ вынудить повиновенія силою оружія, тамъ дружба имперскихъ городовъ, которые онъ умѣлъ

привязать къ себѣ соединенными узами политики и вѣры, оказывали ему важныя услуги, и онъ могъ всего надѣяться отъ ихъ усердія, пока оставался побѣдоноснымъ. Его завоеваніями на Рейнѣ испанцы отрѣзаны были отъ Нижняго Палатината, на случай, если бы нидерландская война оставила имъ столько силы, чтобы принять участіе и въ германской; даже герцогъ Лотарингскій, послѣ несчастнаго своего похода, предпочелъ нейтралитетъ. Множество гарнизоновъ, оставленныхъ имъ на пути во время прохожденія Германіи, не уменьшили его арміи, и такая же свѣжая, какою была въ началѣ похода, стояла она теперь въ средоточіи Баваріи, готовая перенесть войну въ сердце Австріи.

Въ то время, какъ *Густавъ Адольфъ* велъ войну съ такимъ успѣхомъ, счастье не менѣе благопріятствовало его союзнику, курфирсту Саксонскому, на другомъ театрѣ войны. Припомнимъ, что на совѣщаніи, происходившемъ въ Галлѣ между обоими государями тотчасъ послѣ лейпцигскаго сраженія, завоеваніе Чехіи предоставлено было курфирсту Саксонскому, тогда какъ король избралъ себѣ путь въ земли лиги. Первымъ плодомъ брейтенфельдской побѣды для курфирста было обратное завоеваніе Лейпцига, послѣ чего вскорѣ и весь округъ былъ очищенъ отъ императорскихъ гарнизоновъ. Усилившись новыми солдатами, перешедшими къ нему изъ непріятельскихъ гарнизоновъ, саксонскій генералъ *Арнгеймъ* двинулся въ Лузацію, которую наводнилъ войсками императорскій генералъ *Рудольфъ Тифенбахъ*, съ цѣлью наказать курфирста Саксонскаго за союзъ съ непріятелемъ. Уже онъ, по обыкновенію, началъ опустошать эту дурно-защищенную область, занялъ многіе города и самый Дрезденъ привелъ въ ужасъ

грознымъ своимъ приближеніемъ. Но эти быстрые успѣхи были внезапно остановлены именнымъ повелѣніемъ императора прекратить непріязненныя дѣйствія съ саксонскихъ владѣніяхъ.

Слишкомъ поздно понялъ *Фердинандъ* ложность политики, побудившей его довести курфирста Саксонскаго до крайности и почти силой заставить этого важнаго союзника принять сторону короля Шведскаго. Испорченное несвоевременнымъ упорствомъ хотѣлъ онъ поправить такою же неумѣстною умѣренностью, и сдѣлалъ вторую ошибку, стараясь исправить первую. Думая отнять у своего врага такого важнаго союзника, онъ возобновилъ, чрезъ посредство испанцевъ, переговоры съ курфирстомъ, а для облегченія ихъ успѣха, приказалъ *Тифенбаху* оставить немедленно всѣ саксонскія земли. Но такое уничиженіе императора не произвело желаннаго дѣйствія, только обнаружило курфирсту стѣсненныя обстоятельства врага и собственную его важность и побудило его тѣмъ дѣятельнѣе продолжать начатое съ такимъ успѣхомъ. Да и могъ ли онъ, не навлекая на себя презрѣнія безчестнѣйшею неблагодарностью, оставить союзника, которому далъ священнѣйшія клятвы въ вѣрности и которому былъ обязанъ спасеніемъ своихъ областей и даже курфиршеской шапки?

Итакъ, саксонская армія, не имѣя болѣе надобности идти въ Лузацію, двинулась въ Чехію, гдѣ стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, казалось, ручалось ей напередъ за побѣду. Пламя междоусобія все еще тлѣло подъ пепломъ въ этомъ королевствѣ, театрѣ первыхъ событій этой опустошительной войны, и, поддерживаемое гнетомъ тиранніи, давало негодованію націи ежедневно новую пищу. Куда ни обращались глаза, всюду эта не-

счастная земля являла слѣды печальнѣйшихъ перемѣнъ. Цѣлые округи перемѣнили своихъ владѣльцевъ и стонали подъ ненавистнымъ игомъ католическихъ помѣщиковъ, которыхъ милость императора и іезуитовъ обогатила добычею изгнанныхъ протестантовъ. Другіе воспользовались общественнымъ бѣдствіемъ и скупили конфискованныя имѣнія изгнанниковъ за дешевую цѣну. Кровь главнѣйшихъ поборниковъ свободы была пролита на плахѣ, а тѣ, которые заблаговременнымъ бѣгствомъ избѣгли смерти, скитались въ бѣдности, далеко отъ отечества, въ то время, какъ покорные рабы деспотизма расточали ихъ наслѣдство. Еще невыносимѣе, чѣмъ этотъ гнётъ маленькихъ тирановъ, было угнетеніе совѣсти, отягощавшее безъ различія всю протестантскую партію королевства. Ни внѣшняя опасность, ни упорное сопротивленіе націи, ни самые страшные опыты не могли обуздать усердія іезуитовъ къ обращенію протестантовъ въ католичество: гдѣ путь убѣжденій оказывался безплоднымъ, тамъ съ помощью солдатъ загоняли заблудшихся овецъ въ лоно церкви. Всѣхъ болѣе пострадали жители Іоахимсталя, лежащаго въ горахъ между Чехіею и Мейсеномъ. Два императорскіе коммиссара, подкрѣпленные двумя же іезуитами и пятнадцатью мушкетерами, прибыли въ эту мирную долину проповѣдывать евангеліе еретикамъ. Гдѣ не дѣйствовало краснорѣчіе первыхъ, тамъ старались достигнуть цѣли насильственнымъ размѣщеніемъ послѣднихъ по домамъ обывателей, угрозами изгнанія и денежными пенями. Но на этотъ разъ правда восторжествовала и мужественное сопротивленіе этого небольшаго народа принудило императора постыднымъ образомъ отказаться отъ своего предпріятія. Примѣръ двора служилъ католикамъ королев-

ства образцомъ для ихъ дѣйствій и оправдывалъ всевозможныя притѣсненія, къ которымъ побуждала ихъ ненависть къ протестантамъ. Не удивительно, что эта сильно-гонимая партія желала перемѣны и, полная ожиданія, стремилась мысленнымъ взоромъ на встрѣчу своему избавителю, который въ это время показывался на границѣ.

Саксонская армія шла на Прагу. Императорскіе гарнизоны очищали города при ея появленіи. Шлокенау, Тетченъ, Ауссигъ и Лейтмерицъ вскорѣ, одинъ за другимъ, достались непріятелю; каждое католическое мѣсто отдавалось на разграбленіе. Ужасъ овладѣлъ всѣми папистами королевства; помня обиды, нанесенныя протестантамъ, они не рѣшались дожидаться карающаго прибытія протестантской арміи. Все, что́ было католическаго и имѣло что́ терять, бросилось изъ деревень въ столицу, чтобы и столицу оставить такъ же скоро. Самая Прага не была приготовлена къ оборонѣ и слишкомъ бѣдна солдатами, чтобы выдержать продолжительную осаду. При дворѣ императора рѣшились слишкомъ поздно призвать фельдмаршала *Тифенбаха* для защиты этой столицы. Прежде чѣмъ императорское повелѣніе достигло мѣстопребыванія генерала, саксонцы уже были недалеко отъ Праги, на половину-протестантское населеніе которой не обѣщало большаго усердія, а отъ слабаго гарнизона нельзя было надѣяться продолжительнаго сопротивленія. Въ этомъ ужасномъ положеніи католическіе обыватели ждали своего спасенія отъ *Валленштейна*, жившаго въ стѣнахъ этого города, какъ частный человѣкъ. Далекій отъ мысли употребить свою военную опытность и значеніе своей извѣстности на спасеніе города, онъ, напротивъ, воспользовался этимъ

давно-желаннымъ случаемъ для удовлетворенія своей мести. Если онъ и не приманилъ саксонцевъ къ Прагѣ, то, по крайней мѣрѣ, своимъ поведеніемъ облегчилъ имъ взятіе этого города. Если Прага не была способна къ продолжительному сопротивленію, то, во всякомъ случаѣ, у нея не было недостатка въ средствахъ удержаться до прибытія помощи, тѣмъ болѣе, что императорскій полковникъ графъ *Марадасъ* изъявилъ желаніе взять на себя защиту города. Но не имѣя на то приказанія и побуждаемый къ этому отчаянному предпріятію однимъ усердіемъ и храбростью, онъ не рѣшался принять на себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ безъ одобренія высшаго лица. Итакъ, онъ обратился за совѣтомъ къ герцогу Фридландскому, одобреніе котораго могло замѣнить императорское полномочіе, и къ которому, въ этомъ крайнемъ случаѣ, велѣно было именемъ двора обратиться чешскимъ генераламъ. Но тотъ коварно прикрылся своею отставкой и совершеннымъ удаленіемъ отъ политическихъ дѣлъ, и смутилъ своими недоумѣніями рѣшимость подчиненныхъ. Для довершенія общаго унынія, онъ покинулъ городъ со всѣмъ своимъ дворомъ, хотя ему и нечего было опасаться при взятіи его непріятелемъ; и Прага была потеряна именно потому, что онъ своимъ отъѣздомъ обрекъ ее на гибель. Его примѣру послѣдовало все католическое дворянство, генералы съ войсками, духовенство и всѣ служащіе; всю ночь провели безъ сна, спасая себя и имущество. Всѣ дороги до самой Вѣны были покрыты бѣгущими, которые только въ императорской столицѣ опомнились отъ страха. Самъ *Марадасъ*, отчаявшись спасти Прагу, послѣдовалъ за прочими и повелъ свое небольшое войско къ Табору, гдѣ хотѣлъ ожидать конца.

Глубокая тишина царствовала въ Прагѣ, когда саксонцы явились передъ нею на другое утро; не было никакихъ приготовленій къ оборонѣ, ни одинъ выстрѣлъ съ вала не возвѣстилъ о сопротивленіи жителей. Напротивъ, около саксонцевъ собралось множество жителей, привлеченныхъ изъ города любопытствомъ увидѣть непріятельское войско; а довѣренность, съ какою они приближались, походила болѣе на дружеское привѣтствіе, чѣмъ на встрѣчу непріятеля. Изъ единогласнаго показанія этихъ людей узнали, что въ городѣ нѣтъ солдатъ и что правительство бѣжало въ Будвейсъ. Это неожиданное и необъяснимое отступленіе возбудило недовѣрчивость *Аржейма*, тѣмъ болѣе, что для него не было тайной поспѣшное приближеніе помощи изъ Силезіи, тогда-какъ саксонская армія не была достаточно снабжена орудіями для осады и по своей малочисленности не могла взять приступомъ такого большаго города. Боясь засады, онъ удвоилъ бдительность, и не переставалъ бояться, пока домоправитель герцога Фридландскаго, котораго онъ увидѣлъ въ толпѣ, не подтвердилъ ему этого невѣроятнаго извѣстія. «Безъ битвы городъ нашъ!» вскричалъ онъ, полный изумленія, обращаясь къ своимъ полковникамъ, и отправилъ трубача съ требованіемъ сдачи.

Жители Праги, постыднымъ образомъ оставленные своими защитниками, давно рѣшились на сдачу, и только хотѣли обезпечить свободу и имущество выгодною капитуляціею. Какъ только она была подписана саксонскимъ генераломъ именемъ своего государя, ворота были отворены безъ сопротивленія, и 11-го ноября 1631 года армія съ торжествомъ вошла въ городъ. Вскорѣ прибылъ и самъ курфирстъ, чтобы лично принять присягу

въ вѣрности своихъ новыхъ *покровительствуемыхъ*, такъ-какъ только подъ этимъ именемъ сдались ему три прагскіе города: это условіе должно было обезпечить ихъ связь съ австрійскою монархіею. Какъ сильно боялись паписты мщенія саксонцевъ, такъ пріятно были удивлены они умѣренностью курфирста и порядкамъ въ его войскѣ. При этомъ случаѣ фельдмаршалъ *Арнгеймъ* выказалъ ясно свою преданность герцогу Фридландскому. Не довольствуясь тѣмъ, что на походѣ пощадилъ всѣ помѣстья герцога, онъ приставилъ теперь караулъ къ его дворцу, для отвращенія воровства. Католики города пользовались совершенною свободою совѣсти, и изъ всѣхъ церквей, отнятыхъ у протестантовъ, возвращены имъ только *четыре*. Одни іезуиты, которыхъ общій голосъ обвинялъ во всѣхъ бывшихъ притѣсненіяхъ, не могли воспользоваться этой терпимостью, и должны были покинуть королевство.

Іоаннъ Георгъ и среди побѣдъ оставался смиреннымъ и покорнымъ въ отношеніи къ императору, и не позволялъ себѣ дѣйствовать противъ него въ Прагѣ, тогда какъ императорскій генералъ, каковъ *Тилли* или *Паппенгеймъ*, конечно не усумнился бы дѣйствовать противъ *него* въ Дрезденѣ. Напрасно отличалъ онъ непріятеля, съ которымъ велъ войну, отъ главы имперіи, которому обязанъ былъ благоговеніемъ. Онъ не осмѣлился коснуться домашней утвари послѣдняго, тогда-какъ не усомнился присвоить себѣ пушки перваго и отправить ихъ въ Дрезденъ, какъ военную добычу. Онъ остановился не въ императорскомъ дворцѣ, а въ домѣ *Лихтенштейна*, не желая, изъ скромности, занять комнатъ того, у котораго отымалъ королевство. Подобная черта въ великомъ человѣкѣ и героѣ возбудила бы

въ насъ справедливое удивленіе. Встрѣчая ее въ государѣ такихъ свойствъ, мы вправѣ усумниться, должны ли почтить въ этомъ воздержаніи прекрасную побѣду скромности или пожалѣть о малодушіи слабаго, котораго и самое счастье не дѣлаетъ отважнымъ и самая свобода не разрѣшаетъ отъ привычныхъ оковъ.

Взятіе Праги, за которымъ вскорѣ послѣдовала сдача большей части городовъ, произвело быструю и значительную перемѣну въ королевствѣ. Многіе изъ протестантскихъ дворянъ, блуждавшихъ до-сихъ-поръ на чужбинѣ, воротилились въ отечество, и графъ *Турнъ*, извѣстный виновникъ чешскаго возстанія, дождался торжества — явиться побѣдителемъ на театрѣ прежнихъ своихъ преступленій и приговора. Черезъ тотъ самый мостъ, на которомъ воткнутыя на спицы головы его приверженцевъ рисовали ему печальную судьбу, ожидавшую его самого́, онъ имѣлъ теперь торжественный въѣздъ въ городъ, и первымъ его дѣломъ было удалить эти страшныя изображенія. Изгнанники немедленно вступили въ управленіе прежними своими помѣстьями, настоящіе владѣльцы которыхъ бѣжали. Не заботясь о томъ, кто возвратитъ этимъ послѣднимъ издержки, они присвоили себѣ все имъ принадлежавшее и даже прежде ими самими проданное имущество, причемъ нѣкоторые имѣли причину хвалить хозяйственныя распоряженія управлявшихъ въ ихъ отсутствіе. Поля и стада въ это время улучшились и размножились. Комнаты блестѣли дорогимъ убранствомъ; погреба, кладовыя и конюшни, которые они оставили пустыми, были полны. Но, не довѣряя счастью, излившемуся на нихъ такъ неожиданно, они спѣшили продать эти сомнительныя помѣстья и недвижимое имущество обратилось въ движимое.

Присутствіе саксонцевъ подняло духъ всѣхъ протестантовъ королевства, и въ деревняхъ, также какъ и въ столицѣ, народъ толпами стекался во вновь открытыя евангелическія церкви. Многіе, изъ одного только страха державшіеся папизма, явно обратились къ новой вѣрѣ, а нѣкоторые изъ новообращенныхъ католиковъ съ радостью отрекались отъ принужденнаго исповѣданія, чтобы слѣдовать прежнимъ убѣжденіямъ. Доказанная терпимость новаго правительства не могла однако удержать справедливаго негодованія, излитаго угнетеннымъ народомъ на притѣснителей его священнѣйшей свободы. Страшно воспользовался онъ своими вновь добытыми правами, и ненависть его къ принудительной вѣрѣ потухла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только въ крови ея проповѣдниковъ.

Между тѣмъ вспомогательныя войска, спѣшившія изъ Силезіи подъ начальствомъ императорскихъ генераловъ *Гётца* и *Тифенбаха*, прибыли въ Чехію, гдѣ присоединилось къ нимъ нѣсколько полковъ графа *Тилли* изъ Верхняго Палатината. *Арнгеймъ*, съ цѣлью разсѣять эти войска, пока они не усилились, выступилъ изъ Праги съ частью арміи имъ на встрѣчу и при Нимбургѣ, на Эльбѣ, храбро напалъ на ихъ укрѣпленія. Послѣ жаркаго сраженія онъ выбилъ, наконецъ, не безъ значительной потери, непріятеля изъ укрѣпленнаго лагеря и заставилъ огнемъ своей артиллеріи отступить за Эльбу и сломать за собою мостъ. При всемъ-томъ, онъ не могъ воспрепятствовать императорскимъ войскамъ наносить ему значительный вредъ въ легкихъ стычкахъ, а кроатамъ — простирать своихъ набѣговъ до самыхъ воротъ Праги. Какъ много обѣщалъ въ началѣ чешскій походъ, такъ блистательно открытый саксон-

цами, такъ мало его исходъ оправдалъ ожиданія *Густава Адольфа*. Вмѣсто того, чтобы, воспользовавшись пріобрѣтенными успѣхами, идти безостановочно впередъ черезъ покоренную Чехію на встрѣчу шведской арміи и вмѣстѣ съ нею вторгнуться въ средоточіе могущества императора, они истощали свои силы въ продолжительной малой войнѣ, въ которой успѣхъ не всегда былъ на ихъ сторонѣ, и безполезно тратили время, необходимое для предпріятія болѣе важнаго. Но послѣдующій образъ дѣйствій *Іоанна Георга* разоблачилъ *побудительныя причины*, непозволявшія ему воспользоваться успѣхами надъ императоромъ и способствовать планамъ короля Шведскаго полезною дѣятельностью.

Большая часть Чехіи была теперь потеряна для императора и саксонцы шли оттуда на Австрію, тогда-какъ Шведскій монархъ пролагалъ себѣ дорогу черезъ Франконію, Швабію и Баварію въ императорскія наслѣдственныя земли. Долговременная война поглотила силы Австрійской Монархіи, истощила земли и уменьшила арміи. Исчезла слава ея побѣдъ, увѣренность въ ея непобѣдимость, исчезло послушаніе и дисциплина въ ея войскѣ, исчезло тó, чтó давало шведскому полководцу рѣшительный перевѣсъ въ полѣ. Союзники императора были обезоружены, или собственная опасность поколебала ихъ вѣрность. Самъ *Максимиліанъ Баварскій*, сильнѣйшая подпора Австріи, казалось, уступалъ обольстительнымъ приглашеніямъ къ нейтралитету; подозрительный союзъ этого государя съ Франціею уже давно озабочивалъ императора. Епископы Вюрцбургскій и Бамбергскій, курфирстъ Майнцскій и герцогъ Лотарингскій были изгнаны изъ своихъ земель, или сильно запуганы.

Триръ хотѣлъ прибѣгнуть къ покровительству Франціи. Испанское оружіе было занято храбростью голландцевъ въ Нидерландахъ, а *Густавъ Адольфъ* прогналъ ихъ съ Рейна. Польша была связана перемиріемъ съ этимъ государемъ. Венгерскимъ границамъ угрожалъ Трансильванскій князь *Рагоци*, преемникъ *Бетлена Гобора* и наслѣдникъ его безпокойнаго духа; сама Порта серьёзно вооружалась, чтобы воспользоваться удобнымъ случаемъ. Большая часть протестантскихъ имперскихъ чиновъ, ободренныхъ успѣхами оружія своего защитника, открыто и дѣятельно возстала противъ партіи императора. Всѣ источники, открытые въ этихъ земляхъ наглостью *Тилли* и *Валленштейна*, при помощи насилія и грабежей, изсякли; всѣ бывшія тамъ запасныя мѣста, магазины и пристанища были потеряны для императора, и войну уже нельзя было, какъ прежде, вести на чужой счетъ. Къ довершенію всѣхъ этихъ бѣдствій, въ земляхъ по Энсу вспыхиваетъ опасный мятежъ; неумѣстное религіозное усердіе со стороны правительства вооружаетъ протестантскихъ поселянъ, и фанатизмъ раздуваетъ свой факелъ, тогда-какъ непріятель уже вламывается въ ворота государства. Послѣ такого продолжительнаго счастья, послѣ ряда такихъ блестящихъ побѣдъ, послѣ столькихъ завоеваній, столькихъ потоковъ безполезно-пролитой крови, Австрійскій монархъ во второй разъ видитъ себя надъ пропастью, грозившею поглотить его при вступленіи на престолъ. Согласись Баварія на нейтралитетъ, устой Саксонія противъ соблазна и рѣшись Франція напасть въ одно время на испанское могущество въ Нидерландахъ, Италіи и Каталоніи — тогда рушилось бы гордое зданіе австрійскаго величія, союзныя государства раздѣлили бы эту добычу, и гер-

манское государственное тѣло получило бы совершенное преобразованіе.

Длинный рядъ этихъ бѣдствій начался брейтенфельдскимъ сраженіемъ, несчастный исходъ котораго обнаружилъ давно-признанный упадокъ австрійскаго могущества, прикрывавшагося однимъ обманчивымъ блескомъ великаго имени. Если мы обратимся къ причинамъ, доставившимъ шведамъ такое страшное превосходство въ въ полѣ, то найдемъ, что они большею частью заключались въ неограниченной власти ихъ предводителя, который соединялъ въ одной рукѣ всѣ силы своей партіи, и не будучи обязанъ въ своихъ предначертаніяхъ никакою высшею властью, былъ полновластнымъ повелителемъ каждой благопріятной минуты и могъ располагать всѣми средствами для достиженія своей цѣли. Совершенно противное оказывалось на сторонѣ императора и лиги, со времени отставки *Валленштейна* и разбитія *Тилли*. Генералы не пользовались уваженіемъ войскъ и были связаны въ своихъ дѣйствіяхъ; солдатамъ не доставало послушанія и дисциплины, разсѣяннымъ корпусамъ — единства дѣйствій, чинамъ — согласія, начальникамъ — единодушія; не было быстроты въ рѣшеніяхъ и твердости при ихъ исполненіи. Не превосходству силъ, а лучшему ихъ употребленію обязаны были враги императора такимъ рѣшительнымъ перевѣсомъ. Ни средствъ, а ума, способнаго и уполномоченнаго употребить эти средства не доставало *лигѣ* и императору. Если бы графъ *Тилли* не потерялъ своей славы, то недовѣрчивость къ Баваріи все-таки не допустила бы поручить судьбу монархіи человѣку, никогда нескрывавшему своей привязанности къ баварскому дому. *Фердинандъ* нуждался въ полководцѣ, достаточно-опытномъ, чтобы обра-

зовать и предводительствовать арміею, и въ то же время готовомъ съ слѣпою преданностью служить австрійскому дому.

Тайный совѣтъ императора былъ давно занятъ выборомъ такого полководца и его члены никакъ не могли согласиться между собою. Задумавъ противопоставить государя государю и присутствіемъ повелителя воспламенить мужество войскъ, *Фердинандъ* въ первомъ жару вызвался самъ предводительствовать арміею; но не трудно было опровергнуть намѣреніе, внушенное отчаяніемъ и опровергаемое первымъ спокойнымъ размышленіемъ. Но что́ императору запрещали санъ и правительственныя обязанности, то́ обстоятельства разрѣшали его сыну, способному и мужественному юношѣ, на котораго австрійскіе подданные взирали съ радостными надеждами. Уже самымъ рожденіемъ побуждаемый на защиту монархіи, украсившей его двумя коронами, *Фердинандъ Третій*, король Чешскій и Венгерскій, кромѣ природнаго сана наслѣдника престола, имѣлъ за себя уваженіе арміи и любовь народа, помощь которыхъ была такъ необходима для продолженія войны. Одинъ всѣми любимый наслѣдникъ престола могъ рѣшиться обложить новыми налогами и безъ того отягощеннаго подданаго; одно только личное его присутствіе въ арміи, казалось, могло погасить вредный раздоръ между ея предводителями и силою своего имени возстановить въ прежней строгости уснувшую дисциплину въ войскахъ. Если юношѣ не доставало необходимой зрѣлости сужденій, благоразумія и военной опытности, пріобрѣтаемой однимъ упражненіемъ, то это можно было пополнить хорошимъ выборомъ совѣтниковъ и помощниковъ, поручивъ имъ, подъ покровомъ его имени, верховную власть

Если причины, приводимыя нѣкоторыми министрами, были благовидны, то недовѣрчивость, а можетъ быть и зависть императора и отчаянное положеніе дѣлъ представляли много затрудненій исполненію этого плана. Какъ ввѣрить судьбу цѣлой монархіи юношѣ, имѣвшему еще нужду въ чужихъ совѣтахъ! Какъ рѣшиться противопоставить величайшему полководцу своего вѣка ученика, способность котораго къ занятію этого важнаго мѣста еще не была испытана никакимъ предпріятіемъ и имя котораго, еще необозначенное славой, было слишкомъ безсильно, чтобы упавшей духомъ арміи ручаться напередъ за побѣду! Къ тому же, какое новое бремя для подданнаго содержать дорогой штабъ, приличный коронованному полководцу, которымъ, слѣдуя тогашнему обычаю, онъ долженъ былъ окружить себя въ арміи! Какъ опасно, наконецъ, для самого принца начать свое политическое поприще должностью, которая должна была сдѣлать его бичомъ своего народа и гнётомъ земель будущаго своего наслѣдія!

Притомъ недостаточно было сыскать полководца для арміи, надо было найти и армію для полководца. Со времени насильственнаго удаленія *Валленштейна*, императоръ оборонялся болѣе лигическими и баварскими арміями, чѣмъ своими собственными, и этой-то зависимости отъ двуличныхъ друзей старались теперь избѣгнуть назначеніемъ своего главнокомандующаго. Но была ли возможность, безъ всемогущей силы золота и одушевлявшаго имени побѣдоноснаго полководца, вызвать армію изъ ничего, и притомъ армію по дисциплинѣ, воинственному духу и знанью своего дѣла равную опытнымъ полкамъ сѣвернаго завоевателя? Во всей Европѣ былъ только одинъ человѣкъ, способный на та-

кое дѣло, и этому одному была нанесена смертельная обида.

Теперь, наконецъ, настало время, доставившее оскорбленной гордости герцога Фридландскаго безпримѣрное удовлетвореніе. Сама судьба сдѣлалась орудіемъ его мщенія, и непрерывный рядъ несчастій, постигшій Австрію послѣ его отставки, исторгъ у императора признаніе, что вмѣстѣ съ этимъ полководцемъ ему отрубили правую руку. Каждое новое пораженіе его войскъ растравляло эту рану, каждый потерянный городъ приводилъ на память обманутому монарху его слабость и неблагодарность. Еще слава Богу, если бы онъ въ оскорбленномъ генералѣ потерялъ только предводителя своихъ войскъ и защитника своихъ государствъ — но онъ нашелъ въ немъ врага тѣмъ болѣе опаснаго, что всего менѣе былъ огражденъ противъ замысловъ измѣнника.

Удаленный отъ театра войны и осужденный на мучительное бездѣйствіе, тогда какъ его соперники пожинали лавры на полѣ славы, высокомѣрный герцогъ глядѣлъ съ презрительнымъ равнодушіемъ на перемѣну счастья, и въ блестящей пышности театральнаго героя скрывалъ мрачные замыслы вѣчно-работающаго ума. Снѣдаемый кипучими страстями, тогда-какъ его наружность показывала спокойствіе и праздность, онъ спокойно приводилъ въ исполненіе ужасное порожденіе мести и честолюбія, и медленно, но вѣрно приближался къ цѣли. Все чѣмъ онъ былъ обязанъ императору изгладилось изъ его памяти; только тó, что *онъ* сдѣлалъ для императора, было начертано огненными буквами въ его памяти. Неблагодарность императора была пріятна его ненасытной жаждѣ величія и могущества: она, казалось, разрывала его долговую росписку и разрѣшала

отъ всѣхъ обязанностей къ виновнику его счастья. Честолюбивые его замыслы казались ему однимъ справедливымъ и безгрѣшнымъ намѣреніемъ. По мѣрѣ того, какъ стѣснялся внѣшній кругъ его дѣйствій, міръ надеждъ расширялся, и его мечтательное воображеніе терялось въ необузданныхъ замыслахъ, которыя во всякой другой головѣ, за исключеніемъ его, могли быть плодомъ одного безумія. Заслуги вознесли его такъ высоко, какъ только могутъ вознести человѣка собственныя силы; счастье не отказало ему ни въ чемъ изъ всего того, чего только можетъ достигнуть частный человѣкъ и гражданинъ, не выступающій изъ круга своихъ обязанностей. До самой отставки, требованія его не находили сопротивленія, честолюбіе — границъ; ударъ, сразившій его на регенсбургскомъ имперскомъ сеймѣ, показалъ ему разницу между властью *коренной* и *заемной*, и разстояніе, отдѣляющее подданнаго отъ государя. Пробужденный въ испугѣ этою неожиданною перемѣною счастья отъ долгаго упоенія своимъ величіемъ, онъ сравнилъ власть, которую имѣлъ, съ тою, которая отняла её у него, и его честолюбіе замѣтило ступень, на которую ему еще оставалось подняться на лѣстницѣ счастья. Не прежде, какъ узнавъ тяжелымъ опытомъ всю силу высочайшей власти, простеръ онъ къ ней свои жадныя руки; похищеніе, испытанное имъ самимъ сдѣлало его похитителемъ. Не раздраженный обидою, онъ совершилъ бы послушно свое теченіе вокругъ величаваго престола, довольствуясь славою быть блистательнѣйшимъ изъ его спутниковъ; но вытѣсненный изъ своего круга, онъ разстоилъ систему къ которой принадлежалъ, и сокрушительно низринулся на свое солнце.

Густавъ Адольфъ побѣдоносно проходилъ герман-

скій сѣверъ; города сдавались ему одинъ за другимъ, и подъ Лейпцигомъ палъ цвѣтъ императорскаго войска. Извѣстіе объ этомъ пораженіи вскорѣ достигло и до *Валленштейна*, который, въ Прагѣ, въ неизвѣстности частной жизни, слѣдилъ издали за порывами военной бури. Что́ наполняло безпокойствомъ грудь каждаго католика, то́ сулило ему величіе и счастье; для *него* одного трудился *Густавъ Адольфъ*. Едва послѣдній началъ пріобрѣтать уваженіе своими военными подвигами, какъ герцогъ Фридландскій, не теряя ни минуты, уже искалъ его дружбы и старался соединиться съ этимъ счастливымъ врагомъ Австріи. Изгнанный графъ *Турнъ*, уже давно служившій королю Шведскому, взялся передать поздравленіе *Валленштейна* монарху и пригласить его къ тѣсному союзу съ герцогомъ. *Валленштейнъ* требовалъ отъ короля пятнадцать тысячъ человѣкъ, чтобы при ихъ помощи и съ войсками, которыя онъ обязывался набрать самъ, завоевать Чехію и Моравію, напасть на Вѣну и прогнать императора, своего государя, въ Италію. Хотя неожиданность этого предложенія и безмѣрность данныхъ обѣщаній и возбудили недовѣрчивость въ *Густавѣ Адольфѣ*, но все-таки онъ былъ слишкомъ хорошимъ цѣнителемъ достоинствъ, чтобы отвергнуть съ холодностью такого полезнаго друга. Но когда *Валленштейнъ*, ободренный благосклоннымъ пріемомъ этой первой попытки возобновилъ послѣ брейтенфельдскаго сраженія свое предложеніе и требовалъ рѣшительнаго отвѣта, то осторожный монархъ усомнился подвергнуть свою славу несбыточнымъ замысламъ этого дерзкаго ума и довѣрить такое значительное войско прямодушію человѣка, который обращался къ нему, какъ измѣнникъ. Онъ извинился малочислен-

ностью своей арміи, которая, при такомъ значительномъ отдѣленіи силъ, могла пострадать при его походѣ въ имперію, и чрезмѣрною осторожностью упустилъ, можетъ быть, случай кончить войну однимъ ударомъ. Впослѣдствіи пытался онъ, но уже слишкомъ поздно, возобновить прерванные переговоры; удобный случай былъ упущенъ, и оскорбленная гордость *Валленштейна* никогда не прощала ему этого пренебреженія.

Но отказъ короля, вѣроятно, только *ускорилъ* разрывъ, который свойство этихъ обоихъ характеровъ дѣлало неизбѣжнымъ. Оба, рожденные предписывать законы, а не принимать ихъ, никогда не могли сохранить согласіе въ предпріятіи, требовавшемъ, болѣе, чѣмъ всякое другое, уступчивости и взаимныхъ пожертвованій. *Валленштейнъ* былъ *ничто*, какъ скоро не былъ *всѣмъ;* онъ долженъ былъ или дѣйствовать совершенно свободно или вовсе не дѣйствовать. *Густавъ Адольфъ* точно также душевно ненавидѣлъ всякую зависимость, и едва не разорвалъ выгоднаго союза съ французскимъ дворомъ, притязанія котораго связывали его дѣятельный духъ. Тотъ былъ потерянъ для партіи, которою не могъ управлять; этотъ еще того менѣе былъ способенъ ходить на помочахъ. Если бы повелительныя требованія этого союзника были такъ тягостны для герцога Фридландскаго при ихъ совокупныхъ дѣйствіяхъ, то они были бы для него еще невыносимѣе при раздѣлѣ добычи. Гордый монархъ могъ снизойти до принятія помощи мятежнаго подданнаго противъ императора и наградить по-царски такую важную услугу; но никогда не могъ такъ далеко упустить изъ вида достоинства, какъ своего собственнаго, такъ и всѣхъ государей, чтобы положить награду, требуемую безмѣрнымъ честолюбіемъ герцога; никогда не

могъ согласиться за полезную измѣну заплатить короной. Итакъ отъ *него*, если бы и вся Европа молчала, слѣдовало ожидать грознаго противорѣчія, какъ скоро *Валленштейнъ* протянулъ бы руку къ чешскому скиптру — и *онъ* одинъ во всей Европѣ могъ дать силу такому *запрещенію*. Ставъ диктаторомъ Германіи содѣйствіемъ *Валленштейна*, *Густавъ* могъ бы обратить оружіе противъ него и почитать себя свободнымъ отъ всякой признательности къ измѣннику. Итакъ при такомъ союзникѣ не было мѣста *Валленштейну;* и вѣроятно, онъ намекалъ на *это*, а не на свои мнимые виды на императорскую корону, когда сказалъ послѣ смерти короля: «Счастье для меня и для него, что онъ умеръ! Германская имперія не могла имѣть двухъ такихъ предводителей».

Первое покушеніе отмстить австрійскому дому не удалось; но намѣреніе было твердо, и измѣненіе произошло въ одномъ выборѣ средствъ. Чего не удалось ему у короля Шведскаго, того надѣялся достигнуть онъ съ ме́ньшими трудностями и бо́льшими выгодами чрезъ курфирста Саксонскаго, которымъ не сомнѣвался управлять по своей волѣ, тогда какъ *Густавъ Адольфъ* не подавалъ ему въ томъ никакой надежды. Не прерывая согласія съ *Арнгеймомъ*, своимъ старымъ другомъ, онъ старался теперь о союзѣ съ Саксоніею, которымъ надѣялся сдѣлаться одинаково страшнымъ какъ императору, такъ и королю Шведскому. Къ этому замыслу, который, въ случаѣ успѣха, лишалъ Шведскаго монарха всего вліянія на Германію, онъ могъ надѣяться склонить *Іоанна Георга* тѣмъ легче, чѣмъ болѣе ревнивый нравъ этого государя завидовалъ власти *Густава Адольфа*, и привязанность къ нему, и безъ того

слабая, охладѣвала отъ возраставшихъ притязаній короля. Еслибы ему удалось отвлечь Саксонію отъ шведскаго союза и вмѣстѣ съ нею составить *третью партію* въ имперіи, то судьба войны была бы въ его рукахъ, и, однимъ ударомъ отмстивъ императору и отплативъ Шведскому королю за презрѣнную дружбу, онъ на гибели ихъ обоихъ основалъ бы зданіе собственнаго величія.

Но какую бы дорогу ни избиралъ герцогъ для достиженія своей цѣли, онъ не могъ ничего сдѣлать безъ помощи арміи, ему совершенно преданной. Эта армія не могла быть набрана такъ скрытно, чтобы не возбудить подозрѣніе императорскаго двора и не уничтожить предпріятія въ самомъ началѣ. Эта армія до времени не должна была знать противозаконнаго своего назначенія, такъ-какъ трудно было ожидать, чтобы она откликнулась на призывъ измѣнника и стала сражаться противъ законнаго своего государя. Итакъ *Валленштейну* надо было набрать войско открыто и именемъ императора, и отъ самого императора получить неограниченную власть надъ нимъ. Но это могло случиться лишь тогда, когда бы ему было снова поручено главное начальство надъ войскомъ и предоставлено безусловное веденіе войны. При всемъ томъ, ни высокомѣріе, ни личная выгода не позволяли ему добиваться подобнаго мѣста и выпрашивать у милости императора ограниченную власть, когда онъ надѣялся вынудить у его страха неограниченную. Для того, чтобы принять начальство на произвольныхъ условіяхъ, ему слѣдовало ждать, пока самъ императоръ не предложитъ ему принять званіе главнокомандующаго. Таковъ былъ совѣтъ, данный ему *Арнгеймомъ*; такова была цѣль глубокой политики и неутомимой дѣятельности *Валленштейна*.

Увѣренный въ томъ, что одна только крайность можетъ преодолѣть нерѣшительность императора и сдѣлать безсильными возраженія Баваріи и Испаніи, двухъ яростныхъ его противниковъ, онъ сталъ съ этихъ поръ поощрять успѣхи непріятеля и умножать бѣдствія своего государя. Весьма вѣроятно, что саксонцы, уже бывшіе на пути въ Лузацію и Силезію, повернули, по его убѣжденію и приглашено въ Чехію, и наводнили своими войсками беззащитное королевство; ихъ быстрые успѣхи въ этой странѣ также были его дѣломъ. Притворнымъ малодушіемъ устранилъ онъ всякую мысль о сопротивленіи, а поспѣшнымъ отъѣздомъ изъ столицы предалъ ее побѣдителю. При свиданіи его съ саксонскимъ генераломъ въ Кауницѣ, подъ видомъ мирныхъ переговоровъ, вѣроятно, былъ утвержденъ заговоръ окончательно, и завоеваніе Чехіи было первымъ плодомъ этого условія. Между тѣмъ, какъ онъ по возможности содѣйствовалъ къ умноженію бѣдствій Австріи и былъ поддерживаемъ въ своемъ намѣреніи быстрыми успѣхами *Густава Адольфа* на Рейнѣ, добровольные и подкупные приверженцы его въ Вѣнѣ жаловались на общее бѣдствіе, и отставку прежняго главнокомандующаго называли единственною причиною претерпѣнныхъ пораженій. «*Валленштейнъ* не допустилъ бы до этого, еслибы онъ оставался главнокомандующимъ!» восклицали теперь тысячи голосовъ, и это мнѣніе въ самомъ тайномъ совѣтѣ императора нашло пламенныхъ поборниковъ.

Стѣсненный монархъ и безъ ихъ назойливыхъ побужденій видѣлъ заслуги своего генерала и собственную опрометчивость. Вскорѣ зависимость отъ Баваріи и лиги сдѣлалась для него невыносимою; но эта-та са-

мая зависимость и не позволяла ему обнаружить свою недовѣрчивость и обратнымъ призваніемъ герцога Фридландскаго вооружить курфирста. Но теперь, когда опасность возрастала съ каждымь днемъ, а безсиліе баварской помощи все дѣлалось очевиднѣе, онъ склонился наконецъ на представленіе друзей герцога о возвращеніи ему начальства надъ войсками. Несметныя богатства *Валленштейна*, всеобщее къ нему уваженіе, быстрота, съ которою онъ, за пять лѣтъ предъ тѣмъ, выставилъ въ поле армію въ сорокъ тысячъ человѣкъ, незначительныя издержки на содержаніе такого многочисленнаго войска, подвиги, совершенные имъ въ главѣ этого войска и, наконецъ, усердіе и вѣрность, выказанныя къ особѣ императора, еще не изгладились изъ памяти монарха и представляли ему герцога наиболѣе способнымъ орудіемъ къ возстановленію равновѣсія между воевавшими державами, къ спасенію Австріи и поддержанію католической вѣры. Какъ ни тяжело было высокомѣрію императора сознаться открыто въ прежней своей опрометчивости и настоящей крайности, какъ ни больно было ему съ высоты своего повелѣвающаго достоинства снизойти до просьбъ, какъ ни была подозрительна вѣрность такого непримиримаго и такъ жестоко оскорбленнаго человѣка, какъ громко и настойчиво ни выражали испанскій министръ и курфирстъ Баварскій свое неодобреніе — необходимость преодолѣла все остальное и друзьямъ герцога поручено быто вывѣдать его намѣренія и показать ему издали возможность возвращенія прежней власти.

Извѣщенный обо всемъ, что было говорено въ кабинетѣ императора въ его пользу, онъ имѣлъ довольно твердости скрыть внутреннее торжество и играть роль

равнодушнаго. Настало время мщенія, и надменное его сердце ликовало при мысли отплатить съ лихвою императору за всѣ испытанныя оскорбленія. Съ искусственнымъ жаромъ распространялся онъ о счастливомъ спокойствіи частной жизни, которымъ наслаждался по удаленіи съ политической арены. Онъ увѣрялъ, что слишкомъ долго наслаждался прелестью независимости и досуга, чтобы пожертвовать ими ничтожному призраку славы и измѣнчивой благосклонности царской, что всѣ его стремленія къ величію и могуществу погасли и что спокойствіе составляетъ единственную цѣль его желаній. Чтобы не обнаружить своего нетерпѣнія, онъ отклонилъ приглашеніе явиться ко двору императора, но переѣхалъ въ Цнаймъ, въ Моравіи, чтобы облегчить переговоры съ дворомъ.

Сначала пытались ограничить обширность поручаемой ему власти присутствіемъ агента, и хотя этою мѣрою успокоить курфирста Баварскаго. Послы императора, *Квестенбергъ* и *Верденбергъ*, старые друзья герцога (почему и были избраны для этихъ скользкихъ переговоровъ), имѣли приказаніе упомянуть въ своемъ предложеніи о королѣ Венгерскомъ, который долженъ былъ находиться при арміи и изучать военное искусство подъ руководствомъ *Валленштейна*. Но уже одно произнесеніе этого имени грозило прерваніемъ переговоровъ. «Никогда не соглашусь я терпѣть помощника въ моей арміи» сказалъ герцогъ: «хотя бы самъ Богъ захотѣлъ раздѣлить со мной начальство!» Но и тогда, когда этотъ ненавистный пунктъ былъ уничтоженъ, напрасно императорскій любимецъ и министръ, князь *Эггенбергъ*, вѣрный другъ и защитникъ *Валленштейна*, лично къ нему отправленный, истощалъ все свое краснорѣчіе,

чтобы одолѣть притворное отвращенiе герцога отъ командованiя. «Монархъ» сознавался министръ «потерялъ въ *Валленштейнѣ* драгоцѣннѣйшiй камень своей короны; но не добровольно и не безъ сопротивленiя рѣшился онъ на этотъ шагъ, въ которомъ всегда раскаявался, и его уваженiе и милость къ герцогу остались неизмѣнными. Яснымъ тому доказательствомъ можетъ служить та безпредѣльная довѣренность, съ какою обращаются къ его вѣрности и дарованiямъ, способнымъ поправить ошибки предмѣстниковъ и перемѣнить положенiе дѣлъ. Пожертвовавъ справедливымъ негодованiемъ пользѣ отечества, онъ поступитъ благородно и великодушно и удвоеннымъ жаромъ своего усердiя опровергнетъ всѣ клеветы своихъ противниковъ. Эта побѣда надъ самимъ собою» сказалъ князь въ заключенiе «будетъ вѣнцомъ его великихъ заслугъ и сдѣлаетъ его величайшимъ человѣкомъ своего времени».

Эти постыдныя признанiя и лестныя для него увѣренiя, казалось, наконецъ обезоружили гнѣвъ герцога; но только изливъ всѣ упреки противъ императора, накипѣвшiе у него на сердцѣ, изобразивъ яркими красками всю громадность своихъ заслугъ и глубоко унизивъ монарха, искавшаго теперь его помощи, внялъ онъ заманчивымъ предложенiямъ министра. Какъ-будто поддаваясь одной силѣ этихъ доказательствъ, онъ съ гордымъ великодушiемъ согласился на то, что́ было пламеннѣйшимъ желанiемъ его души, и осчастливилъ посла лучомъ надежды. Но, далекiй отъ мысли, чтобы безусловнымъ и полнымъ удовлетворенiемъ разомъ окончить всѣ затрудненiя императора, онъ исполнилъ только часть его требованiй, чтобы тѣмъ возвысить цѣну остальной, важнѣйшей части. Онъ принялъ начальство, но всего

на три мѣсяца, чтобы только *вооружить* армію, а не *предводительствовать* ею. Онъ только хотѣлъ высказать свою способность и силу этимъ творческимъ дѣломъ и показать императору вблизи всю важность помощи, зависѣвшей отъ *Валленштейна.* Увѣренный въ томъ, что армія, вызванная изъ ничего однимъ его именемъ, безъ творца своего снова обратится въ ничто, она должна была служить для него одною приманкою для исторженія у государя гораздо важнѣйшихъ правъ; но *Фердинандъ* былъ доволенъ и этимъ выигрышемъ.

Валленштейнъ не замедлилъ исполнить свое обѣщаніе, надъ которымъ вся Германія смѣялась, какъ надъ несбыточною мечтою, и которое самому *Густаву Адольфу* казалось чрезмѣрнымъ. Но основаніе къ этому предпріятію уже давно было положено, и теперь онъ только пустилъ въ ходъ машину, которую готовилъ для этой цѣли въ теченіе многихъ лѣтъ. Едва разнесся слухъ о вооруженіи *Валленштейна,* какъ со всѣхъ концовъ Австрійской Монархіи начали стекаться солдаты толпами, чтобы испытать свое счастье подъ начальствомъ этого опытнаго полководца. Многіе, уже сражавшіеся подъ его знаменами, удивлявшіеся его величію, какъ очевидцы и испытавшіе его великодушіе, услышавъ этотъ зовъ выступили изъ неизвѣстности, чтобы во второй разъ раздѣлить съ нимъ славу и добычу. Значительность обѣщаннаго жалованья приманивала тысячи, а хорошее продовольствіе, выпадавшее на долю солдата на счетъ крестьянина, побуждало послѣдняго лучше вступить самому въ это сословіе, чѣмъ страдать подъ его гнётомъ. Всѣ австрійскія области принуждены были участвовать въ этомъ дорого-стоющемъ вооруженіи; ни одно сословіе не избавлялось отъ указанныхъ налоговъ; никакія

достоинства, никакія привилегіи не освобождали отъ поголовной подати. Испанскій дворъ и король Венгерскій внесли значительныя суммы; министры дѣлали огромныя пожертвованія, и самъ *Валленштейнъ* истратилъ двѣсти тысячъ талеровъ собственныхъ денегъ, чтобы ускорить вооруженіе. Бѣднѣйшимъ офицерамъ помогалъ онъ изъ собственнаго кармана, и своимъ примѣромъ, блестящимъ производствомъ и еще болѣе блестящими обѣщаніями побудилъ богачей набирать войска на собственный счетъ. Кто набиралъ отрядъ на свои деньги, тотъ и дѣлался его начальникомъ. При опредѣленіи офицеровъ вѣра не принималась въ разсчетъ; гораздо болѣе вѣры уважались богатство, храбрость и и опытность. Такимъ безпристрастіемъ къ людямъ различныхъ исповѣданій, а еще болѣе объявленіемъ, что настоящее вооруженіе не имѣетъ никакой связи съ вѣрою, протестантскіе подданные были успокоены и побуждены къ равному участію въ общественныхъ тягостяхъ. Герцогъ не преминулъ въ то же время вступить отъ своего имени въ переговоры съ иностранными государствами насчетъ солдатъ и денегъ. Онъ побудилъ герцога Лотарингскаго вооружиться вторично за императора; Польша была должна поставить ему казаковъ, Италія — военные припасы. Еще прежде истеченія трехъ мѣсяцевъ, армія, собравшаяся въ Моравіи, уже составляла не менѣе сорока тысячъ человѣкъ, набранныхъ бо́льшею частью въ остальной Чехіи, въ Моравіи, Силезіи и нѣмецкихъ областяхъ австрійскаго дома. Что́ всякому казалось невозможнымъ, то́ *Валленштейнъ*, къ удивленію всей Европы, совершилъ въ самое короткое время. Волшебная сила его имени, его золота и его генія вооружила столько тысячъ, сколько не надѣялись

до него собрать сотенъ. Снабженная съ излишкомъ всѣмъ необходимымъ, предводимая опытными офицерами и воспламененная восторгомъ, обѣщающимъ побѣду, эта вновь созданная армія ждала только мановенія своего предводителя, чтобы подвигами храбрости оправдать его ожиданія.

Герцогъ исполнилъ свое обѣщаніе и армія въ совершенной готовности стояла въ полѣ; теперь онъ сошелъ со сцены и предоставилъ императору назначить ей полководца. Но найдти для нея другаго вождя, кромѣ *Валлейнштейна*, было бы такъ же трудно, какъ и и собрать другую такую армію. Это много-обѣщавшее войско, послѣдняя надежда императора, разлетѣлось бы призракомъ, едва чары, вызвавшія его къ жизни, перестали бы дѣйствовать; оно существовало *Валленштейномъ*, безъ него оно обратилось бы въ прежнее небытіе, какъ созданіе волшебства. Офицеры были или обязаны ему, какъ должники, или, какъ заимодавцы, связаны въ своихъ интересахъ съ существованіемъ его власти; полки подчинилъ онъ своимъ родственникамъ, своимъ креатурамъ, своимъ любимцамъ. Одинъ онъ — и больше никто — могъ сдержать чрезмѣрныя обѣщанія войскамъ, которыми онъ заманилъ ихъ къ себѣ на службу. Данное имъ слово было единственнымъ обезпеченіемъ для отважныхъ ожиданій каждэго; слѣпая вѣра въ его всемогущество — единственною связью, соединявшею различныя побужденія ихъ ревнія въ дѣятельное единодушіе. Исчезли бы надежды каждаго, если бы оставилъ ихъ тотъ, кто ручался за ихъ исполненіе.

Какъ ни мало думалъ герцогъ о серьёзномъ сопротивленіи, тѣмъ не менѣе онъ счастливо воспользовался этимъ средствомъ угрозы, чтобы заставить императора

согласиться на безмѣрныя свои требованія. Успѣхи непріятеля съ каждымъ днемъ увеличивали опасность, а помощь была такъ близка; отъ одного зависѣло положить скорый конецъ общественному бѣдствію. Итакъ, князь *Эггенбергъ* получилъ въ третій и послѣдній разъ повелѣніе, цѣною какихъ бы то ни было жертвъ, убѣдить своего друга принять начальство.

Онъ нашелъ его въ Цнаймѣ, въ Моравіи, окруженнаго войскомъ, такъ много льстившимъ надеждамъ императора. Высокомѣрный подданный принялъ посла своего государя, какъ просителя. «Никогда» отвѣчалъ герцовъ «не повѣритъ онъ возстановленію своей власти, которому обязанъ одной крайности, а не справедливости императора. Хотя теперь, когда опасность достигла высочайшей степени и единственно отъ *его* руки надѣются спасенія, теперь ищутъ его; но оказанныя услуги и ихъ виновникъ скоро забудутся и прежняя безопасность породитъ прежнюю неблагодарность. Вся его слава будетъ поставлена на карту, если онъ обманетъ порожденныя имъ надежды, его счастье и спокойствіе, если ему удасться удовлетворить имъ. Скоро пробудится прежняя ненависть и зависимый монархъ не усомнится во второй разъ пожертвовать обстоятельствамъ ненужнымъ слугою. Лучше ему оставить теперь добровольно мѣсто, съ котораго, рано или поздно, низвергнетъ его коварство. Только отъ частной жизни ожидаетъ онъ спокойствія и безопасности; и единственно, чтобы выручить императора, онъ оставилъ на время и неохотно свое блаженное уединеніе».

Утомленный долгимъ мороченьемъ, министръ перемѣнилъ тонъ и сталъ грозить упрямому герцогу всѣмъ гнѣвомъ монарха, если онъ будетъ продолжать сопро-

тивленіе. «Довольно унижалось достоинство императора» возразилъ онъ, «и вмѣсто того, чтобы снисхожденіемъ тронуть ваше великодушіе, только возбудило ваше высокомѣріе, только умножило ваше упорство. Если и эта огромная жертва будетъ принесена напрасно, то я не поручусь, чтобы проситель не превратился въ повелителя и монархъ не отомстилъ на мятежномъ подданномъ своего оскорбленнаго достоинства. Сколько бы ни погрѣшилъ *Фердинандъ*, *императоръ* можетъ требовать повиновенія. *Человѣкъ* можетъ заблуждаться, но *государь* не можетъ сознаться въ своемъ проступкѣ. Если горцогъ Фридландскій пострадалъ отъ несправедливаго приговора, то все это можетъ быть вознаграждено, и высочайшая власть въ состояніи исцѣлить раны, нанесенныя ею самой. Императоръ не откажетъ вамъ ни въ одномъ справедливомъ требованіи въ обезпеченіе вашей особы и достоинства. Одно оскорбленіе величества не можетъ быть заглажено, и неисполненіе его приказаній уничтожаетъ самыя блестящія заслуги. Императоръ *нуждается* въ вашей службѣ и *требуетъ* ея, какъ императоръ. Чего бы это ни стоило, императоръ согласится на все; но онъ требуетъ повиновенія, или тяжесть его гнѣва сокрушитъ непокорнаго слугу».

Валленштейнъ, обширныя помѣстья котораго находились въ предѣлахъ Австрійской Монархіи и, слѣдовательно, въ полной власти императора, понималъ все значеніе этихъ угрозъ; но не страхъ преодолѣлъ наконецъ его притворное упорство. Именно этотъ повелительный тонъ показалъ ему слишкомъ ясно безсиліе и отчаяніе императора, а готовность, съ какою тотъ соглашался на всѣ его требованія, удостовѣряла его, что онъ достигъ цѣли своихъ желаній. Итакъ, онъ уступилъ

теперь краснорѣчію *Эггенберга* и оставилъ его, чтобы написать свои требованія.

Не безъ боязни ожидалъ министръ условій, которыя надменнѣйшій изъ подданныхъ осмѣливался предписывать высокомѣрнѣйшему изъ государей. Хотя мало ожидалъ онъ отъ скромности своего друга, но требованія его превзошли самыя ожиданія министра. *Валленштейнъ* требовалъ полной власти надъ всѣми нѣмецкими арміями австрійскаго и испанскаго дома, и неограниченной власти наказывать и награждать. Ни король Венгерскій, ни самъ императоръ не должны были являться въ армію и того менѣе вмѣшиваться въ его распоряженія. Императору не раздавать ни мѣстъ, ни наградъ, ни жалованныхъ граммать въ арміи, безъ утвержденія *Валленштейна*. Все, что будетъ конфисковано и завоевано, отдать въ полное распоряженіе герцога Фридландскаго, помимо всѣхъ императорскихъ и государственныхъ судовъ. Себѣ въ награду требовалъ онъ императорскую наслѣдственную область и еще другую, изъ числа завоеванныхъ въ имперіи; кромѣ того, онъ требовалъ свободнаго прохода, въ случаѣ надобности, черезъ всѣ австрійскія земли, утвержденія за нимъ, при будущемъ мирѣ, герцогства Мекленбургскаго и заблаговременнаго извѣщенія, если бы нашли за нужное лишить его вторично начальства надъ арміею.

Напрасно убѣждалъ его министръ уменьшить свои требованія, лишавшія императора всей власти надъ войскомъ и подчинявшія его своему же полководцу. Ему представили его услуги слишкомъ неизбѣжными, чтобы онъ сталъ отказываться отъ цѣны, какою они могли быть куплены. Если сила обстоятельствъ принудила императора согласиться на эти требованія, то не

одна мстительность и высокомѣріе побудили герцога *предписать* ихъ. Планъ будущаго возмущенія былъ составленъ, и при этомъ никто не могъ отказаться отъ преимуществъ, которыми *Валленштейнъ* старался соперничать съ дворомъ. Планъ этотъ требовалъ, чтобы вся власть въ Германіи была отнята у императора и передана въ руки его генерала. Какъ скоро *Фердинандъ* соглашался на это условіе — цѣль была достигнута. Употребленіе, какое *Валленштейнъ* намѣревался сдѣлать изъ своей арміи — конечно, неимѣвшее ничего общаго съ цѣлью, для какой она ему поручалась — не допускало никакой *раздѣленной* власти, а еще менѣе *высшаго* авторитета при войскѣ. Чтобъ быть единственнымъ владыкою ихъ помышленій, онъ долженъ былъ являться войскамъ, какъ единственный владыка ихъ судьбы; чтобы непримѣтно заступить мѣсто своего повелителя и присвоить себѣ права величества, уступленныя ему на время высочайшею властью, онъ долженъ былъ старательно удалять послѣднюю отъ взоровъ войска. Вотъ настоящая причина его упорнаго сопротивленія — имѣть при арміи принца австрійскаго дома! Право распоряжаться произвольно всѣмъ конфискованнымъ и завоеваннымъ въ имперіи представляло ему опасное средство пріобрѣтать приверженцевъ и послушныхъ исполнителей своей воли, и сдѣлаться диктаторомъ Германіи съ властью гораздо болѣе той, какою пользовался императоръ въ мирное время. Имѣя право пользоваться австрійскими землями, въ случаѣ надобности, какъ мѣстомъ убѣжища, онъ могъ держать императора въ его собственномъ государствѣ и его собственными войсками, какъ плѣнника, высасывать мозгъ изъ этихъ земель и поколебать австрійское могущество въ

самомъ основаніи. Что́ бы потомъ ни случилось, онъ обезпечилъ себя условіями, исторгнутыми у императора. Если бы обстоятельства стали благопріятствовать дерзкимъ его намѣреніямъ, то этотъ договоръ съ императоромъ облегчалъ ихъ исполненіе; въ противномъ случаѣ, этотъ же самый договоръ вознаграждалъ его блистательнѣйшимъ образомъ. Но могъ ли онъ считать дѣйствительнымъ договоръ, исторгнутый у своего государя и основанный на преступленіи? Могъ ли онъ надѣяться связать императора условіями, которыя давшаго ихъ обрекали на смерть? Но этотъ достойный смерти преступникъ былъ теперь *необходимѣйшій* человѣкъ во всей монархіи, и *Фердинандъ*, искушенный въ притворствѣ, согласился на всѣ его требованія.

Итакъ, императорская армія имѣла наконецъ полководца, заслуживающаго это имя. Всякая посторонняя власть въ арміи, даже самого императора, прекращалась съ того самаго мгновенія, когда жезлъ главнокомандующаго переходилъ въ руки *Валленштейна* и все, что́ проистекало не отъ *него*, было недѣйствительно. Отъ береговъ Дуная до Везера и Одера почувствовали животворное восхожденіе новой планеты. Новое мужество одушевляетъ солдатъ императора; новая эпоха войны начинается. Новыя надежды ободряютъ папистовъ, и протестанты съ безпокойствомъ глядятъ на перемѣну положенія дѣлъ.

Чѣмъ дороже была цѣна, которою принуждены были купить новаго полководца, тѣмъ къ бо́льшимъ надеждамъ побуждала она императорскій дворъ; но герцогъ не спѣшилъ превратить эти желанія въ исполненіе. Находясь съ грознымъ войскомъ на самой границѣ Чехіи, ему стоило только показаться, чтобы одолѣть ослабленную

саксонскую армію и обратнымъ завоеваніемъ этого королевства блистательно открыть новое поприще. Но, довольствуясь треволеньемъ непріятеля нерѣшительными стычками съ кроатами, онъ оставилъ ему на жертву лучшую часть этого королевства, а самъ тихими и мѣрными шагами шелъ на встрѣчу своей цѣли. Не *побѣдить* хотѣлъ онъ саксонцевъ, а *соединиться* съ ними. Занятый единственно этимъ важнымъ дѣломъ, онъ отложилъ на время оружіе, чтобы тѣмъ вѣрнѣе побѣдить путемъ переговоровъ. Онъ всячески старался отвлечь курфирста отъ шведскаго союза, и самъ *Фердинандъ*, всегда готовый примириться съ этимъ государемъ, одобрялъ его намѣреніе. Но огромныя услуги, оказанныя шведами, были еще слишкомъ памятны саксонцамъ, чтобы рѣшиться на такое постыдное вѣроломство; да если бы и чувствовали такое побужденіе, то двуличный характеръ *Валленштейна* и дурное мнѣніе объ австрій ской политикѣ не дозволяли имъ вѣрить искренности его обѣщаній. Слишкомъ извѣстный, какъ коварный политикъ, онъ не встрѣтилъ довѣрія и въ этомъ единственномъ случаѣ, когда, вѣроятно, поступалъ честно; а настоящія обстоятельства еще не позволяли ему обнаружить истинныя побудительныя причины и тѣмъ снять сомнѣніе съ искренности своихъ намѣреній. Итакъ неохотно рѣшился онъ добиться того силою оружія, въ чемъ не успѣлъ путемъ переговоровъ. Онъ быстро собралъ свои войска и явился передъ Прагой, прежде чѣмъ саксонцы могли подать ей помощь. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія осажденныхъ, предательство капуцина указало одному изъ его полковъ входъ въ городъ, и удалившійся въ зàмокъ гарнизонъ положилъ оружіе на постыдныхъ условіяхъ. Овладѣвъ сто-

лицею, онъ надѣялся на улучшеніе своихъ переговоровъ съ саксонскимъ дворомъ; но, возобновляя ихъ съ генераломъ *Арнгеймомъ*, не преминулъ въ то же время подкрѣпить свои требованія рѣшительнымъ ударомъ. Съ цѣлью отрѣзать саксонской арміи отступленіе въ свои земли, онъ поспѣшно занялъ тѣсные проходы между Аусигомъ и Пирною, но быстрота *Арнгейма* счастливо избѣгла опасности. По отсупленіи этого генерала, сдались побѣдителю послѣднія убѣжища саксонцевъ, *Эгеръ* и *Лейтмерицъ*, и скорѣе, чѣмъ была потеряна, Чехія снова покорилась законному своему государю.

Занятый не столько выгодами своего государя, сколько исполненіемъ собственныхъ замысловъ, *Валленштейнъ* намѣревался теперь перенесть войну въ Саксонію, чтобы принудить курфирста опустошеніемъ его земель къ отдѣльному договору съ императоромъ, или, правильнѣе, съ герцогомъ Фридландскимъ. Но какъ мало ни привыкъ онъ покорять своей воли обстоятельствамъ, тѣмъ не менѣе онъ понялъ всю необходимость отказаться на этотъ разъ отъ любимаго своего предпріятія для дѣла болѣе важнаго. Между тѣмъ, какъ онъ выгонялъ саксонцевъ изъ Чехіи, *Густавъ Адольфъ* одержалъ изложенныя выше побѣды на Рейнѣ и Дунаѣ и уже перенесъ войну черезъ Франконію и Швабію къ границамъ Баваріи. Разбитый на Лехѣ и смертью *Тилли* лишенный лучшей своей подпоры, *Максимиліанъ* настоятельно убѣждалъ императора прислать къ нему изъ Чехіи, какъ можно скорѣе, на помощь герцога Фридландскаго и защитою Баваріи отвратить опасность отъ самой Австріи. Онъ обратился съ этою просьбою къ самому *Валленштейну* и убѣждалъ его, до прибытія съ главною арміею, прислать къ нему на помощь хотя

нѣсколько полковъ. *Фердинандъ* подкрѣплялъ эту просьбу всѣмъ своимъ вліяніемъ, и одинъ гонецъ за другимъ отправлялся къ *Валлештейну*, чтобы побудить его двинуться къ Дунаю.

Только теперь обнаружилось, какую жертву принесъ императоръ, отдавъ въ его руки войска и власть повелѣвать ими. Не внимая ни просьбамъ *Максимиліана*, ни повелѣніямъ императора, *Валленштейнъ* остался празденъ въ Чехіи и предоставилъ курфирста его судьбѣ. Воспоминаніе о дурной услугѣ, оказанной ему прежде *Максимиліаномъ* на регенсбургскомъ имперскомъ сеймѣ, глубоко заронилось въ непримиримомъ сердцѣ герцога, да и возобновленныя старанія курфирста воспрепятствовать его возстановленію не были для него тайной. Теперь настало время отмстить за это оскорбленіе, и курфирстъ тяжело почувствовалъ, что онъ возстановилъ противъ себя мстительнѣйшаго изъ людей. Онъ утверждалъ, что Чехія не можетъ быть оставлена безъ защиты и что Австріи нельзя защитить лучше, какъ давъ ослабѣть шведской арміи предъ баварскими крѣпостями. Такъ рукою шведовъ наказывалъ онъ своего врага; и въ то время, когда одно мѣсто за другимъ падало передъ ними, онъ оставлялъ курфирста напрасно ждать своего прибытія въ Регенсбургѣ. Не прежде, какъ совершенное покореніе Чехіи лишило его послѣдняго основанія къ оправданію своихъ дѣйствій, а завоеванія *Густава Адольфа* въ Баваріи стали угрожать самой Австріи близкой опасностью, склонился онъ на убѣжденія курфирста и императора, и рѣшился на давно желанное соединеніе съ первымъ, которое, по всеобщему ожиданію католиковъ, должно было рѣшить судьбу всей компаніи.

Густавъ Адольфъ, слишкомъ слабый, чтобы противиться однимъ войскамъ *Валленштейна*, опасался соединенія двухъ такихъ сильныхъ армій, и потому справедливо удивляются, что онъ не постарался воспрепятствовать соединенію. Онъ, какъ кажется, слишкомъ разсчитывалъ на ненависть, раздѣлявшую двухъ предводителей, отъ которой не ожидалъ соединенія оружія для одной цѣли; и уже было слишкомъ поздно исправлять эту ошибку, когда послѣдствіе не оправдало его предположенія. Хотя онъ, по полученіи перваго достовѣрнаго извѣстія о ихъ намѣреніи, и поспѣшилъ въ Верхній Палатинатъ, чтобы заслонить дорогу курфирсту, но тотъ предупредилъ его и соединеніе послѣдовало подъ Эгеромъ.

Этотъ пограничный городъ избралъ *Валленштейнъ* мѣстомъ торжества надъ высокомѣрнымъ своимъ противникомъ. Не довольствуясь тѣмъ, что видѣлъ его, подобно просителю, у ногъ своихъ, онъ принудилъ его къ суровой необходимости оставить свои земли безъ обороны, придти издалека за своимъ защитникомъ и тѣмъ униженно сознаться въ своей крайности. Высокомѣрный курфирстъ терпѣливо подвергся и этому униженію. Ему стоило тяжелой внутренней борьбы — быть обязану своимъ спасеніемъ тому, который никогда не долженъ былъ бы имѣть такую власть, если бы это зависѣло отъ *его* желанія; но, рѣшившись однажды, онъ имѣлъ достаточно твердости, чтобы перенесть всякое оскорбленіе, неразлучное съ его рѣшимостью, и презрѣть ничтожныя страданія для достиженія великихъ цѣлей.

Но если стоило такъ дорого сдѣлать возможнымъ это соединеніе, то еще труднѣе было согласиться, на какихъ условіяхъ слѣдовало ему совершиться и продолжаться. Чтобы достигнуть цѣли соединенія, надо бы-

ло подчинить соединенную армію одной волѣ; но обѣ стороны были одинаково мало расположены подчиниться другой, высшей власти. Если *Максимиліанъ* опирался на свой курфиршескій санъ, на знаменитость своего рода и значеніе въ имперіи, то *Валленштейнъ* основывалъ свои права на военной славѣ и на безусловной власти, предоставленной ему императоромъ. Сколько курфиршеская гордость перваго раздражалась подчиненностью императорскому слугѣ, столько высокомѣрію герцога льстила мысль предписывать законы такому надменному государю. Дѣло дошло до жаркаго спора, который, однако, кончился взаимнымъ договоромъ въ пользу *Валленштейна.* Ему предоставлялось неограниченное начальство надъ обѣими арміями, особенно въ день сраженія, и курфирстъ лишался всякаго права измѣнять не только боевой порядокъ, но и самый маршрутъ арміи. Онъ предоставилъ себѣ одно право наказывать и награждать своихъ солдатъ, и свободно располагать ими въ случаѣ отдѣленія отъ императорской арміи.

Послѣ этихъ приготовленій, они рѣшились наконецъ увидѣться, но не прежде, какъ обѣщавъ предать забвенію все прошедшее и опредѣливъ заранѣе всѣ наружныя формальности примиренія. Согласно условію, оба принца обнялись въ виду своихъ войскъ и передали другъ другу взаимныя увѣренія въ дружбѣ, тогда-какъ сердца ихъ кипѣли ненавистью. *Максимиліанъ*, изучившій науку притворства, имѣлъ довольно власти надъ собою, чтобы ни однимъ словомъ не обнаружить свои настоящія чувства; но сверкавшія глаза *Валленштейна* выражали злобное торжество, и принужденность во всѣхъ движеніяхъ обличала всю силу страсти, овладѣвшей высокомѣрнымъ его сердцемъ.

Теперь соединенные императорско-баварскія войска составляли армію почти въ шестьдесятъ тысячъ, большею частью испытанныхъ солдатъ, предъ которою шведскій монархъ не могъ показаться въ полѣ. Не успѣвъ воспрепятствовать ея соединенію, онъ немедленно отступилъ во Франконію и ожидалъ тамъ рѣшительнаго движенія непріятеля, чтобъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ. Положеніе, занятое соединенною арміею между границами Саксоніи и Баваріи, оставляло нѣсколько времени еще неизвѣстнымъ, перенесетъ ли она театръ войны въ первую изъ этихъ земель, или будетъ стараться прогнать шведовъ съ Дуная и освободить Баварію. *Арнгеймъ* оставилъ Саксонію безъ войскъ, чтобъ дѣлать завоеванія въ Силезіи, не безъ тайнаго умысла, въ чемъ многіе его обвиняютъ, облегчить герцогу Фридландскому входъ въ курфиршество, и тѣмъ побудить нерѣшительнаго *Іоанна Георга* къ договору съ императоромъ. Самъ *Густавъ Адольфъ*, въ полной увѣренности, что намѣренія *Валленштейна* обращены на Саксонію, чтобы не оставить своего союзника безъ помощи, немедленно отправилъ туда значительное подкрѣпленіе, твердо рѣшившись послѣдовать за нимъ со всею арміею, какъ только позволятъ обстоятельства. Но движеніе фридландовой арміи скоро открыли ему, что она идетъ на него самого, а походъ герцога черезъ Верхній Палатинатъ окончательно вывелъ его изъ сомнѣнія. Теперь настало время подумать о собственной своей безопасности, сражаться не столько за владычество, сколько за самое существованіе въ Германіи, и искать средства къ спасенію въ силѣ своего генія. Приближеніе непріятеля застигло его прежде, нежели онъ успѣлъ собрать свои войска, разсѣянныя по всей Германіи и призвать на помощь союз-

ныхъ князей. Слишкомъ слабый, чтобы удержать наступавшаго непріятеля, ему не оставалось другаго выбора, какъ броситься въ Нюрнбергъ и подвергнуться опасности быть окруженнымъ въ немъ всею арміею *Валленштейна* и побѣжденнымъ голодомъ, или пожертвовать этимъ городомъ и подъ пушками Донауверта ожидать подкрѣпленій. Равнодушный къ нуждамъ и опасностямъ, гдѣ говоритъ человѣчность и повелѣваетъ честь, онъ, не колеблясь, избралъ первое, твердо рѣшившись скорѣй похоронить себя и всю армію подъ развалинами Нюрнберга, чѣмъ основать свое спасеніе на гибели союзнаго города.

Тотчасъ стали обводить городъ со всѣми предмѣстіями непрерывнымъ рядомъ укрѣпленій, а внутри его устроивать крѣпкій лагерь. Многія тысячи рукъ немедленно принялись за работу этихъ обширныхъ укрѣпленій, и всѣхъ жителей Нюрнберга одушевляло геройское усердіе — жертвовать кровью, жизнью и достояніемъ для блага общаго. Весь рядъ укрѣпленій окружилъ ровъ въ восемь футовъ глубиною и двѣнадцать шириною; линіи защищались редутами и бастіонами, входы— полумѣсяцами. Пегницъ, протекающій чрезъ Нюрнбергъ, раздѣлялъ весь лагерь на два полукружія, соединенныя нѣсколькими мостами. Около трехсотъ пушекъ находилось на валахъ города и въ шанцахъ лагеря. Крестьяне окрестныхъ селеній и граждане Нюрнберга работали вмѣстѣ съ шведскими солдатами такъ, что на седьмой день армія уже могла занять лагерь, а на четырнадцатый вся огромная работа была окончена.

Въ то время, когда это совершалось внѣ стѣнъ, магистратъ города Нюрнберга былъ занятъ наполненіемъ магазиновъ и доставкою военныхъ и съѣстныхъ припа-

совъ на случай продолжительной осады. При этомъ строгими постановленіями касательно чистоты онъ не упустилъ озаботиться предохраненіемъ здоровья жителей, которое, отъ стеченія такого множества людей, легко могло подвергнуться опасности. Чтобы быть въ состояніи подкрѣпить короля въ случаѣ надобности, были составлены отряды изъ молодыхъ горожанъ и пріучены владѣть оружіемъ; уже существовавшая городская милиція значительно усилена и вооруженъ новый полкъ изъ двадцати четырехъ названій по буквамъ старой азбуки. Между тѣмъ самъ *Густавъ* требовалъ помощи отъ своихъ союзниковъ, герцога *Вильгельма Веймарскаго* и ландграфа *Гессенъ-Кассельскаго*, и предписывалъ своимъ генераламъ на Рейнѣ, въ Тюрингіи и Нижней Саксоніи немедленно выступить съ своими войсками и присоединиться къ нему подъ Нюрнбергомъ. Его армія, стоявшая внутри укрѣпленій этого имперскаго города, немногимъ превышала шестнадцать тысячъ человѣкъ и, слѣдовательно, не составляла и третьей части непріятельскаго войска.

Между тѣмъ послѣднее дошло до Неймарка, гдѣ герцогъ Фридландскій сдѣлалъ ему общій смотръ. При взглядѣ на это грозное войско, онъ не могъ удержаться отъ юношеской хвастливости. «Чрезъ четыре дня должно рѣшиться» воскликнулъ онъ, «кто изъ насъ двоихъ, король Шведскій или я, будетъ владыкою міра». Но при всемъ превосходствѣ своихъ силъ, онъ не предпринялъ ничего рѣшительнаго и даже упустилъ случай разбить на̀-голову непріятеля, когда тотъ отважился выйдти ему на встрѣчу изъ своихъ укрѣпленій. «Довольно было сраженій» отвѣчалъ онъ побуждавшимъ его къ нападенію, «пора слѣдовать другой методѣ». Уже здѣсь обнаружи-

лось все преимущество полководца, упроченная слава котораго не нуждается въ отважныхъ предпріятіяхъ; тогда-какъ другіе должны стремиться къ нимъ, чтобы прославить свое имя. Будучи увѣренъ, что отчаянная храбрость непріятеля дорого продастъ побѣду, а пораженіе, претерпѣнное въ этихъ мѣстахъ, неминуемо разстроитъ дѣла императора, онъ рѣшился истощить воинственную пылкость своего противника долговременною осадою и, лишивъ его всякой возможности воспользоваться стремительностью своего мужества, отнять у него именно эту выгоду, которая дѣлала его до-сихъ-поръ непобѣдимымъ. Итакъ, не предпринимая никакихъ наступательныхъ дѣйствій, занялъ онъ по ту сторону Редница, противъ Нюрнберга, сильно укрѣпленный лагерь, и этимъ хорошо-избраннымъ положеніемъ отрѣзалъ какъ городу такъ и лагерю подвозъ изъ Франконіи, Швабіи и Тюрингіи. Такимъ образомъ онъ держалъ въ осадѣ короля вмѣстѣ съ городомъ и ласкалъ себя надеждою утомить мужество своего противника, которое не желалъ испытывать въ открытомъ бою.

Но, слишкомъ мало знакомый съ источниками и силами своего противника, *Валленштейнъ* не обезпечилъ себя самого отъ участи, которую готовилъ непріятелю. Крестьяне всѣхъ окрестныхъ деревень ушли съ своими запасами, а за скудные остатки фридландовы фуражиры должны были сражаться съ шведскими. Король щадилъ городскіе магазины, пока была возможность получать провіантъ изъ сосѣдства, и эти обоюдные поиски поддерживали непрерывную малую войну между кроатами и шведскимъ войскомъ, опустошавшую всю окрестную страну. Съ мечомъ въ рукѣ надо было добывать жизненныя потребности, и безъ значительнаго при-

крытія партіи уже не рѣшались отправляться на фуражировку. При появленіи недостатка, городъ Нюрнбергъ открылъ королю свои магазины; *Валленштейнъ* же долженъ былъ продовольствовать свои войска изъ отдаленныхъ мѣстъ. Огромный транспортъ съѣстныхъ припасовъ, купленныхъ въ Баваріи, слѣдовалъ къ нему, и тысяча человѣкъ было отправлено для безопаснаго препровожденія его въ лагерь. *Густавъ Адольфъ*, извѣщенный о томъ, немедленно отрядилъ кавалерійскій полкъ для овладѣнія этимъ транспортомъ, а темнота ночи помогла предпріятію. Весь транспортъ, вмѣстѣ съ городомъ, гдѣ онъ остановился, достался въ руки шведамъ; императорское прикрытіе было изрублено, угнано около тысячи двухсотъ воловъ и сожжено тысяча подводъ съ хлѣбомъ, которыхъ нельзя было увезти съ собою. Семь полковъ, двинутыхъ герцогомъ Фридландскимъ къ Альтдорфу, для прикрытія ожидаемаго транспорта, были разбиты королемъ, выступившимъ для прикрытія отступленія своихъ, и прогнаны въ императорскій лагерь съ потерею четырехсотъ человѣкъ убитыми. Всѣ эти неудачи и вовсе-неожиданная твердость короля заставили герцога Фридландскаго раскаяваться въ упущенномъ случаѣ къ сраженію. Теперь крѣпость шведскаго лагеря дѣлала всякое нападеніе невозможнымъ, а нюрнбергское вооруженное юношество служило монарху неистощимымъ разсадникомъ воиновъ, которыми онъ легко могъ замѣнить всякую потерю въ людяхъ. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, оказывавшійся въ императорскомъ лагерѣ, не менѣе какъ и въ шведскомъ, дѣлалъ по-крайней-мѣрѣ еще неизвѣстнымъ, которая изъ обѣихъ армій принуждена будетъ выступить прежде.

Уже пятнадцать дней обѣ арміи, прикрытыя равно-неприступными укрѣпленіями, стояли лицомъ къ лицу, ограничиваясь набѣгами и незначительными стычками. Съ обѣихъ сторонъ войско значительно уменьшилось, не столько отъ меча непріятеля, сколько отъ заразительныхъ болѣзней, естественнаго слѣдствія дурной пищи и тѣсноты, и эти бѣдствія умножались съ каждымъ днемъ. Наконецъ давно-ожидаемое вспомогательное войско прибыло въ шведскій лагерь, и это значительное подкрѣпленіе позволило королю послѣдовать внушенію врожденнаго мужества и разорвать оковы, связывавшія его до-сихъ-поръ.

Согласно съ его желаніемъ, герцогъ *Вильгельмъ Веймарскій* поспѣшно составилъ изъ гарнизоновъ Нижней Саксоніи и Тюрингіи особый корпусъ, къ которому присоединились подъ Швейнфуртомъ, во Франконіи, четыре саксонскіе полка и, вслѣдъ затѣмъ, подъ Китцингеномъ рейнскія войска, присланныя на помощь королю ландграфомъ *Вильгельмомъ Гессенъ-Кассельскимъ* и пфальцграфомъ *Биркенфельдскимъ*. Государственный канцлеръ *Оксенштирна* взялся довесть эту соединенную армію до мѣста назначенія. Соединившись еще при Виндсгеймѣ съ герцогомъ *Бернгардомъ Веймарскимъ* и шведскимъ генераломъ *Баннеромъ*, онъ двинулся форсированнымъ маршемъ къ Брукку и Эльтерсдорфу, гдѣ переправился черезъ Редницъ и благополучно прибылъ въ шведскій лагерь. Это подкрѣпленіе состояло почти изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ и имѣло при себѣ 60 орудій и четыре тысячи подводъ съ продовольствіемъ. Такимъ образомъ *Густавъ Адольфъ* увидѣлъ себя въ главѣ почти семидесятитысячной арміи, не считая милиціи города Нюрнберга, который, въ

случаѣ надобности, могъ выставить тридцать тысячъ вооруженныхъ гражданъ. Грозная сила противостояла другой, не менѣе грозной! Казалось, вся война сосредоточилась въ одномъ сраженіи, чтобъ здѣсь произнести наконецъ свое послѣднее рѣшеніе. Полная боязни глядѣла раздѣленная Европа на это поле сраженія, гдѣ, какъ въ фокусѣ, грозно собрались силы обѣихъ воевавшихъ сторонъ.

Если приходилось терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ еще до прибытія подкрѣпленія, то онъ достигъ съ того времени въ обоихъ лагеряхъ (*Валленштейнъ* также получилъ подкрѣпленіе изъ Баваріи) до ужасающихъ размѣровъ. Кромѣ ста двадцати тысячъ солдатъ, стоявшихъ другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, кромѣ пятидесяти тысячъ лошадей въ обѣихъ арміяхъ, кромѣ жителей Нюрнберга, далеко превосходившихъ числомъ шведское войско, въ одномъ лагерѣ *Валленштейна* считалось до пятнадцати тысячъ женщинъ и такое же количество погонщиковъ и слугъ; не менѣе ихъ было и въ шведскомъ станѣ. Тогдашній обычай позволялъ солдату брать съ собою въ походъ все свое семейство. При императорскомъ войскѣ находилось безчисленное множество женщинъ, слѣдовавшихъ за нимъ добровольно, тогда-какъ строгій надзоръ за нравственностью въ шведскомъ лагерѣ, гдѣ не терпѣлось распутство, много способствовалъ законнымъ бракамъ. Для молодаго поколѣнія, которому этотъ лагерь былъ отечествомъ, заведены были походныя школы, доставлявшія отличныхъ солдатъ, такъ-что арміи во время продолжительной войны могли пополняться сами собою. Не удивительно, что эти кочующіе народы истощали цѣлыя области, въ которыхъ разбивали свой станъ, и что жиз-

ненныя потребности страшно подымались въ цѣнѣ отъ этой лишней обузы. Всѣ мельницы въ окрестностяхъ Нюрнберга не успѣвали намолоть муки для ежедневнаго потребленія, и пятдесятъ тысячъ фунтовъ хлѣба, доставляемаго всякій день изъ города въ лагерь, возбуждали только голодъ, не удовлетворяя его. Несмотря на достойную удивленія попечительность нюрнбергскаго магистрата, бо́льшая часть лошадей пала отъ недостатка въ фуражѣ, и болѣе ста человѣкъ умирало ежедневно отъ заразительныхъ болѣзней.

Чтобы положить конецъ этимъ бѣдствіямъ, *Густавъ Адольфъ*, въ надеждѣ на превосходство своихъ силъ, выступилъ на пятдесятъ-пятый день изъ своихъ укрѣпленій въ полномъ боевомъ порядкѣ и открылъ огонь изъ трехъ батарей, устроенныхъ на берегу Редница, по фридландову лагерю. Но герцогъ оставался неподвиженъ въ своихъ укрѣпленіяхъ, отвѣчая издали на этотъ вызовъ ружейною и пушечною пальбою. Онъ рѣшился истребить короля бездѣйствіемъ и побѣдить его твердость голодомъ, и ни представленія *Максимиліана*, ни пылкость арміи, ни насмѣшки непріятеля не могли поколебать его намѣренія. Обманутый въ своей надеждѣ и побуждаемый возраставшею нуждою, *Густавъ Адольфъ* отважился на невозможное, и рѣшеніе было принято— взять приступомъ лагерь, равно укрѣпленный природою и искусствомъ.

Поручивъ защиту своего лагеря нюрнбергской милиціи, онъ выступилъ въ день св. Варѳоломея, пятдесятъ-восьмой со времени занятія арміею укрѣпленій, въ полномъ боевомъ порядкѣ и переправился черезъ Редницъ при Фюртѣ, гдѣ безъ труда принудилъ отступить непріятельскіе форпосты. Главныя силы непріятеля были

расположены между Бобером и Редницем на высотах, называемых старыми укрѣпленіями (alte Veste) или Альтенбергом, тогда-как самый лагерь находился въ долинѣ, покровительствуемый этими высотами, на которых была поставлена вся артиллерія. Глубокіе рвы окружали неодолимыя укрѣпленія, частыя засѣки и острые палисады заграждали подступы къ высокой горѣ, откуда *Валленштейнъ*, спокойный и увѣренный, подобно божеству, металъ свои молніи сквозь черныя облака дыма. За бруствером ожидалъ смѣльчака частый ружейный огонь, и вѣрная смерть глядѣла ему на встрѣчу изъ сотни отверзтыхъ пушечныхъ жерлъ. На этотъ-то опасный пунктъ направилъ *Густавъ Адольфъ* свои нападенія и пятсотъ мушкетеровъ, подкрѣпленные небольшимъ отрядомъ пѣхоты (за тѣснотою мѣста большее число войскъ не могло дѣйствовать разомъ) имѣли незавидное преимущество кинуться первые въ разверзтую пропасть смерти. Приступъ былъ яростенъ, сопротивленіе ужасно; подвергнутые всей ярости непріятельскаго огня и ожесточенные видомъ неизбѣжной смерти, взбираются эти рѣшительные воины на гору, которая мгновенно превращается въ пламенѣющую Геклу и съ трескомъ изрыгаетъ на нихъ желѣзный градъ. Въ то же время тяжелая конница непріятеля врывается въ промежутки, сдѣланные въ густой колоннѣ вражескими ядрами, тѣсно-сомкнутые ряды разстроиваются, и непоколебимые герои, побѣжденные удвоенною силой природы и людей, обращаются въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ до ста человѣкъ убитыми. Это были нѣмцы, которымъ пристрастіе *Густава* предоставило честь перваго нападенія. Раздраженный ихъ отступленіемъ, онъ ведетъ на приступъ своихъ финовъ, въ надеждѣ ихъ сѣверною

храбростью пристыдить нѣмецкую трусость. Но и его фины, встрѣченные такимъ же огненнымъ дождемъ, уступаютъ превосходной силѣ; ихъ смѣняетъ свѣжій полкъ и возобновляетъ нападеніе, но такъ же безуспѣшно. Этотъ смѣняется четвертымъ, пятымъ и шестымъ, такъ что въ продолженіе десятичасоваго боя всѣ полки нападаютъ и всѣ, окровавленные и растерзанные, возвращаются съ мѣста побоища. Тысячи изувѣченныхъ труповъ покрываютъ поле, и непобѣжденный *Густавъ* продолжаетъ нападеніе, а *Валленштейнъ* непоколебимо защищаетъ свои укрѣпленія.

Въ то же время завязывается жаркое сраженіе между императорскою конницею и лѣвымъ крыломъ шведовъ, расположеннымъ въ кустарникѣ у Редница. Здѣсь непріятель съ перемѣннымъ счастіемъ остается то побѣжденнымъ, то побѣдителемъ, и съ обѣихъ сторонъ течетъ много крови, выказывается много храбрости. Подъ герцогомъ *Фридландскимъ* и принцемъ *Бернгардомъ Веймарскимъ* убиты лошади; у самого короля ядромъ отрываетъ подошву у сапога. Съ несокрушимой яростью возобновляется нападеніе и сопротивленіе, пока наступившая ночь не покрываетъ мракомъ поля сраженія и не склоняетъ ожесточенныхъ бойцовъ къ отдыху. Но шведы уже слишкомъ подались впередъ, чтобы отступить безопасно. Между тѣмъ какъ король ищетъ офицера, чтобы разослать съ нимъ приказаніе полкамъ объ отступленіи, встрѣчается ему полковникъ *Гебронъ*, храбрый шотландецъ, котораго одно врожденное мужество побудило оставить лагерь и раздѣлить опасности этого дня. Разсерженный на короля, который недавно при одномъ опасномъ предпріятіи предпочелъ ему младшаго полковника, онъ поклялся никогда не обнажать своей

шпаги за *Густава*. Къ нему-то обращается теперь *Густавъ Адольфъ*, и, выхваляя его мужество, проситъ командовать полками при отступленіи. «Государь» отвѣчаетъ ему храбрый солдатъ, «это единственная услуга, въ которой не могу отказать вашему величеству, такъ какъ тутъ есть чѣмъ рисковать»; и тотчасъ бросается исполнить данное порученіе. Хотя герцогъ *Бернгардъ Веймарскій* и овладѣлъ въ жару битвы высотою, господствовавшею надъ старымъ укрѣпленіемъ, откуда можно было обстрѣливать гору и весь лагерь, но проливной дождь, бывшій въ ту ночь, сдѣлалъ склонъ горы до того скользкимъ, что не было никакой возможности взвезти на него пушки, и такимъ образомъ пришлось добровольно оставить постъ, добытый потоками крови. Не довѣряя счастью, оставившему его въ этотъ рѣшительный день, король не отважился возобновить на другой день нападенія съ изнуренными войсками и, побѣжденный въ первый разъ—потому-что въ первый разъ не побѣдилъ—отвелъ свои полки назадъ за Редницъ. Двѣ тысячи убитыхъ, оставленныхъ имъ на мѣстѣ сраженія, свидѣтельствовали о его потеряхъ, тогда какъ герцогъ Фридландскій остался непобѣжденнымъ въ своихъ укрѣпленіяхъ.

Еще цѣлые четырнадцать дней послѣ этого сраженія не покидали обѣ арміи своихъ укрѣпленій, каждая думая принудить другую выступить прежде. Чѣмъ болѣе, день за днемъ, уменьшались скудные запасы жизненныхъ потребностей, тѣмъ ужаснѣе возрастали ужасы голода, тѣмъ болѣе свирѣпѣлъ солдатъ и окрестные поселяне дѣлались жертвою его скотскаго позыва къ грабежу. Возраставшая нужда расторгла всѣ узы дисциплины и порядка въ шведскомъ лагерѣ; особенно нѣ-

мецкіе полки ознаменовали себя всякаго рода насиліями надъ другомъ и недругомъ безъ различія. Слабая рука одного человѣка не могла остановить беззаконій, одобряемыхъ безмолвіемъ низшихъ начальниковъ и часто поощряемыхъ ихъ собственнымъ пагубнымъ примѣромъ. Монархъ глубоко огорчался этимъ постыднымъ упадкомъ военной дисциплины, которою онъ до-сихъ-поръ справедливо гордился, и выразительность, съ какою онъ упрекалъ нѣмецкихъ офицеровъ за ихъ нерадѣніе, свидѣтельствуетъ о силѣ его негодованія. «Вы нѣмцы» говорилъ онъ «сами грабите свое отечество, сами свирѣпствуете противъ своихъ единовѣрцевъ. Богъ свидѣтель, что я гнушаюсь вами, чувствую къ вамъ отвращеніе, и мое сердце обливается кровью, когда я гляжу на васъ. Вы не исполняете моихъ постановленій: вы причиною, что міръ проклинаетъ меня, что меня преслѣдуютъ слезы невинной бѣдности, что я долженъ повсюду слышать: «Король, нашъ другъ, вредитъ намъ болѣе злѣйшихъ нашихъ враговъ!» Для васъ я не пожалѣлъ сокровищъ своего государства и издержалъ болѣе сорокà бочекъ золота, тогда какъ отъ вашей Германской Имперіи не получилъ столько, что бы одѣться. Вамъ отдалъ я все, чѣмъ Богъ надѣлилъ меня, и съ радостью раздѣлилъ бы между вами и тò, чѣмъ Онъ наградитъ меня въ будущемъ, когда бы вы уважали мои законы. Дурная дисциплина заставляетъ меня предполагать, что вы замышляете недоброе, хотя я и не могу не похвалить вашей храбрости».

Дѣлая чрезвычайныя усилія, Нюрнбергъ въ теченіе одиннадцати недѣль сряду продовольствовалъ ужасное множество народа, столпившагося въ его округѣ; наконецъ источники изсякли, и король, какъ часть болѣе

многочисленная, долженъ былъ выступить первый. Нюренбергъ схоронилъ слишкомъ десять тысячъ своихъ жителей, а *Густавъ Адольфъ* потерялъ въ битвахъ и отъ болѣзней до двадцати тысячъ солдатъ. Всѣ окрестныя поля были вытоптаны, деревни сожжены, ограбленные поселяне умирали на дорогахъ; гнилыя испаренія отравляли воздухъ, опустошительная зараза — слѣдствіе дурной пищи, многолюдства и гніенія столькихъ труповъ — свирѣпствовала между людьми и животными, и еще долго по выступленіи армій нищета, и горе тяготили землю. Тронутый общимъ бѣдствіемъ и потерявъ надежду одолѣть твердость герцога Фридландскаго, король снялъ лагерь восьмаго сентября и оставилъ Нюрнбергъ, снабдивъ его, на всякій случай, достаточнымъ гарнизономъ. Онъ прошелъ въ полномъ боевомъ порядкѣ мимо непріятеля, который остался неподвиженъ и ни сколько не препятствовалъ его отступленію. Онъ двинулся къ Нейштату при Аишѣ и Виндсгейму, гдѣ простоялъ пять дней, съ цѣлью дать роздыхъ войскамъ своимъ и быть вблизи Нюрнберга, на случай, еслибы непріятель предпринялъ что-нибудь противъ города. Но *Валленштейнъ*, не менѣе нуждавшійся въ отдохновеніи, только ждалъ отступленія шведовъ, чтобы выступить и самому. Пять дней спустя оставилъ и онъ свой лагерь, предавъ его пламени. Сто клубовъ дыму, вздымавшихся къ небу изъ ста окрестныхъ деревень, возвѣстили его отступленіе и показали успокоенному городу, какой онъ избѣгнулъ судьбы. Походъ *Валленштейна* къ Форхгейму ознаменованъ былъ ужаснѣйшими опустошеніями; но онъ былъ далеко и король уже не могъ его настигнуть. Тогда *Густавъ* раздѣлилъ свою армію, которую не могла продовольствовать истощенная

страна, чтобы съ одною частью защищать Франконію, а съ другою лично продолжать свои завоеванія въ Баваріи.

Между-тѣмъ императорско-баварская армія вступила въ епископство Бамбергское, гдѣ герцогъ Фридландскій произвелъ ей вторичный смотръ. Онъ нашелъ, что эта шестидесятитысячная армія уменьшилась отъ побѣговъ, войны и болѣзней до двадцатичетырехъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ четвертая часть были баварцы. Итакъ пребываніе подъ Нюрнбергомъ ослабило обѣ стороны болѣе двухъ потерянныхъ сраженій, ни мало не подвинувъ войны къ окончанію и не удовлетворивъ напряженнымъ ожиданіямъ Европы ни однимъ рѣшительнымъ случаемъ. Хотя диверсія подъ Нюрнбергомъ и положила на нѣкоторое время предѣлъ успѣхамъ короля въ Баваріи и обезпечила самую Австрію отъ вторженія непріятеля, но отступленіе отъ этого города возвратило ему полную свободу снова сдѣлать Баварію театромъ войны. Не заботясь объ участи этой страны и утомленный принужденіемъ, налагаемымъ на него присутствіемъ курфирста, герцогъ Фридландскій съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ отдѣлиться отъ этого тягостнаго спутника и заняться съ новымъ жаромъ осуществленіемъ своихъ любимыхъ замысловъ. Не отказываясь отъ первоначальнаго намѣренія отвлечь Саксонію отъ шведскаго союза, онъ избралъ эту страну для зимнихъ квартиръ своего войска, надѣясь своимъ гибельнымъ присутствіемъ скорѣе понудить курфирста къ отдѣльному миру.

Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали этому предпріятію. Саксонцы вторглись въ Силезію, гдѣ съ помощью бранденбургскихъ и шведскихъ войскъ,

одержали верхъ надъ войсками императора. Диверсія въ собственныя владѣнія курфирста спасала Силезію; и предпріятіе это не представляло особенныхъ трудностей, такъ какъ силезская война лишила Саксонію защитниковъ и открыла ее со всѣхъ сторонъ для вторженія непріятелей. Необходимость спасти австрійскую наслѣдственную область опровергала всѣ возраженія курфирста Баварскаго, котораго всего легче можно было погубить подъ личиною патріотическаго усердія къ пользамъ императора. Оставляя богатую Баварію въ добычу королю Шведскому, надѣялись, что онъ не станетъ мѣшать предпріятію противъ Саксоніи, а возраставшая холодность между этимъ монархомъ и саксонскимъ дворомъ не позволяла опасаться съ его стороны особеннаго усердія къ спасенію *Іоанна Георга*. Итакъ, покинутый снова своимъ коварнымъ защитникомъ, курфирстъ отдѣлился въ Бамбергѣ отъ *Валленштейна*, рѣшившись съ небольшимъ остаткомъ войскъ оборонять свои беззащитныя земли, а императорская армія, подъ начальствомъ герцога *Фридландскаго*, двинулась черезъ Байретъ и Кобургъ къ Тюрингенскому лѣсу.

Императорскій генералъ *фонъ-Голькъ* былъ отправленъ впередъ въ Фохтландъ съ шестью тысячами человѣкъ для опустошенія этой беззащитной области огнемъ и мечомъ. Въ слѣдъ за нимъ посланъ былъ *Галласъ*, другой генералъ герцога и столько же точный исполнитель безчеловѣчныхъ его повелѣній. Наконецъ призванъ былъ изъ Нижней Саксоніи графъ *Паппенгеймъ* подкрѣпить ослабленную армію герцога и довершить бѣдствія Саксоніи. Разрушенныя церкви, сожженныя деревни, опустошенныя жатвы, ограбленныя семейства, обезображенные трупы обозначали путь этихъ варвар-

скихъ войскъ; вся Тюрингія, Фохтландъ и Мейсенъ изнемогли подъ ударами этого тройнаго бича. Но они были только предвѣстниками гораздо бо́льшаго бѣдствія, которымъ самъ герцогъ съ главною арміею угрожалъ несчастной Саксоніи. Оставивъ на своемъ пути черезъ Франконію и Тюрингію ужаснѣйшіе слѣды своей ярости, онъ явился со всѣми силами въ Лейпцигскомъ округѣ и принудилъ городъ Лейпцигъ къ сдачѣ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія. *Валленштейнъ* намѣревался идти къ Дрездену и покореніемъ всей страны предписать курфирсту законы. Онъ уже приближался къ Мульдѣ, съ цѣлью напасть съ превосходными силами на саксонскую армію, выступившую ему на встрѣчу къ Торгау и разбить ее, когда прибытіе короля Шведскаго въ Эрфуртъ неожиданно положило предѣлъ его завоевательнымъ планамъ. Стѣсненный шведскими и саксонскими силами, ожидавшими еще подкрѣпленія изъ Нижней Саксоніи въ лицѣ герцога *Георга Люнебургскаго*, онъ поспѣшно отступилъ къ Мерзебургу, чтобы соединиться тамъ съ графомъ *Паппенгеймомъ* и прогнать назадъ вторгнувшихся шведовъ. *Густавъ Адольфъ* съ безпокойствомъ слѣдилъ за происками Испаніи и Австріи, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы отвлечь отъ него союзника. Чѣмъ важнѣе былъ для него союзъ съ Саксоніею, тѣмъ болѣе имѣлъ онъ причинъ опасаться непостоянства *Іоанна Георга*. Между нимъ и курфирстомъ никогда не было искренней дружеской связи. Вмѣшательство посторонней державы въ дѣла имперіи не могло не быть подозрительнымъ и тягостнымъ для государя, гордившагося своимъ политическимъ значеніемъ и привыкшаго считать себя главою своей партіи, и только одна крайняя опасность, грозившая государству, могла на время

преодолѣть его отвращенiе къ успѣхамъ этого ненавистнаго чужеземца. Возраставшая власть короля въ Германiи, его преобладавшее влiянiе на протестантскiе чины и довольно-явныя доказательства честолюбивыхъ его намѣренiй возбудили въ курфирстѣ тысячи опасенiй, которыя императорскiе агенты съумѣли искусно въ немъ поддержать и усилить. Каждый произвольный шагъ короля, каждое даже самое справедливое требованiе, обращенное къ имперскимъ князьямъ, подавали курфирсту поводъ къ горькимъ жалобамъ, предвѣщавшимъ скорый разрывъ. Даже между генералами обѣихъ сторонъ, какъ скоро имъ приходилось дѣйствовать вмѣстѣ, оказывались неоднократно слѣды несогласiй, раздѣлявшихъ ихъ повелителей. Врожденное отвращенiе *Iоанна Георга* отъ войны и его еще не совсѣмъ угасшая привязанность къ Австрiи, благопрiятствовали старанiямъ *Арнгейма*, употреблявшаго всѣ старанiя, за одно съ *Валленштейномъ*, чтобы склонить своего государя къ отдѣльному миру съ императоромъ; и если его представленiя долгое время оставались безуспѣшны, то послѣдствiя доказали, что они остались не вовсе безъ дѣйствiя.

Густавъ Адольфъ, справедливо опасавшiйся того влiянiя, какое отпаденiе столь важнаго союзника отъ его партiи могло имѣть на все будущее его пребыванiе въ Германiи, всячески старался удержать курфирста отъ такого опаснаго шага, и до-сихъ-поръ его представленiя не были безуспѣшны. Но страшныя силы, которыми императоръ подкрѣплялъ свои соблазнительныя предложенiя, и бѣдствiя, какими онъ грозилъ Саксонiи въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленiя, могли, наконецъ, поколебать твердость курфирста, если бы его оставили безъ помощи въ жертву непрiятеля; а такое равнодушiе

къ столь важному союзнику могло навсегда уничтожить довѣріе остальныхъ сторонниковъ Швеціи къ ихъ защитнику. Эти соображенія побудили короля во второй разъ согласиться на убѣдительныя приглашенія сильно-угрожаемаго курфирста и пожертвовать всѣми своими блистательными надеждами спасенію союзника. Онъ уже рѣшился вторично напасть на Ингольштатъ, и безсиліе курфирста Баварскаго оправдывало его надежду принудить наконецъ этого истощеннаго врага къ нейтралитету. Возстаніе крестьянъ въ Верхней Австріи открывало ему дорогу въ эту землю, и прежде чѣмъ *Валленштейнъ* успѣлъ бы придти на помощь, столица императора могла находиться въ его рукахъ. Всѣми этими блистательными надеждами пожертвовалъ онъ благу союзника, нестоившаго этой жертвы ни по заслугамъ своимъ, ни по добросовѣстности, который, при настоятельномъ требованіи единодушія, только думалъ о собственныхъ мелочныхъ выгодахъ, который былъ значителенъ не пользою, а вредомъ, отъ него ожидаемымъ. И кто удержится отъ негодованія, услыхавъ, что на пути, предпринятомъ *Густавомъ Адольфомъ* для спасенія этого князя, великій король нашелъ предѣлъ своимъ подвигамъ?

Онъ быстро собралъ свои войска во Франконіи и послѣдовалъ за арміею *Валленштейна* въ Тюрингію. Герцогъ *Бернгардъ Веймарскій*, высланный впередъ противъ *Паппенгейма*, присоединился подъ Арнштатомъ къ королю, являвшагося теперь въ главѣ двадцатитысячнаго испытаннаго войска. Въ Эрфуртѣ разстался онъ съ супругой, которой суждено было увидѣть его снова не прежде, какъ въ Вейсенфельсѣ — въ гробу; грустное прощаніе предвѣщало вѣчную разлуку. Онъ

достигъ Наумбурга 1-го ноября 1632 года, прежде чѣмъ посланный туда корпусъ герцога *Фридландскаго* успѣлъ его занять. Народъ стекался толпами изъ окрестныхъ мѣстъ, чтобы взглянуть на героя, мстителя, великаго короля, который, за годъ передъ тѣмъ, подобно ангелу-хранителю, явился въ этихъ самыхъ мѣстахъ. Вездѣ, гдѣ онъ появлялся, раздавались радостные клики; народъ съ молитвами повергался предъ нимъ на колѣни; спорили о счастьи коснуться шпаги или края его платья. Скромнаго героя огорчала эта дань искренней благодарности и удивленія. «Не хочетъ ли здѣшній народъ сдѣлать меня Богомъ?» сказалъ онъ сопровождавшимъ его. «Наши дѣла идутъ хорошо; но я боюсь, какъ бы небесное мщеніе не покарало меня за это дерзкое зрѣлище и не показало этой безумной толпѣ слишкомъ рано мою слабую, смертную человѣчность». Какъ достоинъ любви является намъ *Густавъ*, прощаясь съ нами на вѣки! И въ полнотѣ счастья уважая судьбу, онъ отвергаетъ почести, подобающія однимъ безсмертнымъ, и его право на наши слезы удвояется съ приближеніемъ минуты, властной пролить ихъ.

Между тѣмъ герцогъ *Фридландскій* выступилъ на встрѣчу приближавшемуся королю до Вейсенфельса, рѣшившись удержать зимнія квартиры въ Саксоніи, хотя бы то должно было стоить сраженія. Его бездѣйствіе подъ Нюрнбергомъ навлекло на него подозрѣніе, что онъ не осмѣливается помѣриться съ сѣвернымъ героемъ, и вся слава его подвергалась опасности, если бы онъ упустилъ во второй разъ случай къ сраженію. Превосходство его въ войскахъ, хотя и не такое значительное, какъ въ первое время подъ Нюрнбергомъ, ручалось ему въ побѣдѣ, если бы удалось вовлечь короля въ сраженіе до

соединенія его съ саксонцами. Впрочемъ, настоящая увѣренность *Валленштейна* основывалась не столько на многочисленности его войскъ, сколько на увѣреніяхъ астролога *Сени*, прочевшаго въ звѣздахъ, что счастье Шведскаго монарха погибнетъ въ ноябрѣ. Сверхъ того между Наумбургомъ и Вейсенфельдомъ находились узкіе проходы, образуемые непрерывною цѣпью горъ и текущею по близости рѣкою Заалою, которые сильно затрудняли дальнѣйшій походъ шведской арміи, и гдѣ она могла быть совершенно заперта съ помощью незначительнаго войска. Тогда королю не осталось бы другаго выбора, какъ пробиться съ большою опасностью чрезъ дефилеи, или предпринять трудное отступленіе черезъ Тюрингію, и отъ всевозможныхъ лишеній въ опустошенной землѣ потерять бо́льшую часть своей арміи. Быстрота, съ какою *Густавъ Адольфъ* занялъ Наумбургъ, уничтожила этотъ планъ, и теперь самъ *Валленштейнъ* долженъ былъ ожидать нападенія.

Но онъ обманулся въ своемъ ожиданіи, такъ какъ король, вмѣсто того, чтобы двинуться къ нему на встрѣчу до Вейсенфельса, готовился укрѣпиться подъ Наумбургомъ и тамъ ожидать подкрѣпленій, шедшихъ къ нему съ герцогомъ Люнебургскимъ. Не зная на что рѣшиться: идти ли на встрѣчу королю сквозь тѣснины между Вейсенфельсомъ и Наумбургомъ, или остаться въ бездѣйствіи въ своемъ лагерѣ, онъ собралъ военный совѣтъ, чтобы услышать мнѣнія своихъ опытнѣйшихъ генераловъ. Никто изъ нихъ не нашелъ полезнымъ атаковать короля въ выгодной его позиціи; сдѣланныя же имъ распоряженія касательно укрѣпленія лагеря, ясно показывали, что онъ не намѣренъ скоро его оставить. Но наступавшая зима также мало позволяла продолжать

военныя дѣйствія и утомлять армію, нуждавшуюся въ отдыхѣ. Всѣ голоса объявили себя въ пользу окончанія кампаніи, тѣмъ болѣе, что голландскія войска угрожали важному городу Кёльну, а успѣхи непріятеля въ Вестфаліи и на Нижнемъ Рейнѣ требовали помощи въ тѣхъ мѣстахъ. Герцогъ *Фридландскій* призналъ основательность этихъ причинъ и, почти увѣрившись, что со стороны короля нечего опасаться нападенія въ это время года, расположилъ свои войска на зимнихъ квартирахъ, однако такъ, что они могли собраться немедленно, если бы непріятель, противъ всѣхъ ожиданій, рѣшился сдѣлать нападеніе. Графъ *Паппенгеймъ* былъ отправленъ съ значительною частью войска на помощь городу Кёльну, съ приказаніемъ овладѣть мимоходомъ галльскою крѣпостью Морицбургомъ. Нѣкоторые корпуса расположились въ болѣе удобныхъ окрестныхъ городахъ, чтобы быть въ состояніи наблюдать со всѣхъ сторонъ за движеніями непріятеля. Графъ *Коллоредо* охранялъ зáмокъ въ Вейсенфельсѣ, а самъ *Валленштейнъ* съ остальнымъ войскомъ сталъ лагеремъ недалеко отъ Мерзебурга, между Флоссъ-Грабеномъ и Заалою, откуда намѣревался выступить къ Лейпцигу и отрѣзать саксонцевъ отъ шведской арміи.

Но едва *Густавъ Адольфъ* былъ извѣщенъ о выступленіи *Паппенгейма*, какъ тотчасъ оставилъ свой лагерь подъ Наумбургомъ и поспѣшилъ со всѣми своими силами атаковать на половину ослабленнаго непріятеля. Онъ быстро двинулся къ Вейсенфельсу, откуда слухъ о его прибытіи немедленно достигъ непріятеля и крайне изумилъ герцога *Фридландскаго*. Но тутъ надо было рѣшаться скорѣе, и герцогъ немедленно принялъ свои мѣры. Если онъ не могъ выставить болѣе двѣнадцати

тысячъ человѣкъ противъ двадцатитысячной арміи непріятеля, то была надежда удержаться до возвращенія *Паппенгейма*, который — самое большое, могъ отойти на пять миль до Галле. Немедленно поскакали гонцы воротить его, а *Валленштейнъ* въ то же время потянулся въ долину между Флоссъ-Грабеномъ и Люценомъ и тѣмъ отрѣзавъ короля отъ Лейпцига и саксонскихъ войскъ, ожидалъ его въ полномъ боевомъ порядкѣ.

Три пушечные выстрѣла, сдѣланные графомъ *Коллоредо* съ вейсенфельскаго зáмка, возвѣстили приближеніе короля и по этому условному сигналу собрались передовыя войска *Валленштейна*, бывшія подъ начальствомъ кроатскаго генерала *Изолани*, чтобы занять деревни по Риппаху. Ихъ слабое сопротивленіе не удержало наступавшаго непріятеля, который переправился при деревнѣ Риппахѣ черезъ рѣчку того же имени и выстроился пониже Люцена противъ боевой линіи императорскихъ войскъ. Дорогу, идущую изъ Вейсенфельса къ Лейпцигу, между Люценомъ и Маркранштетомъ, пересѣкаетъ каналъ Флоссъ-Грабенъ, простирающійся отъ Цейца до Мерзебурга и соединяющій Эльстеръ съ Заалою. Къ этому каналу примыкало лѣвое крыло императорскихъ войскъ и правое короля Шведскаго, но такъ, что кавалерія тѣхъ и другихъ частью стояла на другомъ берегу. Къ сѣверу, сзади Люцена, расположилось правое крыло *Валленштейна*, а къ югу отъ этого городка лѣвое крыло шведскаго войска. Фронтъ обѣихъ армій былъ обращенъ къ большой дорогѣ, проходившей между ними и отдѣлявшей одну боевую линію отъ другой. Но эту-то дорогу занялъ *Валленштейнъ* наканунѣ сраженія, къ значительному вреду своего противника, причемъ углубилъ рвы, тянувшіеся

по ея обѣимъ сторонамъ, и расположилъ въ нихъ мушкетеровъ такъ, что переходъ сопряженъ былъ съ большимъ затрудненіемъ и опасностью. За ними возвышалась батарея о семи орудіяхъ большаго калибра, для подкрѣпленія ружейнаго огня изъ-за рвовъ; а у вѣтреныхъ мельницъ, сейчасъ за Люценомъ, поставлено было на высотахъ четырнадцать полевыхъ орудій меньшаго калибра, откуда можно было обстрѣливать бо́льшую часть равнины. Пѣхота, раздѣленная всего на пять большихъ, неповоротливыхъ бригадъ, стояла въ трехстахъ шагахъ позади дороги въ боевомъ порядкѣ, кавалерія прикрывала фланги. Для облегченія движеній войскъ, весь обозъ отправленъ былъ въ Лейпцигъ, и одни только зарядные ящики находились за фронтомъ. Чтобы скрыть слабость арміи, всѣмъ погонщикамъ и деньщикамъ велѣно было сѣсть верхомъ и примкнуть къ лѣвому крылу, гдѣ, впрочемъ, они должны были оставаться только до прибытія войскъ *Паппенгейма*. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы въ теченіе ночи, и прежде чѣмъ занялся день, все было готово къ встрѣчѣ непріятеля.

Еще въ тотъ же вечеръ явился *Густавъ Адольфъ* на противоположной сторонѣ равнины и выстроилъ свои войска. Боевой порядокъ шведовъ былъ тотъ самый, которымъ, за годъ предъ тѣмъ, они одержали побѣду подъ Лейпцигомъ. Между пѣхотой были размѣщены небольшіе эскадроны, между кавалеріей тамъ и сямъ разставлены небольшіе отряды мушкетеровъ. Вся армія выстроилась въ двѣ линіи, имѣя вправо за собою Флоссъ-Грабенъ, впереди дорогу и влѣво городъ Люценъ. Въ центрѣ находилась пѣхота подъ начальствомъ графа *Браге*, кавалерія размѣстилась по флангамъ, артиллерія передъ

фронтомъ. Германскому герою, герцогу *Бернгарду Веймарскому*, была ввѣрена нѣмецкая конница лѣваго крыла, а на правомъ самъ король предводительствовалъ своими шведами, чѣмъ надѣялся возбудить благородное соревнованіе въ обоихъ народахъ. Вторая линія построилась въ томъ же порядкѣ, а за нею расположился резервъ подъ начальствомъ шотландца *Гендерсона*.

Изготовясь такимъ образомъ, ожидали кровавой зари для начатія сраженія, ужаснаго и достопамятнаго болѣе откладываніемъ, чѣмъ важностью возможныхъ послѣдствій, болѣе отборностью, чѣмъ многочисленностью войскъ. Напряженныя ожиданія Европы, обманутыя въ лагерѣ подъ Нюрнбергомъ, должны были получить удовлетвореніе на равнинахъ Люцена. Два такіе полководца, столь равные по власти, славѣ и способностямъ, во все продолженіе этой войны не помѣрились силами ни въ одномъ открытомъ сраженіи; ни разу еще храбрости не предстояло такой грозной борьбы, ни разу еще столь важный результатъ не воодушевлялъ надежды. Завтрашній день долженъ былъ открыть Европѣ перваго ея полководца и дать побѣдителя никогда непобѣжденному. Завтрашній день долженъ былъ доказать окончательно, геній ли *Густава Адольфа*, или только неспособность его противника рѣшила подъ Лейпцигомъ и на Лехѣ. Завтра герцогъ *Фридландскій* долженъ оправдать выборъ императора и важностью услугъ вознаградить важность цѣны, которою онѣ были куплены. Каждый воинъ ревниво раздѣлялъ славу своего вождя, и подъ каждымъ панцыремъ смѣнялись тѣ же чувства, какія воспламеняли грудь ихъ генерала. *Сомнительна* была побѣда, но *несомнителенъ* былъ трудъ и кровь, которыхъ должна была стоить побѣда, какъ

побѣдителю, такъ и побѣжденному. Каждая сторона вполнѣ *знала* предстоявшаго ей непріятеля, и боязнь, которую напрасно старались побѣдить, служила блистательнымъ доказательствомъ его силы.

Наконецъ занимается роковое утро; но непроницаемый туманъ, застилавшій все поле сраженія, заставляетъ отложить нападеніе до полудня. Колѣнопреклоненный монархъ молится передъ фронтомъ; вся армія, склонясь на колѣни, поётъ въ это время трогательный гимнъ и полевая музыка вторитъ пѣнію. Затѣмъ король садится на лошадь и въ одномъ замшевомъ колетѣ и суконномъ кафтанѣ (прежняя рана не позволяла ему надѣвать латъ) объѣзжаетъ ряды, стараясь возбудить въ войскахъ своихъ радостную увѣренность, которой самъ не чувствовалъ. «Съ нами Богъ!» былъ кликъ шведовъ; «Іисусъ Марія!»— лозунгъ императорскихъ войскъ. Около одиннадцати часовъ туманъ начинаетъ разсѣваться и непріятель открывается. Въ то же время представляется пылающій Люценъ, зажженный по приказанію герцога, опасавшагося быть обойденнымъ съ этой стороны. Вотъ раздается сигналъ — и кавалерія бросается на непріятеля, а пѣхота идетъ ко рвамъ.

Встрѣченные страшнымъ ружейнымъ огнемъ и выстрѣлами изъ тяжелыхъ орудій, расположенныхъ сзади, эти храбрые батальоны продолжаютъ мужественно идти впередъ; непріятельскіе мушкетеры оставляютъ свои посты, рвы перейдены, батарея взята и немедленно обращена противъ непріятеля. Съ неудержимою силою идутъ они далѣе; первая изъ пяти фридландовыхъ бригадъ опрокинута, вслѣдъ за нею другая, и уже третья обращается въ бѣгство, когда вездѣ присутствующій геній герцога останавливаетъ ихъ напоръ. Съ быстротою мол-

нiи является онъ здѣсь, чтобы возстановить порядокъ въ пѣхотѣ и могучимъ своимъ словомъ остановить бѣгущихъ. Подкрѣпленные тремя кавалерiйскими полками, разбитыя бригады выстраиваются снова лицомъ къ непрiятелю и стремительно врываются въ его ряды. Возобновляется убiйственное сраженiе: близость непрiятеля не позволяетъ дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружiемъ, ярость нападенiя не даетъ времени зарядить ружья, бьются одинъ на одинъ, безполезное ружье уступаетъ мѣсто мечу и пикѣ, искусство — ожесточенiю. Подавленные многолюдствомъ, утомленные шведы уходятъ наконецъ за рвы и при этомъ отступленiи лишаются взятой батареи. Уже тысячи обезображенныхъ труповъ покрываютъ поле сраженiя, а еще не выиграно ни одного шагу земли.

Между тѣмъ правое крыло короля, предводимое имъ самимъ, устремляется на лѣвый флангъ непрiятеля. Уже первый сильный напоръ тяжелыхъ финскихъ кирасиръ разсѣваетъ легкую польскую конницу и кроатовъ, примыкавшихъ къ этому крылу, и ихъ безпорядочное бѣгство пугаетъ и разстроиваетъ остальную кавалерiю. Въ это мгновенiе доносятъ королю, что его пѣхота отступаетъ за рвы и что лѣвое его крыло, сильно поражаемое огнемъ непрiятельскихъ орудiй у вѣтренныхъ мельницъ, также подается назадъ. Не теряя присутствiя духа, онъ поручаетъ генералу *Горну* преслѣдованiе уже разбитаго лѣваго крыла непрiятеля, а самъ въ главѣ *штейнбокова* полка спѣшитъ возстановить порядокъ на своемъ лѣвомъ крылѣ. Благородный конь стрѣлою переноситъ его черезъ рвы, но слѣдовавшiе за нимъ эскадроны не могутъ такъ легко перейти черезъ нихъ, и только немногiе всадники, между которыми называютъ *Франца Альберта*, герцога *Саксенъ-Лауэнбургскаго*,

успѣваютъ остаться при немъ. Онъ скачетъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ всего болѣе стѣснялась его пѣхота, и стараясь высмотрѣть слабое мѣсто въ непріятельскомъ войскѣ, чтобы обратить туда свое нападеніе, по близорукости, подъѣзжаетъ къ нему слишкомъ близко. Императорскій ефрейторъ замѣчаетъ, что подъѣзжающему всѣ почтительно даютъ дорогу, и тотчасъ велитъ мушкетеру въ него прицѣлиться. «Стрѣляй въ него» говоритъ онъ: «это долженъ быть знатный господинъ». Солдатъ стрѣляетъ и раздробляетъ королю лѣвую руку. Въ это мгновеніе являются его эскадроны, и отчаянный крикъ: *«король въ крови! — король убитъ!»* распространяетъ ужасъ между прибывшими. «Пустяки — за мной!» восклицаетъ король, собравшій всѣ свои силы; но, ослабѣвъ отъ боли и предчувствуя обморокъ, онъ проситъ по-французски герцога Лауэнбургскаго вывести его незамѣтно изъ тѣсноты. Въ то время, когда послѣдній, желая избавить упавшую духомъ пѣхоту отъ этого печальнаго зрѣлища, дѣлаетъ далекій объѣздъ и поворачиваетъ съ королемъ къ правому крылу, второй выстрѣлъ поражаетъ его въ спину и лишаетъ послѣднихъ силъ. «Будетъ съ меня, братъ!» говоритъ онъ умирающимъ голосомъ: «Спасайся самъ». Тутъ онъ падаетъ съ лошади и, пораженный еще нѣсколькими выстрѣлами, оставленный всѣми своими спутниками, испускаетъ духъ подъ разбойничьими руками кроатовъ. Вскорѣ его праздно-бѣгущій и окровавленный конь открываетъ шведской конницѣ смерть ихъ короля, и она съ яростью стремится вырвать изъ рукъ непріятеля эту священную добычу. Вокругъ его трупа завязывается кровопролитная битва и обезображенное тѣло покрывается кучею убитыхъ.

Страшная вѣсть быстро распространяется по всему шведскому войску; но вмѣсто того, чтобы убить мужество этихъ храбрыхъ полковъ, она еще болѣе возбуждаетъ ихъ къ новому яростному, сокрушительному нападенію. Жизнь теряетъ свою цѣну, такъ-какъ погибла драгоцѣннѣйшая изъ всѣхъ жизней, и смерть, непощадившая коронованной главы, уже не страшна для остальныхъ. Какъ разъяренные львы бросаются упландскіе, смоладскіе, финскіе, остъ- и вестъ-готскіе полки во второй разъ на лѣвое крыло непріятеля, слабо сопротивлявшееся генералу *Горну*, и прогоняютъ съ поля сраженія. Въ то же время предъ осиротѣвшимъ шведскимъ войскомъ является новый способный вождь въ лицѣ герцога *Бернгарда Веймарскаго*, и духъ *Густава Адольфа* снова предводительствуетъ его побѣдоносными полками. Лѣвое крыло быстро устроивается и стремительно нападаетъ на правое императорское. Орудія у вѣтренныхъ мельницъ, такъ губительно поражавшія шведовъ, достаются имъ снова, и ихъ громы обращаются противъ самого непріятеля. Въ центрѣ шведская пѣхота, предводимая *Бернгардомъ* и *Книпгаузеномъ*, снова бросается ко рвамъ, переходитъ черезъ нихъ и снова овладѣваетъ семи-пушечною батареею. Съ удвоенною яростью возобновляется нападеніе на тяжелые батальоны непріятельскаго центра; они сопротивляются все слабѣе и слабѣе, и самый случай соединяется съ шведскою храбростью, чтобы довершить ихъ пораженіе. Огонь обхватываетъ императорскіе зарядные ящики, и начиненныя гранаты и бомбы съ страшнымъ трескомъ разлетаются по воздуху. Смущенный непріятель считаетъ себя обойденнымъ съ тылу, тогда-какъ шведскія бригады устремляются на него спереди. Мужество оставляетъ

его. Онъ видитъ свое лѣвое крыло разбитымъ, правое въ безпорядкѣ, артиллерію въ рукахъ непріятеля. Битва клонится къ концу; судьба дня зависитъ отъ одного мгновенія — какъ вдругъ появляется на полѣ сраженія *Паппенгеймъ* съ кирасирами и драгунами: всѣ пріобрѣтенныя выгоды потеряны и начинается совершенно-новое сраженіе.

Приказаніе, призывавшее этого генерала въ Люценъ, застало его въ Галлѣ, гдѣ въ это время войска его еще были заняты разграбленіемъ города. Не было никакой возможности собрать разсѣянную пѣхоту такъ скоро, какъ того требовало приказаніе и собственное нетерпѣніе этого генерала. Не дожидаясь ее, онъ велѣлъ восьми кавалерійскимъ полкамъ сѣсть на коней и вмѣстѣ съ ними понесся во весь опоръ къ Люцену, чтобы принять участіе въ боевомъ праздникѣ. Онъ прибылъ, казалось, только для того, чтобъ быть свидѣтелемъ бѣгства императорскаго лѣваго крыла, сбитаго съ поля *Густавомъ Горномъ*, и быть сначала самому увлеченнымъ этимъ бѣгствомъ. Но, не теряя присутствія духа, онъ собираетъ бѣгущія войска и снова ведетъ ихъ на непріятеля. Подстрекаемый своимъ дикимъ мужествомъ и полный нетерпѣнія сразиться съ самимъ королемъ, котораго почитаетъ предводителемъ этого крыла, онъ съ страшною силою вторгается въ малочисленные и утомленные боемъ шведскіе полки, которые, послѣ мужественнаго сопротивленія, уступаютъ этому наплыву непріятелей. Погасшее мужество императорской пѣхоты также ободряется неожиданнымъ появленіемъ *Паппенгейма*, и герцогъ *Фридландскій* быстро пользуется благопріятной минутой, чтобы снова построить ряды. Послѣ кровопролитнаго дѣла, тѣсно-сомкнутые батальо-

ны шведовъ оттѣснены за рвы, и дважды взятыя орудія во второй разъ отбиты непріятелемъ. Весь жолтый полкъ, отличнѣйшій изъ всѣхъ, засвидѣтельствовавшихъ свое геройское мужество въ этотъ кровавый день, ложится костьми на мѣстѣ сраженія въ томъ же превосходномъ порядкѣ, въ какомъ такъ мужественно защищалъ его при жизни. Той же участи подвергается другой, синій полкъ, уничтоженный графомъ *Пикколомини* съ императорскою конницею, послѣ яростнаго сопротивленія. Семь разъ этотъ превосходный генералъ возобновлялъ нападеніе; семь лошадей было убито подъ нимъ и шесть ружейныхъ пуль поразили его самого: но онъ все-таки не оставлялъ поля сраженія, пока не былъ увлеченъ общимъ отсупленіемъ всей арміи. Самого герцога видѣли спокойно объѣзжающимъ свои войска, готовымъ всюду подать помощь нуждающемуся, похвалить храбраго и кинуть карающій взглядъ на робкаго. Вокругъ и около люди падаютъ мертвыми и самый плащъ его пробитъ множествомъ пуль; но сегодня боги-мстители охраняютъ его грудь, для которой уже оттачивается другое желѣзо: не суждено было *Валленштейну* окончить своей преступной жизни на смертномъ одрѣ *Густава*.

Не такъ счастливъ былъ *Паппенгеймъ*, Теламонидъ арміи, грозный воинъ австрійскаго дома и церкви. Пламенное желаніе встрѣтиться въ битвѣ съ самимъ королемъ увлекло яростнаго въ средину кровопролитнѣйшей сѣчи, гдѣ онъ надѣялся всего скорѣе найти своего благороднаго врага. *Густавъ* тоже пламенно желалъ увидѣть въ лицо этого уважаемаго противника, но ихъ желаніе не исполнилось, и только смерть соединила примиренныхъ героевъ. Двѣ ружейныя пули поразили израненную грудь *Паппенгейма*, и приближенные должны были на-

сильно вынести его изъ сраженія. Въ то время, какъ несли раненаго за фронтъ, невнятный говоръ касается его слуха, что тотъ, кого онъ искалъ, лежитъ безжизненъ на полѣ сраженія. Когда ему подтвердили справедливость этого извѣстія, лицо его оживилось и послѣдній огонь блеснулъ въ глазахъ его. «Передайте герцогу *Фридландскому*» сказалъ онъ, «что я лежу поверженный, безъ надежды на жизнь, но умираю съ радостью, зная, что непримиримѣйшій врагъ моей вѣры палъ въ одинъ день со мною».

Съ *Паппенгеймомъ* счастье императорскихъ войскъ удалилось съ поля сраженія. Не видя своего побѣдоноснаго вождя, кавалерія лѣваго крыла, уже однажды разбитая и однимъ имъ устроенная снова, теряетъ свою увѣренность и, въ отчаяніи, обращается въ бѣгство. Такое же смятеніе овладѣваетъ правымъ крыломъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ полковъ, удержанныхъ на мѣстѣ храбростью ихъ полковниковъ *Гёца*, *Терцкаго*, *Коллоредо* и *Пикколомини*. Шведская пѣхота съ быстрою рѣшимостью пользуется смятеніемъ непріятеля. Чтобы пополнить пробѣлы, сдѣланные смертью въ ихъ переднихъ рядахъ, обѣ линіи соединяются для послѣдняго нападенія. Они въ третій разъ переходятъ рвы и въ третій разъ берутъ орудія, поставленныя за ними. Солнце уже было на закатѣ, когда обѣ арміи снова вступаютъ въ бой. Битва становится жарче къ концу, послѣдняя сила борется съ послѣднею силой, искусство и ярость дѣлаютъ все возможное, чтобы воротить въ нѣсколько драгоцѣнныхъ минутъ весь потерянный день. Напрасно каждая сторона силится превзойти самихъ себя: ни одна не можетъ ни побѣдить, ни уступить, и тактика истощаетъ *здѣсь* всѣ свои чудесныя средства, чтобы

развить *тамъ* новыя никогда неиспытанныя и непримѣненныя чудеса искусства. Наконецъ туманъ и ночь полагаютъ предѣлъ битвѣ, которой не хочетъ прекратить ярость, и нападеніе стихаетъ потому только, что не находитъ непріятеля. Оба войска расходятся по безмолвному соглашенію, раздается радостный звукъ трубъ и каждое оставляетъ поле сраженія, считая себя непобежденнымъ.

Покинутая артиллерія обѣихъ сторонъ (такъ какъ лошади разбѣжались) простояла всю ночь на мѣстѣ битвы — вмѣстѣ награда и доказательство побѣды для того, кто овладѣетъ полемъ сраженія. Но поспѣшность, съ какою герцогъ *Фридландскій* оставилъ Лейпцигъ и Саксонію, помѣшала ему забрать свою долю съ боеваго поля. Вскорѣ по прекращеніи битвы прибыли на мѣсто сраженія шесть полковъ пѣхоты *Паппенгейма*, немогшіе поспѣть за своимъ ускакавшимъ впередъ генераломъ; но дѣло было сдѣлано. Прибытіе такого значительнаго подкрѣпленія нѣсколькими часами раньше, вѣроятно, рѣшило бы побѣду въ пользу императора, да еще и теперь, овладѣвъ полемъ сраженія, могла бы спасти артиллерію герцога и взять шведскую. Но, не получая никакихъ опредѣлительныхъ приказаній и ничего не зная объ исходѣ сраженія, она прошла къ Лейпцигу, гдѣ надѣялась найти главную армію.

Туда отступилъ герцогъ *Фридландскій*, и безъ пушекъ, безъ знаменъ и почти безъ оружія послѣдовали за нимъ на другое утро остатки разсѣяннаго его войска. Между Люценомъ и Вейсенфельсомъ, какъ кажется, герцогъ *Бернгардъ* далъ роздыхъ шведской арміи отъ трудовъ этого кровопролитнаго дня, въ достаточно-близкомъ разстояніи отъ мѣста сраженія, чтобы уничтожить

всякое покушеніе овладѣть имъ. Слишкомъ девять тысячъ убитыхъ лежало на полѣ битвы; число раненыхъ было еще значительнѣе, особенно въ императорской арміи, гдѣ едва-ли кто-нибудь вышелъ цѣлъ изъ сраженія. Вся равнина отъ Люцена до самаго Флоссъ-Грабена была покрыта ранеными, умиравшими и убитыми. Много знатнѣйшихъ дворянъ пало съ обѣихъ сторонъ; фульдскій пріоръ, замѣшавшійся въ битву, какъ зритель, заплатилъ жизнью за свое любопытство и несвоевременное усердіе къ вѣрѣ. О плѣнныхъ исторія умалчиваетъ — новое доказательство ожесточенія армій, недававшихъ и непросившихъ пощады.

Паппенгеймъ умеръ на слѣдующій день въ Лейпцигѣ отъ ранъ — потеря, незамѣнимая для императорскаго войска, которое этотъ отличный полководецъ такъ часто водилъ къ побѣдѣ! Онъ открылъ свое геройское поприще прагскимъ сраженіемъ, въ которомъ участвовалъ вмѣстѣ съ *Валленштейномъ* въ чинѣ полковника. Опасно раненый, благодаря своему буйному мужеству, онъ опрокинулъ съ небольшимъ отрядомъ непріятельскій полкъ, и пролежалъ нѣсколько часовъ на полѣ сраженія между мертвыми подъ лошадью, пока не былъ найденъ своими солдатами, грабившими мертвыхъ. Затѣмъ съ незначительнымъ войскомъ одолѣлъ сорокъ тысячъ инсургентовъ въ Верхней Австріи въ трехъ разныхъ сраженіяхъ; при пораженіи *Тилли* подъ Лейпцигомъ, долгое время удерживалъ своею храбростью непріятеля и прославилъ оружіе императора многими побѣдами на Эльбѣ и Везерѣ. Дикій, необузданный пылъ его храбрости, презиравшій всевозможныя опасности и едва отступавшій предъ невозможностью, дѣлалъ его грознымъ *орудіемъ* въ рукахъ полководца, но неспо-

собнымъ *главнокомандующимъ*. Если вѣрить словамъ *Тилли*, лейпцигское сраженіе было проиграно отъ его неумѣстной горячности. И онъ запятналъ свои руки кровью Магдебурга! Умъ его, образованный раннимъ юношескимъ прилежаніемъ, одичалъ отъ войны. На лбу его видны были два красные рубца, похожіе на мечи, которыми природа отмѣтила его при самомъ рожденіи. И въ зрѣлыхъ лѣтахъ обозначались эти пятна каждый разъ, когда страсть волновала его кровь, и суевѣріе легко убѣждалось, что будущее призваніе мужа уже было обозначено на лбу ребенка. Подобный генералъ имѣлъ неоспоримое право на благодарность обѣихъ австрійскихъ линій; но онъ не дождался блистательнѣйшаго ея доказательства. Гонецъ, везшій ему орденъ золотаго руна изъ Мадрита, уже былъ въ дорогѣ, когда смерть постигла его въ Лейпцигѣ.

Хотя во всѣхъ австрійскихъ и испанскихъ земляхъ и было пропѣто «Te Deum» за одержанную побѣду, но *Валленштейнъ* явно и гласно сознался въ своемъ пораженіи поспѣшностью, съ какою оставилъ Лейпцигъ, а вскорѣ затѣмъ и всю Саксонію и отказался отъ зимнихъ квартиръ въ этой странѣ. Правда, онъ сдѣлалъ еще слабое покушеніе воспользоваться славою побѣды, такъ сказать, на лету, выславъ на другое утро своихъ кроатовъ къ мѣсту сраженія; но при видѣ шведской арміи, стоявшей тамъ въ боевомъ порядкѣ, нестройныя толпы эти мгновенно разсѣялись, и герцогъ *Бернгардъ*, занявъ поле сраженія, а вскорѣ потомъ и Лейпцигъ, пріобрѣлъ неоспоримо всѣ права побѣдителя.

Но дорогая побѣда — печальное торжество! Только теперь, когда остыла ярость бойцовъ, чувствуютъ всю великость потери и радостные клики побѣдителей уми-

раютъ въ безмолвномъ, мрачномъ отчаяніи. Тотъ, кто ввелъ ихъ въ битву — не возвратился! Онъ лежитъ на полѣ у выиграннаго имъ сраженія, заваленный цѣлою кучею другихъ мертвецовъ. Послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ, наконецъ находятъ тѣло короля между Флоссъ-Грабеномъ и Люценомъ, недалеко отъ большаго камня, уже сто лѣтъ всѣмъ извѣстнаго, но который только теперь отъ достопамятнаго несчастья этого дня получаетъ названіе *шведскаго камня* (Schwedenstein). Обезображеннаго кровью и ранами, растоптаннаго лошадиными копытами и ограбленнаго разбойничьими руками, снявшими съ него украшенія и одежду, вытаскиваютъ его изъ-подъ груды мертвыхъ и переносятъ въ Вейсенфельсъ, гдѣ его оплакиваютъ войска и въ послѣдній разъ обнимаетъ королева. Первой дани требовало *мщеніе* — и кровь лилась очистительною жертвой монарху; теперь *любовь* вступаетъ въ свои права — и тихія слезы текутъ о человѣкѣ. Общая скорбь поглощаетъ каждую отдѣльную печаль. Вожди, еще непришедшіе въ себя отъ оглушительнаго удара, стоятъ въ безмолвномъ оцѣпенѣніи вокругъ его гроба, и еще никто не можетъ оцѣнить вполнѣ всю огромность этой потери.

Императоръ, разсказываетъ *Кевенгиллеръ*, при видѣ окровавленнаго колета, снятаго съ короля въ сраженіи и присланнаго въ Вѣну, изявилъ приличное случаю сожалѣніе, которое, вѣроятно, было искренно. «Охотно» сказалъ онъ «пожелалъ бы я несчастному болѣе долгой жизни и радостнаго возвращенія въ свое королевство, лишь бы въ Германіи воцарился миръ!» Если позднѣйшій писатель съ признанными заслугами находитъ достойнымъ высокой похвалы это доказательство невполнѣ подавленнаго человѣческаго достоинства, тре-

буемаго даже внѣшнимъ приличіемъ, вынуждаемаго однимъ чувствомъ самолюбія даже у самаго нечувствительнаго сердца, достоинство, полная потеря котораго возможна лишь въ самой грубой душѣ, если даже такой писатель находитъ для него похвалу и даже ставитъ его выше великодушія *Александра* къ памяти *Дарія*, то немного можно имѣть довѣрія къ остальнымъ достоинствамъ его героя, или — что еще хуже — къ его собственному идеалу нравственнаго достоинства. Но и такая похвала значитъ много въ устахъ человѣка, которому приходится оправдываться отъ подозрѣнія въ цареубійствѣ!

Едва ли можно было ожидать, чтобы неодолимая склонность людей къ необыкновенному предоставила обыкновенному теченію природы славу окончить такую знаменитую жизнь, какъ *Густава Адольфа*. Смерть этого грознаго противника была слишкомъ важнымъ обстоятельствомъ для императора, чтобы не возбудить во враждебной партіи весьма понятную мысль, что этотъ выгодный для него случай приготовленъ имъ самимъ.

Но для исполненія этого чернаго дѣла императору нужна была чужая рука, и эту руку предполагали видѣть въ лицѣ *Франца Альберта*, герцога *Саксенъ-Лауэнбургскаго*. Благодаря своему сану, онъ имѣлъ всегда свободный доступъ къ монарху, и это самое почетное право не позволяло подозрѣвать его въ такомъ гнусномъ поступкѣ. Итакъ, надо доказать, что этотъ принцъ способенъ былъ на подобное дѣло и имѣлъ достаточно-сильную причину совершить его дѣйствительно.

Францъ Альбертъ, младшій изъ четырехъ сыновей *Франца Втораго*, герцога *Лауэнбургскаго* и родственникъ по матери королевскому дому *Вазы*, въ своей

молодости нашелъ радушный пріемъ при шведскомъ дворѣ. Разсказываютъ, что однажды въ комнатахъ королевы-матери онъ позволилъ себѣ какую-то неприличность въ отношеніи къ *Густаву Адольфу*, за что вспыливщій юноша далъ ему пощечину; это-то происшествіе, несмотря на раскаяніе *Густава* и сдѣланное за то удовлетвореніе, положило въ сердцѣ герцога основаніе непримиримой вражды. Впослѣдствіи *Францъ Альбертъ* вступилъ въ императорскую службу, гдѣ получилъ полкъ, вошелъ въ тѣсныя сношенія съ герцогомъ *Фридландскимъ* и былъ употребляемъ для тайныхъ переговоровъ съ саксонскимъ дворомъ, дѣлавшихъ мало чести его сану. Затѣмъ неожиданно и безъ всякой уважительной причины оставляетъ австрійскія знамена и является въ Нюрнбергѣ въ лагерѣ короля, предлагая ему свои услуги, какъ волонтеръ. Усердіемъ къ дѣлу протестантовъ и вкрадчивымъ обращеніемъ пріобрѣтаетъ онъ любовь короля, который, несмотря на предостереженія *Оксенштирна*, расточаетъ ласки и дружбу этому подозрительному пришлецу. Вскорѣ послѣ того настаетъ сраженіе подъ Люценомъ, въ продолженіе котораго *Францъ Альбертъ*, подобно злому духу, не отходитъ отъ короля и оставляетъ его не прежде, какъ мертваго. Имѣя на себѣ зеленую перевязь, императорскій цвѣтъ, онъ остается невредимъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль. Онъ первый извѣщаетъ друга своего, герцога *Фридландскаго*, о смерти короля. Онъ тотчасъ послѣ сраженія переходитъ изъ шведской службы въ саксонскую, а при умерщвленіи *Валленштейна* арестовывается, какъ сообщникъ этого генерала и только отреченіемъ отъ своей вѣры избѣгаетъ плахи Наконецъ онъ является снова, какъ предводитель императорской арміи въ Силезіи и уми-

раетъ отъ ранъ подъ Швейдницемъ. Дѣйствительно, трудно безъ нѣкоторой власти надъ собою вступиться за невинность человѣка, совершившаго такимъ образомъ свой жизненный путь; но если вышеприведенныя причины и доказываютъ нравственную и физическую возможность подобнаго гнуснаго дѣла, то не допускаютъ сдѣлать справедливаго заключенія къ дѣйствительности такого поступка. Извѣстно, что *Густавъ Адольфъ* подвергался опасности наравнѣ съ послѣднимъ солдатомъ въ своемъ войскѣ и гдѣ пали тысячи, тамъ могъ пасть и онъ. Какимъ образомъ постигла его смерть — остается покрытымъ непроницаемымъ мракомъ; но здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, слѣдуетъ держаться правила; не унижать достоинства человѣческой природы нравственнымъ обвиненіемъ въ такомъ случаѣ, гдѣ естественное теченіе дѣлъ служитъ полнымъ объясненіемъ.

Впрочемъ, отъ чьей бы руки онъ ни палъ, во всякомъ случаѣ мы должны видѣть въ этой необычайной судьбѣ руку *благаго Провидѣнія*. Исторія, такъ часто ограниченная одною безотрадною обязанностью излагать однообразную игру человѣческихъ страстей, награждается иногда явленіями, которыя, подобно нечаянному дѣйствію свыше, разстроиваютъ сложные разсчеты и замыслы человѣческаго ума и удостовѣряютъ насъ въ высшемъ порядкѣ вещей. Такъ поражаетъ насъ внезапное исчезновеніе со сцены *Густава Адольфа*, которое съ разу останавливаетъ весь ходъ политическаго механизма и уничтожаетъ всѣ разсчеты человѣческаго ума. Еще вчера — одушевляющій геній, великій и единственный двигатель своего созданья; сегодня — сраженный на своемъ орлиномъ полетѣ, исторгнутый изъ міра замысловъ, внезапно отозванный отъ зрѣвшаго посѣва

своихъ надеждъ, оставляетъ онъ осиротѣвшую, безутѣшную партію, и зданіе его прошедшаго величія превращается въ груду развалинъ. Протестантскій міръ съ трудомъ отказывается отъ своихъ надеждъ на этого непобѣдимаго вождя, и страшится похоронить съ нимъ все прежнее свое счастье. Но уже не благодѣтель Германіи палъ подъ Люценомъ; *Густавъ Адольфъ* совершилъ благодѣтельную половину своего поприща, и все, что онъ могъ еще сдѣлать для свободы Германской Имперіи, это — умереть. Всепожирающая сила одного разрушается, и многіе испытываютъ свои силы; подозрительная помощь могучаго защитника уступаетъ мѣсто славной оборонѣ чиновъ, которые начинаютъ съ-этихъ-поръ трудиться для себя самихъ, тогда какъ прежде были только орудіями его величія. Въ собственномъ мужествѣ находятъ они средства къ спасенію, которыя не безъ опасности достаются отъ руки сильнаго, и шведское могущество, лишенное возможности превратиться въ гнетъ, возвращается въ скромные предѣлы союзницы.

Честолюбивый Шведскій монархъ явно домогался въ Германіи власти, несовмѣстной съ свободою чиновъ и постояннаго владѣнія въ сердцѣ этого государства. Его цѣлью былъ — императорскій престолъ; и этотъ санъ подкрѣпленный его могуществомъ и сильный его дѣятельностью, повелъ бы въ его рукахъ къ большимъ злоупотребленіямъ, нежели тѣ, какихъ можно было ожидать отъ австрійскаго рода. Рожденный въ чужой землѣ, воспитанный въ правилахъ самодержавія и жестокій врагъ папистовъ изъ набожности, онъ былъ неспособенъ охранять святилище германской конституціи и уважать свободу чиновъ. Странная присяга, какую онъ заставилъ дать *шведскому государству*, кромѣ многихъ

другихъ городовъ, имперскій городъ Аугсбургъ, обнаруживало скорѣй завоевателя, чѣмъ защитника имперіи; и этотъ городъ, гордившійся болѣе названіемъ королевскаго города, чѣмъ славнымъ отличіемъ имперской свободы, заранѣе ласкалъ себя надеждою сдѣлаться столицею его новаго государства. Явныя его притязанія на архіепископство Майнцское, которое онъ сначала назначилъ наслѣдному принцу Бранденбургскому въ приданое за своей дочерью *Христиною*, а потомъ своему канцлеру и другу *Оксенштирну*, показывали ясно, на чтó онъ могъ рѣшиться въ отношеніи имперской конституціи. Союзные протестантскіе князья разсчитывали на его благодарность, оправдать которую нельзя было иначе, какъ на счетъ ихъ товарищей и въ особенности духовныхъ учрежденій; а можетъ статься уже положено было, по обычаю варварскихъ ордъ древности, наводнившихъ древнюю Римскую Имперію, раздѣлить завоеванныя области между своими нѣмецкими и шведскими сподвижниками, какъ военную добычу. Въ своемъ поступкѣ съ курфирстомъ *Фридрихомъ Палатинскимъ* онъ совершенно отрекся отъ великодушія героя и священнаго имени защитника. Палатинатъ находился въ его рукахъ, и долгъ какъ справедливости, такъ и чести требовалъ возвратить эту отнятую у испанцевъ область ея законному государю. Но онъ съумѣлъ избавиться отъ этой обязанности хитростью, недостойною великаго человѣка и посрамляющею священное имя защитника угнетенныхъ. Онъ глядѣлъ на Палатинатъ, какъ на военную добычу и потому считалъ себя въ правѣ распоряжаться имъ произвольно. Итакъ изъ милости, а не въ слѣдствіе сознанія обязанности, возвратилъ онъ его курфирсту и то, какъ ленъ шведской короны, на условіяхъ,

на половину уничтожавшихъ цѣну благодѣянія и дѣлавшихъ этого князя презрительнымъ вассаломъ Швеціи. Одно изъ этихъ условій, предписывавшее курфирсту: «по окончаніи войны содержать часть шведскаго войска, по примѣру другихъ князей», показываетъ довольно ясно, какая судьба ожидала Германію при дальнѣйшихъ успѣхахъ короля. Внезапная его смерть спасла свободу Германской Имперіи, а ему — незыблемую славу и, можетъ быть, избавила его отъ огорченія увидѣть собственныхъ союзниковъ вооружившимися противъ него и лишиться всѣхъ плодовъ своихъ побѣдъ невыгоднымъ миромъ. Уже Саксонія склонялась къ отпаденію отъ его партіи; Данія съ безпокойствомъ и завистью глядѣла на его величіе; и даже Франція, его важнѣйшая союзница, испуганная грознымъ возрастаніемъ его могущества и гордымъ тономъ, принятымъ имъ, уже въ то время, когда онъ переходилъ черезъ Лехъ, искала новыхъ союзниковъ, чтобы остановить побѣдоносное шествіе *Готѳа* и возстановить равновѣсіе въ Европѣ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Слабая связь единодушія, которую *Густавъ Адольфъ* съ трудомъ сохранялъ между протестантскими членами имперіи, разорвалась съ его смертью; союзники возвращались къ прежней свободѣ, или должны были связать себя новымъ союзомъ. Въ первомъ случаѣ они лишались всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ потоками крови и подвергались неминуемой опасности сдѣлаться добычею врага, которому могли сопротивляться и были страшны однимъ соединеніемъ. Ни Швеція, ни кто-либо изъ чле-

новъ имперіи не могъ совладать порознь съ лигой и императоромъ, а потому, въ случаѣ мира, если бы его стали искать при такихъ обстоятельствахъ, принуждены были бы принять законъ отъ непріятеля. Итакъ, на что бы ни рѣшились, заключить ли миръ, или продолжать войну, во всякомъ случаѣ союзъ былъ необходимъ. Но миръ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, не могъ быть заключенъ иначе, какъ во вредъ для союзныхъ державъ. Со смертью *Густава Адольфа* у непріятеля родились новыя надежды, и если его положеніе послѣ сраженія подъ Люценомъ было весьма невыгодно, то смерть этого опаснѣйшаго противника была слишкомъ вреднымъ обстоятельствомъ для союзниковъ и слишкомъ благопріятнымъ для императора, чтобы не заронить въ немъ самыхъ блестящихъ надеждъ и не побудить къ продолженію войны. Разрывъ между союзниками, по-крайней мѣрѣ временный, долженъ былъ послѣдовать непремѣнно; а какъ много выигрывали императоръ и лига отъ такого разрыва между своими врагами! Итакъ, императоръ не могъ пожертвовать всѣми выгодами, представлявшимися ему при настоящемъ оборотѣ дѣлъ, для мира, въ которомъ *онъ* не выигрывалъ болѣе другихъ; да и союзники не могли желать подобнаго мира. Итакъ, рѣшились продолжать войну, и союзъ былъ признанъ необходимѣйшимъ къ тому средствомъ.

Но какимъ образомъ возобновить этотъ союзъ и откуда взять силы для продолженія войны? Не могущество Швеціи, а геній и личныя качества ея покойнаго государя сдѣлали его рѣшителемъ судебъ Германіи и пріобрѣли ему такую огромную власть надъ умами; да и ему только послѣ неимовѣрныхъ трудностей удалось связать чины слабыми и непрочными узами союза. Съ

нимъ исчезло все, что́ только при *немъ*, при личныхъ его качествахъ дѣлалось возможнымъ, и обязательства чиновъ рушились вмѣстѣ съ надеждами, на которыхъ были основаны. Нѣкоторые изъ чиновъ нетерпѣливо свергаютъ иго, которое несли не безъ отвращенія; другіе спѣшатъ сами овладѣть кормиломъ, которое не совсѣмъ охотно видѣли въ рукахъ *Густава*, но котораго не имѣли силы оспоривать у него при жизни. Иные, обольщенные предательскими обѣщаніями императора, рѣшаются покинуть общій союзъ; иные, сокрушенные бѣдствіями четырнадцатилѣтней войны, малодушно желаютъ хотя бы и гибельнаго для нихъ мира. Предводители армій, большею частью нѣмецкіе князья, не признаютъ власти главнокомандующаго, и каждый считаетъ для себя унизительнымъ принимать приказанія другаго. Нѣтъ согласія ни въ кабинетѣ, ни въ полѣ, и общее благо въ опасности — погибнуть отъ этого разрыва.

Густавъ не оставилъ шведскому государству преемника мужскаго пола; его шестилѣтняя дочь *Христина* была естественная наслѣдница престола. Неизбѣжные недостатки регентства не согласовались съ силою и рѣшимостью, какія должна была выказать Швеція въ это опасное время. Геній *Густава Адольфа* указалъ этому слабому и неславному государству мѣсто между державами Европы, на которомъ оно не въ состояніи было удержаться безъ счастья и генія виновника своего возвышенія, но котораго не могло и оставить, не сознавшись постыдно въ своемъ безсиліи. Несмотря на то, что германская война велась по большей части силами Германіи, уже и незначительное пособіе, доставляемое самою Швеціею деньгами и людьми, сильно истощало это бѣдное государство, и поселянинъ изнемогалъ подъ

бременемъ налоговъ. Добыча, пріобрѣтаемая въ Германіи, обогощала только нѣкоторыхъ дворянъ и солдатъ, а сама Швеція оставалась попрежнему бѣдною. Правда, нѣсколько времени національная слава утѣшала обремененнаго подданнаго, и заплаченныя подати можно было считать ссудою, приносившею хорошіе проценты въ счастливой рукѣ *Густава Адольфа*, и которая, по заключеніи мира, была бы возвращена съ лихвою благодарнымъ монархомъ. Но съ кончиною короля и эта надежда исчезла, и обманутый народъ съ грознымъ единодушіемъ требовалъ облегченія своей участи.

Но духъ *Густава Адольфа* еще носился надъ тѣми, кому онъ ввѣрилъ управленіе государствомъ. Какъ ни сильно поразила ихъ нечаянная вѣсть о его смерти, но не лишила мужества, и духъ древняго Рима временъ *Бренна* и *Ганнибала* одушевляетъ это благородное собраніе. Чѣмъ дороже стоили пріобрѣтенныя выгоды, тѣмъ менѣе соглашались отказаться отъ нихъ добровольно; хотѣли не даромъ потерять короля. Шведскій государственный совѣтъ, принужденный рѣшиться или на бѣдствія сомнительной и изнурительной войны, или на полезный, но постыдный миръ, мужественно избираетъ путь опасности и чести, и мы съ пріятнымъ изумленіемъ видимъ этотъ почтенный сенатъ возстающимъ съ бодростью юноши. Окруженный врагами внутренними и внѣшними и обуреваемый опасностями на всѣхъ границахъ государства, онъ вооружается противъ нихъ благоразуміемъ и мужествомъ и работаетъ надъ распространеніемъ границъ, тогда какъ едва въ силахъ сохранить самое его существованіе.

Смерть короля и малолѣтство его дочери *Христины* возбуждаютъ снова старыя притязанія Польши на швед-

скій престолъ, и король *Владиславъ*, сынъ *Сигизмунда*, всячески старался образовать свою партію въ Швеціи. Свѣдавъ объ этомъ, правители государства немедленно провозглашаютъ въ Стокгольмѣ шестилѣтнюю королеву государыней и учреждаютъ регентство. Всѣ служащіе въ государствѣ принуждены присягнуть новой государынѣ; переписка съ Польшею прекращается и всѣ указы предшествовавшихъ королей противъ наслѣдниковъ *Сигизмунда* подтверждаются торжественнымъ актомъ. Возобновляется дружба съ царемъ Московскимъ, чтобы оружіемъ этого государя обуздать непріязненную Польшу. Смерть *Густава Адольфа* потушила зависть Даніи и удалила опасенія, препятствовавшія доброму согласію между сосѣдями. Старанія враговъ вооружить *Христіана Четвертаго* противъ Швеціи остались безуспѣшными, а желаніе сочетать бракомъ своего сына *Ульриха* съ молодою королевою, въ соединеніи съ здравой политикой, побудили его къ нейтралитету. Въ то же время Англія, Голландія и Франція обнадеживали шведскій государственный совѣтъ въ неизмѣнной дружбѣ и пособіи своемъ и побуждали его въ одинъ голосъ къ дѣятельному продолженію съ такою славой веденной войны. Сколько Франція имѣла причинъ радоваться смерти шведскаго завоевателя, столько чувствовала всю необходимость продолженія союза съ Швеціею. Она не могла допустить паденія этой державы въ Германіи, не подвергая сама себя большой опасности. Недостатокъ въ собственныхъ силахъ или могъ принудить ее къ заключенію скораго и невыгоднаго мира съ Австріею, и тогда были бы потеряны всѣ старанія обуздать эту опасную державу; или нужда и отчаяніе научили бы армію найти средства къ содержанію себя въ земляхъ католи-

ческихъ имперскихъ князей, и Францiя сдѣлалась бы измѣнницей въ отношенiи къ этимъ областямъ, положившимся на могучее ея покровительство. Смерть *Густава Адольфа* не только не уничтожила связи Францiи съ Швецiею, но еще сдѣлала ее необходимѣе для обоихъ государствъ и гораздо полезнѣе для Францiи. Только теперь, когда не стало *Густава*, защищавшаго Германiю и охранявшаго границы этой имперiи отъ хищническихъ замысловъ Францiи, могла она безпрепятственно привести въ исполненiе свои виды на Эльзасъ и за дорогую цѣну продать свою помощь нѣмецкимъ протестантамъ.

Усиленные этими спорами и обезпеченные внутри и внѣ войсками и флотомъ, правители государства не усомнились ни на минуту продолжать войну, въ которой Швецiя не могла потерять много своего собственнаго, а въ случаѣ удачи, могла получить одну изъ германскихъ областей или въ вознагражденiе за военныя издержки, или какъ завоеванiе. Безопасная среди своихъ морей, она одинаково мало рисковала, будутъ ли ея армiи выгнаны изъ Германiи силой, или оставятъ ее добровольно; но въ первомъ случаѣ она прiобрѣтала славу, тогда какъ въ послѣднемъ покрывалась безчестiемъ. Чѣмъ болѣе она выказывала смѣлости, тѣмъ болѣе ободряла союзниковъ, тѣмъ болѣе уважалась врагами и тѣмъ выгоднѣйшихъ условiй могла ожидать въ случаѣ мира. Если силы Швецiи и не позволяли исполнить дальновидныхъ предположенiй *Густава*, то его великая память требовала всевозможныхъ напряженiй и не дозволяла уступать никакому препятствiю, кромѣ необходимости. Жаль только, что это славное намѣренiе не обошлось безъ участiя корыстолюбивыхъ разсчетовъ

уменьшающихъ должное удивленіе! Тѣмъ, которые не испытывали на себѣ бѣдствій войны, а, напротивъ, обогащались ею, тѣмъ, конечно, легко было подать голосъ въ пользу ея продолженія, такъ какъ всѣ военныя издержки несла одна Германская Имперія и Швеціи дешево бы достались земли, на которыя она разсчитывала: войскъ требовалось для того немного, ея полководцы стояли во главѣ силъ, составленныхъ преимущественно изъ нѣмцевъ, и нужна была почтительная осторожность въ веденіи какъ войны, такъ и переговоровъ.

Но именно это наблюденіе не согласовалось съ отдаленностью шведскаго регентства отъ театра войны и съ медленностью, совмѣстною съ коллегіальною формальностью дѣлопроизводства. Одному всеобъемлющему уму слѣдовало поручить заботу о выгодахъ Швеціи въ Германіи и произвольное распоряженіе войною и миромъ, необходимыми союзами и сдѣланными завоеваніями. Это важное лицо надо было облечь въ диктаторскую власть и окружить всѣмъ уваженіемъ короны, чтобы поддержать ея достоинство, согласить совокупныя военныя дѣйствія, дать силу распоряженіямъ и тѣмъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣнить монарха, въ качествѣ преемника. Таковъ былъ государственный канцлеръ *Оксенштирна*, первый министръ и, что́ еще важнѣе, другъ покойнаго короля, который, будучи посвященъ во всѣ тайны своего государя и хорошо зная дѣла Германіи и отношенія европейскихъ державъ, безъ сомнѣнія, былъ способнѣйшимъ орудіемъ къ выполненію плановъ *Густава Адольфа* во всемъ объёмѣ.

Оксенштирна былъ на пути въ Верхнюю Германію, гдѣ намѣревался собрать четыре верхніе округа.

какъ въ Ганнау получилъ извѣстіе о смерти короля. Этотъ ужасный ударъ, поразившій чувствительное сердце друга, лишилъ министра памяти; у него было отнято все, что̀ привязывало его душу. Швеція потеряла только короля, а Германія— защитника, тогда какъ *Оксенштирна* лишился виновника своего счастья, друга своей души, творца своихъ идеаловъ. Но, пораженный общимъ несчастьемъ всѣхъ чувствительнѣй, *онъ* первый преодолѣлъ себя, такъ какъ и одинъ былъ въ состояніи его исправить. Онъ окинулъ проницательнымъ взглядомъ всѣ препятствія, представлявшіяся исполненію его предначертаній, малодушіе чиновъ, происки непріязненныхъ дворовъ, зависть вождей, отвращеніе имперскихъ князей отъ чужеземной власти. Но этотъ самый проницательный взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ, открывшій ему всю громадность зла, показалъ и средства къ его преодолѣнію. Все зависѣло отъ того, чтобы ободрить слабѣйшіе чины, противодѣйствовать тайнымъ проискамъ враговъ, потушить зависть союзниковъ, возбудить дружественныя державы, преимущественно Францію, къ дѣятельной помощи, и въ особенности отъ того, чтобы собрать развалины нѣмецкаго союза и связать тѣсными и прочными узами разъединенныя силы партіи. Смятеніе, въ какое повергло нѣмецкихъ протестантовъ смерть вождя, могло также легко побудить ихъ къ самому тѣсному союзу съ Швеціею, какъ и къ безразсудному миру съ императоромъ; и то и другое зависѣло отъ принятыхъ мѣръ. Все было петеряно при малѣйшемъ признакѣ малодушія; одна увѣренность, выказанная Швеціею, могла возбудить благородную самонадѣянность въ нѣмцахъ. Всѣ покушенія австрійскаго двора отвлечь послѣднихъ отъ союза съ Швеціею остались бы

напрасными, какъ скоро удалось бы показать имъ настоящую пользу и побудить ихъ къ явному разрыву съ императоромъ.

Конечно, прежде чѣмъ эти мѣры были приняты и необходимыя статьи между регентствомъ и ея министромъ утверждены, прошло много драгоцѣннаго времени, утраченнаго для дѣйствія шведскихъ армій, чѣмъ непріятель воспользовался, какъ нельзя лучше. Тогда зависѣло отъ императора разрушить до основанія могущество Швеціи въ Германіи, еслибы онъ внялъ мудрымъ совѣтамъ герцога *Фридландскаго*. *Валленштейнъ* совѣтовалъ ему объявить полное прощеніе и задобрить протестантскіе чины предложеніемъ благопріятныхъ условій. Подъ вліяніемъ перваго страха, овладѣвшаго всею партіею вслѣдствіе смерти *Густава Адольфа*, такое объявленіе имѣло бы рѣшительное дѣйствіе и уклончивые чины были бы снова у ногъ императора. Но ослѣпленный нечаяннымъ счастливымъ случаемъ и обольщенный наущеніями Испаніи, онъ ожидалъ бо̀льшаго успѣха отъ оружія, и вмѣсто того, чтобы внять миролюбивымъ предложеніямъ, спѣшилъ увеличить свою силу. Испанія, обогатившись, съ согласія папы, сборомъ десятины съ духовныхъ имуществъ, снабдила его значительною суммою денегъ, вступила за него въ переговоры съ саксонскимъ дворомъ и стала поспѣшно набирать войска въ Италіи, для употребленія ихъ въ Германіи. Курфирстъ Баварскій также значительно усилилъ свою армію, да и герцогъ Лотарингскій, благодаря своему безпокойному характеру, не могъ остаться въ бездѣйствіи при этомъ счастливомъ оборотѣ судьбы. Но въ то самое время, когда непріятель съ такою дѣятельностью старался воспользоваться невыгод-

нымъ положеніемъ шведовъ, *Оксенштирна* употреблялъ всѣ усилія отвратить вредныя его послѣдствія.

Не столько опасаясь явнаго врага, сколько зависти дружественныхъ державъ, онъ оставилъ Верхнюю Германію, которую считалъ привязанною къ Швеціи завоеваніями и союзами, и лично отправился въ Нижнюю Германію, чтобы удержать тамошніе чины отъ совершеннаго отпаденія, или образованія отдѣльнаго между ними союза, не менѣе вреднаго для Швеціи. Огорченный поступками канцлера, присвоивавшаго себѣ управленіе дѣлами и возмущаемый при одной мысли принимать повелѣніе отъ шведскаго дворянина, курфирстъ Саксонскій уже обдумывалъ опасное отдѣленіе отъ шведовъ, и вопросъ состоялъ только въ томъ, примириться ли съ императоромъ вполнѣ, или стать во главѣ протестантовъ и съ ними образовать третью партію въ Германіи. Подобное намѣреніе питалъ и *Ульрихъ*, герцогъ *Брауншвейгскій*, что́ обнаружилъ довольно ясно, запретивъ шведамъ вербовать рекрутъ въ своихъ земляхъ и пригласивъ нижне-саксонскіе чины въ Люнебургъ для заключенія отдѣльнаго союза. Одинъ курфирстъ Бранденбургскій, изъ зависти къ вліянію Саксоніи, какое она могла пріобрѣсть въ Нижней Германіи, выказывалъ нѣкоторое усердіе къ пользамъ шведской короны, которую уже думалъ видѣть на головѣ своего сына. Хотя *Оксенштирна* и нашелъ самый почетный пріемъ при дворѣ *Іоанна Георга*, но не могъ ничего добиться отъ этого князя, кромѣ ненадежныхъ увѣреній въ продолженіи дружбы, несмотря на личное предстательство курфирста Бранденбургскаго. Гораздо болѣе посчастливилось ему у герцога *Брауншвейгскаго*, съ которымъ онъ обошелся очень круто. Швеція владѣла въ то время

архіепископствомъ Магдебурскимъ, епископъ котораго имѣлъ право собирать чины нижне-саксонскаго округа. Канцлеръ отстоялъ право Швеціи, и этимъ счастливымъ оборотомъ дѣла отвратилъ на этотъ разъ такое опасное собраніе. Но въ общемъ союзѣ протестантовъ, главной цѣли его настоящей поѣздки и всѣхъ будущихъ стараній, ему не удалось на этотъ разъ и — навсегда, и онъ долженъ былъ довольствоваться нѣкоторыми ненадежными союзами въ саксонскомъ округѣ и еще слабѣйшею помощью Верхней Германіи.

Такъ-какъ баварцы слишкомъ усилились на Дунаѣ, то собраніе четырехъ верхнихъ округовъ перенесено было изъ *Ульма* въ *Гейльбронъ*, куда съѣхались уполномоченные двѣнадцати имперскихъ городовъ и блестящая толпа докторовъ, графовъ и князей. Иностранныя державы, Франція, Англія и Голландія, также прислали своихъ уполномоченныхъ, а *Оксенштирна* явился на немъ во всемъ блескѣ короны, величіе которой долженъ былъ защищать. Онъ управлялъ ходомъ совѣщаній, предлагая обо всемъ самъ. Получивъ отъ всѣхъ собравшихся чиновъ удостовѣреніе въ непоколебимой вѣрности и единогласіи, онъ предложилъ имъ объявить формально и торжественно императора и лигу своими врагами. Но какъ важно было для Швеціи довесть чины до совершеннаго разрыва съ императоромъ, такъ мало казались они наклонными рѣшительною мѣрою преградить себѣ всякую возможность къ примиренію и тѣмъ самымъ отдать всю свою судьбу въ руки шведовъ. Они находили формальное объявленіе войны, въ то время когда само дѣло говорило за себя, безполезнымъ и излишнимъ, и своимъ упорнымъ сопротивленіемъ заставили канцлера замолчать. Еще сильнѣйшіе споры возбудилъ третій и

главнѣйшій пунктъ совѣщаній, которымъ слѣдовало опредѣлить средства къ продолженію войны и пособія чиновъ для содержанія армій. Принципъ *Оксенштирны* — сваливать общественныя тягости преимущественно на чины — не согласовался съ основнымъ правиломъ чиновъ давать какъ можно менѣе. Тутъ шведскій канцлеръ узналъ, что до него тридцать императоровъ тяжело чувствовали, что изъ всѣхъ сомнительныхъ предпріятій всего сомнительнѣе собрать съ нѣмцевъ *деньги.* Вмѣсто того, чтобы согласиться на взносъ необходимыхъ суммъ для вновь собираемыхъ армій, они краснорѣчиво исчисляли ему всѣ бѣдствія, причиненныя уже существующими, и требовали облегченія отъ прежнихъ тягостей, тогда-какъ надо было подвергнуться новымъ. Дурное расположеніе духа, возбужденное въ чинахъ денежнымъ требованіемъ канцлера, вызвало тысячи жалобъ, и распутство войскъ во время проходовъ и квартированія были расписаны съ ужасающею истиною.

Оксенштирна на службѣ у двухъ самодержавныхъ государей не имѣлъ случая привыкнуть къ формальностямъ и медленному ходу республиканскихъ преній и изощрять свое терпѣніе на возраженіяхъ. Убѣдившись въ необходимости, онъ всегда готовъ былъ дѣйствовать, и однажды рѣшившись, оставался твердъ какъ желѣзо, и потому не понималъ нелѣпости бо̀льшей части людей, жаждавшихъ цѣли и ненавидѣвшихъ средства. Настойчивый и пылкій отъ природы, онъ выказывалъ себя такимъ при этомъ случаѣ еще по принципу, такъ-какъ теперь все зависѣло отъ того, чтобы наружною твердостью и смѣлостью рѣчей скрыть безсиліе Швеціи и принятіемъ повелительнаго тона дѣйствительно сдѣлаться повелителемъ. Итакъ неудивительно, что онъ съ по-

добнымъ образомъ мыслей между нѣмецкими докторами и чинами былъ совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ, и что обстоятельность — главная черта нѣмцевъ во всѣхъ ихъ общественныхъ дѣлахъ — приводила его въ отчаяніе.

Не обращая вниманія на обычай, которому должны были повиноваться сильнѣйшіе императоры, онъ отвергъ всѣ письменныя разглагольствованія, совмѣстныя съ нѣмецкою медленностью; онъ не понималъ, какъ можно разсуждать десять дней о статьѣ, которая казалась ему рѣшенною уже при одномъ докладѣ. Но какъ сурово ни поступалъ онъ съ чинами, при всемъ томъ нашелъ ихъ готовыми и расположенными согласиться на четвертое его *предложеніе*, касавшееся его самого. Когда онъ коснулся необходимости дать союзу *руководителя*, то всѣ единогласно предоставили эту честь Швеціи, и *всеподданнѣйше* просили его служить общему дѣлу своимъ просвѣщеннымъ умомъ и принять на *свои* рамена бремя главнаго надзора. Но, желая обезпечить себя противъ злоупотребленія власти, переданной этимъ назначеніемъ въ его руки, они, по наущенію Франціи, приставили къ нему, подъ именемъ помощниковъ, опредѣленное число *надсмотрщиковъ*, которые должны были распоряжаться кассою союза и имѣть голосъ при наборахъ, переходахъ и постояхъ войскъ. *Оксенштирна* энергически возсталъ противъ такого ограниченія своей власти, чѣмъ затруднялось исполненіе каждаго его предначертанія, требовавшаго быстроты и тайны, и только послѣ большихъ трудностей пріобрѣлъ себѣ право поступать въ военныхъ дѣлахъ по своему усмотрѣнію. Наконецъ канцлеръ затронулъ щекотливый вопросъ о вознагражденіи, ожидаемомъ Швеціею по окончаніи войны

отъ благодарности своихъ союзниковъ онъ ласкалъ себя надеждою пріобрѣсть Померанію, на которую было обращено особенное вниманіе Швеціи, и получить удостовѣреніе чиновъ въ ихъ мощномъ предстательствѣ для пріобрѣтенія этой области. Однако дѣло ограничилось одними общими и сомнительными увѣреніями, что при будущемъ мирѣ не оставятъ другъ друга. Что осторожность чиновъ въ этомъ случаѣ проистекала не изъ уваженія къ учрежденіямъ имперіи, тому служитъ доказательствомъ щедрость, какую они хотѣли оказать канцлеру насчетъ священнѣйшихъ законовъ Имперіи. Они едва не предложили ему въ награду архіепископство Майнцское, которымъ онъ и безъ того владѣлъ по праву завоеванія, и только французскій посоль съ трудомъ удержалъ ихъ отъ этого неполитическаго и постыднаго шага. Хотя исполненіе далеко не соотвѣтствовало желаніямъ *Оксенштирны*, при всемъ томъ онъ достигъ важнѣйшей своей цѣли — главнаго *начальства* какъ для государства, такъ и для себя, связалъ чины четырехъ верхнихъ округовъ болѣе тѣсными и прочными узами и получилъ годовое пособіе въ два съ половиною мильона талеровъ на содержаніе арміи.

Такая уступчивость со стороны чиновъ заслуживала признательности со стороны Швеціи. Нѣсколько недѣль спустя послѣ смерти *Густава Адольфа*, окончилъ печальную свою жизнь *Фридрихъ*, курфирстъ *Палатинскій*, послѣ того, какъ этотъ достойный сожалѣнія князь въ теченіе восьми мѣсяцевъ увеличивалъ придворный штатъ своего защитника и, слѣдуя за нимъ, растратилъ скудные остатки своего достоянія. Наконецъ онъ приблизился къ цѣли своихъ желаній, и болѣе радостная будущность представлялась ему, когда смерть похитила

его защитника. Что̀ онъ почиталъ величайшимъ несчастьемъ, то̀ имѣло благопріятнѣйшія послѣдствія для его наслѣдника. *Густавъ Адольфъ* могъ медлить возвращеніемъ его областей и обременить этотъ подарокъ тягостными условіями; но *Оксенштирна*, которому дружба Англіи, Голландіи и Бранденбурга и доброе мнѣніе реформатскихъ чиновъ были гораздо важнѣе, долженъ былъ исполнить долгъ справедливости. Поэтому онъ передалъ тутъ же, на собраніи въ Гейльбронѣ, наслѣдникамъ *Фридриха* всѣ палатинскія земли, какъ завоеванныя, такъ и тѣ, которыя будутъ отняты впослѣдствіи, за исключеніемъ одного Мангейма, который долженъ былъ оставаться въ рукахъ шведовъ до уплаты издержекъ. Канцлеръ не ограничилъ своей благосклонности однимъ палатинскимъ домомъ; другіе союзные имперскіе князья получили также, хотя нѣсколько позже, доказательства благодарности Швеціи, такъ мало стоившія этому государству.

Безпристрастіе, священнѣйшій долгъ историка, побуждаетъ его къ признанію, приносящему мало чести поборникамъ германской свободы. Сколько протестантскіе князья ни хвалились справедливостью своего дѣла и безкорыстіемъ своего усердія, при всемъ томъ они дѣйствовали большею частью изъ своекорыстныхъ видовъ, и желаніе ограбить по-крайней-мѣрѣ столько же побуждало ихъ къ начатію непріятельскихъ дѣйствій, какъ и страхъ быть ограбленными. *Густавъ Адольфъ* скоро замѣтилъ, что эти нечистыя побужденія обѣщали ему гораздо болѣе, нежели патріотическія чувства, и не упустилъ случая ими воспользоваться. Каждому изъ союзныхъ князей обѣщалъ онъ одну изъ завоеванныхъ уже областей, или одно изъ будущихъ завоеваній, и

только одна смерть помѣшала ему исполнить свои обѣщанія. Къ чему короля побуждало благоразуміе, къ тому его преемника принуждала необходимость; и если ему надо было продолжать войну, то онъ долженъ былъ дѣлиться добычею съ союзными князьями и обѣщать имъ выгоды отъ неурядицы, которую старался поддерживать. Такимъ образомъ назначилъ онъ ландграфу *Гессенскому* епископства Падерборнское, Корвейское, Мюнстерское и Фульдское, герцогу *Бернгарду Веймарскому*— франконскія епископства, герцогу *Вюртембергскому*— духовныя владѣнія, находившіяся въ его земляхъ, и австрійскія графства, и все это подъ именемъ ленныхъ владѣній Швеціи. Самого канцлера удивило это безразсудное зрѣлище, такъ мало приносившее чести нѣмцамъ, и онъ едва могъ скрыть свое презрѣніе. «Пусть сохранится въ нашемъ архивѣ на вѣчныя времена» сказалъ онъ однажды, «что нѣмецкій имперскій князь могъ требовать нѣчто подобное у шведскаго дворянина, и что шведскій дворянинъ могъ дать нѣчто подобное нѣмецкому имперскому князю на нѣмецкой землѣ».

Послѣ такихъ успѣшныхъ приготовленій можно было съ честью явиться въ поле и возобновить военныя дѣйствія съ новыми силами. Вскорѣ послѣ побѣды при Люценѣ саксонскія и люнебургскія войска соединились съ главною шведскою арміею, и императорскія войска въ короткое время были выгнаны изъ всей Саксоніи. Затѣмъ эта соединенная армія раздѣлилась. Саксонцы двинулись въ Лузацію и Силезію, чтобы тамъ вмѣстѣ съ графомъ *Турномъ* дѣйствовать противъ австрійцевъ; одну часть шведской арміи герцогъ *Бернгардъ* повелъ во Франконію, а другую герцогъ *Брауншвейгскій* въ Вестфалію и Нижнюю Саксонію.

Завоеванія на Лехѣ и Дунаѣ, во время предпринятаго *Густавомъ Адольфомъ* похода въ Саксонію, были защищаемы противъ баварцевъ пфальцграфомъ *Биркенфельдскимъ* и шведскимъ генераломъ *Баннеромъ*. Но будучи слишкомъ слабы, чтобы продолжать сопротивленіе побѣдоноснымъ успѣхамъ баварцевъ, подкрѣпляемыхъ опытнымъ и храбрымъ императорскимъ генераломъ *Альтрингеромъ*, они принуждены были призвать на помощь шведскаго генерала *Горна* изъ Эльзаса. Покоривъ города Бенфельдъ, Шлетштатъ, Кольмаръ и Гагенау, этотъ опытный предводитель поручилъ ихъ защиту рейнграфу *Отто Людвигу*, а самъ поспѣшилъ черезъ Рейнъ подкрѣпить войско *Баннера*. Хотя соединенная армія ихъ состояла теперь изъ шестнадцати тысячъ человѣкъ, при всемъ томъ они не могли воспрепятствовать непріятелю стать твердою ногою на границѣ Швабіи, взять Кемпенъ и присоединить къ себѣ семь полковъ изъ Чехіи. Чтобы защитить важные берега Леха и Дуная, обнажили Эльзасъ, гдѣ рейнграфъ *Отто Людвигъ*, по выступленіи *Горна*, съ трудомъ держался противъ раздраженныхъ поселянъ. И онъ долженъ былъ съ своими войсками подкрѣпить армію на Дунаѣ; а какъ эта помощь оказалась недостаточною, то пригласили и герцога *Бернгарда Веймарскаго* обратить свое оружіе въ эту сторону.

Бернгардъ, вскорѣ по открытіи кампаніи 1633 года, овладѣлъ городомъ Бамбергомъ и всѣмъ епископствомъ того же имени, и готовилъ подобную судьбу Вюрцбургу. По приглашенію *Горна*, онъ немедленно выступилъ въ походъ по направленію къ Дунаю, разбилъ дорогой баварское войско подъ начальствомъ *Іоанна фонъ-Верта* и подъ Донаувертомъ соединился со

шведами. Эта многочисленная, предводимая отличными генералами армія угрожаетъ Баваріи грознымъ вторженіемъ. Уже все епископство Эйхштетское наводнено войсками и самый Ингольштатъ обѣщаетъ измѣнникъ предать въ ихъ руки. Дѣятельность *Альтрингера* связана строгимъ предписаніемъ герцога *Фридландскаго* и, оставленный безъ помощи со стороны Чехіи, онъ не можетъ остановить вторженія непріятельской арміи. Стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ обѣщаетъ сдѣлать шведское оружіе побѣдоноснымъ въ этой странѣ, когда возмущеніе офицеровъ внезапно останавливаетъ дѣйствія арміи.

Всѣ успѣхи въ Германіи пріобрѣтены были оружіемъ; самое величіе *Густава Адольфа* было дѣломъ арміи, плодомъ ея дисциплины, ея храбрости, ея постояннаго мужества въ безконечныхъ опасностяхъ и трудахъ. Какъ искусны ни были планы, составляемые кабинетомъ, все же они приводились въ исполненіе одною арміею и расширеніе предначертаній вождей только увеличивали ея тягости. Всѣ огромныя выгоды этой войны пріобрѣтены были истинно варварскимъ пожертвованіемъ солдатъ въ зимнихъ кампаніяхъ, походахъ, приступахъ и открытыхъ сраженіяхъ; никогда не отчаяваться въ побѣдѣ, если она стоила однихъ людей — было правиломъ *Густава Адольфа.* Солдатъ скоро понялъ свое значеніе и справедливо потребовалъ части въ добычѣ, пріобрѣтаемой его кровью. Но обыкновенно онъ не получалъ и заслуженнаго жалованья, и жадность отдѣльныхъ предводителей, или потребности государства поглощали большую часть контрибуцій и сдѣланныхъ завоеваній. За всѣ понесенныя трудности ему ничего не оставалось, кромѣ сомнительной надежды на грабежъ или производство, да и въ томъ и въ другомъ часто приходилось

обманываться. При жизни *Густава Адольфа* страхъ и надежда удерживали каждый порывъ неудовольствія, но послѣ его смерти общее негодованіе сдѣлалось гласнымъ, и солдатъ въ самую опасную минуту вспомнилъ о своей важности. Два офицера, *Пфуль* и *Митшефаль*, извѣстные еще при жизни короля какъ безпокойныя головы, подаютъ въ лагерѣ на Дунаѣ примѣръ, которому въ теченіе нѣсколькихъ дней слѣдуютъ почти всѣ офицеры арміи. Ударивъ по рукамъ, они обязуются честнымъ словомъ не повиноваться начальникамъ, пока имъ не выдано будетъ удержанное за цѣлые мѣсяцы и даже годы жалованье и, сверхъ того, пока не назначено будетъ каждому соразмѣрное награжденіе деньгами или недвижимымъ имуществомъ. «Несметныя суммы» говорили они «ежедневно добываются контрибуціями, и всѣ эти деньги исчезаютъ въ рукахъ немногихъ. Насъ выгоняютъ и въ снѣгъ и въ морозъ — и никогда никакой благодарности за этотъ нескончаемый трудъ! Въ Гейльбронѣ вопіяли на шалости солдатъ, а ни кто не подумалъ о ихъ заслугахъ. Ученые пишутъ во всеуслышаніе о завоеваніяхъ и побѣдахъ, а всѣ эти побѣды добыты нашими кулаками». Число недовольныхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, и они даже старались возмутить арміи на Рейнѣ и въ Саксоніи посредствомъ писемъ, которыя, къ счастью, были перехвачены. Ни убѣжденія *Бернгарда Веймарскаго*, ни жосткіе упреки его строгаго помощника не могли прекратить волненія, а вспыльчивость послѣдняго только увеличила упорство бунтовщиковъ. Они дали шведскому канцлеру четырехнедѣльный срокъ для выполненія этихъ требованій; въ противномъ случаѣ, грозили сами добыть себѣ жалованье и никогда не обнажать шпаги за Швецію.

Такое буйное требованіе, при истощеніи казны и упадкѣ кредита, должно было поставить канцлера въ величайшее затрудненіе; надо было помочь дѣлу какъ можно скорѣе, пока и остальныя войска не заразились тѣмъ же духомъ, и чтобы не быть оставлену одновременно всѣми арміями посреди непріятеля. Изъ всѣхъ шведскихъ полководцевъ одинъ только пользовался любовью и уваженіемъ солдатъ и могъ прекратить этотъ раздоръ. Герцогъ *Бернгардъ* былъ любимецъ арміи: его благоразумная умѣренность пріобрѣла ему довѣріе солдатъ, а военная опытность—ихъ безпредѣльное удивленіе. Онъ взялся успокоить недовольную армію; но, чувствуя всю важность своего положенія, онъ воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ принудить шведскаго канцлера къ исполненію собственныхъ своихъ желаній.

Еще *Густавъ Адольфъ* ласкалъ его надеждою получить герцогство Франконское, которое должно было составиться изъ епископствъ Бамбергскаго и Вюрцбургскаго; теперь потребовалъ онъ исполненія этого обѣщанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ главнаго начальства на время войны съ титуломъ шведскаго генералиссимуса. Такое злоупотребленіе со стороны герцога до того раздражило *Оксенштирна,* что онъ, въ первомъ жару, отказалъ ему отъ шведской службы. Но онъ скоро опомнился и рѣшился лучше, чего бы то ни стоило, привязать къ интересамъ Швеціи такого знаменитаго полководца, чѣмъ пожертвовать имъ. Итакъ онъ отдалъ ему франконскія епископства, какъ ленныя владѣнія шведской короны, за исключеніемъ двухъ крѣпостей, Вюрцбурга и Кёнигсгофена, которые должны были остаться въ рукахъ шведовъ; въ то же время онъ обязался, име-

немъ Швеціи, защищать права герцога на эти области. Въ главномъ начальствѣ надъ всею шведскою арміею ему было отказано подъ благовиднымъ предлогомъ. Герцогъ *Бернгардъ* не замедлилъ отблагодарить за это важное пожертвованіе; своимъ вліяніемъ и дѣятельностью онъ въ короткое время усмирилъ волненіе арміи. Значительныя суммы наличными деньгами раздѣлены были между офицерами и еще болѣе значительныя въ недвижимыхъ имуществахъ, цѣною въ пять мильоновъ талеровъ, на которыя не имѣлось другаго права, кромѣ права завоеванія. Между тѣмъ время для приведенія въ исполненіе важнаго предпріятія прошло, и соединившіеся предводители раздѣлись, чтобы встрѣтить непріятеля въ другихъ мѣстахъ.

Послѣ непродолжительнаго вторженія въ Верхній Палатинатъ и взятія Неймарка, *Густавъ Горнъ* двинулся къ швабской границѣ, гдѣ тѣмъ временемъ императорскія войска значительно усилились и угрожали Вюртембергу опустошительнымъ вторженіемъ. Испуганные его приближеніемъ, имперцы потянулись къ Боденскому озеру — но только съ тѣмъ, чтобы указать шведамъ дорогу въ эту еще ни разу непосѣщенную страну. Обладаніе мѣстомъ при входѣ въ Швейцарію было весьма важно для шведовъ, а городъ Костницъ казался особенно-удобнымъ для сношеній съ Союзомъ. Поэтому *Густавъ Горнъ* немедленно приступилъ къ его осадѣ; но, не имѣя орудій, которыя ему еще нужно было привезть изъ Вюртемберга, онъ не могъ помѣшать непріятелю подать городу помощь, которую и безъ того легко было получать со стороны озера. Итакъ, послѣ напрасной попытки, онъ оставилъ городъ и округъ, чтобы встрѣтить на берегахъ Дуная еще бо́льшую опасность.

По требованію императора, кардиналъ-инфантъ, братъ *Филиппа Четвертаго* испанскаго и намѣстникъ въ Миланѣ, вооружилъ армію въ четырнадцать тысячъ человѣкъ, назначенную, независимо отъ *Валленштейна*, дѣйствовать на Рейнѣ и защищать Эльзасъ. Эта армія явилась теперь въ Баваріи, подъ начальствомъ испанца графа *Феріа;* а чтобы употребить ее немедленно противъ шведовъ, приказано было генералу *Альтрингеру* присоединиться къ ней съ своими войсками. Тотчасъ по полученіи перваго извѣстія о ихъ появленіи, *Густавъ Горнъ* призвалъ къ себѣ на подкрѣпленіе пфальцграфа *Биркенфельдскаго* съ Рейна и, соединившись съ нимъ у Штокаха, отважно двинулся на встрѣчу тридцатитысячному непріятелю. Тотъ взялъ дорогу черезъ Дунай въ Швабію, гдѣ однажды *Густавъ Горнъ* подошелъ къ нему такъ близко, что обѣ арміи находились другъ отъ друга не далѣе полумили. Но вмѣсто того, чтобы принять вызовъ къ сраженію, императорская армія потянулась черезъ лѣсные города (Waldstädte) въ Брисгау и Эльзасъ, куда она пришла еще во́-время, чтобы освободить Брейзахъ и положить предѣлъ побѣдоноснымъ успѣхамъ рейнграфа *Отто Людвига.* Этотъ незадолго передъ тѣмъ овладѣлъ лѣсными городами и, подкрѣпленный пфальцграфомъ *Биркенфельдскимъ*, освободившимъ Нижній Палатинатъ и разбившимъ герцога Лотарингскаго, снова доставилъ перевѣсъ шведскому оружію въ этихъ мѣстахъ. Хотя онъ теперь и долженъ былъ уступить превосходству непріятеля, но вскорѣ *Горнъ* и пфальцграфъ подоспѣли къ нему на помощь, и императорскія войска, послѣ непродолжительнаго успѣха, снова увидѣли себя выгнанными изъ Эльзаса. Вслѣдствіе суроваго осенняго времени, застигшаго ихъ при этомъ

несчатномъ отступленіи, погибла бо́льшая часть итальянцевъ, и самого предводителя ихъ, герцога *Феріа*, убила скорбь объ этомъ неудачномъ предпріятіи.

Между тѣмъ герцогъ *Бернгардъ Веймарскій* съ восьмнадцатью полками пѣхоты и ста-сорока эскадронами кавалеріи занялъ позицію на Дунаѣ, какъ для прикрытія Франконіи, такъ и для наблюденія за движеніями императорско-баварской арміи по берегамъ этой рѣки. Едва *Альтрингеръ* удалился отсюда, чтобы присоединиться къ итальянскимъ войскамъ герцога *Феріа*, какъ *Бернгардъ*, пользуясь его отсутствіемъ, переправился черезъ Дунай и съ быстротою молніи явился передъ *Регенсбургомъ*. Обладаніе этимъ городомъ было очень важно для наступательныхъ дѣйствій шведовъ противъ Баваріи и Австріи; оно позволяло имъ стать твердою ногою на Дунаѣ и доставляло безопасное убѣжищѣ въ случаѣ несчастія, не говоря уже о томъ, что только оно одно упрочивало завоеванія въ этихъ земляхъ. Сохранить Регенсбургъ — было послѣднимъ настоятельнымъ совѣтомъ умиравшаго *Тилли* курфирсту Баварскому, а *Густавъ Адольфъ* считалъ невозвратною потерей, что баварцы предупредили его занятіемъ этого города. Поэтому трудно описать страхъ *Максимиліана*, когда герцогъ *Бернгардъ* явился внезапно передъ городомъ и сталъ дѣятельно готовиться къ осадѣ.

Съ небольшимъ пятнадцать ротъ, большею частью изъ вновь набранныхъ войскъ, составляли его гарнизонъ — число, болѣе чѣмъ достаточное для сопротивленія и гораздо сильнѣйшему непріятелю, если бы оно подкрѣплялось усердными и воинственными гражданами. Но именно эти-то граждане и были опаснѣйшими врагами

баварскаго гарнизона. Протестантскіе обыватели Регенсбурга, одинаково дорожившіе своею вѣрою и своею свободой, съ отвращеніемъ склонили свою шею подъ баварское ярмо и уже давно съ нетерпѣніемъ ожидали избавителя. Появленіе *Бернгарда* подъ стѣнами города несказанно ихъ обрадывало, и можно было опасаться, что они станутъ содѣйствовать непріятелю внутреннимъ возмущеніемъ. Стѣсненный курфирстъ умолялъ императора и герцога *Фридландскаго* помочь ему только пятью тысячами человѣкъ. Семь гонцовъ, одинъ за другимъ, отправлено было *Фердинандомъ* съ этимъ порученіемъ къ *Валленштейну*, который обѣщалъ скорую помощь, и даже увѣдомилъ курфирста о немедленномъ прибытіи къ нему двѣнадцати тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ *Галласа*, тогда какъ подъ смертною казнью запретилъ выступать этому генералу. Между-тѣмъ баварскій комендантъ въ Регенсбургѣ, въ ожиданіи скорой помощи, приготовился къ упорной защитѣ, вооружилъ католическихъ крестьянъ, обезоружилъ протестантскихъ гражданъ и былъ постоянно на сторожѣ, чтобы они не могли предпринять чего-нибудь вреднаго для гарнизона. Но такъ-какъ помощь не являлась, а непріятельскія орудія не переставали громить укрѣпленій, то онъ заключилъ выгодную для себя и гарнизона капитуляцію, предоставивъ судьбу баварскихъ чиновниковъ и духовенства милости побѣдителя.

Съ занятіемъ Регенсбурга планы *Бернгарда* расширяются и сама Баварія становится тѣсной для его предпріимчиваго мужества. Онъ хочетъ вторгнуться въ самые предѣлы Австріи, вооружить протестантскихъ крестьянъ противъ императора и возвратить имъ свободу вѣроисповѣданія. Онъ овладѣваетъ Страубингомъ въ

то время, какъ другой шведскій полководецъ покоряетъ сѣверный берегъ Дуная. Несмотря на суровость непогоды, онъ, во главѣ своихъ шведовъ, достигаетъ устья рѣки Изара и переправляется черезъ нея въ виду баварскаго генерала *фонъ-Верта*, стоявшаго тамъ лагеремъ. Пассау и Линцъ въ ужасѣ, и смущенный императоръ удвоиваетъ увѣщанія и повелѣнія *Валленштейну* поспѣшить на помощь стѣсненной Баваріи. Но здѣсь побѣдоносный *Бернгардъ* добровольно полагаетъ предѣлъ своимъ завоеваніямъ. Имѣя предъ собою рѣку Иннъ, охраняемую множествомъ крѣпкихъ зàмковъ, а за собою двѣ непріятельскія арміи, враждебную землю и Изаръ, на которомъ не было ни одного укрѣпленнаго мѣста для прикрытія тыла и гдѣ замерзшая земля не позволяла возводить укрѣпленій, и угрожаемый всѣми силами *Валленштейна*, который наконецъ рѣшился подвинуться къ Дунаю, *Бернгардъ* своевременнымъ отступленіемъ избѣгаетъ опасности быть отрѣзаннымъ отъ Регенсбурга и окруженнымъ непріятелемъ. Онъ спѣшитъ перейти Изаръ и Дунай, чтобы защитить противъ *Валленштейна* свои завоеванія, сдѣланныя въ Верхнемъ Палатинатѣ, и даже рѣшается на сраженіе съ этимъ полководцемъ. Но *Валленштейнъ*, которому и не приходило на умъ совершить что-нибудь важное на Дунаѣ, не дожидается его приближенія, и прежде чѣмъ баварцы успѣваютъ обрадоваться его прибытію, возвращается въ Чехію. Затѣмъ *Бернгардъ* оканчиваетъ свой побѣдоносный походъ и доставляетъ своимъ войскамъ вполнѣ заслуженный отдыхъ на зимнихъ квартирахъ въ непріятельской землѣ.

Въ то время, какъ вели войну съ такимъ успѣхомъ *Густавъ Горнъ* въ Швабіи, пфальцграфъ *Биркен-*

фельдскій, генералъ *Баудиссенъ* и рейнграфъ *Отто Людвигъ* на Верхнемъ и Нижнемъ Рейнѣ, а герцогъ *Бернгардъ* на Дунаѣ, герцогъ *Люнебургскій* и ландграфъ *Гессенъ-Кассельскій* не менѣе прославляли шведское оружіе въ Нижней Саксоніи и Вестфаліи. Герцогъ *Георгъ* взялъ крѣпость *Гамельнъ*, послѣ мужественнаго сопротивленія, а соединенная шведско-гессенская армія одержала при Ольдендорфѣ блистательную побѣду надъ императорскимъ генераломъ *фонъ-Гронсфельдомъ*, командовавшимъ на Везерѣ. Въ этомъ сраженіи графъ *Вазабургъ*, побочный сынъ *Густава Адольфа*, показалъ себя достойнымъ своего происхожденія. Шестнадцать орудій, весь обозъ императорскихъ войскъ и семьдесятъ четыре знамя достались шведамъ; около трехъ тысячъ непріятелей легло на мѣстѣ и почти столько же попалось въ плѣнъ. Шведскій полковникъ *Книпгаузенъ* овладѣлъ *Оснабрюкомъ*, а ландграфъ Гессенъ-Кассельскій взялъ *Падерборнъ*; но зато шведы лишились весьма важнаго для нихъ города — *Бюкебурга*, взятаго императорскими войсками. Почти во всѣхъ концахъ Германіи торжествовало шведское оружіе и другой годъ со смерти *Густава Адольфа* не обнаруживалъ еще слѣдовъ потери, понесенной въ этомъ великомъ полководцѣ.

Упоминая о важныхъ происшествіяхъ, ознаменовавшихъ кампанію 1633 года, нельзя не подивиться бездѣйствію полководца, возбуждавшаго величайшія надежды. Изо всѣхъ генераловъ, подвиги которыхъ занимали насъ въ эту кампанію, ни одинъ не могъ сравниться съ *Валленштейномъ* опытностью, способностями и военной славой, и именно этого полководца мы теряемъ изъ виду съ самаго люценскаго сраженія. Смерть его ве-

ликаго противника предоставляетъ ему одному все поприще славы; все вниманіе Европы обращено на подвиги, которые должны изгладить воспоминаніе о его пораженіи и показать міру превосходство его въ военномъ искусствѣ. А онъ спокойно стоитъ въ Чехіи, тогда какъ потери императора въ Баваріи, Нижней Саксоніи и на Рейнѣ настойчиво требуютъ его присутствія въ тѣхъ мѣстахъ — равно-непроницаемая тайна для друга и недруга, ужасъ и въ то же время послѣдняя надежда императора. Съ непонятною поспѣшностью отступилъ онъ, послѣ потеряннаго сраженія подъ Люценомъ, въ королевство Чехію, гдѣ назначилъ строжайшее слѣдствіе о поведеніи своихъ офицеровъ въ этомъ сраженіи. Тѣ, кого военный судъ призналъ виновными, были приговорены къ смерти безъ всякой пощады; отличившіеся храбростью награждены по-царски; память убитыхъ увѣковѣчена великолѣпными мавзолеями. Въ теченіе всей зимы обременялъ онъ императорскія области страшными контрибуціями и зимними квартирами, которыя онъ съ умысломъ не занялъ въ непріятельской землѣ, чтобы высосать послѣднія силы изъ австрійскихъ земель. Вмѣсто того, чтобы съ своею свѣжею и отборною арміею, съ наступленіемъ весны 1633 года, открыть кампанію раньше другихъ и явиться во всемъ блескѣ полководца, онъ послѣ всѣхъ появился въ полѣ, да и тутъ театромъ войны сдѣлалъ императорскую наслѣдственную область.

Изъ всѣхъ австрійскихъ владѣній, Силезія подвергалась самой большой опасности. Три разныя арміи — одна, шведская, подъ начальствомъ графа *Турна*, другая, саксонская, подъ начальствомъ *Арнгейма* и герцога *Лауэнбургскаго*, и третья, бранденбургская, подъ предво-

дительствомъ *Боргсдорфа* — одновременно начали военныя дѣйствія въ этой области. Онѣ уже овладѣли важнѣйшими мѣстами и самый *Бреслау* принялъ сторону союзниковъ. Но именно это-то множество генераловъ и армій и спасло Силезію, такъ-какъ зависть вождей и взаимная ненависть между шведами и саксонцами препятствовали имъ дѣйствовать единодушно. *Арнгеймъ* и *Турнъ* спорили о первенствѣ; бранденбургцы и саксонцы держались заодно противъ шведовъ, которыхъ считали тягостными пришельцами и, гдѣ возможно, старались имъ вредить. Напротивъ, съ австрійцами саксонцы жили на болѣе-дружеской ногѣ, и часто случалось, что офицеры обѣихъ непріятельскихъ армій посѣщали и угощали другъ друга. Они позволяли австрійцамъ безпрепятственно увозить свое имущество, и многіе вовсе не скрывали, что получаютъ большія суммы изъ Вѣны. Между такими двуличными союзниками шведы полагали себя преданными и проданными, а при такомъ несогласіи нельзя было и думать о важныхъ предпріятіяхъ. Да и генералъ *Арнгеймъ* большею частью былъ въ отсутствіи; и когда, наконецъ, возвратился къ арміи, *Валленштейнъ* съ грозными силами уже приближался къ границѣ.

Онъ вступилъ съ сорокатысячнымъ войскомъ, тогдакакъ союзники не могли выставить противъ него болѣе двадцатичетырехъ тысячъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе они хотѣли принять сраженіе и появились у Мюнстерберга, гдѣ *Валленштейнъ* занималъ укрѣпленный лагерь. Но онъ заставилъ ихъ простоять здѣсь восемь дней, не предпринимая ни малѣйшаго движенія; потомъ оставилъ свои укрѣпленія и прошелъ спокойнымъ, гордымъ шагомъ мимо ихъ лагеря. Тутъ, по выступленіи

своемъ, когда ободрившійся непріятель неотступно слѣдовалъ за нимъ, онъ упустилъ случай напасть на него. Настойчивость, съ какою онъ избѣгалъ сраженія, приписывали страху; но *Валленштейнъ*, такъ хорошо упрочившій свою славу, могъ пренебречь подобными догадками. Самолюбіе союзниковъ не позволяло имъ замѣтить, что онъ шутилъ надъ ними и великодушно избавлялъ ихъ отъ пораженія, такъ-какъ на этотъ разъ побѣда надъ ними не могла принести ему пользы. Впрочемъ, желая доказать имъ, что превосходство на *его* сторонѣ и что онъ не изъ страха предъ ихъ силою остается въ бездѣйствіи, онъ велѣлъ заколоть коменданта одного за́мка, доставшагося ему въ руки, за то, что тотъ не сдалъ тотчасъ неукрѣпленное мѣсто.

Девять дней стояли обѣ арміи на разстояніи ружейнаго выстрѣла другъ отъ друга, когда графъ *Терцкій* съ трубачомъ явился изъ валленштейновой арміи предъ лагеремъ союзниковъ, чтобы пригласить генерала *Арнгейма* на совѣщаніе. Оно состояло въ томъ, что *Валленштейнъ*, несмотря на превосходство своихъ силъ, предлагалъ перемиріе на шесть недѣль. «Я пришолъ» сказалъ онъ «заключить вѣчный миръ со шведами и имперскими князьями, наградить солдатъ и доставить каждому удовлетвореніе. Все это зависитъ отъ меня; и если въ Вѣнѣ станутъ медлить утвердить это, то я соединюсь съ союзниками и (правда, это шепнулъ онъ одному *Арнгейму* на ухо) прогоню императора къ чорту». При второмъ свиданіи съ графомъ *Турномъ* онъ выразился еще яснѣе. «Всѣ привилегіи» сказалъ онъ «будутъ подтверждены снова, всѣ чешскіе изгнанники возвратятся и получатъ свои помѣстья обратно, и я самъ первый возвращу имъ свою часть. Іезуиты, какъ винов-

ники всѣхъ притѣсненій, будутъ изгнаны, Швеція должна удовлетвориться деньгами, всѣ излишнія войска обѣихъ сторонъ будутъ отправлены противъ турокъ». Въ послѣдней статьѣ заключалась разгадка всей загадки. «Если *я* надѣну чешскую корону, то всѣ изгнанники будутъ имѣть причину хвалиться моимъ великодушіемъ; полная религіозная свобода будетъ господствовать тогда во всемъ королевствѣ; палатинскій домъ вступитъ въ прежнія права свои, а маркграфство Моравія вознаградитъ меня за герцогство Мекленбургское. Тогда союзныя арміи двинутся, подъ моимъ предводительствомъ, къ Вѣнѣ и съ оружіемъ въ рукахъ принудятъ императора принять эти условія».

Итакъ, покровъ былъ снятъ наконецъ съ завѣтнаго намѣренія, надъ которымъ онъ трудился многіе годы съ таинственнымъ безмолвіемъ. Да и сами обстоятельства показывали, что настало время для приведенія его въ исполненіе. Одно слѣпое довѣріе къ военному счастью и превосходному генію герцога *Фридландскаго* внушило императору твердость, вопреки представленіямъ Баваріи и Испаніи и, во вредъ собственной власти, вручить этому властолюбивому человѣку такую неограниченную власть. Но продолжительное бездѣйствіе *Валленштейна* поколебало эту вѣру въ его непобѣдимость, а несчастное сраженіе подъ Люценомъ разрушило ее совершенно. Теперь проснулись снова его враги при дворѣ *Фердинанда* и ихъ представленія имѣли желанный успѣхъ у монарха, промахнувшагося въ своихъ надеждахъ и потому недовольнаго. Они подвергали всѣ поступки герцога самой ядовитой критикѣ, напоминали завистливому монарху его гордое упорство и непослушаніе, призывали на помощь жалобы австрійскихъ подданныхъ на безмѣр-

ныя его притѣсненія, дѣлали подозрительною самую вѣрность герцога и коварно намекали на тайныя его намѣренія. Эти обвиненія, оправдываемыя поведеніемъ герцога, не преминули пустить глубокіе корни въ душѣ *Фердинанда;* но шагъ былъ сдѣланъ и обширную власть, однажды врученную герцогу, уже нельзя было отнять у него безъ большой опасности. Уменьшить ее незамѣтно — вотъ все, что́ оставалось императору; а для бо́льшаго успѣха слѣдовало ее *раздѣлить;* но прежде всего надо было постараться сдѣлаться независимымъ отъ его произвола. Но этого-то пра́ва и лишилъ себя *Фердинандъ* договоромъ, заключеннымъ съ герцогомъ; а отъ всякаго покушенія дать ему въ товарищи другаго генерала или лишить неограниченной власти надъ арміею обезпечивала его собственная подпись императора. Такъ-какъ нельзя было ни сдержать договора, ни уничтожить его, то пришлось прибѣгнуть къ хитрости. *Валленштейнъ* былъ императорскимъ главнокомандующимъ въ Германіи; далѣе начальство его не простиралось и онъ не могъ присвоить себѣ власти надъ иностранною арміею. Такимъ образомъ составили итальянскую армію въ Миланѣ и отправили ее сражаться въ Германію подъ начальствомъ испанскаго генерала. Итакъ, *Валленштейнъ* пересталъ быть необходимымъ, потому-что пересталъ быть единственнымъ и, въ случаѣ нужды, была опора *противъ него самого.*

Герцогъ скоро и глубоко почувствовалъ источникъ и цѣль этого удара. Напрасно протестовалъ онъ у кардинала-инфанта противъ этого нововведенія, противнаго договору: итальянская армія вступила и его принудили послать генерала *Альтрингера* ей на подкрѣпленіе. Хотя онъ и съумѣлъ связать ему руки строгими пред-

писаніями, такъ-что итальянская армія въ Эльзасѣ и Швабіи мало пріобрѣла чести, но этотъ самовластный шагъ двора пробудилъ его отъ прежней самоувѣренности и намекнулъ ему на приближавшуюся опасность. Чтобы во второй разъ не лишиться начальства и вмѣстѣ съ нимъ плода всѣхъ своихъ стараній, онъ долженъ былъ поспѣшить исполненіемъ своихъ намѣреній. Удаленіемъ подозрительныхъ офицеровъ и щедростью въ отношеніи къ остальнымъ онъ обезпечилъ привязанность къ себѣ войскъ. Пожертвовавъ всѣми остальными сословіями государства, всѣми обязанностями справедливости и человѣколюбія благу арміи, онъ совершенно полагался на ея благодарность. Намѣреваясь показать примѣръ неслыханной неблагодарности къ виновнику своего счастья, онъ основывалъ все свое благополучіе на благодарности къ *себѣ* другихъ!

Вожди силезскихъ армій не имѣли полномочія отъ своихъ государей вступать въ переговоры по такимъ важнымъ предметамъ, как е предлагалъ имъ *Валленштейнъ*, и даже рѣшились заключить перемиріе всего только на четырнадцать дней. Прежде чѣмъ герцогъ рѣшился высказаться передъ шведами и саксонцами, онъ нашелъ благоразумнымъ удостовѣриться въ помощи Франціи для своего отважнаго предпріятія. Съ этою цѣлью онъ вступилъ чрезъ графа *Кинскаго* въ тайные, но крайне осторожные переговоры съ французскимъ посломъ въ Дрезденѣ *Фекьеромъ*, успѣхъ которыхъ совершенно соотвѣтствовалъ его желаніямъ. *Фекьеръ* получилъ повелѣніе отъ своего двора обѣщать всякую помощь со стороны Франціи и, въ случаѣ надобности, предложить герцогу значительное денежное пособіе.

Но именно это-то стараніе обезпечить себя со всѣхъ

сторонъ и погубило его. Французскій посолъ открылъ съ изумленіемъ, что замыселъ, наиболѣе требовавшій тайны, сообщенъ шведамъ и саксонцамъ. Саксонское министерство, какъ извѣстно, было на сторонѣ императора; условія же, предлагаемыя шведамъ, далеко не соотвѣтствовали ихъ ожиданіямъ, а потому никакъ не могли имъ нравиться. Поэтому *Фекьеръ* не понималъ, какимъ образомъ герцогъ могъ надѣяться на помощь первыхъ и скромность послѣднихъ. Онъ открылъ свои сомнѣнія и опасенія шведскому канцлеру, который столько же не довѣрялъ намѣреніямъ *Валленштейна* и которому еще менѣе нравились его предложенія. Хотя для него и не было тайной, что герцогъ велъ еще прежде подобные переговоры съ *Густавомъ Адольфомъ*, но не постигалъ, какимъ бы образомъ могъ онъ побудить всю армію къ отпаденію и исполнить свои чрезмѣрныя обѣщанія. Такой неумѣренный планъ и такіе безразсудные поступки вовсе не гармонировали съ таинственнымъ и недовѣрчивымъ нравомъ герцога, а потому и сочли все это за притворство и обманъ, такъкакъ скорѣе можно было сомнѣваться въ его *честности*, нежели въ его *благоразуміи*. Сомнѣнія *Оксенштирны* подѣйствовали наконецъ на самого *Арнгейма*, полнаго довѣрія къ правдивости *Валленштейна*, пріѣзжавшаго къ канцлеру въ Гельнгаузенъ, чтобы побудить его отдать въ распряженіе герцога лучшіе свои полки. Стали подозрѣвать, что все предложеніе есть только искусно-поставленная западня, съ цѣлью обезоружить союзниковъ и лучшую часть ихъ войскъ отдать въ руки императора. Всѣмъ извѣстный характеръ *Валленштейна* не опровергалъ этого подозрѣнія, и противорѣчія, въ которыя онъ запутался впослѣдствіи, лишили

его наконецъ всякаго довѣрія. Стараясь привлечь шведовъ на свою сторону и даже требуя лучшія ихъ войска, онъ въ то же время говорилъ *Арнгейму*, что надо начать дѣло изгнаніемъ шведовъ изъ имперіи; и въ то время, какъ саксонскіе офицеры, въ надеждѣ на перемиріе, прибыли къ нему въ большомъ числѣ, онъ попробовалъ ихъ захватить въ плѣнъ, что, впрочемъ, ему не удалось. Онъ первый нарушилъ перемиріе, которое, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, возобновилъ не безъ большаго труда. Исчезла всякая вѣра въ его правдивость и наконецъ стали видѣть во всѣхъ его поступкахъ одно сплетеніе лжи и низкой хитрости, съ цѣлью обезсилить союзниковъ и усилить самого себя. Въ этомъ онъ дѣйствительно и успѣлъ: въ то время, какъ его силы увеличивались съ каждымъ днемъ, войска союзниковъ, вслѣдствіе побѣговъ и дурнаго содержанія, уменьшились на половину. Но онъ не сдѣлалъ изъ своего превосходства того употребленія, какого ожидали въ Вѣнѣ. Когда ожидали рѣшительнаго дѣйствія, онъ внезапно возобновлялъ переговоры; или, когда перемиріе успокоивало союзниковъ, онъ вдругъ начиналъ военныя дѣйствія. Всѣ эти противорѣчія вытекали изъ двоякаго и вовсе несовмѣстнаго намѣренія погубить разомъ императора и шведовъ и заключить съ саксонцами отдѣльный миръ.

Выведенный изъ терпѣнія неуспѣшнымъ ходомъ переговоровъ, онъ рѣшился наконецъ показать свою силу, тѣмъ болѣе, что стѣсненное положеніе имперіи и возраставшее негодованіе императорскаго двора не позволяли ему болѣе оставаться въ бездѣйствіи. Еще до послѣдняго перемирія вторгся генералъ *фонъ-Голькъ* со стороны Чехіи въ Мейсенскій округъ; все, лежавшее на его пути, опустошилъ огнемъ и мечомъ, загналъ кур-

фирста въ его крѣпости и овладѣлъ самымъ Лейпцигомъ. Но перемиріе въ Силезіи положило предѣлъ его опустошеніямъ, а послѣдствія распутной жизни свели его въ могилу въ *Адорфѣ*. По окончаніи перемирія, *Валленштейнъ* сдѣлалъ снова движеніе, какъ бы намѣреваясь черезъ Лузацію вторгнуться въ Саксонію и велѣлъ распустить слухи, что *Пикколомини* уже выступилъ туда. *Арнгеймъ* немедленно оставилъ свой лагерь въ Силезіи и поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ на помощь курфиршеству. Но этимъ онъ обнажилъ шведовъ, стоявшихъ въ небольшомъ числѣ у *Штейнау* на Одерѣ, подъ начальствомъ графа *Турна;* этого-то и хотѣлось герцогу. Онъ далъ зайти саксонскому генералу на шестнадцать миль впередъ въ Мейсенскій округъ, а самъ внезапно поворотилъ назадъ къ Одеру, гдѣ напалъ на шведскій корпусъ, неожидавшій никакого нападенія. Шведская конница была разбита высланнымъ впередъ генераломъ *Шавгочемъ*, а пѣхота окружена при Штейнау слѣдовавшею за нимъ арміею герцога. *Валленштейнъ* далъ графу *Турну* полчаса на размышленіе, хочетъ ли онъ защищаться съ двумя съ половиною тысячами человѣкъ противъ двадцати тысячъ, или сдаться безусловно. При такихъ обстоятельствахъ нечего было долго выбирать. Весь корпусъ сдается военноплѣннымъ, и не проливъ капли крови, одерживается рѣшительная побѣда. Знамена, обозъ и орудія достаются въ руки побѣдителю; офицеры взяты подъ стражу, рядовые распредѣлены по полкамъ. Итакъ наконецъ, послѣ четырнадцатилѣтняго странствованія, послѣ безчисленныхъ перемѣнъ счастья, зачинщикъ чешскаго возстанія и первый виновникъ этой гибельной войны всѣмъ извѣстный графъ *Турнъ* находится во власти своихъ враговъ. Съ кровожаднымъ не-

терпѣніемъ ожидаютъ въ Вѣнѣ прибытія этого важнаго преступника, и уже заранѣе наслаждаются ужаснымъ торжествомъ преданія правосудію его важнѣйшей жертвы. Но лишить іезуитовъ этого удовольствія было для *Валленштейна* торжествомъ несравненно бо́льшимъ — и *Турнъ* получаетъ свободу. Къ его счастью, онъ зналъ *болѣе*, чѣмъ слѣдовало знать въ Вѣнѣ, и что враги *Валленштейна* были также и его врагами Пораженіе простили бы герцогу въ Вѣнѣ, но обманутой надежды — никогда. «Что же мнѣ было дѣлать съ этимъ сумасбродомъ?» съ злобною насмѣшкой писалъ онъ министрамъ, требовавшимъ у него отчета въ этомъ неумѣстномъ великодушіи. «Дай Богъ, чтобы непріятель имѣлъ побольше такихъ генераловъ! Въ главѣ шведскихъ войскъ онъ принесетъ намъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ въ тюрьмѣ».

Вскорѣ послѣ побѣды при Штейнау послѣдовало взятіе Лигница, Глогау и наконецъ Франкфурта-на-Одерѣ. *Шавгочъ*, оставшійся въ Силезіи для совершеннаго покоренія этой области, обложилъ Бригъ и тѣснилъ Бреслау, но напрасно, такъ-какъ этотъ вольный городъ, дорожа своими привилегіями, остался вѣренъ шведамъ. Полковниковъ *Илло* и *Гёца* послалъ *Валленштейнъ* къ Вартѣ, съ повелѣніемъ вторгнуться въ Померанію и дойти до береговъ Балтійскаго моря, — и они дѣйствительно овладѣли *Ландсбергомъ*, ключомъ Помераніи. Въ то время, какъ курфирстъ Бранденбургскій и герцогъ Померанскій трепетали за свои земли, *Валленштейнъ* съ остальною арміею вторгся въ Лузацію, гдѣ взялъ приступомъ Герлицъ и принудилъ сдаться Бауценъ. Впрочемъ, онъ хотѣлъ только испугать курфирста Саксонскаго, а не воспользоваться пріобрѣтен-

ными выгодами; и съ мечомъ въ рукѣ не переставалъ онъ дѣлать мирныя предложенія Бранденбургу и Саксоніи, но безуспѣшно, такъ-какъ, вслѣдствіе безпрерывныхъ противорѣчій, потерялъ всякое довѣріе. Тогда онъ обратилъ всѣ свои силы противъ несчастной Саксоніи и достигъ бы наконецъ своей цѣли силою оружія, если бы обстоятельства не принудили его оставить эти мѣста. Побѣды герцога *Бернгарда* на Дунаѣ, угрожавшія самой Австріи близкой опасностью, призывали его въ Баварію, а изгнаніе саксонцевъ и шведовъ изъ Силезіи лишили его всякаго предлога сопротивляться долѣе повелѣніямъ императора и оставлять курфирста Баварскаго безъ помощи. Итакъ онъ потянулся съ главною арміею въ Верхній Палатинатъ, и его отступленіе освободило навсегда Верхнюю Саксонію отъ этого грознаго врага.

Онъ отлагалъ спасеніе Баваріи до послѣдней возможности, и самыми неумѣстными извиненіями издѣвался надъ повелѣніями императора. Наконецъ, послѣ нескончаемыхъ просьбъ, онъ послалъ нѣсколько полковъ на помощь графу *Альтрингеру*, защищавшему Лехъ и Дунай противъ *Горна* и *Бернгарда*, однако подтвердилъ дѣйствовать только оборонительно. На всѣ просьбы императора и курфирста Баварскаго о помощи, онъ каждый разъ указывалъ на *Альтрингера*, которому, какъ онъ утверждалъ открыто, дано имъ неограниченное полномочіе, тогда-какъ тайно связывалъ ему руки строжайшими предписаніями и грозилъ смертью, въ случаѣ нарушенія повелѣній. Вслѣдъ за появленіемъ герцога *Бернгарда* подъ Регенсбургомъ и по возобновленіи императоромъ и курфирстомъ настойчивыхъ требованій помощи, онъ обѣщалъ прислать на Дунай генерала *Гал-*

ласа съ значительнымъ войскомъ, но не исполнилъ своего обѣщанія, и какъ прежде епископство Эйхштетское, такъ теперь Регенсбургъ, Штраубингенъ и Хамъ достались шведамъ. Но когда уже не было никакой возможности не повиноваться приказаніямъ двора, онъ сталъ подвигаться сколько можно медленнѣе къ баварской границѣ, гдѣ обложилъ взятый шведами Хамъ. Но едва провѣдалъ, что шведы стараются побудить саксонцевъ къ диверсіи на Чехію, онъ воспользовался этимъ слухомъ и, ничего не сдѣлавъ, немедленно возвратился въ Чехію. Защиту и охраненіе императорскихъ владѣній, утверждалъ онъ, должно предпочесть всему остальному; и такимъ образомъ оставался въ Чехіи, какъ прикованный и стерегъ это королевство, какъ-будто оно уже принадлежало ему. Императоръ возобновилъ въ еще болѣе настойчивомъ тонѣ свои предписанія выступить къ Дунаю и воспрепятствовать опасному приближенію герцога Веймарскаго къ австрійскимъ границамъ. Но *Валленштейнъ* кончилъ кампанію на этотъ годъ и снова расположилъ войска на зимнихъ квартирахъ въ истощенномъ королевствѣ.

Такое продолжительное упорство, такое безпримѣрное презрѣніе ко всѣмъ императорскимъ повелѣніямъ, такое умышленное нераденіе о благѣ общемъ, въ связи съ такимъ двусмысленнымъ поведеніемъ въ отношеніи къ непріятелю должны были наконецъ удостовѣрить императора въ справедливости невыгодныхъ слуховъ, уже давно наполнявшихъ всю Германію. Долго удавалось герцогу придавать своимъ преступнымъ сношеніямъ съ непріятелемъ видъ справедливости и убѣждать все еще къ нему расположеннаго монарха, что единственная цѣль его тайныхъ свиданій — даровать миръ Германіи. Но

сколько онъ ни считалъ себя непроницаемымъ, тѣмъ не менѣе всѣ его поступки оправдывали обвиненія, которыми его противники постоянно осаждали императора. Чтобы удостовѣриться на мѣстѣ въ ихъ основательности или неосновательности, *Фердинандъ* посылалъ въ разное время лазутчиковъ въ лагерь *Валленштейна;* но они возвращались съ однѣми догадками, такъ-какъ герцогъ остерегался дать отъ себя что-нибудь письменно. Когда же, наконецъ, и самые министры, прежніе его сторонники при дворѣ, имѣнья которыхъ *Валленштейнъ* отягощалъ наравнѣ съ прочими, примкнули къ партіи его противниковъ, когда курфирстъ Баварскій сталъ грозить примириться со шведами, если тотъ останется главнокомандующимъ, когда, наконецъ, испанскій посолъ настоятельно потребовалъ его отставки и, въ противномъ случаѣ, грозилъ прекращеніемъ денежныхъ пособій отъ своего двора: то императоръ во второй разъ увидѣлъ себя принужденнымъ лишить его начальства.

Произвольныя и непосредственныя распоряженія императора по арміи скоро вразумили герцога, что заключенный съ нимъ договоръ можетъ почитаться уничтоженнымъ и что отставка его неизбѣжна. Одинъ изъ подчиненныхъ ему генераловъ въ Австріи, которому *Валленштейнъ* подъ смертною казнью запретилъ повиноваться предписаніямъ двора, получилъ непосредственно отъ императора повелѣніе присоединиться къ курфирсту Баварскому; а самому *Валленштейну* строго предписывалось отправить нѣсколько полковъ въ подкрѣпленіе кардиналу-инфанту, шедшему съ арміей изъ Италіи. Всѣ эти мѣры удостовѣрили герцога въ существованіи неизмѣннаго плана—*обезоружить* его мало-по-малу и потомъ погубить.

Теперь для собственнаго спасенія слѣдовало ему поспѣшить исполненіемъ плана, задуманнаго имъ сначала единственно для своего возвышенія. Онъ медлилъ его исполненіемъ долѣе, чѣмъ предписывало благоразуміе, потому-что не доставало счастливаго созвѣздія, или, какъ онъ обыкновенно говорилъ своимъ нетерпѣливымъ друзьямъ, *потому-что еще не настало время.* Время и тогда еще не настало, но возраставшая опасность не позволяла долѣе ожидать его счастливой звѣзды. Прежде всего онъ хотѣлъ удостовѣриться въ расположеніи главныхъ вождей, и тогда уже испытать вѣрность арміи, на которую такъ много надѣялся. Трое изъ нихъ, полковники *Кинскій*, *Терцкій* и *Илло*, уже давно вовлечены были въ тайну, а первые двое были, кромѣ того, связаны съ его интересами узами родства. Одно и то же честолюбіе, одна и та же ненависть и надежда на необычайныя награды связывала ихъ самымъ тѣснымъ образомъ съ *Валленштейномъ*, который не гнушался самыми низкими средствами для умноженія числа своихъ приверженцевъ. Однажды онъ уговорилъ *Илло* искать въ Вѣнѣ графскаго достоинства и обѣщалъ ему въ этомъ дѣлѣ свое могущественное предстательство; тогда какъ тайно просилъ министра отказать ему въ его просьбѣ, потому-что, иначе, явятся многіе другіе съ равными заслугами и станутъ требовать той же награды. По возвращеніи *Илло* въ армію, герцогъ прежде всего спросилъ его объ успѣхѣ его просьбы; и когда тотъ объявилъ ему о своей неудачѣ, то онъ сталъ горько жаловаться на дворъ. «Вотъ чего мы дождались за нашу вѣрную службу» сказалъ онъ, «что не уважаютъ моего ходатайства и отказываютъ вашимъ заслугамъ въ такой ничтожной наградѣ! Кто захочетъ долѣе служить тако-

му неблагодарному государю? Что касается меня, то съ этого времени я непримиримый врагъ австрійскаго дома». *Илло* согласился, и такимъ образомъ тѣсный союзъ былъ заключенъ между ними.

Но что́ знали эти трое повѣренные герцога, то долго оставалось для всѣхъ остальныхъ непроницаемою тайною; а увѣренность *Валленштейна* въ привязанности офицеровъ основывалась единственно на благодѣяніяхъ, которыя онъ имъ оказывалъ, и на ихъ неудовольствіи на дворъ. Но прежде, чѣмъ снять маску и позволить себѣ сдѣлать явно шагъ противъ императора, надо было это гадательное предположеніе превратить въ достовѣрность. Графъ *Пикколомини*, тотъ самый, который въ битвѣ при Люценѣ отличился такимъ безпримѣрнымъ мужествомъ, первый подвергся испытанію въ вѣрности. *Валленштейнъ* обязалъ этого генерала значительными подарками и предпочиталъ его всѣмъ, какъ родившагося подъ однимъ созвѣздіемъ. Онъ объявилъ ему, что, побуждаемый неблагодарностью императора и близкою опасностью, непреклонно рѣшился оставить австрійскую партію, перейти съ лучшею частью своей арміи на сторону непріятеля, напасть со всѣхъ сторонъ на владычество австрійскаго дома и вырвать его съ корнемъ. Въ этомъ предпріятіи онъ полагался всего болѣе на *Пикколомини*, и уже заранѣе придумывалъ для него блистательнѣйшія награды. Когда тотъ, чтобы скрыть свое изумленіе при такомъ неожиданномъ предложеніи, сталъ говорить о препятствіяхъ и опасностяхъ, совмѣстныхъ съ такимъ отважнымъ предпріятіемъ, *Валленштейнъ* насмѣялся надъ его страхомъ. «Въ такихъ рѣшительныхъ предпріятіяхъ» сказалъ онъ «трудно одно начало; звѣзды мнѣ благопріятствуютъ, обстоятельства сложи-

лись, какъ нельзя лучше — надо же положиться хоть сколько-нибудь и на счастье. Рѣшеніе мое непреклонно; и если это не можетъ совершиться иначе, то я готовъ испытать свое счастье даже въ главѣ одной тысячи человѣкъ». *Пикколомини* остерегся раздражить недовѣрчивость герцога дальнѣйшимъ противорѣчіемъ и наружно согласился на его предложенія. Ослѣпленіе герцога зашло такъ далеко, что, несмотря на увѣренія графа *Терцкаго*, не думалъ усумниться въ искренности *Пикколомини*, который, не теряя ни минуты, далъ знать въ Вѣну о только-что сдѣланномъ важномъ открытіи.

Чтобы сдѣлать наконецъ рѣшительный шагъ къ цѣли, герцогъ созвалъ, въ январѣ 1634 года, всѣхъ начальниковъ арміи въ Пильзенъ, куда обратился тотчасъ по своемъ отсупленіи изъ Баваріи. Послѣднія требованія императора избавить наслѣдственныя земли отъ зимнихъ квартиръ, взять обратно Регенсбургъ въ это суровое время года и подкрѣпленіемъ кардинала-инфанта уменьшить армію на шесть тысячъ человѣкъ, могли послужить достаточно-уважительною причиною къ собранію военнаго совѣта, и этотъ благовидный предлогъ скрывалъ отъ любопытныхъ настоящую цѣль собранія. Шведы и саксонцы также были тайнымъ образомъ приглашены туда для мирныхъ переговоровъ съ герцогомъ *Фридландскимъ;* съ начальниками болѣе отдаленныхъ корпусовъ онъ намѣревался согласиться письменно. Изъ числа призванныхъ генераловъ явилось двадцать; но именно самые важные, *Галласъ*, *Коллоредо* и *Альтрингеръ*, не пріѣхали. Герцогъ послалъ имъ вторичное, еще болѣе настойчивое приглашеніе, а между тѣмъ, въ ожиданіи ихъ прибытія, приступилъ къ дѣлу.

То, на что онъ рѣшался теперь, было дѣломъ нема-

ловажнымъ. Онъ хотѣлъ склонить гордое, храброе и берегущее свою честь дворянство къ позорнѣйшей измѣнѣ, хотѣлъ предъ глазами тѣхъ, что привыкли чтить въ немъ отраженіе величества, судью своихъ дѣяній и хранителя законовъ, внезапно явиться измѣнникомъ и возмутителемъ. Дѣло было не маловажное — поколебать въ самомъ основаніи власть, укрѣпленную давностью, освященную религіей и законами, разрушить очарованіе воображенія и чувствъ, этихъ грозныхъ стражей законнаго престола, и вырвать съ корнемъ всѣ тѣ неизгладимыя чувства привязанности, которыя въ груди каждаго подданнаго говорятъ такъ громко и сильно въ пользу природнаго государя. Ослѣпленный блескомъ короны, *Валленштейнъ* не замѣтилъ разверзавшейся предъ нимъ пропасти и, въ полномъ сознаніи своихъ силъ, не сообразилъ — обыкновенная участь сильныхъ и отважныхъ умовъ — всѣхъ препятствій. *Валленштейнъ* видѣлъ одну только армію, частью равнодушную, частью нерасположенную ко двору, армію, привыкшую слѣпо повиноваться его волѣ, трепетать предъ нимъ, какъ предъ своимъ судьею и законодателемъ и исполнять съ благоговѣніемъ его повелѣнія, подобно изреченіямъ судьбы. Въ безмѣрной лести, расточаемой его всемогуществу, въ дерзкихъ ругательствахъ противъ двора и правительства, произносимыхъ необузданными солдатами и извиняемыхъ лагерною распущенностью, думалъ онъ видѣть настоящія чувства арміи, а въ отважности, съ какою порицали самыя дѣйствія монарха, готовность войскъ отказаться отъ повиновенія такому презираему государю. Но именно то́, что онъ считалъ такимъ легкимъ, возстало предъ нимъ грознымъ противникомъ: всѣ его разсчеты разбились о чувства войскъ къ своимъ обя-

занностямъ. Упоенный своею властью надъ такими буйными полчищами, онъ приписывалъ все личному своему величію, не различая, чѣмъ обязанъ былъ самому себѣ и чѣмъ своему *званію*. Все трепетало предъ нимъ, потому-что онъ имѣлъ законную власть, потому-что обязаны были ему повиноваться, потому-что его власть была соединена съ величіемъ престола. Величіе само-по-себѣ можетъ вселить удивленіе и страхъ, но только *законное* величіе исторгаетъ благоговѣніе и покорность. И этой-то рѣшительной выгоды лишился онъ въ то самое мгновеніе, когда явилъ себя преступникомъ.

Полковникъ *Илло* взялся вывѣдать образъ мыслей, главныхъ начальниковъ и приготовить къ шагу, котораго отъ нихъ ожидали. Онъ началъ съ того, что представилъ имъ послѣднія требованія двора и съумѣлъ дать имъ такой ненавистный оборотъ, что безъ труда воспламенилъ гнѣвъ всего собранія. Послѣ этого хорошо разсчитаннаго вступленія, онъ распространился весьма краснорѣчиво о заслугахъ арміи и полководца и неблагодарности императора. «Вліяніе Испаніи» говорилъ онъ «руководитъ каждымъ шагомъ двора; министерство состоитъ на испанскомъ жалованьѣ; одинъ герцогъ *Фридландскій* не покорялся до сихъ поръ этой тиранніи и тѣмъ навлекъ на себя смертельную ненависть Испаніи. Лишить его команды или удалить совершенно — было постоянной цѣлью ея дѣйствій; и такъ-какъ ей не удалось ни въ томъ, ни въ другомъ, старается поколебать власть его надъ арміей. Съ этою цѣлью она хлопочетъ доставить начальство королю Венгерскому, посредствомъ котораго надѣется *управлять* всѣми военными дѣйствіями и тѣмъ еще болѣе утвердить испанскую власть въ Германіи. Чтобы только уменьшить армію, требуютъ

шесть тысячъ человѣкъ на подкрѣпленіе кардинала-инфанта; чтобы только обезсилить ее зимнимъ походомъ, заставляютъ взять обратно Регенсбургъ въ это суровое время года. Затрудняютъ всѣ способы къ продовольствію арміи, между тѣмъ какъ іезуиты и министры обогащаются пóтомъ земель и расточаютъ деньги, назначенныя войскамъ. Генералъ сознаетъ безсиліе сдержать слово, данное арміи, потому-что дворъ ставитъ его въ затрудненіе. За всѣ услуги, оказанныя австрійскому дому въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, за всѣ труды, за всѣ собственныя издержки, понесенныя въ императорской службѣ, ожидаетъ его теперь во второй разъ постыдная отставка. Но онъ объявилъ, что не намѣренъ допустить до того. Онъ добровольно откажется отъ команды, пока ее не отняли у него силой. Я передаю вамъ» продолжалъ ораторъ «слова самого герцога. Теперь пусть каждый спроситъ самого себя, полезно ли лишиться такого генерала? Теперь пусть каждый подумаетъ: кто вознаградитъ его за издержки, понесенныя на службѣ императора и гдѣ получитъ онъ заслуженную награду храбрости, когда не будетъ того, предъ глазами котораго онъ ее выказалъ?»

Общій крикъ, что не слѣдуетъ соглашаться на отставку герцога, прервалъ оратора. Четыре старшіе генерала отправлены были къ *Валленштейну*, чтобы передать ему желаніе собранія и убѣдительнѣйше просить не оставлять арміи. Герцогъ притворно отказался и согласился только послѣ вторичной депутаціи. Такая уступчивость съ *его* стороны повидимому заслуживала взаимной услуги. Такъ-какъ онъ обязался не оставлять службы безъ вѣдома и согласія генераловъ, то онъ потребовалъ отъ нихъ взаимнаго письменнаго обѣщанія

остаться ему вѣрными, никогда не разставаться съ нимъ не щадить за него послѣдней капли крови. Каждый отступникъ отъ союза долженъ почитаться измѣнникомъ и всѣ остальные должны поступать съ нимъ, какъ съ общимъ врагомъ. Нарочно прибавленное условіе: *«пока Валленштейнъ будетъ употреблять армію на службу императора»* удаляло всякое подозрѣніе, и никто изъ собравшихся генераловъ не усомнился согласиться на такое повидимому невинное и дешевое требованіе.

Чтеніе бумаги происходило предъ самымъ обѣдомъ, даннымъ съ этою цѣлью полковникомъ *Илло;* по окончаніи стола должно было послѣдовать ея подписаніе. Хозяинъ постарался усыпить крѣпкими напитками чувство сознанія своихъ гостей, и не прежде, какъ замѣтивъ ихъ опьяненіе, подалъ бумагу къ подписанію. Большая часть легкомысленно подписала свое имя, не зная хорошенько, что̀ подписывала; только немногіе, болѣе любопытные или подозрительные, пробѣжали еще разъ бумагу и съ удивленіемъ замѣтили, что фраза: «пока *Валленштейнъ* будетъ употреблять армію на службу императора» пропущена. *Илло* съ ловкостью фокусника искусно подмѣнилъ первый экземпляръ другимъ, въ которомъ не доставало упомянутой статьи. Подлогъ сдѣлался гласнымъ и многіе не хотѣли подписаться. *Пикколомини,* угадавшій обманъ и присутствовавшій на обѣдѣ только въ намѣреніи извѣстить обо всемъ дворъ, забылся пьяный до того, что предложилъ тостъ за здоровье императора. Но тутъ всталъ графъ *Терцкій* и объявилъ каждаго, кто откажется, бездѣльникомъ. Его угрозы, представленія неизбѣжной опасности, ожидающей ихъ при дальнѣйшемъ сопротивленіи,

примѣръ большинства и краснорѣчіе *Илло* преодолѣли наконецъ всѣ сомнѣнія — и бумага была подписана всѣми безъ исключенія.

Хотя *Валленштейнъ* и достигъ своей цѣли, но совершенно-неожиданное сопротивленіе генераловъ внезапно исторгло его изъ пріятныхъ мечтаній, въ которыя онъ былъ погруженъ до-сихъ-поръ. Къ тому же бо́льшая часть именъ была подписана такъ неразборчиво, что нельзя было не подозрѣвать дурнаго умысла. Но вмѣсто того, чтобы послѣ такого предостереженія судьбы предаться размышленію, онъ излилъ свое огорченіе въ неприличныхъ жалобахъ и проклятіяхъ. На другое утро онъ призвалъ къ себѣ генераловъ и лично повторилъ имъ все содержаніе предложенія, изложеннаго наканунѣ полковникомъ *Илло*. Изливъ свое негодованіе на дворъ въ горькихъ упрекахъ и ругательствахъ, онъ напомнилъ имъ о вчерашнемъ ихъ сопротивленіи и объявилъ, что это открытіе заставляетъ его отмѣнить данное обѣщаніе. Молча и въ смущеніи удалились генералы, но послѣ непродолжительнаго совѣщанія опять явились въ пріемную, извиняя вчерашнее происшествіе и предлагая снова подписаться.

Теперь оставалось только или получить отъ неявившихся генераловъ такое же обѣщаніе, или, въ случаѣ отказа, взять ихъ подъ стражу. Поэтому *Валленштейнъ* возобновилъ свое приглашеніе, прося убѣдительно поспѣшить своимъ прибытіемъ. Но молва еще прежде извѣстила ихъ обо всемъ происходившемъ въ Пильзенѣ и удержала отъ поѣздки. *Альтрингеръ*, подъ предлогомъ болѣзни, остался въ крѣпкомъ замкѣ Фрауенбергѣ. *Галласъ* же, хотя и прибылъ, но только для того, чтобы, какъ свидѣтель, тѣмъ лучше извѣстить императора объ

угрожавшей опасности. Донесенія, сдѣланныя имъ и *Пикколомини*, превратили разомъ опасенія двора въ страшную увѣренность. Подобныя открытія, сдѣланныя въ то же время въ другихъ мѣстахъ, не давали болѣе мѣста сомнѣнію, а быстрая смѣна комендантовъ Силезіи и Австріи повидимому предвѣщала въ высшей степени опасные замыслы. Опасность была велика и требовала немедленной помощи. При всемъ томъ не хотѣли начать исполненіемъ приговора, а намѣревались поступить по всей строгости правосудія. Итакъ, главнымъ начальникамъ, на вѣрность которыхъ полагались, даны были тайныя повелѣнія схватить, какимъ бы то ни было образомъ, герцога *Фридландскаго* и двухъ его сторонниковъ, *Илло* и *Терцкаго*, и отвезти въ бозопасное мѣсто, гдѣ бы они могли быть допрошены и дать отвѣтъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но если этого нельзя будетъ исполнить мирнымъ путемъ, то явная опасность требуетъ захватить ихъ мертвыми или живыми. Въ то же время генералъ *Галласъ* получилъ открытый листъ, которымъ объявлялась всѣмъ начальникамъ и офицерамъ означенная воля императора, армія освобождалась отъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ измѣннику и, до назначенія новаго главнокомандующаго, начальство поручалось генералъ-лейтенанту *Галласу*. Чтобы обманутымъ и отпадшимъ облегчить возвращеніе къ ихъ долгу, а виновныхъ не привесть въ отчаяніе, объявлялось общее прощеніе за все происходившее въ Пильзенѣ во вредъ императорской власти.

Генералу *Галласу* не очень нравилась честь, выпавшая ему на долю. Въ Пильзенѣ онъ находился на глазахъ того, чья судьба была въ его рукахъ и во власти своихъ враговъ, слѣдившихъ за нимъ тысячью глазъ.

Провѣдай *Валленштейнъ* тайну даннаго ему порученія — ничто не спасло бы его отъ мщенія и отчаянія герцога. Если опасно было скрывать подобное порученіе, то привести его въ исполненіе было еще опаснѣе. Образъ мыслей генераловъ не былъ извѣстенъ, и по меньшей мѣрѣ позволялось сомнѣваться, повѣрятъ ли они, рѣшившись однажды на такой шагъ, обѣщаніямъ императора и захотятъ ли отказаться разомъ отъ всѣхъ надеждъ, возлагаемыхъ на *Валленштейна*. И, наконецъ, какое опасное предпріятіе наложить руки на освященную особу вождя, считавшагося до тѣхъ поръ неприкосновеннымъ, который долговременнымъ отправленіемъ высочайшей власти и повиновеніемъ, обратившимся въ привычку, сдѣлался предметомъ глубочайшаго благоговѣнія и былъ окруженъ всѣмъ блескомъ наружной власти и внутренняго величія, одинъ взглядъ котораго повергалъ въ рабскій трепетъ и кто однимъ мановеніемъ рѣшалъ вопросъ о жизни и смерти! Схватить такого человѣка, какъ простаго преступника, среди стражи, въ городѣ повидимому совершенно ему преданномъ, и предметъ такого продолжительнаго и глубокаго уваженія разомъ превратить въ предметъ сожалѣнія и насмѣшки, было порученіемъ, способнымъ испугать храбрѣйшаго. Страхъ и уваженіе къ нему были такъ глубоко затаены въ груди каждаго солдата, что и такое страшное преступленіе, какъ государственная измѣна, не могло искоренить совершенно этихъ чувствъ.

Галласъ понялъ невозможность исполнить свое порученіе на глазахъ герцога и потому сильнѣйшимъ его желаніемъ было, прежде чѣмъ рѣшиться на какой-нибудь шагъ, переговорить сначала съ *Альтрингеромъ*. Такъ-какъ долгое отсутствіе послѣдняго уже начинало

возбуждать подозрѣніе въ герцогѣ, то *Галласъ* вызвался самъ лично съѣздить въ Фрауенбергъ и побудить *Альтрингера*, какъ своего родственника, къ пріѣзду. *Валленштейну* такъ понравилось это доказательство его усердія, что онъ предложилъ ему для поѣздки свой собственный экипажъ. Обрадованный успѣхомъ своей хитрости, *Галласъ* немедленно оставилъ *Пильзенъ*, предоставивъ *Пикколомини* наблюдать за поступками *Валленштейна;* самъ же не замедлилъ объявить, гдѣ только было возможно, императорскій указъ и нашелъ войска гораздо лучше расположенными, чѣмъ могъ ожидать. Вмѣсто того, чтобы привесть своего друга назадъ въ Пильзенъ, онъ отправилъ его въ Вѣну для защиты императора отъ нападенія, а самъ поѣхалъ въ Верхнюю Австрію, гдѣ приближеніе герцога *Бернгарда Веймарскаго* грозило большою опасностью. Въ Чехіи города Будвейсъ и Таборъ были снова заняты преданными императору войсками и приняты всѣ мѣры къ быстрому отраженію предпріятій измѣнника.

Такъ-какъ и *Галласъ* не возвращался, то *Пикколомини* рѣшился еще разъ испытать легковѣріе герцога. Онъ попросилъ позволенія привезти назадъ *Галласа* и *Валленштейнъ* во второй разъ позволилъ себя перехитрить. Такое непонятное ослѣпленіе можетъ быть объяснено однимъ высокомѣріемъ *Валленштейна*, который никогда ни о комъ не измѣнялъ своего мнѣнія и даже не хотѣлъ сознаться въ возможности ошибиться. И графа *Пикколомини* велѣлъ онъ отвезть въ своей каретѣ въ Линцъ, гдѣ тотъ немедленно послѣдовалъ примѣру *Галласа*, и даже превзошелъ его. Онъ обѣщался *Валленштейну* возвратиться, что́ и сдѣлалъ, но только въ главѣ войска и съ цѣлью напасть на гер-

цога въ Пильзенѣ. Другое войско, подъ начальствомъ генерала *Суиса*, поспѣшило въ Прагу, чтобы занять эту столицу для императора и защитить ее отъ нападенія бунтовщиковъ. Въ то же время генералъ *Галласъ* объявляетъ себя единственнымъ начальникомъ всѣхъ разсѣянныхъ австрійскихъ армій, отъ котораго съ этихъ поръ всѣ должны принимать повелѣнія. Во всѣ императорскіе лагери разсылаются приказы, въ которыхъ герцогъ и четыре его приверженца объявляются лишенными покровительства законовъ и арміямъ запрещается повиноваться измѣннику.

Примѣръ, поданный Линцомъ, вездѣ находитъ подражаніе; вездѣ проклинаютъ память измѣнника; всѣ арміи отпадаютъ отъ него. Наконецъ, когда и *Пикколомини* не возвращается, завѣса съ глазъ *Валленштейна* падаетъ и онъ съ ужасомъ пробуждается отъ своего сна. Но и теперь еще вѣритъ онъ правдивости звѣздъ и вѣрности арміи. Вслѣдъ за извѣстіемъ объ отпаденіи *Пикколомини*, онъ отдаетъ приказъ, чтобы впредь повиновались непосредственно ему одному, или *Терцкому* да *Илло*. Онъ поспѣшно вооружается, чтобы идти на Прагу, гдѣ намѣренъ снять съ себя маску и объявить себя открыто противъ императора. Предъ Прагой должны были собраться всѣ войска, и оттуда съ быстротою молніи ворваться въ Австрію. Герцогъ *Бернгардъ*, знавшій о заговорѣ, долженъ былъ поддержать дѣйствія герцога шведскими войсками и сдѣлать диверсію на Дунаѣ. Уже *Терцкій* спѣшилъ въ Прагу и только недостатокъ въ лошадяхъ помѣшалъ герцогу послѣдовать за нимъ съ остальными вѣрными полками. Въ напряженномъ ожиданіи извѣстій изъ Праги, узнаетъ онъ о потерѣ этого города, узнаетъ объ отпаденіи своихъ гене-

раловъ, бѣгствѣ своихъ войскъ, разоблаченіи всего заговора и быстромъ наступленіи *Пикколомини*, поклявшагося погубить его. Быстро и ужасно разрушаются всѣ его планы, измѣняютъ ему всѣ его надежды. Одиноко стоитъ онъ, оставленный всѣми, кому благодѣтельствовалъ, преданный всѣми, на кого полагался. Въ подобныхъ-то обстоятельтвахъ выказываются вполнѣ великіе характеры. Обманутый во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ, онъ не отказывается ни отъ одного изъ своихъ намѣреній; онъ не теряетъ бодрости, потому-что у него еще остается онъ самъ! Теперь-то настало время обратиться къ давно-желанной помощи шведовъ и саксонцевъ, такъ-какъ исчезли всѣ сомнѣнія въ искренности его намѣреній. Удостовѣрясь въ настоящихъ видахъ и стѣсненномъ положеніи *Валленштейна*, *Оксенштирна* и *Арнгеймъ* уже не колебались долѣе воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и обѣщать ему свою помощь. Съ саксонской стороны велѣно было герцогу *Францу Альберту Саксенъ-Лауэнбургскому* отвести къ нему четыре тысячи человѣкъ, а съ шведской—герцогу *Бернгарду* и пфальцграфу *Христіану Биркенфельдскому* шесть тысячъ отборныхъ солдатъ. *Валленштейнъ* оставилъ Пильзенъ съ полкомъ *Терцкаго* и небольшимъ числомъ приверженцевъ, или притворявшихся такими, и поспѣшилъ въ Эгеръ, на границу королевства, чтобы приблизиться къ Верхнему Палатинату и тѣмъ облегчить свое соединеніе съ герцогомъ *Бернгардомъ*. Онъ еще не зналъ о приговорѣ, объявлявшемъ его общественнымъ врагомъ и измѣнникомъ; уже въ Эгерѣ долженъ былъ поразить его этотъ громовой ударъ. Онъ еще разсчитывалъ на армію, собранную для него въ Силезіи генераломъ *Шафгочемъ*, и все

еще ласкалъ себя надеждою, что даже многіе изъ оставившихъ его возвратятся къ нему при первомъ лучѣ возрождающагося счастья. Даже во время бѣгства въ Эгеръ—такъ мало сокрушительный опытъ смирилъ его необузданный духъ — еще занималъ его громадный замыселъ низвергнуть императора съ престола. При этихъ обстоятельствахъ одинъ изъ его свиты испросилъ позволеніе подать ему совѣтъ. «Императоръ» началъ онъ «смотритъ на вашу свѣтлость, какъ на вѣрнаго и высоко-уважаемаго вельможу, тогда-какъ въ глазахъ непріятеля вы еще сомнительный король. Благоразумно ли будетъ промѣнять вѣрное на невѣрное? Непріятель воспользуется особой вашей свѣтлости, такъ-какъ обстоятельства тому благопріятствуютъ, но вы сами будете всегда для него подозрительны, и онъ постоянно будетъ опасаться, чтобы вы когда-нибудь не поступили съ нимъ такъ же, какъ теперь съ императоромъ. Итакъ возвратитесь, пока есть еще время». — «Да какъ же помочь дѣлу?» возразилъ ему герцогъ. — «У васъ лежитъ въ сундукахъ» отвѣчалъ тотъ «сорокъ тысячъ *доспѣшниковъ* (Armirte — червонцы, съ изображеніемъ человѣка въ доспѣхахъ). Возьмите ихъ съ собою и отправляйтесь прямо къ императорскому двору. Тамъ объясните, что вы поступили такимъ образомъ единственно для того, чтобы испытать вѣрность императорскихъ слугъ и отличить благонамѣренныхъ отъ подозрительныхъ. И такъ-какъ многіе оказались склонными къ отпаденію, то вы теперь пріѣхали предостеречь его императорское величество отъ этихъ опасныхъ людей. Такимъ образомъ вы можете сдѣлать измѣнникомъ каждаго, кто теперь хочетъ сдѣлать плутомъ васъ самихъ. При императорскомъ дворѣ съ сорока тысячами червонцевъ примутъ

васъ, безъ сомнѣнія, какъ нельзя лучше, и вы снова сдѣлаетесь первымъ фридландцемъ». — «Совѣтъ хорошъ» отвѣчалъ *Валленштейнъ,* подумавъ, «да чортъ силёнъ!»

Между тѣмъ, какъ герцогъ велъ изъ Эгера переговоры съ непріятелемъ, совѣтовался съ звѣздами и одушевлялся новыми надеждами, почти въ его глазахъ оттачивался ножъ, прекратившій его жизнь. Императорскій приговоръ, лишившій его покровительства законовъ, произвелъ свое дѣйствіе и мстительная Немезида опредѣлила *неблагодарному* пасть отъ ударовъ *неблагодарности.* Между своими офицерами *Валленштейнъ* особенно отличалъ одного ирландца, по имени *Лесли,* и составилъ все счастье этого человѣка. Именно онъ почувствовалъ себя назначеннымъ и призваннымъ исполнить надъ нимъ смертный приговоръ и заслужить кровавую награду. Едва этотъ *Лесли* успѣлъ прибыть въ Эгеръ въ свитѣ герцога, какъ уже сообщилъ комендanту этого города, полковнику *Буттлеру* и подполковнику *Гордону*, двумъ шотландскимъ протестантамъ, всѣ вредные замыслы герцога, которые этотъ безразсудный открылъ ему во время дороги. *Лесли* нашелъ въ нихъ людей, готовыхъ на все. Предстояло выбирать между измѣной и долгомъ, между законнымъ государемъ и бѣглымъ, всѣми покинутымъ бунтовщикомъ; хотя послѣдній и былъ ихъ общимъ благодѣтелемъ, тѣмъ не менѣе они не могли ни на минуту усомниться въ выборѣ. Они твердо и торжественно клянутся въ вѣрности императору, и эта клятва требуетъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ общаго врага. Обстоятельства благопріятстовали—и злой геній *Валленштейна* предалъ его въ руки мщенія. Впрочемъ, не желая брать на

себя обязанности правосудія, они рѣшаются представить ему жертву живою и разстаются съ отважнымъ намѣреніемъ схватить полководца. Непроницаемая тайна покрываетъ мрачный заговоръ и *Валленштейнъ,* не предчувствуя висящей надъ нимъ гибели, ласкаетъ себя надеждою найти въ эгерскомъ гарнизонѣ своихъ храбрѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ защитниковъ.

Въ это самое время онъ получаетъ императорскіе указы, содержащіе его приговоръ, объявленный во всѣхъ лагеряхъ. Теперь-то сознаетъ онъ всю великость опасности, его окружающей, всю невозможность возврата, весь ужасъ своего положенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимость предаться непріятелю безусловно. Онъ изливаетъ предъ *Лесли* все негодованіе раздраженной души, и сила страсти исторгаетъ у него послѣднюю тайну. Онъ открываетъ этому офицеру свое намѣреніе сдать Эгеръ и Эльнбогенъ, эти ключи королевства, пфальцграфу *Биркенфельдскому* и въ то же время сообщаетъ ему о скоромъ прибытіи герцога *Бернгарда* въ Эгеръ, о чемъ былъ увѣдомленъ въ ту же ночь чрезъ нарочнаго. Это открытіе, которое *Лесли* немедленно сообщаетъ остальнымъ членамъ заговора, перемѣняетъ ихъ первоначальное намѣреніе. Близкая опасность не допускаетъ пощады. Эгеръ могъ каждую минуту достаться въ руки непріятеля и внезапное возмущеніе освободить ихъ плѣнника. Въ отвращеніе этого несчастія, они рѣшаются въ слѣдующую ночь *убить* герцога вмѣстѣ съ его приверженцами.

Чтобы кончить дѣло безъ шума, положено было привести его въ исполненіе во время пиршества, даннаго полковникомъ *Буттлеромъ* въ эгерскомъ замкѣ. Всѣ прочіе явились; одинъ *Валленштейнъ,* будучи слишкомъ раз-

строенъ, чтобы участвовать въ веселой компаніи, велѣлъ извиниться. Итакъ, въ отношеніи къ нему, пришлось измѣнить планъ; съ прочими же положено было поступить по уговору. Не имѣя ни малѣйшаго подозрѣнія, явились три полковника: *Илло, Терцкій* и *Вильгельмъ Кинскій*, а съ ними и ротмистръ *Нейманъ*, офицеръ съ большими способностями, котораго *Терцкій* употреблялъ при каждомъ запутанномъ дѣлѣ, требовавшемъ ума. До ихъ прихода ввели въ за́мокъ надежнѣйшихъ солдатъ изъ гарнизона, посвященныхъ въ тайну заговора, заперли всѣ выходы, а въ комнатѣ возлѣ столовой спрятали шесть *буттлеровыхъ* драгунъ, которые, по условленному знаку, должны были выскочить оттуда и заколоть измѣнниковъ. Не предчувствуя опасности, которая уже носилась надъ ихъ головами, предались безпечные гости удовольствіямъ пиршества и пили изъ полныхъ кубковъ за здоровье *Валленштейна*, уже не императорскаго слуги, а владѣтельнаго князя. Вино сдѣлало ихъ откровенными, и *Илло* открылъ съ гордостью, что черезъ три дня *Валленштейнъ* будетъ имѣть армію, какою еще никогда не предводительствовалъ. «Да» прервалъ его *Нейманъ*, «и тогда я надѣюсь омыть мои руки въ австрійской крови». Среди этихъ разговоровъ приносятъ десертъ и тутъ-то *Лесли* даетъ условленный знакъ поднять подъёмный мостъ и беретъ къ себѣ ключи отъ всѣхъ воротъ. Вдругъ столовая наполняется вооруженными, которые съ неожиданнымъ привѣтствіемъ: *Да здравствуетъ Фердинандъ!* становятся за стульями указанныхъ имъ гостей. Смутившись и предчувствуя гибель, всѣ четверо выскакиваютъ разомъ изъ-за стола. *Кинскаго* и *Терцкаго* убиваютъ немедленно, прежде чѣмъ они успѣваютъ взяться за оружіе; *Нейманъ*, поль-

зуясь замѣшательствомъ, находитъ случай выбѣжать на дворъ, гдѣ, однакожъ, часовые узнаютъ его и немедленно закалываютъ. Одинъ *Илло* не потерялъ присутствія духа и защищался. Онъ прислонился къ окну, откуда горько упрекалъ *Гордона* въ предательствѣ и вызывалъ его на честный бой. Только послѣ самой мужественной обороны и заколовъ двухъ изъ своихъ враговъ, палъ онъ, подавленный множествомъ и покрытый десятью ранами. Покончивъ дѣло, *Десли* поспѣшилъ въ городъ, для предупрежденія безпорядковъ. Видя его бѣгущимъ, стража выстрѣлила по немъ, думая, что и онъ принадлежитъ къ бунтовщикамъ, однако не попала. Но эти выстрѣлы встревожили караулы во всемъ городѣ, и только одно скорое прибытіе *Десли* могло ихъ успокоить. Онъ открылъ имъ обстоятельно весь ходъ фридландова заговора, принятыя противъ него мѣры, судьбу четырехъ бунтовщиковъ и участь, ожидающую ихъ предводителя. Найдя солдатъ расположенными ему содѣйствовать, онъ заставилъ ихъ снова присягнуть на вѣрность императору и взялъ обѣщаніе жить и умереть за правое дѣло. Тогда изъ зáмка въ городъ отправлена была сотня *буттлеровыхъ* драгунъ, которые должны были объѣхать всѣ улицы, чтобы обуздать приверженцевъ герцога и воспрепятствовать возмущенію. Въ то же время были заняты всѣ городскія ворота, и каждый входъ къ зáмку герцога *Фридландскаго*, выходившаго на базарную площадь, былъ снабженъ значительнымъ и надежнымъ отрядомъ, такъ-что герцогъ не могъ ни скрыться, ни получить помощи извнѣ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ исполненію, заговорщики еще долго совѣтовались въ зáмкѣ, убить ли герцога, или удовольствоваться его арестомъ. Обагрен-

ные кровью, и, можно сказать, на трупахъ его сообщниковъ, свирѣпыя сердца эти содрогаются при одной мысли прекратить такую славную жизнь. Они видѣли его вождемъ въ битвѣ, въ его счастливые дни, окруженнаго своею побѣдоносною арміею, въ полномъ блескѣ своего величія и власти, — и еще разъ вкоренившійся страхъ овладѣваетъ ихъ колеблющимися сердцами. Но скоро мысль объ угрожавшей опасности вытѣсняетъ это мимолетное чувство. Вспоминаютъ объ угрозахъ, произнесенныхъ за столомъ *Нейманомъ* и *Илло*, видятъ многочисленную армію саксонцевъ и шведовъ уже подъ самымъ Эгеромъ и единственное спасеніе полагаютъ въ немедленной гибели измѣнника. Итакъ, все остается при первомъ рѣшеніи и заранѣе приготовленный убійца, капитанъ *Деверуксъ*, ирландецъ, получаетъ кровавое приказаніе.

Между тѣмъ, какъ эти трое рѣшали въ эгерскомъ зàмкѣ судьбу *Валленштейна*, онъ, бесѣдуя съ *Сени*, старался прочитать ее въ звѣздахъ. «Опасность еще не миновалась» сказалъ астрологъ пророчески. «*Миновалась*» возразилъ герцогъ, которому и на самомъ небѣ хотѣлось поставить на своемъ. «Но что *ты* въ скоромъ времени будешь брошенъ въ темницу» продолжалъ онъ въ такомъ же пророческомъ духѣ: «это, мой другъ *Сени*, предвѣщаютъ звѣзды». Астрологъ откланялся, и *Валленштейнъ* уже былъ въ постели, когда капитанъ *Деверуксъ* съ шестью алебардистами явился передъ его зàмкомъ и безъ затрудненія былъ впущенъ часовыми, привыкшими видѣть его въ такое необыкновенное время и выходящимъ и входящимъ къ генералу. Пажъ, встрѣтившійся имъ на лѣстницѣ и хотѣвшій закричать, былъ заколотъ пикой. Въ передней убійцы натыкаются на

камердинера, выходившаго изъ спальни своего господина, которую только-что заперъ на ключъ. Приложивъ палецъ ко рту, испуганный рабъ даетъ имъ знать, чтобы не шумѣли, такъ-какъ герцогъ только-что заснулъ. «Пріятель» кричитъ ему *Деверуксъ*, «теперь-то и время шумѣть». Съ этими словами онъ бросается къ затворенной двери, запертой также изнутри засовомъ, и выбиваетъ ее однимъ ударомъ ноги.

Пробужденный ружейнымъ выстрѣломъ отъ перваго сна, *Валленштейнъ* бросается къ окну, чтобы позвать стражу. Въ это мгновеніе изъ оконъ смежнаго строенія доносятся до его слуха вопли и плачь графинь *Терцкой* и *Кинской*, только-что извѣщенныхъ о насильственной смерти своихъ мужей. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ размыслить объ этомъ ужасномъ случаѣ, *Деверуксъ* съ своими убійцами уже былъ въ комнатѣ. *Валленштейнъ*, въ одной рубашкѣ, ка́къ вскочилъ съ постели, стоялъ неподалеку отъ окна, опершись на столъ. «Это *ты*, бездѣльникъ» закричалъ *Деверуксъ* «хочешь предать императорское войско непріятелю и сорвать корону съ головы его величества? Умри же!» Онъ останавливается на нѣсколько мгновеній, какъ бы выжидая отвѣта; но неожиданность и упорство смыкаютъ уста *Валленштейна*. Съ распростертыми руками принимаетъ онъ ударъ бердышемъ въ грудь и падаетъ мертвый, облитый кровью и не произнеся ни одного слова.

На слѣдующее утро пріѣзжаетъ нарочный отъ герцога *Лауэнбургскаго* съ извѣстіемъ о скоромъ его прибытіи. Его берутъ подъ стражу, а къ герцогу отправляютъ другаго слугу въ фридландовой ливреѣ, чтобы заманить его въ Эгеръ. Хитрость удается, и

Францъ Альбертъ попадается въ руки непріятелей. Герцогъ *Бернгардъ Веймарскій*, уже находившійся на пути въ Эгеръ, едва не подвергся той же участи. Къ счастью, онъ еще во́-время получаетъ извѣстіе о погибели *Валленштейна*, чтобы быстрымъ отступленіемъ избѣгнуть опасности. *Фердинандъ* почтилъ память своего генерала слезою и велѣлъ отслужить въ Вѣнѣ три тысячи панихидъ по убитомъ, что́, впрочемъ, не помѣшало ему наградить убійцъ почетными золотыми цѣпями, камергерскими ключами, почестями и дворянскими помѣстьями.

Такъ окончилъ *Валленштейнъ*, на пятидесятомъ году, свою славную и необыкновенную жизнь. Вознесенный честолюбіемъ и имъ же низвергнутый, онъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, былъ великъ и достоинъ удивленія, неподражаемъ, когда бы держался мѣры. Добродѣтели *повелителя* и *героя*, благоразуміе, справедливость, твердость и мужество достигали въ немъ колоссальныхъ размѣровъ; но ему недоставало кроткихъ добродѣтелей *человѣка*, которыя украшаютъ героя и пріобрѣтаютъ любовь повелителю. *Страхъ* былъ талисманомъ всѣхъ его дѣйствій; не зная мѣры ни въ наказаніяхъ, ни въ наградахъ, онъ умѣлъ содержать рвеніе своихъ подчиненныхъ въ безпрестанномъ напряженіи; а такимъ повиновеніемъ, какимъ отличались его войска, не могъ похвалиться ни одинъ полководецъ среднихъ и новыхъ вѣковъ. Болѣе, чѣмъ храбрость, цѣнилъ онъ повиновеніе своимъ приказаніямъ, такъ-какъ первое есть достоинство солдата, а второе — полководца. Онъ испытывалъ послушаніе своихъ войскъ самыми своенравными постановленіями, и готовность повиноваться ему даже въ пустякахъ награждалъ по-царски, потому-что

*

цѣнилъ *повиновеніе* выше его *цѣли.* Однажды запретилъ онъ въ арміи, подъ смертною казнью, носить другіе шарфы, кромѣ алыхъ. Одинъ ротмистръ, узнавъ объ этомъ приказаніи, тотчасъ снялъ съ себя шитый золотомъ шарфъ и истопталъ его ногами. *Валленштейнъ*, которому донесли объ этомъ, тутъ же произвелъ его въ полковники. Взоръ его постоянно былъ обращенъ на цѣлое, и при всей наружной произвольности, онъ никогда не терялъ изъ виду средствъ, сообразныхъ съ цѣлью. Грабежи солдатъ въ дружественныхъ земляхъ подали поводъ къ строгимъ постановленіямъ противъ мародеровъ, и каждому, уличенному въ кражѣ, грозила веревка. Однажды самъ *Валленштейнъ* встрѣтилъ на полѣ солдата, котораго, не разобравъ дѣла, велѣлъ схватить, какъ нарушителя закона и обычной громовой фразой, недопускавшей противорѣчія: *«повѣсить негодяя!»* приговорилъ его къ висѣлицѣ. Солдатъ клянется и доказываетъ свою невинность, но неотмѣнимый приговоръ произнесенъ. «Такъ пусть тебя повѣсятъ невиннаго» говоритъ безчеловѣчный, «тѣмъ вѣрнѣе задрожитъ виновный». Уже готовятся исполнить приговоръ, когда солдатъ, видя неминуемую гибель, въ отчаяніи, рѣшается не умереть безъ мщенія. Съ яростью кидается онъ на своего судью, но прежде, чѣмъ успѣваетъ исполнить свое намѣреніе, обезоруживается окружающими. «Теперь отпустите его» говоритъ герцогъ: «это порядкомъ напугаетъ всѣхъ». Его щедрость поддерживалась несмѣтными доходами, которые опредѣлялись въ три мильона ежегодно, не считая огромныхъ суммъ, получавшихся подъ именемъ контрибуцій. Его свободный духъ и просвѣщенный умъ возвышали его надъ религіозными предразсудками вѣка, и іезуиты никогда не прощали ему, что онъ по-

нялъ систему ихъ дѣйствій и что видѣлъ въ папѣ только римскаго епископа.

Но такъ-какъ еще со временъ пророка *Самуила* никто изъ бывшихъ въ раздорѣ съ церковью не кончалъ счастливо, такъ и *Валленштейнъ* умножилъ число ея жертвъ. Чрезъ интриги монаховъ лишился онъ въ Регенсбургѣ начальства, а въ Эгерѣ — жизни; чрезъ происки монаховъ потерялъ онъ, быть можетъ, нѣчто драгоцѣннѣйшее, чѣмъ то и другое — свое честное имя и добрую славу въ потомствѣ. Наконецъ, по справедливости надо признаться, что перья, передавшія намъ исторію этого необыкновеннаго человѣка, не совсѣмъ безпристрастны, что измѣна герцога и виды на чешскую корону основываются не на достовѣрныхъ доказательствахъ, а только на вѣроятныхъ предположеніяхъ. Еще не отыскался документъ, который бы обнаружилъ тайныя пружины его дѣйствій съ исторической достовѣрностью, а между извѣстными, совершенно доказанными фактами нѣтъ ни одного, который бы не могъ имѣть невиннаго источника. Многіе изъ его осуждаемыхъ поступковъ доказываютъ только одну его склонность къ миру; остальные же объясняются и извиняются справедливою недовѣрчивостью къ императору и извинительнымъ стараніемъ сохранить свою власть. Хотя поведеніе его, въ отношеніи къ курфирсту Баварскому, и показываетъ неблагородную мстительность и непримиримость духа, но ни одинъ изъ его поступковъ не *даетъ* намъ *права* почитать его измѣнникомъ. Если, наконецъ, необходимость и отчаяніе дѣйствительно побудили его заслужить приговоръ, то это не можетъ оправдать самаго приговора. Итакъ, *Валленштейнъ* палъ не потому, что былъ бунтовщикомъ, но сдѣлался бунтовщикомъ, по-

тому что палъ. Несчастье для живаго, что онъ побѣдоносную партію сдѣлалъ своимъ врагомъ; несчастье для мертваго, что этотъ врагъ пережилъ его и написалъ его исторію.

КНИГА ПЯТАЯ.

Смерть *Валленштейна* заставила избрать новаго главнокомандующаго, и императоръ склонился наконецъ на убѣжденія испанцевъ облечь въ это достоинство своего сына *Фердинанда,* короля Венгерскаго. Подъ нимъ командовалъ графъ *Галласъ,* который собственно и исполнялъ обязанности главнокомандующаго, тогда какъ принцъ украшалъ это званіе однимъ своимъ саномъ и властью. Вскорѣ значительная армія собирается подъ знаменами *Фердинанда;* герцогъ Лотарингскій лично является къ нему съ вспомогательнымъ войскомъ, а изъ Италіи кардиналъ-инфантъ приводитъ десять тысячъ человѣкъ въ подкрѣпленіе его арміи. Чтобы прогнать непріятеля съ Дуная, новый главнокомандующій предпринимаетъ осаду города Регенсбурга, къ чему не льзя было побудить его предшественника. Напрасно герцогъ *Бернгардъ Веймарскій* вторгается въ самое сердце Баваріи, чтобы отвлечь непріятеля отъ этого города: *Фердинандъ* настойчиво продолжаетъ осаду, и имперскій городъ, послѣ самаго упорнаго сопротивленія, открываетъ ему ворота. Донаувертъ постигаетъ вскорѣ та же участь, и вотъ приступаютъ къ осадѣ *Нёрдлингена* въ Швабіи. Потеря столькихъ имперскихъ городовъ была тѣмъ чувствительнѣе для шведской партіи, что пріязнь этихъ городовъ до-сихъ-поръ много способствовала успѣху ихъ оружія; поэтому равнодушіе къ ихъ судьбѣ ни-

чѣмъ не могло быть оправдано. Они покрыли бы себя неизгладимымъ стыдомъ, если бы покинули своихъ союзниковъ въ несчастіи и отдали ихъ на жертву непримиримому побѣдителю. Побуждаемая этими причинами, шведская армія, подъ начальствомъ *Горна* и *Бернгарда Веймарскаго*, двинулась къ Нёрдлингену, рѣшившись, хотя бы цѣною сраженія, освободить этотъ городъ.

Предпріятіе не обѣщало успѣха, такъ какъ силы непріятеля замѣтно превосходили силы шведовъ, и благоразуміе тѣмъ болѣе не совѣтывало при такихъ обстоятельствахъ вступать въ сраженіе, что непріятельская армія въ скоромъ времени должна была раздѣлиться, такъ-какъ итальянскія войска назначались въ Нидерланды. Тѣмъ временемъ можно было занять такую позицію, которая прикрывала бы Нёрдлингенъ, а непріятелю отрѣзала подвозъ. На всѣ эти причины указалъ *Густавъ Горнъ* въ шведскомъ военномъ совѣтѣ; но его представленія не подѣйствовали на умы, упоенные продолжительнымъ военнымъ счастіемъ и почитавшіе робостью совѣты благоразумія. Пересиленный герцогомъ *Бернгардомъ*, *Густавъ Горнъ* противъ воли долженъ былъ рѣшиться на сраженіе, несчастный исходъ котораго предвѣщало ему мрачное предчувствіе.

Судьба сраженія повидимому зависѣла отъ занятія высоты, господствовавшей надъ императорскимъ лагеремъ. Покушеніе овладѣть ею еще ночью — не удалось, потому-что затруднительная перевозка артиллеріи черезъ лѣсъ и овраги замедлила движеніе войскъ. Когда же, около полуночи, явились туда, то нашли высоту занятою непріятелемъ и сильно укрѣпленною. Итакъ, положено было дождаться разсвѣта, чтобы взять ее приступомъ. Бѣшеная храбрость шведовъ пролагаетъ себѣ

дорогу сквозь всѣ препятствія, и убійственные шанцы взяты назначенными къ тому бригадами; но такъ-какъ обѣ врываются въ укрѣпленія съ противоположныхъ сторонъ въ одно время, то натыкаются другъ на друга и приходятъ въ замѣшательство. Въ эту несчастную минуту взрываетъ на воздухъ пороховую бочку, которая производитъ ужаснѣйшій безпорядокъ въ шведскихъ полкахъ. Императорская конница врывается въ разорванные ряды — и бѣгство дѣлается общимъ. Никакія убѣжденія генераловъ не могутъ побудить бѣгущихъ возобновить нападеніе.

Итакъ, *Бернгардъ* рѣшается напасть на это важное мѣсто съ свѣжими войсками; но тѣмъ временемъ его занимаютъ нѣсколько испанскихъ полковъ и каждое покушеніе овладѣть имъ уничтожается геройскимъ мужествомъ этихъ войскъ. Одинъ изъ полковъ, посланныхъ *Бернгардомъ*, семь разъ нападаетъ и семь разъ отражается. Скоро сознаютъ, какъ много потеряли, не занявъ этого мѣста. Огонь непріятельской артиллеріи съ высотъ производитъ такое страшное опустошеніе въ ближайшемъ шведскомъ крылѣ, что *Густавъ Горнъ*, командовавшій имъ, рѣшается отступить. Герцогъ *Бернгардъ* не только не можетъ прикрыть отступленія своего помощника и остановить наступающаго непріятеля, но и самъ превосходными силами непріятеля оттѣсняется въ равнину, гдѣ его бѣгущая конница разстроиваетъ войска *Горна* и тѣмъ довершаетъ общее пораженіе и бѣгство. Почти вся пѣхота взята въ плѣнъ или изрублена; болѣе двѣнадцати тысячъ человѣкъ остается на мѣстѣ; восемьдесятъ пушекъ, около четырехъ тысячъ повозокъ и триста штандартовъ и знаменъ достаются въ руки императорскихъ войскъ. Самъ *Густавъ Горнъ*, съ

тремя другими генералами, попадаетъ въ плѣнъ. Герцогъ *Бернгардъ* съ трудомъ спасаетъ слабые остатки арміи, которые только во Франкфуртѣ собираются снова подъ его знаменами.

Нёрдлингенское пораженіе стоило государственному канцлеру второй безсонной ночи въ Германіи. Послѣдствія его были неисчислимы. Шведы вдругъ утратили свое превосходство въ полѣ, а съ нимъ и довѣріе своихъ союзниковъ, которымъ пользовались единственно благодаря своимъ успѣхамъ. Опасный разрывъ угрожалъ гибелью всему протестантскому союзу. Ужасъ овладѣлъ всею протестантскою партіею, тогда-какъ католическая съ надменнымъ торжествомъ возстала изъ глубокаго своего униженія. Швабія и смежные съ нею округи почувствовали первые слѣдствія пораженія подъ Нёрдлингеномъ, и Вюртембергъ въ особенности наводнила побѣдоносная армія. Всѣ члены гейльбронскаго союза пришли въ ужасъ въ виду мщенія императора; что́ могло бѣжать, поспѣшило въ Страсбургъ, и беззащитные имперскіе города съ боязнію ожидали своей судьбы. При бо́льшей умѣренности къ побѣжденнымъ, всѣ эти слабѣйшіе чины возвратились бы подъ власть императора; но жестокость, выказанная и въ отношеніи тѣхъ, которые покорились добровольно, привела остальныхъ въ отчаяніе и побудила ихъ къ упорному сопротивленію.

Въ такомъ затруднительномъ положеніи всѣ искали совѣта и помощи у *Оксенштирны*. *Оксенштирна* искалъ того же у нѣмецкихъ чиновъ. Не было армій; не было денегъ для образованія новыхъ и уплаты старымъ недоданнаго жалованья, которое тѣ настойчиво требовали. *Оксенштирна* обращается къ курфирсту

Саксонскому, который оставляетъ сторону шведовъ, чтобы въ Пирнѣ вступить съ императоромъ въ мирные переговоры. Онъ требуетъ пособія у нижне-саксонскихъ чиновъ; но эти, уже давно стѣснявшіеся денежными требованіями шведовъ, заботятся теперь только о себѣ самихъ, а герцогъ *Георгъ Люнебургскій*, вмѣсто того, чтобы поспѣшить на помощь Верхней Германіи, приступаетъ къ осадѣ Миндена, чтобы удержать его за собою. Оставленный безъ помощи своими нѣмецкими союзниками, канцлеръ прибѣгаетъ къ иностраннымъ державамъ. Онъ проситъ денегъ и войскъ у Англіи, Голландіи и Венеціи и, побуждаемый крайностью, рѣшается наконецъ кинуться въ объятія Франціи — горькій шагъ, котораго онъ долго избѣгалъ.

Наконецъ настало время, котораго *Ришлгё* ждалъ такъ долго и нетерпѣливо. Только одна невозможность спасти себя иначе могла побудить протестантскіе чины Германіи споспѣшествовать притязаніямъ Франціи на Эльзасъ. Теперь-то представился этотъ крайній поводъ; Франція была необходима — и она заставила дорого заплатить за дѣятельное участіе, принятое ею съ этихъ-поръ въ германской войнѣ. Со славою и честью вступила она на политическое поприще. Еще *Оксенштирна*, мало дорожившій германскими правами и областями, уступилъ Франціи, по требованію *Ришльё*, имперскую крѣпость Филиппсбургъ и другія мѣста; теперь же и верхне-германскіе протестанты отправили отъ своего имени особое посольство съ предложеніемъ отдать подъ защиту Франціи Эльзасъ, крѣпость Брейзахъ (которую еще надо было взять) и всѣ мѣста на Верхнемъ Рейнѣ, служащія ключомъ къ Германіи. Что́ значила защита Франціи — ясно показывали епископства Мецъ, Туль и

Вердюнъ, которые Франція уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій защищала отъ ихъ законныхъ владѣтелей. Трирская область уже была занята французами, да и Лотарингія могла почесться завоеванною, потому-что каждую минуту могла быть занята войсками, не имѣя средствъ сопротивляться собственными силами грозному сосѣду. Теперь Франція имѣла основательную причину надѣяться присоединить и Эльзасъ къ обширнымъ своимъ владѣніямъ, а тамъ, раздѣливъ Испанскія Нидерланды съ Голландіею, сдѣлать Рейнъ естественною границею со стороны Германіи. Такимъ постыднымъ образомъ проданы были права Германіи германскими чинами этой вѣроломной и алчной державѣ, которая, подъ личиною безкорыстной дружбы, домогалась одного расширенія своихъ предѣловъ, и въ то самое время, когда съ дерзостнымъ челомъ присвоивала себѣ благородное наименованіе защитницы, только думала о томъ, ка́къ бы разставить сѣти и воспользоваться общимъ неустройствомъ.

За эти важныя уступки Франція обязывалась нападеніемъ на испанцевъ сдѣлать диверсію шведскому оружію и, въ случаѣ явнаго разрыва съ императоромъ, содержать по сю сторону Рейна армію въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, которая станетъ тогда дѣйствовать заодно съ шведами и нѣмцами противъ Австріи. Испанцы сами подали желанный поводъ къ войнѣ. Они напали, со стороны Нидерландовъ, на городъ Триръ, истребили французскій гарнизонъ, находившійся тамъ, вопреки народному праву, захватили курфирста, отдавшагося подъ покровительство Франціи, и отправили плѣнникомъ во Фландрію. Когда кардиналъ-инфантъ, намѣстникъ Испанскихъ Нидерландовъ, отказалъ Французскому королю

въ требованномъ удовлетвореніи и не согласился освободить плѣннаго князя, то *Ришльё*, по древнему обыкновенію, объявилъ ему, черезъ герольда въ Брюсселѣ, войну, которая и дѣйствительно открылась тремя отдѣльными арміями въ Миланѣ, Вальтелинѣ и Фландріи. Французскій министръ повидимому не придавалъ большой важности войнѣ съ императоромъ, отъ которой слѣдовало ожидать меньшихъ выгодъ и бо́льшихъ трудностей. При всемъ томъ была послана черезъ Рейнъ въ Германію четвертая армія подъ начальствомъ кардинала *Де-ла-Валетта*, которая, безъ предварительнаго объявленія войны, въ соединеніи съ герцогомъ *Бернгардомъ* выступила противъ императора.

Болѣе чувствительнымъ ударомъ, чѣмъ самое пораженіе подъ Нёрдлингеномъ, было для шведовъ примиреніе курфирста Саксонскаго съ императоромъ, которое, послѣ неоднократныхъ попытокъ съ обѣихъ сторонъ ему помѣшать и помочь, послѣдовало наконецъ въ 1634 году въ Пирнѣ, а въ маѣ слѣдующаго года скрѣпилось формальнымъ миромъ въ Прагѣ. Курфирстъ Саксонскій никогда не могъ сносить равнодушно владычества шведовъ въ Германіи, и его нерасположеніе къ этой иноземной державѣ, предписывавшей законы Германіи, усиливалось съ каждымъ новымъ требованіемъ *Оксенштирны*, обращаемымъ къ имперскимъ чинамъ. Это нерасположеніе къ Швеціи подкрѣпляло какъ нельзя болѣе старанія испанскаго двора заключить миръ между Саксоніею и императоромъ. Утомленный неудачами этой продолжительной и опустошительной войны, театромъ которой преимущественно были саксонскія земли, тронутый общими и ужасными бѣдствіями, которымъ его подданные подвергались отъ друга и нѐдруга безъ различія, и склонен-

ный обольстительными предложеніями Австріи, курфирстъ покинулъ наконецъ общее дѣло въ несчастіи и, мало заботясь объ участи остальныхъ чиновъ и о германской свободѣ, думалъ только о томъ, какъ бы соблюсти свои собственныя выгоды, хотя бы цѣною общихъ интересовъ.

И дѣйствительно, бѣдствія Германіи достигли того, что молитвы объ окончаніи войны раздавались изъ тысячи тысячъ устъ, и миръ, хотя бы самый невыгодный, почитался благодѣяніемъ неба. Гдѣ прежде кипѣлъ тысячами веселый и трудолюбивый народъ, гдѣ природа излила лучшіе свои дары и гдѣ царствовали изобиліе и роскошь, тамъ теперь были пустыни. Поля, оставленныя трудолюбивымъ земледѣльцемъ, лежали невоздѣланными и заглохшими, а гдѣ и всходилъ зеленѣющій посѣвъ или волновалась спѣющая жатва, тамъ одинъ проходъ войскъ уничтожалъ трудъ цѣлаго года, послѣднюю надежду изнемогавшаго народа. На цѣлыя мили вокругъ виднѣлись сожженные зàмки, опустошенныя поля, превращенныя въ пепелъ деревни, тогда-какъ ихъ обнищавшіе жители умножали число разбойничьихъ войскъ, и все, чтó испытали сами, страшно вымѣщали на пощаженныхъ своихъ собратіяхъ. Только притѣсняя, можно было избѣгнуть притѣсненія. Города стонали подъ гнётомъ необузданныхъ и разбойничьихъ гарнизоновъ, поглащавшихъ достояніе гражданъ и съ жестокой наглостью пользовавшихся свободой военнаго времени, распущенностью своего сословія и правомъ необходимости. Если отъ одного прохода арміи цѣлые округи превращались въ пустыню, а другіе нищали отъ зимнихъ квартиръ, или истощались контрибуціями, то все-таки они испытывали временныя тягости, и трудами года

могли загладить бѣдствія нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но тѣ, которые имѣли въ стѣнахъ своихъ или въ сосѣдствѣ гарнизоны, не могли ожидать облегченія, и ихъ злополучную судьбу не могла улучшить даже перемѣна счастья, такъ-какъ побѣдитель только смѣнялъ побѣжденнаго, и другъ и врагъ одинаково мало оказывали снисхожденія. Запущеніе полей, истребленіе жатвъ и умноженіе армій имѣли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ голодъ и дороговизну, а въ послѣдніе годы неурожай довершилъ общее бѣдствіе. Накопленіе людей въ лагерахъ и квартирахъ, недостатокъ съ одной стороны и распутство съ другой, произвели заразительныя болѣзни, опустошавшія земли хуже огня и меча. Всѣ узы порядка расторглись во время этого продолжительнаго неустройства; уваженіе къ правамъ человѣческимъ, страхъ предъ закономъ и чистота нравовъ изчезли; вѣрность и довѣріе упали, потому-что одна сила управляла своимъ желѣзнымъ скиптромъ; пышно разрослись подъ сѣнью анархіи и безнаказанности всѣ пороки — и люди дичали, какъ и страны. Никакое званіе не служило охраной противъ своеволія, никакая чужая собственность не была священна для нужды и хищничества. *Солдатъ* (чтобы выразить однимъ словомъ всѣ бѣдствія того времени) *солдатъ владычествовалъ*, и этотъ наглѣйшій изъ деспотовъ нерѣдко самимъ начальникамъ давалъ чувствовать свою силу. Предводитель арміи былъ болѣе важнымъ лицомъ въ землѣ, куда появлялся, чѣмъ законный владѣлецъ, который часто принужденъ былъ прятаться отъ него въ своихъ зàмкахъ. Вся Германія кипѣла такими маленькими тиранами и земли одинаково страдали отъ своихъ враговъ и защитниковъ. Всѣ эти раны становились чувствительнѣе при воспоминаніи, что

чуждыя государства жертвовали Германіею своей алчности и съ намѣреніемъ продолжали бѣдствія войны для достиженія своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Чтобы Швеція могла обогащаться и дѣлать завоеванія, Германія должна была исходить кровью подъ бичами войны; чтобы *Ришльё* оставался необходимъ для Франціи, факелъ раздора не смѣлъ погаснуть въ Германской Имперіи.

Однако не одни только своекорыстные голоса высказывались противъ мира, и если Швеція и нѣмецкіе имперскіе чины желали продолженія войны изъ нечистыхъ видовъ, то и здравая политика говорила то же. Можно ли было, послѣ пораженія подъ Нёрдлингеномъ, ожидать отъ императора справедливаго мира? А если нѣтъ, то неужели для того сносили въ теченіе семнадцати лѣтъ всѣ бѣдствія войны, истощали всѣ свои силы, чтобы наконецъ не пріобрѣсть ничего, или даже потерять старое? Для того ли было пролито столько крови, чтобы все осталось попрежнему, чтобы ничего не было улучшено въ ихъ правахъ и притязаніяхъ? чтобы въ слѣдствіе мира потерять все, что́ было пріобрѣтено съ такимъ трудомъ? Не лучше ли было такъ долго сносимую тягость вынести еще два или три года, чтобы наконецъ получить вознагражденіе за двадцатилѣтнія страданія? Да и нельзя было сомнѣваться въ выгодномъ мирѣ, еслибы шведы и нѣмецкіе протестанты продолжали дѣйствовать единодушно въ полѣ и кабинетѣ и заботились бы о пользѣ общей съ одинаковымъ участіемъ и ревностью. Одинъ ихъ *разрывъ* дѣлалъ врага сильнымъ и удалялъ надежду на миръ прочный и счастливый. И этотъ-то величайшій вредъ протестантскому дѣлу нанесъ курфирстъ Саксонскій, примирившись съ Австріею отдѣльнымъ договоромъ.

Еще до нёрдлингенскаго сраженія вступилъ онъ въ переговоры съ императоромъ; несчастный исходъ его ускорилъ заключеніе договора. Довѣріе къ помощи шведовъ исчезло и даже сомнѣвались, поправятся ли они отъ этого жестокаго удара. Несогласія между ихъ предводителями, разстройство арміи и изнеможеніе Швеціи не позволяли ожидать отъ нихъ важныхъ дѣйствій. Вслѣдствіе этого спѣшили воспользоваться великодушіемъ императора, который и послѣ нёрдлингенской побѣды не отступилъ отъ своихъ предложеній. *Оксенштирна*, собравшій чины во Франкфуртъ,—*требовалъ*, тогда какъ императоръ—*давалъ:* итакъ, нечего было долго раздумывать, къ которому изъ двухъ слѣдовало обратиться.

Между тѣмъ, однакожь, старались не подать вида, что собственную пользу предпочитаютъ общественной. Всѣ нѣмецкіе имперскіе чины и даже шведы были приглашены содѣйствовать этому миру и принять въ немъ участіе, хотя на самомъ дѣлѣ курфирстъ Саксонскій и императоръ были единственными державами, заключавшими его: такимъ образомъ они самовластно объявили себя законодателями Германіи. Здѣсь было разсуждаемо и о жалобахъ протестантскихъ чиновъ, отношенія и права которыхъ были опредѣлены этимъ произвольнымъ собраніемъ; даже судьба вѣры была рѣшена безъ участія членовъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ долженъ былъ получить силу общаго мира и имперскаго закона, объявленъ таковымъ и приведенъ въ исполненіе имперскимъ экзекуціоннымъ войскомъ, какъ формальный имперскій приговоръ. Каждый, возстававшій противъ него, становился врагомъ имперіи и такимъ образомъ долженъ былъ, вопреки всѣхъ правъ чиновъ, признать законъ, въ составленіи котораго не участво-

валъ. Итакъ, прагскій миръ, не говоря о содержаніи, уже по одной своей формѣ былъ дѣломъ *произвола*.

Главной причиной разрыва между курфирстомъ Саксонскимъ и императоромъ былъ эдиктъ о возвращеніи духовныхъ имуществъ; поэтому, при ихъ примиреніи, слѣдовало прежде всего принять въ уваженіе этотъ пунктъ. Не уничтожая его положительно и формально, постановлено было прагскимъ миромъ, что всѣ непосредственныя духовныя учрежденія, а изъ посредственныхъ тѣ, которыя послѣ пассаускаго договора были захвачены и удержаны протестантами, еще въ теченіе *сорока* лѣтъ должны оставаться, безъ рѣшенія сейма, въ томъ положеніи, въ какомъ засталъ ихъ помянутый эдиктъ. По истеченіи же этихъ сорока лѣтъ, коммиссія, составленная изъ равнаго числа членовъ обѣихъ вѣроисповѣданій, должна мирно и законно сдѣлать по этому предмету свое распоряженіе; а если и тогда не сошлись бы въ окончательномъ приговорѣ, то обѣимъ сторонамъ вступить снова въ права, которыми пользовались до появленія эдикта о возвращеніи духовныхъ имуществъ. Итакъ эта мѣра, вовсе неспособная погасить пламя междоусобія, только *отдаляла* на время гибельныя его дѣйствія и искра для новой войны уже таилась въ этой самой статьѣ прагскаго мира.

Архіепископство Магдебургское осталось за принцемъ *Августомъ Саксонскимъ*, а Гальберштатское— за эрцгерцогомъ *Леопольдомъ Вильгельмомъ*. Отъ магдебургскаго округа были отрѣзаны четыре уѣзда и подарены Саксоніи; администратора Магдебургскаго, *Христіана Вильгельма Бранденбургскаго*, положено было удовлетворить инымъ образомъ. Герцогамъ Мекленбургскимъ обѣщано было, если приступятъ къ

этому миру, возвращеніе ихъ земель, которыми они уже давно владѣли, благодаря великодушію *Густава Адольфа;* Донауверту возвращена была имперская свобода. На требованія наслѣдниковъ курфирста Палатинскаго не обратили вниманія, какъ ни важна была для протестантской стороны имперіи потеря этого курфиршескаго голоса, потому-что лютеранскій государь не обязанъ быть справедливымъ въ отношеніи къ реформатскому. Все, завоеванное протестантскими чинами, лигою и императоромъ другъ у друга въ теченіе войны, положено было возвратить, а присвоенное иностранными державами, Швеціею и Франціею, отнять у нихъ вооруженною рукою. Кромѣ того, рѣшено было соединить войска обѣихъ договаривавшихся сторонъ въ одну имперскую армію, съ отнесеніемъ ея содержанія на счетъ имперіи, и при ея содѣйствіи привести этотъ миръ въ исполненіе.

Такъ-какъ прагскій миръ долженъ былъ имѣть силу общаго имперскаго закона, то статьи, некасавшіяся дѣлъ имперіи, были присоединены къ нему въ особомъ договорѣ. Въ немъ Лузація была утверждена за Саксоніею, какъ чешскій ленъ, и разсуждалось особо о религіозной свободѣ какъ въ этой области, такъ и въ Силезіи.

Всѣ евангелическіе чины были приглашены къ принятію мира и подъ этимъ условіемъ обѣщалось имъ прощеніе, исключая князей Вюртембергскаго и Баденскаго (ихъ земли были заняты императорскими войсками, и имъ не хотѣлось возвратить ихъ безусловно), австрійскихъ подданныхъ, поднимавшихъ оружіе противъ своего государя, и тѣхъ чиновъ, которые, подъ предсѣдательствомъ *Оксенштирны*, составляли *совѣтъ* верхне-германскихъ округовъ; не для того, чтобы продолжать съ ними войну, а чтобы продать дороже миръ. сдѣлав-

шійся для нихъ необходимымъ. Земли ихъ удерживались, какъ залогъ, до полнаго замиренія, когда все будетъ возвращено и приведено въ прежнее положеніе. Равная справедливость ко всѣмъ, быть можетъ, возстановила бы прежнее согласіе между главою и членами, между протестантами и папистами, между реформатами и лютеранами, а шведы, оставленные всѣми союзниками, принуждены были бы со стыдомъ удалиться изъ имперіи. Теперь же такое неравное обхожденіе утвердило болѣе притѣсненные чины въ ихъ недовѣрчивости и упорствѣ и помогло шведамъ поддержать пламя войны и сохранить своихъ приверженцевъ въ Германіи.

Прагскій миръ, какъ того и слѣдовало ожидать, встрѣтилъ далеко неодинаковый пріемъ въ Германіи. Стараясь сблизить обѣ партіи, навлекли на себя упреки обѣихъ. Протестанты жаловались на ограниченія, причиняемыя имъ этимъ миромъ; католики находили, что этой отверженной сектѣ благопріятствовали насчетъ истинной церкви. По мнѣнію *послѣднихъ*, церковь была оскорблена въ своихъ нерушимыхъ правахъ тѣмъ, что протестантамъ было дозволено пользованіе въ теченіе сорока лѣтъ духовными имуществами; по мнѣнію *первыхъ*, съ протестантскою церковью было поступлено измѣннически, потому-что для ихъ единовѣрцевъ не была пріобрѣтена религіозная свобода въ австрійскихъ земляхъ. Всего болѣе порицали курфирста Саксонскаго, котораго въ публичныхъ сочиненіяхъ старались представить вѣроломнымъ перебѣжчикомъ, предателемъ вѣры и имперской свободы и сообщникомъ императора.

Но онъ утѣшался тѣмъ, что бо́льшая часть евангелическихъ чиновъ принуждена была принять этотъ миръ.

Курфирстъ Бранденбургскій, герцогъ *Вильгельмъ Веймарскій*, князья Ангальтскіе, герцоги Меклембургскіе, герцоги Брауншвейгъ-Люнебургскіе, ганзейскіе и многіе имперскіе города приступили къ нему. Ландграфъ *Вильгельмъ Гессенскій* казался нѣкоторое время колеблющимся, или притворялся такимъ, чтобы выиграть время и принять свои мѣры. Съ мечомъ въ рукахъ пріобрѣлъ онъ богатыя земли въ Вестфаліи, служившія ему неизсякаемымъ источникомъ къ продолженію войны и которые теперь, въ силу мирнаго договора, долженъ былъ возвратить. Герцогъ *Бернгардъ Веймарскій*, владѣнія котораго существовали только на бумагѣ, не былъ принятъ въ разсчетъ, какъ воевавшая *держава*, а исключительно, какъ воевавшій *генералъ*, и въ обоихъ случаяхъ онъ не могъ не отвергнуть пражскаго мира съ негодованіемъ. Все его богатство заключалось въ храбрости, всѣ владѣнія — въ шпагѣ. Одна война дѣлала его великимъ и значительнымъ; одна война могла осуществить планы его честолюбія.

Но изъ всѣхъ, возвысившихъ голосъ противъ пражскаго мира, всего громче заговорили шведы; да и никто не имѣлъ къ тому болѣе уважительныхъ причинъ. Призванные самими нѣмцами въ Германію, рыцари протестантской церкви и свободы чиновъ, которую искупили цѣлыми потоками крови и священною жизнью своего короля, они вдругъ увидѣли себя постыдно оставленными, обманутыми во всѣхъ своихъ надеждахъ, изгоняемыми безъ награды и благодарности изъ имперіи, за которую проливали кровь и преданными на посмѣяніе врагу князьями, которые всѣмъ были имъ обязаны. Пражскій договоръ не упоминалъ ни объ удовлетвореніи шведовъ, ни объ уплатѣ издержекъ, ни даже о вознагражде-

ніи за ихъ завоеванія, которыя имъ пришлось бы оставить при этомъ случаѣ. Ихъ хотѣли отпустить бѣднѣе, чѣмъ они пришли и, въ случаѣ сопротивленія, выгнать изъ Германіи тѣми самыми руками, которыя ихъ призвали. Наконецъ курфирстъ Саксонскій упомянулъ о денежномъ удовлетвореніи въ два съ половиной мильона гульденовъ. Но сами шведы издержали гораздо-большую сумму; такое позорное удовлетвореніе деньгами должно было уязвить ихъ самолюбіе и раздражить гордость. «Курфирсты Баварскій и Саксонскій» отвѣчалъ *Оксенштирна* «получаютъ за поддержку, оказанную императору, которому обязаны были помочь, какъ вассалы, значительныя области, а насъ, шведовъ, пожертвовавшихъ для Германіи королемъ, хотятъ выпроводить домой съ несчастными двумя съ половиною милліонами гульденовъ». Они тѣмъ болѣе огорчались обманутою надеждою, что не сомнѣвались получить въ награду герцогство Померанію, тогдашній владѣлецъ котораго былъ старъ и не имѣлъ наслѣдниковъ. Но право на полученіе этихъ земель было предоставлено прагскимъ миромъ курфирсту Бранденбургскому, да и всѣ сосѣднія державы возстали противъ расширенія Швеціи на этой границѣ имперіи.

Во всю войну шведы не были въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ въ 1635 году, вслѣдъ за объявленіемъ прагскаго міра. Многіе изъ союзниковъ, особенно между имперскими городами, оставили ихъ сторону, чтобы принять участіе въ благодѣяніяхъ мира; другіе были принуждены къ тому побѣдоноснымъ оружіемъ императора. Аугсбургъ, побѣжденный голодомъ, сдался на тяжелыхъ условіяхъ; Вюрцбургъ и Кобургъ покорились австрійцамъ. Гейльбронскій союзъ былъ расторг-

нутъ. Почти вся Верхняя Германія, главное мѣстопребываніе шведскихъ силъ, признала власть императора. Саксонія, основываясь на прагскомъ мирѣ, требовала вывода войскъ изъ Тюрингіи, Гальберштата и Магдебурга. *Филиппсбургъ*, главное складочное мѣсто французовъ, былъ взятъ австрійцами со всѣми находившимися тамъ запасами, и эта важная потеря ослабила дѣятельность Франціи. Къ довершенію затрудненій Швеціи, именно въ это время оканчивался срокъ перемирія съ Польшею. Вести въ одно время войну съ Польшею и Германскою Имперіею далеко превосходило силы Швеціи; итакъ, надо было рѣшить выборъ, отъ котораго изъ этихъ двухъ непріятелей слѣдуетъ избавиться. Гордость и честолюбіе рѣшили въ пользу продолженія германской войны, какъ бы ни были тяжелы жертвы въ пользу Польши; но все-таки нужна была армія для обузданія поляковъ и для сохраненія свободы при переговорахъ о перемиріи или мирѣ.

Всѣмъ этимъ несчастіямъ, одновременно постигшимъ Швецію, противосталъ твердый, неистощимый въ средствахъ *Оксенштирна*, и его проницательный умъ скоро нашелъ средства обратить всѣ эти несчастія въ свою же пользу. Хотя отпаденіе столькихъ нѣмецкихъ имперскихъ чиновъ отъ шведской партіи лишало его бо̀льшей части прежнихъ союзниковъ, за то освобождало его отъ всякой къ нимъ пощады; и чѣмъ болѣе становилось у него враговъ, тѣмъ болѣе открывалось его арміямъ земель и магазиновъ. Вопіющая неблагодарностъ чиновъ и надменное презрѣніе, оказанное императоромъ (который даже не удостоилъ войти съ нимъ въ непосредственные переговоры о мирѣ) воспламенили въ немъ мужество отчаянія и благородную настойчивость, готовую на все.

Самая несчастная война не могла поставить дѣло Швеціи въ положеніе худшее того, въ какомъ оно находилось, и если слѣдовало очистить Германію, то по-крайней-мѣрѣ приличнѣе и славнѣе было сдѣлать это съ мечомъ въ рукахъ и уступить *силѣ*, а не *страху*.

Въ этой ужасной крайности, куда вовлечены были шведы отпаданіемъ своихъ союзниковъ, они прежде всего обратили свои взоры на Францію, дѣлавшую имъ самыя ободрительныя предложенія. Интересы обѣихъ коронъ были соединены тѣснѣйшимъ образомъ, и Франція нанесла бы вредъ самой себѣ, еслибы допустила пасть могуществу Швеціи въ Германіи. Совершенно безпомощное положеніе шведовъ побудило Францію соединиться съ ними тѣснѣе и принять дѣятельное участіе въ германской войнѣ. Уже со времени заключенія союза съ Швеціею въ Беервальдѣ въ 1732 году, Франція дѣйствовала противъ императора посредствомъ оружія *Густава Адольфа*, безъ явнаго и формальнаго разрыва, одними денежными пособіями, выдаваемыми его врагамъ и стараніемъ умножить число его непріятелей. Но, смущенная нечаяннымъ и необыкновеннымъ счастьемъ шведскаго оружія, она повидимому упустила на время изъ виду первоначальную свою цѣль, чтобы возстановить равновѣсіе силъ, потерпѣвшее отъ превосходства шведовъ. Она старалась защитить католическихъ имперскихъ князей противъ шведскаго завоевателя договорами о нейтралитетѣ, и готова была сама вооружиться противъ него, когда эта попытка не удалась. Но едва смерть *Густава Адольфа* и безпомощность шведовъ разсѣяли этотъ страхъ, какъ она уже съ новымъ жаромъ возвратилась къ прежнему своему намѣренію и щедро снабдила несчастнаго помощью, въ которой отказывала сча-

стливому. Не опасаясь болѣе сопротивленія своимъ завоевательнымъ планамъ со стороны честолюбія и бдительности *Густава Адольфа*, она пользуется благопріятной минутой—нёрдлингенскимъ несчастьемъ, чтобы присвоить себѣ право располагать военными дѣйствіями и предписывать законы нуждающимся въ ея могущественномъ покровительствѣ. Случай благопріятствовалъ ея отважнымъ намѣреніямъ, и что́ прежде было только привлекательною мечтою, то приводилось теперь въ исполненіе, какъ цѣль обдуманная и совершенно оправдываемая обстоятельствами. Итакъ, она обращаетъ все свое вниманіе на войну въ Германіи и, обезпечивъ себя со стороны частныхъ своихъ цѣлей договоромъ съ нѣмцами, является дѣйствующею и владычествующею державой на политическомъ поприщѣ. Въ то время, какъ воевавшія государства истощали силы въ продожительной борьбѣ, она сберегала свои и въ теченіе десяти лѣтъ сряду вела войну одними деньгами; теперь, когда обстоятельства заставляютъ ее дѣйствовать, она берется за мечъ и рѣшается на предпріятія, повергающія въ изумленіе всю Европу. Она разомъ высылаетъ два флота въ море для крейсерствъ и шесть различныхъ армій, и въ то же время платитъ своими деньгами жалованье одному королевству и множеству нѣмецкихъ князей. Одушевленные надеждою на ея могущественную защиту, шведы и нѣмцы возстаютъ отъ глубокаго униженія и надѣются съ мечомъ въ рукахъ пріобрѣсть миръ болѣе почетный, чѣмъ прагскій. Оставленные бо́льшею частью чиновъ, примирившихся съ императоромъ, они тѣмъ тѣснѣе соединяются съ Франціею, которая съ возрастающею опасностью удвоиваетъ свою дѣятельность, принимаетъ все бо́льшее и бо́льшее, хотя все еще тайное, уча-

стіе въ германской войнѣ, пока наконецъ совершенно не сымаетъ съ себя маски и не нападаетъ открыто на императора.

Чтобы дать шведамъ полную свободу дѣйствовать противъ Австріи, Франція прежде всего освободила ихъ отъ войны съ Польшею. При содѣйствіи своего посла, графа д'Аво, она согласила обѣ стороны на съѣздѣ въ Штуммсдорфѣ, въ Пруссіи, продолжить перемиріе еще на двадцать шесть лѣтъ, хотя не безъ значительной потери для Швеціи, которая однимъ печеркомъ пера утратила почти всю Польскую Пруссію, это дорого-стоившее завоеваніе *Густава Адольфа*. Беервальдскій трактатъ былъ также возобновленъ съ нѣкоторыми перемѣнами, которыхъ требовали обстоятельства, сначала въ Компьенѣ, а потомъ въ Висмарѣ и Гамбургѣ. Разрывъ съ Испаніею послѣдовалъ еще въ маѣ 1635 года, и сильное нападеніе на эту державу лишило императора важной помощи изъ Нидерландовъ; а поддержка, оказанная ландграфу *Вильгельму Кассельскому* и герцогу *Бернгарду Веймарскому*, предоставила шведскому оружію бо́льшую свободу дѣйствій на Эльбѣ и Дунаѣ и принудила императора сильной диверсіей на Рейнѣ раздѣлить свои силы.

Итакъ война возгорѣлась сильнѣе прежняго, и если императоръ уменьшилъ прагскимъ миромъ число своихъ противниковъ въ Германіи, то увеличилъ въ то же время усердіе и дѣятельность своихъ внѣшнихъ враговъ. Онъ пріобрѣлъ неограниченную власть въ Германіи и сдѣлался, за исключеніемъ немногихъ чиновъ, господиномъ всей имперіи и ея силъ, такъ что съ этого времени могъ снова дѣйствовать, какъ императоръ и государь. Первымъ слѣдствіемъ этого было избраніе сына

его *Фердинанда Третьяго* въ римскіе короли, утвержденное рѣшительнымъ большинствомъ голосовъ, несмотря на возраженія со стороны Трира и палатинскихъ наслѣдниковъ. Но онъ побудилъ шведовъ къ отчаянному сопротивленію, вооружилъ противъ себя всѣ силы Франціи и вовлекъ ее во внутреннія дѣла Германіи. Съ этихъ поръ обѣ державы составляютъ вмѣстѣ съ своими германскими союзниками одно неразрывное цѣлое, а императоръ съ преданными ему нѣмецкими государствами—другое. Съ этихъ поръ шведы не щадятъ болѣе никого, сражаясь уже не за Германію, а за собственное существованіе. Они дѣйствуютъ быстрѣе, неограниченнѣе и отважнѣе, не имѣя болѣе надобности совѣтоваться напередъ съ германскими своими союзниками и давать имъ отчетъ въ своихъ намѣреніяхъ. Битвы становятся болѣе упорными и кровопролитными, но менѣе рѣшительными. Совершаются болѣе славные подвиги храбрости и военнаго искусства; но это отдѣльныя дѣйствія, несвязанныя ѳднимъ общимъ планомъ, неруководимыя однимъ все-связующимъ духомъ, а потому они и не имѣютъ важныхъ послѣдствій для всей партіи и мало измѣняютъ теченіе войны.

Саксонія обязалась прагскимъ миромъ выгнать шведовъ изъ Германіи; итакъ, съ этихъ поръ саксонскія знамена соединяются съ императорскими, и два союзника превращаются въ двухъ непримиримѣйшихъ враговъ. Архіепископство Магдебургское, утвержденное прагскимъ миромъ за саксонскимъ принцемъ, еще находилось въ рукахъ шведовъ, и всѣ попытки побудить ихъ къ уступкѣ этой области путемъ мирнаго соглашенія остались напрасными. Итакъ начались непріятельскія дѣйствія, и курфирстъ Саксонскій

открылъ ихъ тѣмъ, что отозвалъ такъ-называемой отзывной грамматой (Avocatorien) всѣхъ саксонскихъ подданныхъ изъ арміи *Баннера*, расположенной на Эльбѣ. Офицеры, уже давно негодовавшіе на удержаніе жалованья, охотно повинуются этому приказанію и, одинъ за другимъ, оставляютъ квартиры. Когда же саксонцы двинулись противъ Мекленбурга, въ надеждѣ взять Демицъ и отрѣзать непріятеля отъ Помераніи и Балтійскаго моря, то *Баннеръ* поспѣшно бросился туда, освободилъ Демицъ и разбилъ на̀-голову саксонскаго генерала *Баудиссена* съ семью тысячами человѣкъ, изъ которыхъ около тысячи было убито и столько же взято въ плѣнъ. Подкрѣпивъ себя войсками и артиллеріею, стоявшими до тѣхъ поръ въ Польской Пруссіи, гдѣ, со времени штуммсдорфскаго договора, сдѣлались ненужными, этотъ храбрый и неотразимый полководецъ ворвался въ курфиршество Саксонское, гдѣ принесъ кровавыя жертвы своей прежней ненависти къ саксонцамъ. Раздраженный многолѣтними обидами, испытанными какъ имъ самимъ, такъ и его шведами отъ надменности саксонцевъ во время ихъ общихъ дѣйствій, а теперь еще болѣе ожесточенный отпаденіемъ курфирста, онъ жестоко мстилъ несчастнымъ его подданнымъ. Съ австрійцемъ и баварцемъ шведскій солдатъ дрался больше по обязанности, тогда-какъ съ саксонцемъ онъ сражался изъ личной ненависти и съ особенной яростью, потому-что гнушался имъ, какъ отступникомъ и измѣнникомъ, потому-что ненависть между разсорившимися друзьями обыкновенно бываетъ самая яростная и непримиримая. Сильная диверсія, сдѣланная между тѣмъ императору герцогомъ Веймарскимъ и ландграфомъ Гессенскимъ на Рейнѣ и въ Вестфаліи, помѣшала ему подать достаточную по-

мощь курфирсту Саксонскому и такимъ образомъ все курфиршество должно было подвергнуться ужаснѣйшимъ притѣсненіямъ буйныхъ полчищъ *Баннера*. Наконецъ курфирстъ присоединилъ къ себѣ императорскаго генерала *Гацфельда* и двинулся къ Магдебургу, которому *Баннеръ* напрасно старался помочь. Затѣмъ соединенная императорско-саксонская армія заняла все маркграфство Бранденбургское, отняла у шведовъ многіе города и уже готовилась прогнать ихъ къ Балтійскому морю. Но, вопреки всяком уожиданію, казавшійся уже погибшимъ, *Баннеръ* напалъ, 24-го сентября 1636 года, на союзную армію у *Витстока* и одержалъ важную побѣду. Нападеніе было ужасно: вся масса непріятельскихъ силъ обрушилась на правое крыло шведовъ, предводимое самимъ *Баннеромъ*. Долго съ обѣихъ сторонъ дрались съ одинаковымъ упорствомъ и ожесточеніемъ; не было шведскаго эскадрона, который бы не атаковалъ десять разъ и десять разъ не былъ отбитъ. Когда же, наконецъ, *Баннеръ* принужденъ былъ уступить превосходству непріятеля, то лѣвое его крыло продолжало сраженіе до наступленія ночи, а шведскій резервъ, еще неучаствовавшій въ сраженіи, готовъ былъ на слѣдующее утро возобновить битву. Но курфирстъ Саксонскій не хотѣлъ дождаться этого вторичнаго нападенія. Его армія была истощена боемъ предшествовавшаго дня, а погонщики съ лошадьми разбѣжались, такъ-что нельзя было употребить въ дѣло артиллерію. Итакъ, онъ въ ту же ночь бѣжалъ восвояси вмѣстѣ съ графомъ *Гацфельдомъ*, оставивъ шведамъ поле сраженія. Около пяти тысячъ союзниковъ осталось на мѣстѣ, не считая тѣхъ, которые были убиты шведами во время преслѣдованія, или попались въ руки разъяреннымъ крестьянамъ

Сто-пятдесятъ штандартовъ и знаменъ, двадцать-три орудія, весь обозъ, вмѣстѣ съ серебрянымъ сервизомъ курфирста достались побѣдителямъ, да, сверхъ того, около двухъ тысячъ человѣкъ взято было въ плѣнъ. Эта блестящая побѣда, одержанная надъ непріятелемъ несравненно сильнѣйшимъ и выгодно расположеннымъ, разомъ пріобрѣла шведамъ прежнее уваженіе; ихъ враги оробѣли, ихъ друзья стали одушевляться новымъ мужествомъ. *Баннеръ*, пользуясь счастьемъ, такъ рѣшительно склонившимся на его сторону, поспѣшилъ за Эльбу и прогналъ императорскія войска чрезъ Тюрингію и Гессенъ въ Вестфалію. Затѣмъ онъ повернулъ назадъ и расположился на зимнихъ квартирахъ въ Саксоніи.

Однако, безъ содѣйствія, оказаннаго ему наступательными движеніями герцога *Бернгарда* и французовъ на Рейнѣ, ему было бы трудно одержать всѣ эти славныя побѣды. Герцогъ *Бернгардъ*, послѣ сраженія подъ Нёрдлингеномъ, собралъ остатки своей разбитой арміи въ Веттерау; но, покинутый гейльброннскимъ союзомъ, который вскорѣ послѣ того былъ совершенно уничтоженъ прагскимъ миромъ, и слишкомъ слабо подкрѣпляемый шведами, онъ увидѣлъ себя поставленнымъ въ невозможность содержать армію и, предводительствуя ею, совершить что-нибудь великое. Нёрдлингенское пораженіе поглатило его Франконское герцогство, а безсиліе Швеціи лишило его надежды составить свое счастье на службѣ этого государства. Наскуча въ то же время зависимостью, налагаемою на него повелительнымъ обращеніемъ шведскаго государственнаго канцлера, онъ обратилъ свои взоры на Францію, которая могла помочь ему деньгами (единственно, въ чемъ онъ нуждался) и

показывала къ тому готовность. *Ришльё* всего болѣе желалъ уменьшить вліяніе Швеціи на германскую войну и, подъ чужимъ именемъ, захватить управленіе ею въ свои руки. Для достиженія этой цѣли онъ не могъ избрать лучшаго средства, какъ лишить шведовъ храбрѣйшаго изъ ихъ полководцевъ, вовлечь его въ интересы Франціи и воспользоваться имъ для своихъ предпріятій. Франціи нечего было опасаться такого князя, какъ *Бернгардъ*, который ничего не могъ предпринять безъ помощи посторонняго государства, такъ-какъ и самый счастливый исходъ не могъ сдѣлать его независимымъ отъ этой державы. *Бернгардъ* лично прибылъ во Францію и въ октябрѣ 1635 года въ Сен-Жерменѣ заключилъ — уже не какъ шведскій генералъ, а самъ своимъ именемъ — договоръ съ Франціею, которымъ обѣщано было выдавать ему лично полтора мильона ливровъ ежегодной пенсіи и четыре мильона на содержаніе арміи, которою онъ долженъ былъ командовать, повинуясь королевскимъ праказаніямъ. Чтобы воспламенить его усердіе еще болѣе и ускорить завоеваніе Эльзаса его руками, не усомнились обѣщать ему въ тайной статьѣ эту область въ награду — великодушіе, отъ котораго были очень далеки, и которое самъ герцогъ съумѣлъ оцѣнить по достоинству. Но *Бернгардъ* полагался на свое счастье и на свою руку, и коварству противопоставилъ притворство. Сдѣлавшись однажды достаточно сильнымъ, чтобы отнять у непріятеля Эльзасъ, онъ не отчаявался, въ случаѣ нужды, удержать его за собою противъ друга. Итакъ, онъ образовалъ на французскія деньги свою собственную армію, которою хотя и предводительствовалъ отъ лица Франціи, но почти неограниченно, и притомъ не прерывая совершенно своей связи со Швеціею. Онъ

открылъ свои дѣйствія на Рейнѣ, гдѣ другая французская армія, подъ начальствомъ кардинала *Де-ла-Валетта,* открыла непріязненныя дѣйствія противъ императора еще въ 1635 году.

Противъ этой послѣдней, по покореніи Швабіи и Франконіи, обратилась главная австрійская армія, подъ начальствомъ *Галласа,* одержавшая блестящую побѣду подъ Нёрдлингеномъ и также счастливо оттѣснила ее до Меца, освободила Рейнъ и отняла у шведовъ города Майнцъ и Франкенталь. Но главное намѣреніе этого генерала — занять зимнія квартиры во Франціи — было уничтожено энергическимъ сопротивленіемъ французовъ, и онъ увидѣлъ себя принужденнымъ возвратиться въ истощенный Эльзасъ и Швабію. Съ открытіемъ кампаніи слѣдующаго года, онъ переправился у Брейзаха черезъ Рейнъ и готовился перенесть войну въ сердце Франціи. Онъ и дѣйствительно вторгся въ графство Бургундію въ то время, какъ испанцы со стороны Нидерландовъ дѣйствовали довольно-успѣшно въ Пикардіи, а *Іоаннъ фонъ-Вертъ,* грозный генералъ лиги и знаменитый партизанъ, разъѣзжалъ далеко въ Шампаніи и самый Парижъ напугалъ грознымъ своимъ приближеніемъ. Но храбрость имперцевъ сокрушилась объ одну незначительную крѣпость во Франшъ-Конте, и они во второй разъ принуждены были отказаться отъ своего намѣренія.

Дѣятельность герцога *Бернгарда* была связана досихъ-поръ зависимостью отъ французскаго генерала, который болѣе дѣлалъ чести своей рясѣ, нежели жезлу главнокомандующаго, и хотя взялъ вмѣстѣ съ послѣднимъ Цабернъ-Эльзаскій, но, при-всемъ-томъ, не могъ удержаться на Рейнѣ въ 1636 и 37 годахъ. Худой успѣхъ

французскаго оружія въ Нидерландахъ остановилъ военныя дѣйствія въ Эльзасѣ и Брейсгау; но за то въ 1638 году война въ этихъ мѣстахъ приняла самый блестящій оборотъ. Несвязанный болѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и полновластный повелитель своихъ войскъ, герцогъ *Бернгардъ* уже въ началѣ февраля распростился съ покоемъ зимнихъ квартиръ въ епископствѣ Базельскомъ и внезапно явился на Рейнѣ, гдѣ въ это суровое время года никакъ не ожидали нападенія. Лѣсные города Лауфенбургъ, Вальдсхутъ и Секингенъ были взяты, Рейнфельденъ осажденъ. Командовавшій въ тѣхъ мѣстахъ императорскій генералъ, герцогъ *Савелли*, поспѣшаетъ усиленными переходами на помощь этому важному городу, дѣйствительно освобождаетъ его и заставляетъ герцога Веймарскаго отступить не безъ большаго урона. Но тотъ, вопреки всѣмъ человѣческимъ предположеніямъ, на третій день (21-го февраля 1638 года) снова является предъ имперцами, безпечно отдыхавшими послѣ побѣды, одержанной подъ Рейнфельденомъ, и разбиваетъ ихъ въ упорномъ сраженіи, гдѣ было взято въ плѣнъ четыре императорскихъ генерала, *Савелли*, *Іоаннъ фонъ-Вертъ*, *Экефордъ* и *Шперрейтеръ*, и почти двѣ тысячи рядовыхъ. Двухъ изъ нихъ, *фонъ-Верта* и *Экефорда*, велѣлъ *Ришльё* отвезти во Францію, чтобы польстить самолюбію французскаго народа зрѣлищемъ такихъ славныхъ плѣнниковъ и прикрыть общее бѣдствіе наружнымъ блескомъ побѣдъ. Отбитые штандарты и знамена также съ этой цѣлью отнесены были торжественно въ церковь Парижской Божьей-Матери (Notre Dame de Paris), преклонены три раза предъ алтаремъ и отданы на сохраненіе святынѣ.

Взятіе Рейнфельдена и Фрейбурга было ближайшимъ

слѣдствіемъ побѣды, одержанной *Бернгардомъ.* Войско его значительно увеличилось, а вмѣстѣ съ счастьемъ расширились и его планы. Крѣпость Брейзахъ на Верхнемъ Рейнѣ почиталась обладательницею этой рѣки и ключомъ къ Эльзасу. Ни одно мѣсто въ этой странѣ не было такъ важно для императора и не пользовалось такимъ попеченіемъ съ его стороны. Удержать за собой Брейзахъ было главнѣйшимъ назначеніемъ итальянской арміи, предводимой герцогомъ *Феріа;* крѣпость ея стѣнъ и выгодное мѣстоположеніе дѣлали всякое нападеніе напраснымъ, и императорскіе генералы, командовавшіе въ этихъ мѣстахъ, имѣли повелѣніе дѣлать все для спасенія этой крѣпости. Но *Бернгардъ* вѣрилъ въ свое счастье и рѣшился напасть на нее. Недоступная для силы, она могла быть покорена только голодомъ; безпечность коменданта, который, не опасаясь нападенія, распродалъ всѣ хлѣбные запасы, рѣшила ея судьбу. Такъ-какъ при этихъ обстоятельствахъ она не могла выдержать продолжительной осады, то надо было, не теряя времени, или освободить ее, или снабдить провіантомъ. Вслѣдствіе этого императорскій генералъ *фонъ-Гёцъ* двинулся на выручку въ главѣ двѣнадцати тысячъ человѣкъ и въ сопровожденіи трехъ тысячъ повозокъ съ провіантомъ, которымъ хотѣлъ снабдить крѣпость. Но будучи разбитъ герцогомъ *Бернгардомъ* у *Виттевейера,* потерялъ цѣлый корпусъ въ три тысячи человѣкъ и весь обозъ, бывшій при немъ. Той же судьбѣ подвергся на *Оксенфельдѣ* при *Таннѣ* герцогъ Лотарингскій, шедшій на выручку крѣпости съ войскомъ отъ пяти до шести тысячъ чедовѣкъ. Наконецъ, послѣ третьей неудачной попытки генерала *фонъ-Гёца* спасти *Брейзахъ,* крѣпость, томимая ужаснѣйшимъ голо-

домъ, сдалась 7-го декабря 1638 года, послѣ четырехмѣсячной осады, своему столько же человѣколюбивому, какъ и настойчивому побѣдителю.

Взятіе Брейзаха открыло честолюбію герцога Веймарскаго необозримое поприще, и съ-этихъ-поръ *мечты*, созданныя его надеждами, начинаютъ приближаться къ *истинѣ*. Не думая уступить Франціи плодовъ своихъ побѣдъ, онъ присвоиваетъ Брейзахъ себѣ и обнаруживаетъ это намѣреніе присягою, которую, не упоминая о другой державѣ, требовалъ *своимъ именемъ* отъ побѣжденныхъ. Упоенный блестящими своими успѣхами и увлекаемый гордыми надеждами, онъ думаетъ, что съ-этихъ-поръ не имѣетъ ни въ комъ нужды и что въ состояніи будетъ удержать за собою завоеваніе, хотя бы противъ воли Франціи. Въ такое время, когда для храбрости все было возможно, когда личная сила еще имѣла цѣну, когда войска и полководцы уважались болѣе цѣлыхъ областей, позволительно было такому герою, какъ *Бернгардъ*, довѣрять самому себѣ и въ главѣ превосходной арміи, почитавшей себя непобѣдимой подъ его начальствомъ, не отступать ни предъ какимъ предпріятіемъ. Чтобы среди множества враговъ, вызванныхъ имъ, имѣть хотя одного друга, онъ обратилъ свои взоры на ландграфиню *Амалію Гессенскую*, вдову недавно умершаго ландграфа *Вильгельма*, одаренную замѣчательнымъ умомъ и рѣшимостью, которая могла вмѣстѣ съ своей рукою принесть въ приданое воинственную армію, прекрасныя завоеванія и значительное княжество. Соединивъ завоеванія гессенцевъ съ своими собственными на Рейнѣ въ одно государство, а оба войска въ одну армію, можно было образовать значительную силу, а можетъ статься, даже третью партію въ Германіи, которая дер

жала бы въ рукахъ своихъ судьбу войны. Но этому много-обѣщавшему плану смерть положила преждевременный предѣлъ.

«Ободрись, отецъ *Іосифъ!* Брейзахъ нашъ!» закричалъ *Ришльё* на ухо капуцину, готовившемуся отправиться на тотъ свѣтъ — такъ отуманила его эта радостная вѣсть. Онъ уже мысленно поглощалъ Эльзасъ, Брейсгау и всѣ ближайшія австрійскія земли, забывъ обѣщанія, данныя герцогу *Бернгарду*. Твердое намѣреніе послѣдняго удержать за собою Брейзахъ, обнаруженное имъ совершенно ясно, привело кардинала въ немалое замѣшательство, и употреблены были всевозможныя средства, чтобы заставить дѣйствовать побѣдоноснаго *Бернгарда* въ интересахъ Франціи. Его пригласили ко двору быть свидѣтелемъ почета, съ какимъ торжествовали тамъ его побѣды; *Бернгардъ* догадался и избѣгъ разставленныхъ сѣтей. Ему сдѣлали честь — предложили въ супруги племянницу кардинала, но благородный имперскій князь отказался, не желая обезчестить саксонской крови подобнымъ бракомъ. Съ-этихъ-поръ начали считать его опаснымъ врагомъ и поступать съ нимъ непріятельски. Ему прекратили высылку обѣщанныхъ денегъ; подкупили губернатора и знатнѣйшихъ офицеровъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ хотя послѣ смерти герцога овладѣть его завоеваніями и войскомъ. Всѣ эти продѣлки не остались тайной для послѣдняго и мѣры, принятыя имъ въ завоеванныхъ мѣстахъ, доказали его недовѣрчивость къ Франціи. Но эти несогласія съ французскимъ дворомъ имѣли самое вредное вліяніе на послѣдующія его предпріятія. Приготовленія, которыя онъ долженъ былъ сдѣлать для защиты своихъ завоеваній отъ нападенія со стороны Франціи, заставили его раз-

дѣлить свою армію, а прекращеніе присылки денегъ остановило выступленіе его въ поле. Его намѣреніе было перейти Рейнъ, выручить шведовъ и на берегахъ Дуная дѣйствовать противъ императора и Баваріи. Онъ уже открылъ свой операціонный планъ *Баннеру*, готовившемуся перенесть войну въ австрійскія земли, и обѣщалъ его смѣнить, когда смерть постигла его въ Нейбургѣ на Рейнѣ (въ іюлѣ 1639 года) на тридцать-шестомъ году отъ рожденія, въ самомъ разгарѣ геройской его дѣятельности.

Онъ умеръ отъ заразительной болѣзни, похитившей въ лагерѣ въ теченіе двухъ дней около четырехсотъ человѣкъ. Черныя пятна, показавшіяся на его тѣлѣ, собственныя слова умиравшаго и выгоды, пріобрѣтенныя Франціею вслѣдствіе его внезапной смерти, возбудили подозрѣніе, будто онъ отравленъ французами, что, впрочемъ, достаточно опровергается родомъ его болѣзни. Въ немъ союзники потеряли величайшаго полководца послѣ *Густава Адольфа*, Франція — опаснаго соперника въ отношеніи Эльзаса, императоръ — самаго грознаго врага. Образовавшись въ школѣ *Густава Адольфа*, какъ герой и полководецъ, онъ подражалъ этому великому образцу, и ему не доставало только болѣе продолжительной жизни, чтобы сравнятся, а можетъ быть и превзойти его. Съ храбростью солдата соединялъ онъ холодный и спокойный взглядъ полководца, съ твердостью духа мужа — быструю рѣшимость юноши, съ дикою пылкостью воина — достоинство князя, умѣренность мудреца и добросовѣстность честнаго человѣка; не падая духомъ въ несчастіи, онъ возставалъ скоро и полный силъ послѣ самыхъ жестокихъ ударовъ; никакое препятствіе не могло ограничить его отважности, ни-

какая неудача преодолѣть его мужество. Онъ домогался великой, быть можетъ, недосягаемой цѣли; но люди, подобные *ему*, подчиняются инымъ законамъ благоразумія, чѣмъ люди обыкновенные; болѣе способный, нежели другіе, онъ могъ и предначертывать болѣе отважные планы. *Бернгардъ* является въ новой исторіи чуднымъ образомъ тѣхъ мощныхъ временъ, когда еще дѣйствовало личное величіе, храбрость пріобрѣтала земли и геройскія добродѣтели возвели нѣмецкаго рыцаря на престолъ императорскій.

Лучшею частью наслѣдства герцога была армія, которую онъ, вмѣстѣ съ Эльзасомъ, завѣщалъ своему брату *Вильгельму*. Но Швеція и Франція думали имѣть основательныя права на эту армію: одна — потому что она была набрана ея именемъ, а другая — потому что содержалась на ея деньги. Наслѣдный принцъ Палатинскій также посягалъ на эту армію, желая употребить ее на обратное завоеваніе своихъ областей, и пытался, сначала чрезъ своихъ агентовъ, а потомъ лично, привлечь ее на свою сторону. Даже съ императорской стороны сдѣлана была попытка переманить эту армію; и это не должно насъ удивлять, такъ-какъ въ тѣ времена принималось въ соображеніе не справедливость дѣла, а цѣна оказанныхъ услугъ, и храбрость, какъ всякій другой товаръ, была продажна. Но Франція, какъ болѣе рѣшительная и богатая, одержала верхъ. Она подкупила генерала *фонъ-Эрлаха*, командовавшаго въ Брейзахѣ, и остальныхъ начальниковъ, которые предали ей Брейзахъ и всю армію. Молодой Палатинскій принцъ *Карлъ Людвигъ*, уже сдѣлавшій однажды неудачный походъ противъ императора, не успѣлъ и здѣсь. Собираясь оказать такую дурную услугу Франціи, онъ имѣлъ безраз-

судство избрать дорогу черезъ это государство и, къ довершенію несчастія, не съумѣлъ скрыть своего имени. Кардиналъ, опасаясь справедливаго дѣла пфальцграфа и не гнушаясь никакого средства для уничтоженія его намѣренія, велѣлъ, вопреки народному праву, задержать его въ *Муленѣ*, и далъ ему свободу только по окончаніи покупки веймарскихъ войскъ. Такимъ образомъ Франція увидѣла себя обладательницей значительной и хорошо-обученной арміи въ Германіи, и собственно только съ этого времени начала своимъ именемъ вести войну съ императоромъ.

Но уже не противъ *Фердинанда Втораго* возстала она, какъ явный непріятель: того еще въ февралѣ 1637 года отозвала смерть съ театра событій на пятьдесятъ-девятомъ году отъ рожденія. Война, воспламененная его честолюбіемъ, пережила *Фердинанда*. Въ теченіе восемнадцати-лѣтняго своего царствованія онъ не выпускалъ меча изъ руки и никогда не вкушалъ благодѣяній мира. Рожденный съ свойствами хорошаго правителя, украшенный многими добродѣтелями, составляющими счастье народовъ, кроткій и человѣколюбивый отъ природы, онъ, изъ ложнаго понятія объ обязанностяхъ монарха, становится орудіемъ и вмѣстѣ жертвою чужихъ страстей, не исполняетъ благодѣтельнаго своего назначенія и изъ друга справедливости дѣлается притѣснителемъ человѣчества, врагомъ мира и бичомъ своего народа. Любезный въ частной жизни, достойный уваженія, какъ государь, но дурно руководимый въ своей политикѣ, онъ собралъ надъ своей головой благословенія своихъ католическихъ подданныхъ и проклятія протестантскаго міра. Исторія представляетъ много худшихъ деспотовъ, нежели *Фердинандъ Второй* и при

всемъ томъ лишь онъ одинъ возжегъ *тридцатилѣтнюю* войну; но, къ несчастію, честолюбіе этого одного должно было встрѣтиться именно съ такой подготовкою, съ такими поводами къ раздору — и произвело такія гибельныя послѣдствія. Въ болѣе мирную этоху эта искра не нашла бы себѣ пищи и спокойствіе вѣка подавило бы честолюбіе одного; теперь несчастный лучъ упалъ на высоко-нагроможденныя, давно-скопленныя зажигательныя вещества — и Европа вспыхнула.

Его сынъ, *Фердинандъ Третій*, избранный за несколько мѣсяцевъ до смерти своего отца въ римскіе короли, наслѣдовалъ его престолъ, его правила и его войну. Но *Фердинандъ Третій* видѣлъ вблизи бѣдствія народовъ и опустошеніе земель, и ближе и сильнѣе чувствовалъ необходимость мира. Менѣе зависимый отъ іезуитовъ и испанцевъ и снисходительнѣе къ чужой религіи, онъ могъ скорѣе отца послушаться голосу умеренности. Онъ внялъ ему и даровалъ миръ Европѣ, но только послѣ одиннадцатилѣтней борьбы мечомъ и перомъ и не прежде, какъ уже всякое сопротивленіе стало напраснымъ и гнетущая необходимость предписала ему тяжелыя условія.

Счастье благопріятствовало въ началѣ правленію *Фердинанда Третьяго* и его оружіе было побѣдоносно противъ шведовъ, занявшихъ, подъ предводительствомъ *Баннера*, въ слѣдъ за побѣдой при Витстокѣ, зимнія квартиры въ Саксоніи и открывшихъ кампанію 1637 года осадою Лейпцига. Храброе сопротивленіе гарнизона и приближеніе курфиршеско-императорской арміи спасли городъ, и *Баннеръ*, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Эльбы, отступилъ къ Торгау. Но превосходство имперцевъ вытѣснило его и оттуда и, окруженный непрія-

тельскими отрядами, задерживаемый рѣками и преслѣдуемый голодомъ, онъ принужденъ былъ предпринять въ высшей степени опасное отступленіе, которое по отважности и счастливому исходу стоитъ романа. Вся армія перешла въ бродъ Одеръ у Фюрстенберга, причемъ солдаты, по горло въ водѣ, тащили пушки на себѣ, такъ-какъ лошади не могли ихъ вывезти. *Баннеръ* разсчитывалъ найти по ту сторону Одера въ Помераніи подчиненнаго ему генерала *Врангеля* и, подкрѣпившись его отрядомъ, дать отпоръ непріятелю. Но *Врангель* не явился, а вмѣсто его императорское войско заняло Ландсбергъ, съ цѣлью преградить дорогу отступавшимъ шведамъ. Теперь только увидѣлъ *Баннеръ*, что онъ попался въ гибельную сѣть, изъ которой не было выхода. Имѣя за собою опустошенную землю, имперцевъ и Одеръ, слѣва тотъ же Одеръ, охраняемый императорскимъ генераломъ *Бухгеймомъ*, предъ собою Ландсбергъ, Кюстринъ, рѣку Варту и непріятельское войско, а справа Польшу, которой, несмотря на перемиріе, нельзя было довѣрять, онъ считалъ себя погибшимъ и имперцы уже напередъ торжествовали неминуемую его гибель. Огорченный *Баннеръ* справедливо обвинялъ французовъ въ этомъ несчастіи: они не сдѣлали обѣщанной диверсіи на Рейнѣ и своимъ бездѣйствіемъ допустили императора обратить всѣ свои силы противъ шведовъ. «Если намъ когда-нибудь придется» сказалъ раздраженный генералъ французскому послу, бывшему въ шведскомъ лагерѣ, «если намъ придется вмѣстѣ съ нѣмцами сражаться противъ французовъ, то мы не будемъ такъ долго думать — переправляться ли черезъ Рейнъ, или нѣтъ». Но теперь упреки были напрасны. Стѣсненныя обстоятельства требовали рѣшимости и

дѣла. Въ надеждѣ фальшивымъ движеніемъ удалить непріятеля съ Одера, *Баннеръ* притворился, будто хочетъ уйти черезъ Польшу, и дѣйствительно послалъ по этой дорогѣ бóльшую часть обоза, а своей супругѣ и остальнымъ офицерскимъ женамъ велѣлъ слѣдовать тому же маршруту. Имперцы, желая преградить ему эту дорогу, немедленно выступаютъ къ польской границѣ; *Бухгеймъ* также оставляетъ свою позицію — и Одеръ открытъ. *Баннеръ* въ темнотѣ ночи быстро поворачиваетъ къ этой рѣкѣ и въ одной милѣ выше Кюстрина переправляетъ чрезъ нее свои войска, вмѣстѣ съ обозомъ и артиллеріею, безъ мостовъ и судовъ, какъ прежде у Фюрстенберга. Онъ безъ урона достигаетъ Помераніи и раздѣляетъ съ *Германомъ Врангелемъ* ея защиту.

Но имперцы, предводимые *Галласомъ*, вторгаются близъ *Рибзеса* въ это герцогство и наводняютъ его своими войсками. *Узедомъ* и *Вольгастъ* взяты приступомъ, *Демминъ* сдается на капитуляцію и шведы оттѣснены въ заднюю Померанію. Время было самое благопріятное для завладѣнія этой страною, такъ-какъ герцогъ *Богиславъ Четырнадцатый* умеръ въ этомъ году и Швеція должна была предъявить свои притязанія на Померанію. Чтобы не дать курфирсту Бранденбургскому воспользоваться своими правами на это герцогство, основанными на договорахъ и прагскомъ мирѣ, Швеція напрягаетъ всѣ силы и подкрѣпляетъ своихъ генераловъ деньгами и солдатами. И въ другихъ мѣстахъ имперіи дѣла шведовъ получаютъ благопріятный оборотъ, и они начинаютъ оправляться отъ глубокаго паденія, въ которое вовлечены были бездѣйствіемъ Франціи и отпаденіемъ союзниковъ, такъ-какъ послѣ быстраго

отступленія въ Померанію, они лишились почти всѣхъ крѣпостей въ Верхней Саксоніи; герцоги Мекленбургскіе, тѣснимые императорскимъ оружіемъ, начинали склоняться на сторону Австріи и самъ герцогъ *Георгъ Люнебургскій* объявилъ имъ войну. Крѣпость *Эренбрейтштейнъ*, побѣжденная голодомъ, отворила ворота баварскому генералу *фонъ-Верту*, а австрійцы овладѣли всѣми построенными на Рейнѣ укрѣпленіями. Франція потерпѣла уронъ въ борьбѣ съ испанцами, и вообще послѣдствія не соотвѣтствовали тѣмъ хвастливымъ приготовленіямъ, какими она открыла свои дѣйствія противъ этой державы. Всѣ завоеванія шведовъ внутри Германіи были потеряны и только нѣсколько важныхъ пунктовъ въ Помераніи еще оставались за ними. Одинъ походъ исторгаетъ ихъ изъ этого глубокаго униженія, а сильная диверсія побѣдоноснаго *Бернгарда* на Рейнѣ даетъ всему положенію войны новый оборотъ.

Несогласія между Франціею и Швеціей были наконецъ устранены и прежній трактатъ между обѣими державами утвержденъ въ Гамбургѣ съ новыми выгодами для Швеціи. Въ Гессенѣ благоразумная ландграфиня *Амалія*, по смерти своего супруга *Вильгельма* и съ согласія чиновъ, приняла бразды правленія и съ большóю рѣшимостью отстояла свои права противъ возраженій императора и дармштадтской линіи. Уже вслѣдствіе однѣхъ религіозныхъ причинъ преданная шведско-протестантской партіи, она ожидала только благопріятнаго случая, чтобы явно и дѣйствительно принять ихъ сторону. Тѣмъ временемъ ей удалось благоразумною скрытностью и хитро начатыми переговорами удержать императора въ бездѣйствіи, пока не заключила тайнаго союза съ Франціею и побѣды *Бернгарда* не сообщили

дѣламъ протестантовъ благопріятнаго оборота. Тогда она вдругъ сняла съ себя маску и возобновила старую дружбу съ Швеціей. Успѣхи *Бернгарда* побудили также наслѣднаго принца Палатинскаго испытать свое счастье въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. На англійскія деньги набралъ онъ войско въ Голландіи, устроилъ магазинъ въ *Меппенѣ* и соединился въ Вестфаліи съ шведскою арміею. Хотя магазинъ его былъ взятъ, а войско разбито графомъ *Гацфельдомъ* при Флотѣ; но его предпріятіе заняло непріятеля на нѣкоторое время и облегчило дѣйствія шведовъ въ другихъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ счастьемъ возвратились къ шведамъ еще нѣкоторые изъ прежнихъ союзниковъ, а нейтралитетъ, объявленный нижне-саксонскими чинами, также принесъ имъ немалую пользу.

Благопріятствуемый такими важными выгодами и подкрѣпленный четырнадцатью тысячами человѣкъ свѣжаго войска изъ Швеціи и Лифляндіи, *Баннеръ*, полный надеждъ, открылъ кампанію 1638 года. Имперцы, занимавшіе переднюю Померанію и Мекленбургъ, большею частью оставляли свои посты, или толпами перебѣгали подъ шведскія знамена, въ избѣжаніе голода, своего ужаснѣйшаго непріятеля въ этой ограбленной и обѣднѣвшей странѣ. Переходы и квартированіе войскъ до такой степени опустошили всю сторону между Эльбою и Одеромъ, что *Баннеръ*, задумавшій вторгнуться въ Саксонію и Чехію, и чтобы на дорогѣ туда не умереть со всею арміею съ голода, взялъ окольную дорогу изъ задней Памераніи въ Нижнюю Саксонію и уже оттуда, черезъ гальберштадтскій округъ, вступилъ въ курфиршество Саксонское. Нижне-саксонскія области, желая избавиться поскорѣе отъ такого голоднаго гостя, снабдили его необходимымъ провіантомъ, такъ-что онъ

въ Магдебургѣ имѣлъ хлѣбъ для своей арміи — въ землѣ, гдѣ голодъ пересилилъ даже отвращеніе отъ человѣческаго мяса. Онъ привелъ въ ужасъ Саксонію опустошительнымъ своимъ прибытіемъ; но настоящею его цѣлью была не эта истощенная земля, а императорскія наслѣдственныя владѣнія. Побѣды *Бернгарда* ободрили его, а богатыя области австрійскаго дома манили его жадность къ грабежу. Разбивъ императорскаго генерала *фонъ-Салиса* при Эльстербергѣ, истребивъ саксонскую армію при Хемницѣ и овладѣвъ Пирной, онъ вторгся съ неудержимою силой въ Чехію, переправился черезъ Эльбу, привелъ въ ужасъ Прагу, взялъ Брандейсъ и Лейтмерицъ, разбилъ генерала *фонъ-Гофкирхена* съ десятью полками и распространилъ ужасъ и опустошеніе по всему беззащитному королевству. Все движимое становилось добычею, а чего нельзя было взять съ собою или потребить на мѣстѣ — истреблялось. Чтобы увезть какъ можно болѣе хлѣба, срѣзывали одни колосья, а солому сжигали. Болѣе тысячи замковъ, селъ и деревень превращено было въ пепелъ и часто въ одну ночь видѣли до ста пожаровъ. Изъ Чехіи *Баннеръ* дѣлалъ набѣги на Силезію и Моравію и даже самой Австріи угрожалъ опустошеніемъ. Для отвращенія этой бѣды призваны были графъ *Гацфельдъ* изъ Вестфаліи и графъ *Пикколомини* изъ Нидерландовъ. Главное начальство поручено было эрцгерцогу *Леопольду*, брату императора, съ цѣлью — исправить ошибки его предмѣстника *Галласа* и поднять глубоко-падшій духъ арміи.

Послѣдствія оправдали сдѣланную перемѣну и кампанія 1640 года приняла весьма дурной оборотъ для шведовъ. Ихъ выгоняютъ постепенно изъ всѣхъ квартиръ въ Чехіи. Озабоченные спасеніемъ добычи, они

поспѣшно уходятъ за Мейссенскія горы; но, будучи преслѣдуемы непріятелемъ чрезъ Саксонію и разбиты у Плауэна, они должны были искать убѣжища въ Тюрингіи. Получивъ въ одно лѣто превосходство въ полѣ, они также скоро приходятъ въ крайнее безсиліе, чтобы снова поднятся, и такимъ образомъ безпрестанно и быстро переходить отъ одной крайности къ другой. Ослабленная армія *Баннера*, ожидавшая конечной гибели въ лагерѣ при Эрфуртѣ, внезапно оправляется. Герцоги Люнебургскіе отказываются отъ прагскаго мира и приводятъ къ нему тѣ самыя войска, которые они за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ заставляли сражаться противъ него. Гессенъ присылаетъ помощь, и герцогъ *Лонгевиль* съ бывшею арміею герцога *Бернгарда* присоединяется къ его знаменамъ. Ставъ опять сильнѣе имперцевъ, *Баннеръ* вызываетъ ихъ на битву у Заальфельда; но ихъ предводитель *Пикколомини* благоразумно избѣгаетъ ея и занимаетъ слишкомъ крѣпкую позицію, чтобъ быть къ тому вынужденнымъ. Когда же, наконецъ, баварцы отдѣлились отъ императорскихъ войскъ и двинулись къ Франконіи, то *Баннеръ* попробывалъ напасть на этотъ отдѣльный корпусъ; но благоразуміе баварскаго полковадца *фонъ-Мерси* и поспѣшное приближеніе императорской главной арміи помѣшали тому. Послѣ этого оба войска потянулись въ истощенный Гессенъ, гдѣ заняли крѣпкіе лагери не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, и стояли такъ, пока недостатокъ и суровое время года не прогнали ихъ изъ этой обѣднѣвшей страны. *Пикколомини* избралъ себѣ для зимнихъ квартиръ тучные берега Везера; но, обойденный *Баннеромъ*, долженъ былъ предоставить ихъ шведамъ и отяготить своимъ постоемъ франконскія епископства.

Въ это самое время собрался въ Регенсбургѣ имперскій сеймъ, на которомъ предполагалось выслушать жалобы чиновъ, заняться успокоеніемъ имперіи и рѣшить вопросъ о войнѣ и мирѣ. Присутствіе императора, предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ князей, большинство католическихъ голосовъ въ курфиршескомъ собраніи, превосходное число епископовъ и отсутствіе многихъ протестантскихъ чиновъ склоняли пренія въ пользу императора, и вообще этому имперскому сейму недоставало многаго, чтобы быть представителемъ имперіи. Протестанты не безъ причины почитали его заговоромъ Австріи и ея клевретовъ противъ евангелической партіи, и въ ихъ глазахъ могло казаться заслугою помѣшать или даже разогнать подобный сеймъ.

Баннеръ покусился на это дерзкое предпріятіе. Слава его оружія помрачилась послѣднимъ отступленіемъ изъ Чехіи; отважное предпріятіе должно было возвратить ей прежній блескъ. Не открывая никому своего намѣренія, онъ оставилъ въ самые жестокіе морозы зимы 1741 года свои квартиры въ Люнебургѣ, какъ скоро замерзли дороги и рѣки. Сопровождаемый маршаломъ *Гебріаномъ*, командовавшимъ французско-веймарской арміей, онъ двинулся черезъ Тюрингію и Фохтландъ къ Дунаю и явился передъ Регенсбургомъ прежде, чѣмъ имперскій сеймъ могъ провѣдать о его прибытіи. Собравшіеся чины пришли въ неописаннѣйшее замѣшательство и подъ вліяніемъ перваго страха всѣ послы приготовились къ отъѣзду. Одинъ лишь императоръ объявилъ, что не оставитъ города и примѣромъ своимъ ободрилъ другихъ. Къ несчастью шведовъ, сдѣлалась оттепель, такъ-что Дунай вскрылся и за густо-шедшимъ льдомъ не было никакой возможности переправиться че-

резъ него. Чтобы сдѣлать хотя что-нибудь и тѣмъ уязвить высокомѣріе германскаго императора, *Баннеръ* рѣшился на невѣжливость — и салютовалъ городъ пятьюстами пушечныхъ выстрѣловъ, которые, впрочемъ, не причинили ему большаго вреда. Обманутый въ этомъ предпріятіи, онъ рѣшился вторгнуться глубже въ Баварію и въ беззащитную Моравію, гдѣ ожидала его богатая добыча, а нуждавшіяся въ отдыхѣ войска — спокойныя квартиры. Но ничто не могло склонить французскаго генерала послѣдовать за нимъ туда же. *Гебріанъ* опасался, что шведы замышляютъ удалить веймарскую армію отъ Рейна и отрѣзать ей всякое сообщеніе съ Франціею, имѣя въ виду или совершенно переманить ее на свою сторону, или лишить всякой возможности дѣйствовать самостоятельно. Итакъ, онъ отдѣлился отъ *Баннера*, чтобы возвратиться къ берегамъ Майна, и тотъ внезапно увидѣлъ себя подверженнымъ нападенію всей императорской арміи, собравшейся между Регенсбургомъ и Ингольштатомъ и шедшей на него. Теперь настало время подумать о поспѣшномъ отступленіи, казавшемся почти невозможнымъ въ виду войска, снабженнаго сильной кавалеріей, между рѣками и лѣсами, среди земли непріятельской. Быстро двинулся онъ къ *Вальду*, чтобы уйти черезъ Чехію въ Саксонію; но онъ принужденъ былъ оставить у Нейбурга три полка на жертву, которые въ теченіе цѣлыхъ четырехъ сутокъ, засѣвъ за плохими стѣнами, удерживали всю непріятельскую армію истинно спартанскимъ сопротивленіемъ, и тѣмъ дали *Баннеру* возможность опередить непріятеля. Онъ спасся черезъ Эгеръ въ Аннабергъ; *Пикколомини* слѣдовалъ за нимъ ближайшей дорогой черезъ Шлакенвальдъ и опоздалъ только получасомъ занять про-

ходъ у Присница, гдѣ могъ бы истребить всю шведскую армію. Въ Цвиккау *Гебріанъ* соединился опять съ *Баннеромъ*, и оба пошли къ Гальберштату, послѣ напрасной попытки защитить Заалу и помѣшать австрійцамъ переправиться черезъ эту рѣку.

Здѣсь-то, въ Гальберштатѣ, нашелъ *Баннеръ* предѣлъ своимъ подвигамъ (въ маѣ 1641 года), отравленный ядомъ невоздержности и досады. Онъ со славою, хотя и съ перемѣннымъ счастьемъ, поддерживалъ честь шведскаго оружія въ Германіи и длинной цѣпью побѣдъ оказалъ себя достойнымъ своего великаго наставника въ военномъ искусствѣ. Онъ былъ богатъ военными планами, которые содержалъ всегда въ тайнѣ и быстро приводилъ въ исполненіе, не терялъ присутствія духа въ опасности, былъ болѣе великъ въ несчастіи, чѣмъ въ счастіи и всего опаснѣе, когда его считали на краю погибели. Но добродѣтели героя соединялись въ немъ со всевозможными слабостями и пороками, порождаемыми или по-крайней-мѣрѣ извиняемыми военнымъ ремесломъ. Столько же повелительный въ обращеніи, какъ и предъ фронтомъ своей арміи, онъ былъ грубъ, какъ его ремесло и гордъ, какъ завоеватель, и утѣснялъ германскихъ князей не столько истощеніемъ ихъ земель, сколько своею надменностью. За военные труды онъ вознаграждалъ себя за столомъ и въ объятіяхъ сладострастія, и кончилъ тѣмъ, что заплатилъ раннею смертью за свою неумѣренность. Но будучи неумѣренъ, подобно *Александру Македонскому* и *Магомеду Второму*, онъ такъ-же легко переходилъ изъ объятій сладострастія къ самымъ тяжелымъ военнымъ трудамъ, и именно тогда являлся во всемъ своемъ величіи, когда армія роптала на нѣженку. Около восьмидесяти тысячъ человѣкъ пало

въ многочисленныхъ выигранныхъ имъ битвахъ, а до шестисотъ непріятельскихъ штандартовъ и знаменъ, отправленныхъ въ Стокгольмъ, свидѣтельствуютъ о его побѣдахъ. Шведы скоро и сильно почувствовали потерю этого великаго полководца и уже опасались, что онъ незамѣнимъ. Едва онъ умеръ, какъ духъ мятежа и необузданности, сдерживаемый до-сихъ-поръ всеобщимъ уваженіемъ къ особѣ этого грознаго генерала, пробудился снова. Офицеры съ грознымъ единодушіемъ требуютъ недоданнаго жалованья, и ни одинъ изъ четырехъ генераловъ, раздѣлившихъ послѣ *Баннера* начальство, не имѣетъ довольно силы ни удовлетворить, ни успокоить негодующихъ. Дисциплина ослабѣваетъ; возрастающій недостатокъ и императорскія отзывныя грамматы съ каждымъ днемъ уменьшаютъ армію; французско-веймарскія войска выказываютъ мало энергіи; люнебургцы оставляютъ шведскія знамена вслѣдствіе примиренія князей брауншвейгскаго дома съ императоромъ, по смерти герцога *Георга;* наконецъ и гессенцы отдѣляются отъ нихъ, въ надеждѣ найти лучшія квартиры въ Вестфаліи. Непріятель пользуется этимъ гибельнымъ междуцарствіемъ и, несмотря на двукратное пораженіе, дѣлаетъ значительные успѣхи въ Нижней Саксоніи.

Наконецъ явился вновь-избранный шведскій главнокомандующій съ деньгами и свѣжими войсками. Это былъ *Бернгардъ Торстенсонъ*, воспитанникъ *Густава Адольфа* и счастливѣйшій преемникъ этого героя, при которомъ состоялъ пажемъ еще во время польской войны. Разслабленный подагрою и прикованный къ носилкамъ, онъ побѣждалъ всѣхъ своихъ противниковъ *быстротою*, и предпріятія его имѣли крылья, тогда-

какъ тѣло было обременено ужаснѣйшими изъ оковъ. Съ нимъ измѣняется театръ войны и начинаютъ господствовать новыя правила, которыя предписываетъ необходимость и оправдываютъ послѣдствія. Земли, изъ-за которыхъ дрались до-сихъ-поръ, истощены, тогда-какъ австрійскій домъ, неприкосновенный въ своихъ заднихъ владѣніяхъ, не чувствуетъ бѣдствій войны, подъ которыми изнемогаетъ вся Германія. *Торстенсонъ* первый даетъ ему это почувствовать, насыщаетъ своихъ шведовъ за роскошнымъ австрійскимъ столомъ и бросаетъ пламя къ самому подножію императорскаго престола

Въ Силезіи непріятель одержалъ значительные успѣхи надъ шведскимъ генераломъ *Стальганчемъ* и прогналъ его въ Неймаркъ. *Торстенсонъ*, соединившійся въ Люнебургѣ съ главною шведскою арміею, притягиваетъ его къ себѣ и въ 1642 году вторгается внезапно въ Силезію, черезъ бранденбургскія владѣнія, которыя, подъ управленіемъ Великаго Курфирста, стали соблюдать вооруженный нейтралитетъ. Онъ беретъ Глогау, безъ апрошей и брешей, холоднымъ оружіемъ, разбиваетъ герцога *Франца Альберта Лауэнбургскаго* подъ Швейдницемъ, гдѣ тотъ умираетъ отъ ранъ и покоряетъ Швейдницъ и почти всю Силезію, лежащую по сю сторону Одера. Затѣмъ онъ вторгается съ неудержимою силою въ самое сердце Моравіи, куда еще не заходилъ ни одинъ изъ враговъ австрійскаго дома, овладѣваетъ Ольмюцемъ и приводитъ въ трепетъ самую столицу императора. Тѣмъ временемъ *Пикколомини* и эрцгерцогъ *Леопольдъ* собрали огромную армію, съ которою вытѣснили шведскаго завоевателя изъ Моравіи, а вскорѣ, послѣ напрасной попытки взять Бригъ, изъ самой Силезіи. Подкрѣпленный *Врангелемъ*, онъ хотя и отва-

жился выступить снова противъ сильнѣйшаго непріятеля и даже освободилъ Грос-Глогау, но не могъ ни принудить непріятеля къ сраженію, ни привести въ исполненіе своихъ плановъ на Чехію. Тогда онъ наводнилъ *Лузацію,* гдѣ въ виду непріятеля взялъ Циттау и, послѣ непродолжительнаго отдыха, направилъ свой путь черезъ Мейсенъ къ Эльбѣ, которую перешелъ у Торгау. Теперь онъ угрожалъ Лейпцигу осадой и надѣялся добыть въ этомъ богатомъ и въ теченіе десяти лѣтъ пощаженномъ городѣ значительное количество съѣстныхъ припасовъ и огромную контрибуцію.

Имперцы, подъ начальствомъ *Леопольда* и *Пикколомини,* тотчасъ черезъ Дрезденъ поспѣшаютъ на помощь, и *Торстенсонъ,* опасаясь быть стѣсненнымъ между арміей и городомъ, мужественно и въ полномъ боевомъ порядкѣ идетъ имъ на встрѣчу. Чудеснымъ стеченіемъ обстоятельствъ они сходятся на томъ же самомъ мѣстѣ, которое, одиннадцать лѣтъ предъ тѣмъ, *Густавъ Адольфъ* прославилъ рѣшительной побѣдой, и геройская доблесть предковъ воспламеняетъ потомковъ къ благородному соревнованію на этой священной землѣ. Шведскіе генералы, *Стальганчъ* и *Вилленбергъ,* бросаются на лѣвое крыло австрійцевъ, еще не совсѣмъ устроенное, съ такою стремительностью,что мгновенно опрокидываютъ всю кавалерію и дѣлаютъ ее неспособною къ бою. Но та же участь грозила и лѣвому шведскому крылу. когда побѣдоносное правое подоспѣло къ нему на помощь, напало на непріятеля съ тылу и фланговъ и прорвало ряды его. Пѣхота съ обѣихъ сторонъ стояла подобно двумъ стѣнамъ и, истравивъ весь порохъ, дралась ружейными прикладами, пока имперцы, окруженные со всѣхъ сторонъ, послѣ трехчасо-

ваго боя не принуждены были наконецъ оставить поле сраженія. Предводители обѣихъ армій сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее для удержанія своихъ бѣжавшихъ войскъ, и эрцгерцогъ *Леопольдъ* съ своимъ полкомъ былъ постоянно первымъ при нападеніи и послѣднимъ въ бѣгствѣ. Слишкомъ трехъ тысячъ человѣкъ и двухъ лучшихъ генераловъ, *Шлангена* и *Лиліенгека*, стоила шведамъ эта кровопролитная побѣда. Со сторомы императорскихъ войскъ пять тысячъ осталось на мѣстѣ и почти столько же попалось въ плѣнъ. Вся ихъ артиллерія, состоявшая изъ сорока шести пушекъ, серебряный сервизъ и канцелярія эрцгерцога и весь обозъ достались побѣдителямъ. *Торстенсонъ*, слишкомъ ослабленный побѣдой для преслѣдованія непріятеля, пошелъ къ Лейпцигу, а разбитая армія потянулась въ Чехію, гдѣ бѣжавшіе полки собрались снова. Эрцгерцогъ *Леопольдъ* не могъ забыть проигранной битвы, и кавалерійской полкъ, подавшій къ тому поводъ своимъ бѣгствомъ, испыталъ всю силу его негодованія. Въ Раконицѣ, въ Чехіи, въ присутствіи всѣхъ остальныхъ войскъ, онъ объявилъ его лишеннымъ чести, отобралъ лошадей, оружіе и знаки отличій, велѣлъ разорвать его штандарты и приговорилъ къ смерти многихъ изъ его офицеровъ и десятаго человѣка изъ рядовыхъ.

Но самый Лейпцигъ, сдавшійся на третій день послѣ сраженія, былъ лучшею добычею побѣдителя. Городъ принужденъ былъ одѣть заново шведскую армію и откупиться отъ грабежа тремя бочками золота, въ чемъ должны были участвовать и иностранные купеческіе домы, имѣвшіе тамъ свои товары. Затѣмъ *Торстенсонъ* еще зимою осадилъ Фрейбергъ и, несмотря на суровость погоды, простоялъ подъ нимъ нѣсколько недѣль,

надѣясь своей настойчивостью утомить мужество осажденныхъ. Но онъ только напрасно терялъ людей: приближеніе императорскаго генерала *Пикколомини* принудило его наконецъ отступить съ ослабленною арміею. Впрочемъ, онъ почиталъ себя въ выигрышѣ уже потому, что не далъ непріятелю отдохнуть на зимнихъ квартирахъ, которыя самъ оставилъ добровольно и тѣмъ лишилъ ихъ трехъ тысячъ лошадей, павшихъ въ эту несчастную зимнюю кампанію. Потомъ *Торстенсонъ* двинулся къ Одеру для подкрѣпленія себя гарнизонами Помераніи и Силезіи, откуда съ быстротою молніи явился снова на границѣ Чехіи, быстро прошелъ это королевство и освободилъ Ольмюцъ, сильно тѣснимый имперцами. Изъ лагеря своего въ Добичавѣ, въ двухъ миляхъ отъ Ольмюца, онъ владычествовалъ надъ всею Моравіею, отягощалъ ее значительными контрибуціями и посылалъ свои разъѣзды до самыхъ вѣнскихъ мостовъ. Напрасно императоръ старался побудить венгерское дворянство вооружиться на защиту этой области: оно ссылалось на свои привилегіи и отказывалось служить внѣ своего отечества. Среди этихъ безплодныхъ переговоровъ утрачено было время для дѣятельнаго сопротивленія и вся Моравія сдѣлалась добычею шведовъ.

Въ то время, какъ *Бернгардъ Торстенсонъ* своими походами и побѣдами удивлялъ друзей и недруговъ, арміи союзниковъ въ другихъ мѣстахъ имперіи также не оставались праздными. Гессенскія и веймарскія войска, подъ начальствомъ графа *Эберштейна* и маршала *Гебріана*, вторглись въ курфиршество Кёльнское, съ цѣлью — занять тамъ зимнія квартиры. Чтобы избавиться отъ этихъ незваныхъ гостей, курфирстъ призвалъ императорскаго генерала графа *Гацфельда* и собралъ собственныя вой-

ска подъ начальствомъ генерала *Ламбоа*. На него-то напали союзники (въ январѣ 1642 года) при *Кемпенѣ* и разбили его въ жаркомъ сраженіи, причемъ двѣ тысячи человѣкъ положили на мѣстѣ и вдвое болѣе взяли въ плѣнъ. Эта важная побѣда отдала во власть союзниковъ все курфиршество и смежныя земли, такъ-что они не только заняли тамъ зимнія квартиры, но и получили значительное подкрѣпленіе людьми и лошадьми.

Гебріанъ предоставилъ гессенцамъ защиту ихъ завоеваній на Нижнемъ Рейнѣ противъ графа *Гацфельда*, а самъ двинулся въ Тюрингію, чтобы поддержать предпріятія *Торстенсона* въ Саксоніи. Но вмѣсто того, чтобы соединить свои силы съ шведскими, онъ поспѣшилъ обратно на Майнъ и Рейнъ, отъ котораго зашелъ далѣе, чѣмъ слѣдовало. Тогда баварцы, подъ начальствомъ *Мерси* и *Іоанна фонъ-Верта*, предупредили его въ маркграфствѣ Баденскомъ, гдѣ онъ, преданный на жертву суровости непогоды, въ теченіе многихъ недѣль проскитался безъ крова и по большей части принужденъ былъ ночевать на снѣгу, пока, наконецъ, не нашелъ убогое пристанище въ Брейсгау. Хотя въ слѣдующее лѣто онъ и явился снова въ полѣ и отвлекъ въ Швабію баварское войско, такъ-что оно не могло освободить города Тіонвиля въ Нидерландахъ, осажденнаго принцемъ *Конде*, но вскорѣ былъ оттѣсненъ превосходнымъ непріятелемъ въ Эльзасъ, гдѣ ожидалъ найти подкрѣпленіе.

Смерть кардинала *Ришльё*, послѣдовавшая въ ноябрѣ 1642 года, и перемѣна въ правленіи и министерствѣ, какую повлекла за собою кончина *Людовика Тринадцатаго* въ маѣ 1643 года, отвлекли на нѣкоторое время вниманіе Франціи отъ германской войны и произвели это бездѣйствіе въ полѣ. Но *Мазарини*, преемникъ вла-

сти, политики и предначертаній *Ришлё*, съ новымъ жаромъ занялся планомъ своего предшественника, какъ ни дорого это политическое величіе Франціи обходилось французскому подданному. *Ришльё* бо́льшую часть арміи употреблялъ противъ Испаніи; *Мазарини*, напротивъ, обратилъ ее противъ императора и заботой своей о германской войнѣ доказалъ на дѣлѣ справедливость своего мнѣнія, что германская армія есть правая рука его короля и оплотъ Французскаго государства. Вслѣдъ за взятіемъ Тіонвиля, отправилъ онъ значительное подкрѣпленіе маршалу *Гебріану* въ Эльзасъ; а чтобы возбудить въ этихъ войскахъ охоту переносить трудности германской войны, поручилъ знаменитому побѣдителю при Рокруа, герцогу Энгіенскому, впослѣдствіи принцу *Конде*, отвести ихъ лично туда. Теперь *Гебріанъ* почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы съ честью вступить въ Германію. Однако онъ поспѣшилъ обратно черезъ Рейнъ, чтобы поискать лучшихъ зимнихъ квартиръ въ Швабіи, и дѣйствительно овладѣлъ *Ротвейлемъ*, гдѣ ему достался баварскій магазинъ. Но за это мѣсто было заплачено дороже, чѣмъ оно того стоило, и скорѣй было потеряно, нежели взято. *Гебріанъ* получилъ рану въ руку, которую неискусство врача сдѣлало смертельною, и французы еще въ самый день его смерти почувствовали всю важность своей потери.

Французская армія, замѣтно уменьшившаяся отъ похода въ такое суровое время года, по взятіи Ротвейля, потянулась къ *Дюттлингену*, гдѣ предалась безпе́чному отдохновенію, нисколько не ожидая нападенія. Между тѣмъ непріятель собралъ сильную армію съ цѣлью не допустить французовъ утвердиться за Рейномъ, въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Баваріи и освободить эту

страну отъ ихъ притѣсненій. Императорскія войска, предводимыя *Гацфельдомъ*, соединяются съ баварскими, подъ начальствомъ *Мерси*, да и герцогъ Лотарингскій, котораго въ эту войну находимъ вездѣ, кромѣ собственныхъ его владѣній, примыкаетъ съ своими войсками къ ихъ соединеннымъ знаменамъ. Рѣшено было напасть на французскія квартиры въ Дюттлингенѣ и *поднять* пограничныя деревни, то есть напасть неожиданно. Подобнаго рода предпріятія были въ то время въ большомъ употребленіи, потому что непремѣнно сопряжены были съ замѣшательствомъ и обыкновенно стоили болѣе крови, чѣмъ настоящее сраженіе. Здѣсь подобное нападеніе было тѣмъ болѣе у мѣста, что французскій солдатъ, неопытный въ такихъ предпріятіяхъ, имѣлъ совсѣмъ иное понятіе о нѣмецкой зимѣ, и суровостью времени года считалъ себя огражденнымъ отъ нечаяннаго нападенія. *Іоаннъ фонъ-Вертъ*, недавно размѣненный на *Густава Горна* и весьма искусный въ войнѣ подобнаго рода, управлялъ предпріятіемъ и, вопреки всеобщему ожиданію, исполнилъ его счастливо.

Сдѣлали нападеніе съ такой стороны, откуда, по причинѣ множества тѣсныхъ проходовъ и лѣсовъ, его всего менѣе можно было ожидать, тѣмъ болѣе, что частый снѣгъ, падавшій въ этотъ день (24 ноября 1643 года), скрывалъ приближеніе авангарда, пока онъ не остановился въ виду Дюттлингена. Вся артиллерія, стоявшая предъ городомъ безъ прикрытія, равно какъ и лежавшій вблизи замокъ Гонбургъ были взяты безъ сопротивленія, весь Дюттлингенъ окруженъ постепенно подходившею арміею и всякое сообщеніе между нимъ и квартировавшимъ въ окрестныхъ селеніяхъ непріятелемъ было прекращено быстро и безъ шума. Итакъ, не сдѣлавъ еще выстрѣла,

французы уже были побѣждены. Кавалерія спаслась, благодаря быстротѣ своихъ лошадей, и только нѣсколькими минутами опередила преслѣдовавшаго непріятеля. Пѣхота была перебита или добровольно положила оружіе. Около двухъ тысячъ человѣкъ было убито, а семь тысячъ съ двадцатью пятью штабъ-офицерами и девяносто капитанами сдались въ плѣнъ. Конечно, это было единственное сраженіе во всю войну, сдѣлавшее на побѣдившую и побѣжденную стороны почти одинаковое впечатлѣніе: обѣ были — нѣмцы и опозорены французы. Хотя воспоминаніе объ этомъ несчастномъ днѣ, повторенномъ сто лѣтъ спустя при Росбахѣ, и было заглажено впослѣдствіи геройскими подвигами *Тюреня* и *Конде*, но онъ былъ слишкомъ радостенъ для нѣмцевъ, чтобы за всѣ бѣдствія, собранныя надъ ихъ головами французской политикой, не заплатить площадною пѣснью надъ французскою храбростью.

Между тѣмъ это пораженіе французовъ могло имѣть самыя пагубныя послѣдствія для шведовъ, такъ-какъ послѣ этого всѣ силы императора были направлены противъ нихъ, и самое число ихъ враговъ увеличилось въ это время еще однимъ. *Торстенсонъ* въ сентябрѣ 1643 года внезапно оставилъ Моравію и потянулся въ Силезію. Никто не зналъ причины его выступленія, а часто измѣняемое направленіе его похода увеличивало еще болѣе эту неизвѣстность. Выступивъ изъ Силезіи, онъ приблизился, послѣ разныхъ поворотовъ, къ Эльбѣ; императорскія войска слѣдовали за нимъ до Лузаціи. При Торгау онъ велѣлъ навесть мостъ чрезъ Эльбу и распустилъ слухъ, что намѣренъ ворваться чрезъ Мейсенъ въ Верхній Палатинатъ и Баварію. При Барби снова показалъ видъ, что собирается переправиться че-

резъ рѣку, а между тѣмъ все шелъ далѣе внизъ по Эльбѣ, до самаго Гавельберга, гдѣ объявилъ изумленной арміи, что ведетъ ее въ Голштинію противъ датчанъ.

Христіанъ Четвертый, принявшій на себя званіе посредника, уже давно возбуждалъ негодованіе шведовъ своимъ пагубнымъ пристрастіемъ, а также завистью, съ которою препятствовалъ успѣхамъ ихъ оружія, затрудненіемъ шведскаго судоходства въ Зундѣ и налогами, которыми отягощалъ расцвѣтающую торговлю Швеціи и, наконецъ, когда всѣ эти оскорбленія превзошли мѣру, вызвалъ ихъ на мщеніе. Какъ ни казалось опасно запутываться въ новую войну въ то время, когда, среди побѣдъ, едва выдерживали бремя старой, но мстительность и закоренѣлая народная ненависть преодолѣли всякое недоумѣніе, и самыя затрудненія, въ которыя вовлекла ихъ германская война, послужили лишней причиной испытать счастіе противъ Даніи. Наконецъ дошло до того, что продолжали войну съ единственною цѣлью доставить войску работу и хлѣбъ, что сражались почти только изъ-за выгодныхъ зимнихъ квартиръ и удобное размѣщеніе арміи предпочиталось выигранному генеральному сраженію. Но почти всѣ области германской имперіи были опустошены и объѣдены; недоставало ни провіанта, ни лошадей, ни людей, тогда-какъ всѣмъ этимъ изобиловала Голштинія. Лишь бы удалось пополнить армію въ этой области, накормить до-сыта людей и лошадей да снабдить кавалерію лучшими лошадьми, то исходъ уже стоилъ труда и опасностей предпріятія. Наконецъ, при открытіи тогдашнихъ мирныхъ переговоровъ, все зависѣло отъ того, чтобы воспрепятствовать вредному вліянію на нихъ Даніи и отдалить, по возможности, самый миръ, который, повидимому, мало благопріятство-

валъ Швеціи и — такъ-какъ дѣло шло о вознагражденіи — умножить число своихъ завоеваній, чтобы тѣмъ вѣрнѣе получить одно, которое хотѣли удержать за собою. Дурное управленіе датскаго государства давало право надѣяться еще бóльшаго, лишь бы удалось быстро и скрытно исполнить предпріятіе. Дѣйствительно въ Стокгольмѣ такъ хорошо скрыли тайну, что датскіе министры ничего не подозрѣвали, и даже Франція и Голландія не были посвящены въ эту тайну. Самая война служила объявленіемъ войны, и *Торстенсонъ* явился въ Голштиніи, когда тамъ и не думали о непріятельскихъ дѣйствіяхъ. Не встрѣтивъ сопротивленія, шведскія войска разлились потокомъ по всему герцогству и овладѣли всѣми укрѣпленными мѣстами, за исключеніемъ Ренсбурга и Глюкштата. Другая армія вторгается въ *Сканію*, гдѣ встрѣчаетъ также мало сопротивленія, и только бурное время года препятствуетъ ея предводителямъ переправиться чрезъ Малый Бельтъ и перенесть войну въ Фіонію и Зеландію. Датскій флотъ терпитъ крушеніе подъ *Фемерномъ* и самъ *Христіанъ*, находившійся на немъ, лишается праваго глаза, выбитаго осколкомъ. Отрѣзанный отъ арміи императора, своего союзника, король предвидитъ завоеваніе всего королевства шведами и, казалось, на самомъ дѣлѣ начинало исполняться предсказаніе знаменитаго *Тихо Браге*, что *Христіанъ Четвертый* принужденъ будетъ въ 1644 году выйти изъ своего королевства съ однимъ посохомъ.

Но императоръ не могъ равнодушно допустить, чтобы Данія сдѣлалась жертвой Швеціи и та усилилась завоеваніемъ этого королевства. Какъ ни велики были затрудненія, представляемыя такимъ дальнимъ путемъ по истощеннымъ областямъ, однако онъ не усомнился от-

править армію въ Гольштинію подъ начальствомъ графа *Галласа*, которому, по отбытіи *Пикколомини*, снова поручено было главное начальство надъ войсками. *Галласъ* дѣйствительно прибылъ въ Гольштинію, взялъ Киль и, соединившись съ датчанами, надѣялся запереть шведскую армію въ Ютландіи. Въ то же время гессенцы и шведскій генералъ *Кёнигсмаркъ* были заняты *Гацфельдомъ* и епископомъ Бременскимъ, сыномъ *Христіана Четвертаго*, а послѣдній, вслѣдстіе нападенія на Мейсенъ, долженъ былъ уйти въ Саксонію. Но *Торстенсонъ* прорвался сквозь незанятыя дефилеи между Шлезвигомъ и Стапельгольмомъ, пошелъ на встрѣчу *Галласу* и оттѣснилъ его по всему теченію Эльбы до самаго Бернбурга, гдѣ имперцы заняли крѣпкій лагерь. *Торстенсонъ* переправился черезъ Заалу и расположился такимъ образомъ, что зашелъ непріятелю въ тылъ и отрѣзалъ его отъ Саксоніи и Чехіи. Тогда въ императорскомъ станѣ оказался голодъ и истребилъ бо́льшую часть арміи; отступленіе къ Магдебургу ни сколько не поправило ея отчаяннаго положенія. Кавалерія, пытавшаяся уйти въ Силезію, была настигнута и разсѣяна *Торстенсономъ* у Ютербока; остальная армія, послѣ напрасной попытки пробиться съ оружіемъ въ рукахъ, почти вся истреблена подъ Магдебургомъ. *Галласъ* возвратился всего съ нѣсколькими тысячами солдатъ и со славою единственнаго истребителя своей арміи. Послѣ такой несчастной попытки спасти короля Датскаго, тотъ сталъ просить мира и получилъ его въ 1645 году въ Бремзебро, на тягостныхъ условіяхъ.

Торстенсонъ воспользовался своею побѣдою. Въ то время, какъ одинъ изъ его генераловъ, *Аксель Лиліенштернъ*, безпокоилъ курфиршество Саксонское, а *Кёнигс-*

маркъ покорялъ бременскія владѣнія, онъ самъ, въ главѣ шестнадцати тысячъ человѣкъ и съ восмидесятью орудіями, вторгся въ Чехію и старался снова перенесть войну въ австрійскія наслѣдственныя земли. Получивъ это извѣстіе, *Фердинандъ* самъ поспѣшилъ въ Прагу, чтобы своимъ присутствіемъ воспламенить мужество войскъ и — такъ-какъ не было ни способнаго полководца, ни согласія между отдѣльными начальниками — тѣмъ быстрѣе и настойчивѣе дѣйствовать самому вблизи театра войны. По его повелѣнію *Гацфельдъ* собралъ всѣ австрійскія и баварскія силы и, вопреки своему убѣжденію и желанію, противосталъ съ ними (съ послѣдними войсками императора и послѣднимъ оплотомъ его государства) вторгавшемуся непріятелю подъ *Янковымъ* или *Янковицемъ* 24-го февраля 1645 года. *Фердинандъ* полагался на свою кавалерію, превосходившую непріятельскую тремя тысячами лошадей, и на обѣщаніе Пречистой Дѣвы, которая явилась ему во снѣ и предсказала вѣрную побѣду.

Превосходство силъ императорской арміи не испугало *Торстенсона*, непривыкшаго считать непріятелей. Лѣвое крыло, расположенное генераломъ лиги *фонъ-Гёцомъ* въ невыгодномъ мѣстѣ, между прудами и лѣсами, при первомъ же нападеніи было приведено въ совершенное разстройство; самъ *Гёцъ* и бóльшая часть его войскъ перебиты и почти всѣ военные запасы арміи взяты непріятелемъ. Это несчастное начало рѣшило судьбу сраженія. Подвигаясь все впередъ и впередъ, шведы завладѣли главнѣйшими высотами и, послѣ восьми-часовой битвы, яростнаго нападенія кавалеріи и самаго мужественнаго сопротивленія пѣхоты, овладѣли полемъ сраженія. Двѣ тысячи австрійцевъ легло на

мѣстѣ, а самъ *Гацфельдъ* съ тремя тысячами солдатъ принужденъ былъ отдаться въ плѣнъ.

Эта рѣшительная побѣда при Янковицѣ открыла непріятелю всѣ австрійскія земли. *Фердинандъ* убѣжалъ въ Вѣну, чтобы позаботиться о защитѣ этого города и обезпечить себя самого, свои сокровища и свое семейство. Да и побѣдоносные шведы не заставили себя долго ждать: они ворвались бурнымъ потокомъ въ Моравію и Австрію, покорили первую изъ этихъ областей, обложили Брюнъ, овладѣли всѣми укрѣпленными за̀мками по самый Дунай и, захвативъ даже шанцы у Вольфсбрюке, неподалеку отъ Вѣны, очутились наконецъ въ виду столицы императора; заботливость же, съ какою они укрѣпляли завоеванныя мѣста, не предвѣщала скораго ихъ удаленія оттуда. Послѣ долгаго и гибельнаго круговращенія по всѣмъ областямъ Германской Имперіи, потокъ войны возвращается наконецъ къ своему источнику, и громъ шведскихъ орудій напоминаетъ жителямъ Вѣны о ядрахъ, брошенныхъ чешскими мятежниками въ императорскую столицу, за двадцать семь лѣтъ предъ тѣмъ. Тотъ же театръ войны приводитъ въ дѣйствіе тѣ же орудія нападенія. Какъ прежде *Бетленъ Габоръ* призывался возставшими чехами, такъ теперь его преемникъ *Рагоци* былъ призванъ на помощь *Торстенсономъ;* уже Верхняя Венгрія наводнена его войсками и ежедневно ждутъ его соединенія со шведами. *Іоаннъ Георгъ Саксонскій*, доведенный до крайности шведскимъ постоемъ въ его землѣ и оставленный безъ помощи императоромъ, который послѣ янковицкаго сраженія былъ не въ силахъ защитить самого себя, избираетъ послѣднее и единственное средство къ спасенію, именно — заключаетъ перемиріе съ шведами, которое продолжается изъ году въ

годъ до общаго мира. Императоръ теряетъ друга въ то время, когда на порогѣ его государства возстаетъ противъ него новый непріятель, когда его арміи таютъ и его союзниковъ поражаютъ въ другихъ мѣстахъ Германіи, такъ-какъ и французская армія загладила стыдъ своего пораженія подъ Дюттлингеномъ блистательной побѣдой и занимала всѣ силы Баваріи на Рейнѣ и въ Швабіи. Подкрѣпившись свѣжими войсками изъ Франціи, приведенными къ герцогу *Энгіенскому* великимъ и тогда уже прославившимся своими побѣдами въ Италіи *Тюренемъ*, французы явились 3-го августа 1644 года подъ Фрейбургомъ, взятымъ не задолго предъ тѣмъ баварскимъ генераломъ, *Мерси*, который теперь окопался и прикрывалъ его со всею своею арміею. Французская храбрость не могла поколебать стойкости баварцевъ, и герцогъ *Энгіенскій* принужденъ былъ отступить, пожертвовавъ напрасно шестью тысячами своихъ солдатъ. *Мазарини* не могъ удержать слезъ, узнавъ объ этой огромной потерѣ, которую, впрочемъ, ставилъ ни во что̀ безчувственный къ о̀дной славѣ *Конде*. «Одна ночь въ Парижѣ» говаривалъ онъ «даетъ жизнь бо̀льшему числу людей, чѣмъ сколько убито въ этомъ сраженіи!» Однако это кровопролитное сраженіе до того ослабило баварцевъ, что они не только не въ состояніи были помочь стѣсненной Австріи, но даже не могли защитить береговъ Рейна. Шпейеръ, Вормсъ и Мангеймъ сдаются, крѣпкій Филиппсбургъ одолѣвается голодомъ и самый Майнцъ спѣшитъ заблаговременною покорностью обезоружить побѣдителя.

Что̀ спасло Австрію и Моравію въ началѣ войны отъ чеховъ, то̀ и теперь избавило ее отъ *Торстенсона*. Хотя *Рагоци* съ своимъ войскомъ, въ числѣ двадцати

пяти тысячъ человѣкъ, и прорвался до самаго Дуная неподалеку отъ шведскаго лагеря; но эти нерегулярныя и буйныя полчища опустошали только землю, вмѣсто того, чтобы помогать предпріятіямъ *Торстенсона* сообразными дѣйствіями. Единственно, что̀ вызывало въ поле, какъ *Рагоци*, такъ и *Бетленъ Гобора*, это — надежда вынудить у императора дань, а у подданныхъ деньги и имущества, и оба возвращались домой, едва цѣль была достигнута. *Фердинандъ*, чтобы освободиться отъ этого варвара, согласился на всѣ его требованія и незначительною жертвою освободилъ свои земли отъ грознаго непріятеля.

Между тѣмъ главная армія шведовъ, вслѣдствіе долговременнаго пребыванія подъ Брюномъ, значительно ослабѣла. *Торстенсонъ*, самъ руководившій осадой, цѣлые четыре мѣсяца напрасно истощилъ все свое искусство: сопротивленіе равнялось нападенію и отчаяніе воспламеняло мужество коменданта *Де-Суше*, шведскаго переметчика, который не могъ разсчитывать на прощеніе. Свирѣпость язвы, порожденной недостаткомъ, нечистотою и употребленіемъ въ пищу незрѣлыхъ плодовъ въ зараженномъ лагерѣ и быстрое отступленіе трансильванцевъ принудили наконецъ шведскаго полководца снять осаду. Видя всѣ проходы къ Дунаю занятыми, а свою армію значительно уменьшившеюся отъ болѣзней и голода, онъ отказался отъ замысловъ на Австрію и Моравію, довольствуясь тѣмъ, что оставилъ во всѣхъ покоренныхъ за̀мкахъ шведскіе гарнизоны съ цѣлью удержать ключи къ обѣимъ провинціямъ, и потянулся въ Чехію, куда послѣдовали за нимъ и австрійцы подъ начальствомъ эрцгерцога *Леопольда*. Всѣ потерянныя мѣста, еще непокоренные снова этимъ по-

слѣднимъ, по выступленіи его были взяты императорскимъ генераломъ *Бухгеймомъ*, такъ-что въ слѣдующемъ году австрійская граница была совершенно очищена отъ непріятеля и трепетавшая Вѣна отдѣлалась однимъ стахомъ. Въ Чехіи и Силезіи шведы также защищались съ перемѣннымъ счастьемъ и бродили въ обѣихъ областяхъ, не имѣя силы удержаться въ нихъ. Но если исходъ торстенсонова предпріятія и не совѣмъ соотвѣтствовалъ многообѣщавшему началу, при всемъ томъ онъ имѣлъ для шведской партіи самыя рѣшительныя послѣдствія. Данія принуждена была къ миру, а Саксонія къ перемирію; императоръ на мирномъ конгресѣ сдѣлался уступчивѣе, Франція услужливѣй, а Швеція въ обхожденіи своемъ съ другими державами самоувѣреннѣе и отважнѣе. Совершивъ такимъ блистательнымъ образомъ свою высокую обязанность, виновникъ этихъ выгодъ, украшенный лаврами, возвратился къ тишинѣ частной жизни, чтобы найти облегченіе отъ мучительной своей болѣзни.

Правда, по отступленіи *Торстенсона*, императоръ былъ обезпеченъ со стороны Чехіи отъ непріятельскаго вторженія, но скоро новая опасность со стороны Швабіи и Баваріи приблизилась къ австрійскимъ границамъ. *Тюренъ*, отдѣлившійся отъ *Конде* и повернувшій въ Швабію, былъ разбитъ въ 1645 году на-голову генераломъ *Мерси* неподалеку онъ Мергентгейма, и побѣдоносные баварцы, подъ начальствомъ своего храбраго вождя, вторглись въ Гессенъ. Но герцогъ *Энгіенскій* изъ Эльзаса, *Кёнигсмаркъ* изъ Моравіи и гессенцы съ Рейна тотчасъ подоспѣли съ значительными силами на помощь разбитому войску и баварцы были оттѣснены до крайнихъ границъ Швабіи. Наконецъ они останови-

лись при деревнѣ *Аллерсгеймѣ*, неподалеку отъ Нёрдлингена, чтобы прикрыть границы Баваріи. Но бѣшеное мужество герцога *Энгіенскаго* не боялось никакихъ препятствій. Онъ повелъ свои войска противъ непріятельскихъ укрѣпленій и завязалъ сраженіе, превращенное геройскимъ сопротивленіемъ баварцевъ въ одно изъ упорнѣйшихъ и кровопролитнѣйшихъ; наконецъ смерть доблестнаго *Мерси*, присутствіе духа *Тюреня* и замѣчательная стойкость гессенцевъ рѣшили битву въ пользу союзниковъ. Однако и это вторичное, варварское пожертвованіе людьми имѣло мало вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій и мирныхъ переговоровъ. Французская армія, обезсиленная этою кровавою побѣдою, уменьшилась еще болѣе отбытіемъ гессенцевъ, тогда-какъ баварцы были подкрѣплены императорскимъ вспомогательнымъ войскомъ, приведеннымъ *Леопольдомъ;* все это заставило *Тюреня* возвратиться на Рейнъ.

Отступленіе французовъ позволяло непріятелю обратить всѣ свои силы въ Чехію противъ шведовъ. *Густаву Врангелю*, достойному преемнику *Баннера* и *Торстенсона*, ввѣрено было въ 1646 году главное начальство надъ шведскою арміею, которая, не считая летучаго корпуса *Кёнигсмарка* и многихъ гарнизоновъ, разсѣянныхъ по всей имперіи, состояла еще изъ восьми тысячъ кавалеріи и пятнадцати тысячъ пѣхоты. Эрцгерцогъ *Леопольдъ*, подкрѣпивъ свою двадцатичетырехтысячную армію двѣнадцатью полками баварской конницы и восьмнадцатью полками пѣхоты, пошелъ на *Врангеля*, надѣясь подавить его своими превосходными силами до присоединенія къ нему *Кёнигсмарка* или диверсіи со стороны французовъ. Но тотъ не сталъ его дожидаться, а поспѣшилъ черезъ Верхнюю Саксонію къ

Везеру, гдѣ взялъ Гёхстеръ и Падерборнъ. Оттуда обратился онъ въ Гессенъ для соединенія съ *Тюренемъ* и въ лагерѣ при Вецларѣ присоединилъ къ себѣ летучій корпусъ *Кёнигсмарка*. Но *Тюренъ*, связанный приказаніями *Мазарини*, уже давно желавшаго ограничить военное счастье и возраставшую надменность шведовъ, извинился крайнею необходимостью защищать границы Франціи со стороны Нидерландовъ, такъ-какъ голландцы въ этомъ году отказались отъ обѣщанной диверсіи. Когда же *Врангель* сталъ упорно настаивать на своемъ требованіи, а дальнѣйшее сопротивленіе могло возбудить въ шведахъ подозрѣніе и даже склонить ихъ къ отдѣльному миру съ Австріею, тогда *Тюренъ* получилъ желаемое дозволеніе подкрѣпить шведскія войска.

Соединеніе послѣдовало у Гиссена, и теперь союзники чувствовали себя довольно сильными, чтобы противостать непріятелю, который поспѣшилъ за шведами въ Гессенъ, съ цѣлью отрѣзать имъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ и помѣшать ихъ соединенію съ *Тюренемъ*. Не удалось ни то, ни другое и императорская армія теперь сама была отрѣзана отъ Майна и, въ слѣдствіе потери своихъ магазиновъ, терпѣла большой недостатокъ. *Врангель* воспользовался ея слабостью для исполненія предпріятія, долженствовавшаго дать войнѣ совсѣмъ другой оборотъ. Правило его предшественника перенесть войну въ австрійскія наслѣдственныя владѣнія было принято и имъ; напуганный неудачею предпріятія *Торстенсона*, онъ надѣялся достигнуть той же цѣли другимъ путемъ, вѣрнѣе и основательнѣе. Онъ рѣшился слѣдовать по теченію Дуная и черезъ Баварію вторгнуться въ австрійскіе предѣлы. Еще *Густавъ Адольфъ* имѣлъ подобное намѣреніе, но не могъ его исполнить, будучи

остановленъ слишкомъ рано на своемъ побѣдоносномъ пути арміею *Валленштейна* и опасностью, угрожавшею Саксоніи. Герцогъ *Бернгардъ* пошелъ по его слѣдамъ и былъ счастливѣе *Густава Адольфа:* побѣноносныя его знамена уже развѣвались между Изаромъ и Инномъ, но и онъ былъ остановленъ въ своемъ геройскомъ стремленіи многочисленностью и близостью непріятельскихъ армій и принужденъ былъ отступить. Въ чемъ не посчастливилось имъ обоимъ, то надѣялся исполнить *Врангель*, тѣмъ болѣе, что императорско-баварскія войска стояли далеко позади его у рѣки Лане и не иначе, какъ дальнимъ путемъ черезъ Франконію и Верхній Палатинатъ могли прибыть въ Баварію. Онъ быстро двинулся къ Дунаю, разбилъ баварскій корпусъ при Донаувертѣ и перешелъ эту рѣку, какъ равно и Лехъ, безъ всякаго сопротивленія. Но безплодною осадою Аугсбурга далъ время императорскимъ войскамъ освободить этотъ городъ и оттѣснить его самого до Лауингера. Когда же они, съ цѣлью удалить войну отъ баварскихъ границъ, пошли въ Швабію, то *Врангель* воспользовался случаемъ переправиться черезъ незащищенный Лехъ, который теперь самъ заградилъ имперцамъ. Тогда открылась ему беззащитная Баварія; французы и шведы наводнили ее, подобно быстрому потоку, и солдатъ вознаградилъ себя за всѣ испытанныя опасности самыми ужасными насиліями, грабительствомъ и притѣсненіями. Прибытіе императорско-баварскихъ войскъ, переправившихся наконецъ черезъ Лехъ у Тиргаупта, только умножило бѣдствія страны, угнетаемой другомъ и нѐдругомъ безъ различія.

Теперь наконецъ — теперь въ первый разъ во всю эту войну поколебалось несокрушимое мужество *Мак-*

симиліана, который въ теченіе цѣлыхъ двадцати восьми лѣтъ, среди самыхъ жестокихъ испытаній, оставался непоколебимымъ. *Фердинанда Втораго*, его ингольштатскаго товарища и друга юности уже не было въ живыхъ; съ кончиною этого друга и благодѣтеля была разорвана одна изъ крѣпчайшихъ связей, соединявшихъ курфирста съ Австріею. Къ отцу привязывала его привычка, склонность и благодарность; сынъ же былъ чуждъ его сердцу, и только одни *государственные интересы* могли удержать его на сторонѣ этого государя.

И именно ихъ-то употребило французское коварство, чтобы отвлечь его отъ австрійскаго союза и побудить положить оружіе. Не безъ умысла подавилъ *Мазарини* свою зависть къ Швеціи и позволилъ французскимъ войскамъ послѣдовать за шведами въ Баварію. Баварія должна была испытать всѣ ужасы войны, чтобы побѣдить наконецъ крайнею необходимостью и отчаяніемъ твердость *Максимиліана* и лишить императора главнаго и послѣдняго союзника. Курфиршество Бранденбургское, въ правленіе своего великаго государя, *избрало* нейтралитетъ, Саксонія *принуждена* была сдѣлать то же; *испанцамъ французская* война не позволяла участвовать въ *германской; Данію* миръ съ Швеціею отозвалъ съ театра войны; *Польшу* обезоруживало долговременное перемиріе. Если бы удалось отвлечь и курфирста Баварскаго отъ австрійскаго союза, то императоръ во всей Германіи не имѣлъ бы ни одного защитника и, безпомощный, подвергся бы произволу враждебныхъ державъ.

Фердинандъ Третій видѣлъ окружавшую его опасность и употреблялъ всѣ средства къ ея отвращенію. Но курфирсту Баварскому внушили пагубное мнѣніе,

что одни испанцы противятся миру и что только испанское вліяніе препятствуетъ императору согласиться на перемиріе. *Максимиліанъ* ненавидѣлъ испанцевъ и никогда не могъ имъ простить, что они противились его домогательству на полученіе палатинскаго курфиршескаго сана. И въ угодность этой ненавистной державѣ долженъ былъ онъ жертвовать своимъ народомъ, допустить опустошеніе своихъ земель и подвергать гибели самого себя, тогда-какъ перемиріемъ могъ избавиться отъ всѣхъ затрудненій, доставить подданнымъ необходимый отдыхъ и этимъ средствомъ, быть можетъ, ускорить заключеніе общаго мира! Всякое сомнѣніе исчезло, и удостовѣренный въ необходимости этого шага, онъ полагалъ, что исполнитъ всѣ свои обязанности въ отношеніи къ императору, если сдѣлаетъ и *его* участникомъ благодѣяній перемирія.

Въ Ульмѣ собрались уполномоченные трехъ державъ и Баваріи, чтобы покончить съ условіями перемирія. Однако изъ инструкцій австрійскихъ пословъ скоро обнаружилось, что императоръ прислалъ ихъ на конгресъ съ цѣлью скорѣй воспрепятствовать миру, нежели способствовать его заключенію. Все зависѣло отъ того, чтобы склонить на перемиріе шведовъ, которые, какъ побѣдители, могли болѣе желать, чѣмъ бояться продолженія войны. *Они* были побѣдители, и при всемъ томъ императоръ хотѣлъ предписывать имъ законы. Шведскіе послы, въ пылу перваго гнѣва, едва не оставили конгреса и, чтобы ихъ удержать, французы должны были прибѣгнуть къ угрозамъ.

Послѣ того, какъ курфирсту Баварскому не удалось такимъ образомъ склонить императора на перемиріе, онъ почелъ себя въ правѣ позаботиться о собственной поль-

зѣ. Какъ ни тяжелы были условія, на которыхъ ему предлагали перемиріе, тѣмъ не менѣе онъ не усомнился согласиться на нихъ. Онъ предоставилъ шведамъ расположиться въ Швабіи и Франконіи, а самъ довольствовался квартирами въ Баваріи и палатинскихъ земляхъ. Всѣ свои завоеванія въ Швабіи онъ долженъ былъ отдать союзникамъ, которые, съ своей стороны, возвратили ему всѣ занятыя мѣста въ Баваріи. Кёльнъ и Гессенъ-Кассель также были включены въ перемиріе. По заключеніи этого трактата, 14-го марта 1647 года, французы и шведы оставили Баварію и, чтобы не мѣшать другъ другу, заняли квартиры въ разныхъ мѣстахъ, первые въ герцогствѣ Вюртембергскомъ, а послѣдніе въ Верхней Швабіи, неподалеку отъ Боденскаго озера. На сѣверной сторонѣ этого озера и на самой южной оконечности Швабіи австрійскій городъ *Брегенцъ* успѣшно противился всѣмъ непріятельскимъ нападеніямъ, благодаря узкому и крутому проходу, и окрестные жители со всѣмъ своимъ имуществомъ укрывались обыкновенно въ этой природной крѣпости. Надежда на богатую добычу и выгоды, какихъ можно было ожидать отъ обладанія ключомъ къ Тиролю, Швейцаріи и Италіи, побудили шведскаго генерала напасть на это, какъ думали, неприступное ущелье и на самый городъ. Онъ успѣлъ въ томъ и другомъ, несмотря на сопротивленіе поселянъ, старавшихся, въ числѣ шести тысячъ, отстоять ущелье. Тѣмъ временемъ *Тюренъ*, согласно условію, отправился въ вюртембергскія владѣнія, откуда силою оружія принудилъ ландграфа Дармштатскаго и курфирста Майнцскаго, по примѣру Баваріи, приступить къ нейтралитету.

Теперь, казалось, французская политика достигла наконецъ своей великой цѣли — лишить императора

всякаго пособія со стороны лиги и протестантскихъ союзниковъ, предать его беззащитнаго соединенному оружію обѣихъ державъ и предписать ему миръ съ мечомъ въ рукахъ. Армія изъ какихъ-нибудь двѣнадцати тысячъ человѣкъ — вотъ все, что осталось у императора отъ прежняго его могущества; и начальство надъ нею принужденъ былъ онъ ввѣрить кальвинисту, гессенскому переметчику *Меландеру*, такъ-какъ война лишила его всѣхъ способныхъ генераловъ. Но какъ эта война нѣсколько разъ представляла самые неожиданные обороты счастья и часто какимъ-нибудъ постороннимъ случаемъ внезапно уничтожала всѣ разсчеты политическаго благоразумія, такъ и здѣсь успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, и глубоко-падшее могущество Австріи въ короткое время снова пріобрѣтаетъ грозное превосходство. Зависть Франціи къ шведамъ не позволяла этой державѣ уничтожить въ конецъ императора и тѣмъ усилить могущество шведовъ въ Германіи до той степени, на которой оно могло сдѣлаться гибельнымъ для самой Франціи. Вслѣдствіе этого французскій министръ и не воспользовался безпомощнымъ положеніемъ Австріи: армія *Тюреня* отдѣлилась отъ *Врангеля* и потянулась къ нидерландскимъ границамъ. Тѣмъ не менѣе *Врангель*, послѣ своего похода изъ Швабіи во Франконію, взятія Швейнфурта и размѣщенія императорскаго гарнизона по шведскимъ полкамъ, попытался одинъ вторгнуться въ Чехію и осадилъ Эгеръ—ключъ ко всему королевству. Для освобожденія этой крѣпости императоръ велѣлъ двинуться послѣдней своей арміи и самъ лично прибылъ туда. Но, принужденная сдѣлать огромный кругъ, чтобы обойти помѣстья президента военной коллегіи (Kriegsraths) *фонъ-Шлика*, армія замѣшкалась, и Эгеръ

былъ взятъ до ея прибытія. Послѣ этого обѣ арміи сблизились и не разъ ждали рѣшительной битвы, такъ-какъ обѣ терпѣли недостатокъ, въ особенности императорская, и часто оба лагеря и боевой строй раздѣляли одни укрѣпленія. Но имперцы довольствовались тѣмъ, что постоянно слѣдовали за непріятелемъ и утомляли его стычками, голодомъ и трудными походами, пока начатые съ Баваріею переговоры достигли желаемой цѣли.

Нейтралитетъ Баваріи — была рана, которой императорскій дворъ не могъ перенесть равнодушно, и когда всѣ попытки помѣшать ему оказались напрасными, рѣшено было извлечь изъ него единственно - возможную пользу. Многіе офицеры баварской арміи были раздражены поступкомъ своего государя, обрекавшимъ ихъ на бездѣйствіе и налагавшимъ тяжелыя цѣпи на ихъ необузданность. Самъ храбрый *Іоаннъ фонъ-Вертъ* стоялъ во главѣ недовольныхъ, и поощряемый императоромъ, составилъ заговоръ съ цѣлью отвлечъ армію отъ курфирста и предать ее императору. *Фердинандъ* не постыдился тайно содѣйствовать этой измѣнѣ противъ вѣрнѣйшаго союзника своего отца. Онъ отправилъ на имя курфиршескихъ войскъ отзывныя граммати, въ которыхъ напоминалъ, что они императорскія войска и что курфирстъ начальствуетъ ими только именемъ императора. Къ счастью, *Максимиліанъ* во́-время открылъ заговоръ и скорыми и благоразумными распоряженіями отвратилъ ударъ.

Недостойный поступокъ императора давалъ ему право на возмездіе; но *Максимиліанъ* былъ слишкомъ опытный политикъ, чтобы внимать тамъ голосу страсти, гдѣ слѣдовало говорить одному благоразумію. Перемиріе не доставило ему ожидаемыхъ выгодъ. Далеко не ускоривъ

заключеніемъ общаго мира, это частное перемиріе скорѣй придало переговорамъ въ Минстерѣ и Оснобрюкѣ вредный оборотъ и сдѣлало союзниковъ настойчивѣе въ своихъ требованіяхъ. Французы и шведы ушли изъ Баваріи; но, лишившись квартиръ въ Швабіи, *Максимиліанъ* былъ поставленъ въ необходимость или истощать свои земли собственными войсками, или распустить ихъ и въ это время кулачнаго права безразсудно отложить въ сторону мечъ и щитъ. Не выбравъ ни одной изъ этихъ двухъ вѣрныхъ золъ, онъ рѣшился лучше избрать третье, по-крайней-мѣрѣ еще сомнительное — нарушить перемиріе и снова приняться за оружіе.

Его рѣшеніе и скорая помощь, отправленная имъ въ Чехію, грозили погубить шведовъ, и *Врангель* долженъ былъ поспѣшно отступить изъ Чехіи. Онъ пошелъ черезъ Тюрингію въ Вестфалію и Люнебургъ, для соединенія съ французскою арміею *Тюреня;* императорско-баварская армія, подъ начальствомъ *Меландера* и *Гронсфельда,* слѣдовала за нимъ до Везера. Гибель его была бы неизбѣжна, еслибы непріятель настигъ его до присоединенія къ нему *Тюреня;* но что прежде спасло императора, спасло теперь шведовъ. Среди яростной борьбы холодное благоразуміе управляло ходомъ войны и бдительность дворовъ увеличивалась съ приближеніемъ мира. Курфирстъ Баварскій не могъ допустить, чтобы перевѣсъ такъ рѣшительно склонился на сторону императора и, вслѣдствіе этого неожиданнаго оборота дѣлъ, замедлилось бы заключеніе мира. Съ приближеніемъ времени подписанія договора, каждая односторонняя перемѣна счастья была чрезвычайно важна; уничтоженіе равновѣсія между договаривавшимися сторонами могло вдругъ разрушить дѣло многихъ лѣтъ, дорогой

плодъ самыхъ затруднительныхъ переговоровъ и замедлить успокоеніе Европы. Если Франція держала свою союзницу Швецію въ благодѣтельныхъ оковахъ и помогала соразмѣрно ея успѣхамъ и неудачамъ, то курфирстъ Баварскій безмолвно сталъ дѣлать то же въ отношеніи къ *своему* союзнику—императору и, благоразумно размѣряя свою помощь, старался оставить за собою вліяніе на могущество Австріи. Теперь могущество императора грозило вдругъ достигнуть опасной высоты — и *Максимиліанъ* внезапно прекратилъ преслѣдованіе шведовъ. Онъ боялся также мщенія Франціи, которая уже грозила двинуть противъ него всѣ силы *Тюреня*, если онъ позволитъ своимъ войскамъ переправиться черезъ Везеръ.

Меландеръ, удержанный баварцами отъ дальнѣйшаго преслѣдованія *Врангеля*, повернулъ черезъ Іену и Эрфуртъ въ Гессенъ и явился грознымъ врагомъ въ землѣ, которую самъ защищалъ прежде. Если дѣйствительно чувство мщенія къ бывшей своей государынѣ побудило его избрать Гессенъ театромъ своихъ опустошеній, то онъ вполнѣ удовлетворилъ это чувство. Гессенъ исходилъ кровью подъ его бичомъ и бѣдствія этой истощенной страны доведены были имъ до крайней степени. Но онъ скоро принужденъ былъ раскаяться, что при выборѣ квартиръ руководствовался мстительностью, а не благоразуміемъ. Въ обѣднѣвшемъ Гессенѣ армія терпѣла сильнѣйшій недостатокъ, тогда какъ *Врангель* въ Люнебургѣ собиралъ свѣжія силы и снабжалъ полки лошадьми. Слишкомъ слабый, чтобы удержать за собой свои жалкія квартиры, когда шведскій генералъ открылъ зимнюю кампанію 1648 года и двинулся въ Гессенъ, *Меландеръ* принужденъ былъ бѣжать со стыдомъ и искать спасенія на берегахъ Дуная.

Франція снова обманула ожиданія шведовъ и, несмотря на всѣ требованія *Врангеля*, удержала армію *Тюреня* на Рейнѣ. Шведскій главнокомандующій отомстилъ тѣмъ, что присоединилъ къ себѣ веймарскую конницу, которая отказалась отъ французской службы, но этимъ поступкомъ далъ новую пищу зависти Франціи. Наконецъ *Тюренъ* получилъ дозволеніе присоединиться къ шведамъ — и тогда былъ открытъ соединенными арміями послѣдній походъ въ эту войну. Они прогнали *Меландера* до самаго Дуная, снабдили Эгеръ, осажденный имперцами, съѣстными припасами и разбили по ту сторону Дуная императорско-баварскую армію, встрѣтившую ихъ у Цусмаргаузена. Въ этомъ сраженіи *Меландеръ* былъ смертельно раненъ, а баварскій генералъ *фонъ-Гронсфельдъ* расположился съ остатками арміи по ту сторону Леха, чтобы защитить Баварію отъ непріятельскаго вторженія.

Но *Гронсфельдъ* не былъ счастливѣе *Тилли*, который на этомъ самомъ мѣстѣ пожертвовалъ жизнью для спасенія Баваріи. *Врангель* и *Тюренъ* избрали для переправы мѣсто, ознаменованное побѣдою *Густава Адольфа*, и совершили ее съ помощю тѣхъ же выгодъ, которыя благопріятствовали ему. Баварія была снова наводнена и нарушеніе перемирія было наказано жесточайшими насиліями, совершенными надъ баварскими подданными. *Максимиліанъ* укрылся въ Зальцбургѣ въ то время, какъ шведы переправились черезъ Изаръ и дошли до Инна. Продолжительный и сильный дождь, превратившій въ нѣсколько дней эту незначительную рѣчку въ бурный потокъ, спасъ Австрію еще разъ отъ угрожавшей опасности Десять разъ непріятель пытался наводить пловучій мостъ черезъ Иннъ и десять разъ

потокъ разрушалъ его. Никогда во всю войну ужасъ католиковъ не достигалъ такой степени, какъ теперь, когда непріятель стоялъ въ сердцѣ Баваріи и не было ни одного генерала, котораго бы можно было противопоставить *Тюреню*, *Врангелю* и *Кёнигсмарку*. Наконецъ храбрый *Пикколомини* прибылъ изъ Нидерландовъ съ слабыми остатками императорскихъ войскъ. Опустошеніемъ Баваріи союзники сами затруднили себѣ дальнѣйшее пребываніе въ Баваріи, и недостатокъ принудилъ ихъ отступить въ Верхній Палатинатъ, гдѣ извѣстіе о заключеніи мира положило предѣлъ ихъ дѣйствіямъ.

Кёнигсмаркъ съ своимъ летучимъ корпусомъ обратился въ Чехію, гдѣ *Эрнстъ Одовальскій*, отставной ротмистръ, изувѣченный на службѣ императора и потомъ отставленный безъ всякаго вознагражденія, сообщилъ ему планъ овладѣть врасплохъ Малою Стороною Праги. *Кёнигсмаркъ* удачно привелъ его въ исполненіе и тѣмъ удостоился славы заключить тридцатилѣтнюю войну послѣднимъ блистательнымъ дѣломъ. Этотъ рѣшительный ударъ, побѣдившій наконецъ нерѣшительность императора, стоилъ шведамъ всего одного убитаго. Но Старый Городъ, другая, бо̀льшая часть Праги, отдѣленная отъ первой рѣкой Молдавою, утомила сильнымъ сопротивленіемъ и пфальцграфа *Карла Густава*, наслѣдника престола послѣ *Христины*, прибывшаго съ свѣжими войсками изъ Швеціи и собравшаго подъ ея стѣнами всѣ шведскія войска изъ Чехіи и Силезіи. Наконецъ наступившая зима принудила осаждавшихъ занять зимнія квартиры, и тамъ-то застало ихъ извѣстіе о мирѣ, подписанномъ въ Оснабрюкѣ и Минстерѣ двадцать четвертаго октября.

Что́ за исполинское дѣло было заключить этотъ такъ называемый вестфальскій, славный, ненарушимый и священный миръ, какія повидимому безконечныя препятствія надо было преодолѣть, какіе спорные интересы примирить, какой рядъ случаевъ долженъ былъ дѣйствовать заодно, чтобы привести въ исполненіе это трудное, дорогое и долговѣчное политическое дѣло, чего стоило только открыть переговоры и, открывъ, чего стоило поддерживать ихъ при измѣнявшихся оборотахъ продолжавшейся войны, что́ стоило уже вполнѣ условленный миръ утвердить и торжественно-утвержденный привести въ исполненіе, что́, наконецъ, было содержаніемъ этого мира, что каждый изъ бойцовъ тридцатилѣтними напряженіями и страданіями пріобрѣлъ или потерялъ и какія выгоды или невыгоды получали отъ него всѣ европейскія государства вообще — все это должно быть предоставлено другому перу. Какъ исторія войны есть одно громадное цѣлое, такъ громадна и цѣла исторія вестфальскаго мира. Одинъ его очеркъ превратилъ бы въ скелетъ самое занимательное и характеристическое произведеніе человѣческаго ума и страсти, и лишилъ бы мою исторію того, чѣмъ она можетъ привлечь вниманіе читателей, для которыхъ я писалъ и съ которыми здѣсь прощаюсь.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

СТР.

От изданія . V

Исторія тридцатилѣтней войны. Историческое сочиненіе въ двухъ частяхъ и пяти книгахъ. Переводъ Н. Гербеля:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Книга первая . 3
Книга вторая . 105

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Книга третья . 229
Книга четвертая . 352
Книга пятая . 414

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MIDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Schiller, Friedrich, 1759-1805

Lyrische, dramatische uund historische Werke Schillers in Übersetzungen russischer Schriftsteller Liričeskije i dramatičeskije sočinenija

Bd.: I

St. Petersburg 1857 - 59

XP.o.germ. 1274-9
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10119179-7